

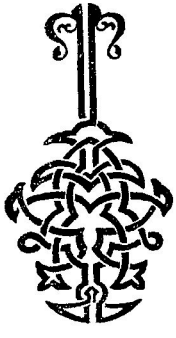
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

EB_1941_AKS_99

Вл. ГОРДЛЕВСКИЙ

ГОСУДАРСТВО СЕЛЬДЖУКИДОВ МАЛОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД

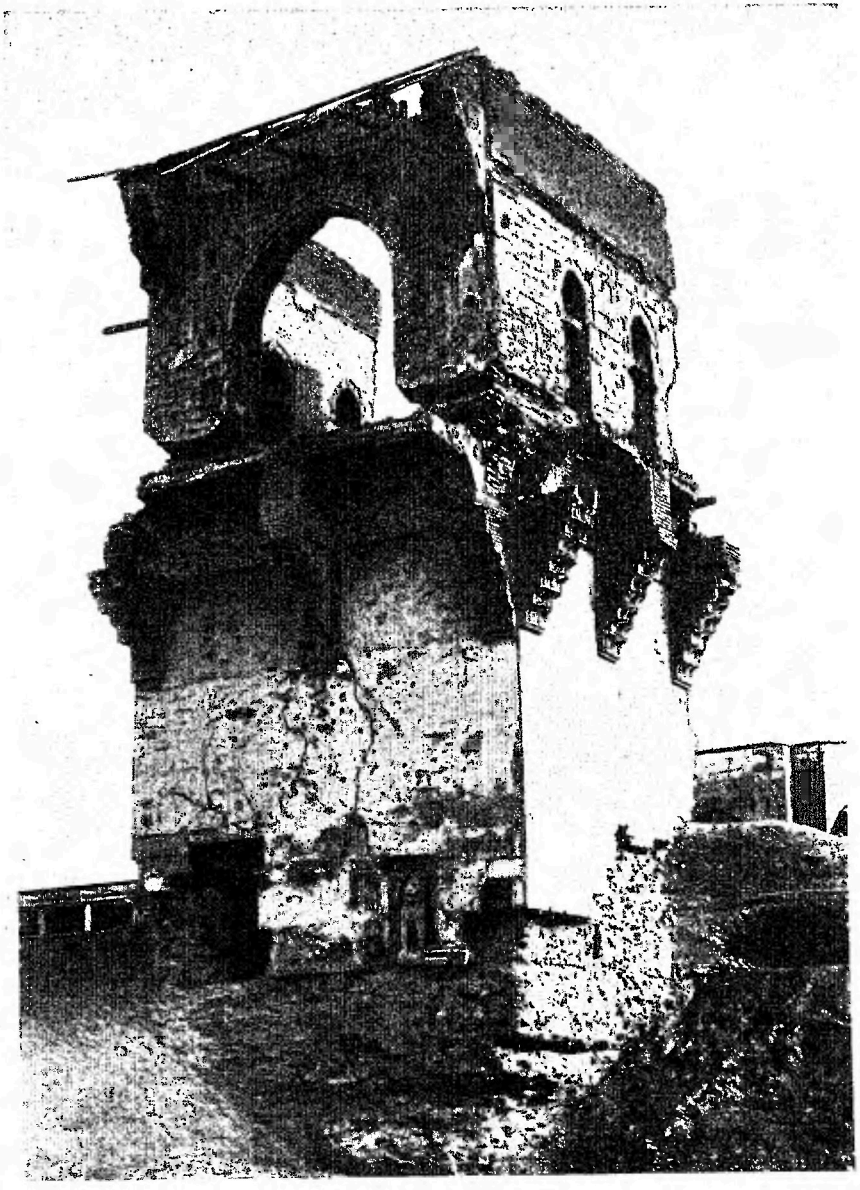
Ответственный редактор: акад. И. Ю. Крачковский

ПАМЯТИ

АКАДЕМИКА В. В. БАРТОЛЬДА

ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ РАБОТУ АВТОР

*

Дворцовая башня („кешк") султана Ала-эд-дина Кей Кубада I (1219—1236 г.). Конья

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мною однажды уже был дан краткий очерк жизни турок, охватывающий период господства династии Сельджукидов Малой Азии;[1] я использовал там отрывки из турецкой хроники, так называемой Ибн-Биби, перепечатанные из издания Т. Хаутсма проф. В. Д. Смирновым в „Образцовых произведениях османской литературы" (СПб., 1903, стр. 2—16).

Вновь занявшись историей Малой Азии — изучением социально-экономической и политической жизни Малой Азии, ее учреждений, общественных группировок и т. д., — я еще раз перечитал исторические тексты, относящиеся ко времени Сельджукидов Рума, и извлек из них материал, развивающий то, что вскользь было высказано мною раньше. Так, несмотря на затруднения как внешние (необорудованность библиотек), так и внутренние (методологическая неопытность), я пытался раскрыть классовые основы государственно-общественного строя Сельджукидов Рума. Насколько это мне удалось, да и удалось ли, судить, конечно, не мне.

Нарушая, быть может, современные требования, я внутреннему анализу предпослал две главы, в которых набросал внешнюю историю государства — сперва расширение его территории, его политический рост и потом упадок, обусловленный нашествием монголов. Я поступил так, исходя из скудости, и не только на русском языке, литературы о Сельджукидах.

Однако этот темный уголок средневекового Востока освещен у меня неравномерно. Взаимоотношения между турками, с одной стороны, и местным населением, греками и армянами, — с другой; борьба за Сирию с Эюбидами, Сельджукиды Рума и хорезмшахи; крестоносцы, вызывающие вопрос, насколько толерантны были мусульмане или фанатичны христиане, точнее — перенесение проблемы из области религиозной в экономическую; египетские Мамлюки; обстановка, сложившаяся в Малой Азии после нашествия монголов, и прежде всего уклад монгольского государства, оказавший решительное влияние на образование государственных, социальных и культурных норм Сельджукидов еще в Средней Азии; внутренняя зависимость Сельджукидов Рума от Великих Сельджукидов; наконец, культура — все это затронуто у меня поверхностно и случайно.

Поскольку под рукой отсутствовал иногда нужный материал, я недостаток сведений об эпохе Сельджукидов восполнял известиями позднейшими, и на это имел, как будто, право.

---

[1] Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазийских Сельджукидов, так называемой хроники Ибн-Биби (Древности Восточные, т. IV).

Феодализм удержался на Востоке до XIX в., частью даже до XX в.; на Востоке жизнь отлилась в закостенелые формы, и старые элементы общественной жизни, иногда темные или неясные, раскрываются в современных пережитках, и аналогия для понимания истории восточных стран приобретает законное значение; она тем более естественна, когда объяснение находится в эпохе, непосредственно следовавшей за той, которая подлежит изучению.

Аналогия, конечно, объясняет, облегчает понимание фактов; однако, как ни убедительна она, в ней исчезает осязательность. Таким образом концепция XII—XIII вв. покрывается у меня налетом модернизации, может быть, даже схематизации.

Общий контур работы был доложен еще 23 октября 1935 г. в Институте востоковедения имени Н. Н. Нариманова. Теперь, когда с момента окончания работы прошло уже около пяти лет, мне самому ясно видны ее несовершенства и, если бы я мог снова взяться за эту тему, я по-иному рассматривал бы и расшифровывал бы первоисточники.

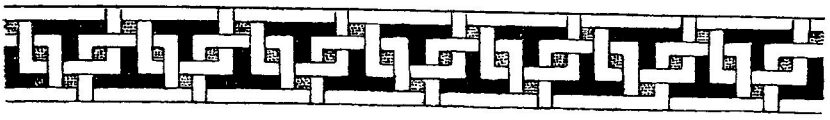
В течение этого времени я иногда вновь пересматривал работу; она дополнена, кое-где подправлена, но, может быть, и перегружена мелочами; все это — уже как бы заплаты на старом платье, разрушающие цельность построения и вносящие даже разнобой суждений.

Для ориентировки в хронологии в приложении дана у меня таблица Сельджукидов Рума, красноречиво говорящая, как тревожно протекала жизнь этой восточной династии.

Оглядываясь назад, я вспоминаю благожелателей, так или иначе старавшихся мне содействовать, и среди них — монх бывших слушателей: В. Д. Аракина, который добывал и даже списывал целые статьи из недоступных мне книг, и Е. Ф. Лудшувейта, хлопотавшего об издании моих очерков, когда об этом подумывал еще Институт востоковедения имени Н. Н. Нариманова.

Я рад также, что мне представился удобный случай поблагодарить акад. И. Ю. Крачковского за его неизменное дружеское сочувствие научным начинаниям.

Москва
Август 1940 г.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ ПО ИСТОРИИ СЕЛЬДЖУКИДОВ МАЛОЙ АЗИИ

Ибн-Биби и Яваджи-оглу Али. — Аксараи. — Афляки. — Ибн-Баттута. — Христианские историки. — Эпиграфика. — Археологический материал. — Материальная культура. — Топонимика. — Труды М. Фуада Кёпрюлю. — Мюкримин Халиль. — Изучение Сельджукидов в СССР.

Для истории Сельджукидов Рума первостепенное значение представляют хроники, персидская и турецкая, изданные голландским ученым Т. Хаутсма.[1]

Автор хроники, составленной на персидском языке, занимал высокое положение — он был эмир; однако имя его (эмир Насир-эд-дин-Яхья) было вытеснено прозвищем по матери, должно быть, пережившей мужа; так сохранила литература странное сочетание „Ибн-Биби" (сын госпожи-матроны).[2]

Ибн-Биби выполнял поручение, возложенное на него монгольским государственным деятелем, историком Ала-эд-дином Ата-Маликом Джувейни.

Хроника Ибн-Биби,[3] „апологета Сельджукидов",[4] охватывает события от междоусобной брани сыновей Кылыч-Арслана II, раздробившего в 1188 г. государство на уделы, и до правления султана Гияс-эд-дина Месуда II (с 1282 г.), т. е. охватывает приблизительно столетний промежуток времени.

---

[1] Th. Houtsma. Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, vol. III, Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Leyde, 1902 (турецкий текст); vol. IV, Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'Abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Leyde, 1902 (персидский текст; в дальнейшем цитируется: Ибн-Биби, IV).

[2] В Ахалцыхе слово „bibi" означает „сестра мужа или жены".

[3] В мечети Ая-Софья (теперь обращенной в музей) был обнаружен уже Халиль-Эдхемом полный текст персидской хроники (№ 2985); полный текст был и у Али Эмири, (عثمانلی ولایات شرقیه‌سی استانبول ۱۹۱۸ ص ٥٠ ن); там, несомненно, нашлись бы также детали для обрисовки эпохи Сельджукидов. Издание этой рукописи подготовлял Немецкий археологический институт в Стамбуле (см.: P. Wittek. Der Islam, Bd. XX, p. 202, not. 1); издание должно было состоять из двух томов: перевод персидского экземпляра и дополнений из полного текста и комментарии [см.: H. W. Duda. Zur Geschichtsforschung über die Rum-Seldschuken. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (Z. D. M. G.), N. F., XIV (1935), pp. 12—20]. Из газеты „Ulus" (1936, № 5481) видно, что „Историческое турецкое общество" в Анкаре печатает фототипическим способом рукопись Ибн-Биби.

Прежде авторство персидской хроники приписывалось Равенди (начало XIII в.), см.: Th. Houtsma. Recueil..., vol. III. — В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900. — Он же. Очерк истории туркменского народа. Сборник „Туркмения", т. I, Л., 1929, стр. 32.

[4] Cl. Huart. Epigraphie arabe de l'Asie Mineure. Paris, 1895, p. 19, not. 1. (Оттиск из „Revue Sémitique".)

Родители Ибн-Биби переселились в Малую Азию после 1231 года[1] — года смерти Джеляль-эд-дина хорезмшаха; написана хроника между 1282 и 1285 гг.; сколько лет было автору, когда он взялся за перо, неизвестно. Во всяком случае, так как его родители — отец, Меджд-эд-дин Мехмед Терджуман, султанский секретарь и дипломат, и мать, Биби Мюнеджжимэ, астролог, — вращались в придворных кругах, автор мог видеть и знать многое. В хронике он, например, заявляет, что слышал об антифеодальном восстании Баба-Исхака (1241 г.) „из достоверных уст"; он ссылается на очевидцев, участников походов или приближенных султана. А по мере того, как он подходит к монгольской эпохе, он как бы переживает ужасы и страхи двора, ему передается волнение окружающей среды. Но датировка событий у Ибн-Биби иногда сомнительна (он упоминает о царе Левоне II, когда в Малой Армении был уже Хетум I; ошибочны у него даты смерти султанов и т. д.).

И по происхождению своему, и по личным связям он находился в условиях, благоприятных для хрониста.

Конечно, хроника отражает интересы верхушки феодалов. Ибн-Биби втянут в борьбу феодальных группировок;[2] так, излагая историю трех братьев, детей султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II, он утрачивает равновесие, ему трудно сохранить беспристрастие, когда налицо три феодальные группировки, отбивающие друг у друга власть. Широта политического горизонта у него отсутствует.

Ибн-Биби писал хронику после нашествия в Малую Азию монголов, низведшего Сельджукидов на положение вассалов, когда среди феодалов обозначились две ориентации: одни (во главе их находился сперва и везир Муин-эд-дин Первана) тяготели к монголам; однако старые феодалы, сохранявшие еще, быть может, огузские предания, мысленно обращали взоры ко времени султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I и всячески его идеализировали. Ибн-Биби, очевидно, поддался настроениям национальным — противников монголов.

Сын своей эпохи, воспитанный на феодально-теократических идеях, Ибн-Биби подчеркивает, как неисполнение советов старых слуг отца или казнь кадия навлекают на султана беды (неудачный поход, трехлетний голод).

Он восхваляет Муин-эд-дина Первана и хочет снять с него обвинение в убийстве султана Рукн-эд-дина Кылыч-Арслана IV.[3]

И хотя о социальном укладе Ибн-Биби говорит скупо, все же в хронике раскрывается феодальная структура государства Сельджукидов Малой Азии.

Персидский эксцерпт из персидского оригинала хроники Ибн-Биби в XV в., т. е. в османскую эпоху, подвергся обработке: Языджи-оглу Али,[4]*

---

[1] Краткая биографическая заметка об Ибн-Биби (перевод из персидского эксцерпта) приведена у Хаутсма (Recueil, vol. IV, pp. VII—IX). — См. также „Encyclopédie de l'Islam", II, 392.

[2] خليل ادهم، قيصريه شهرى، استانبول ۱۳۳۴ ص ۹۳

[3] Ибн-Биби, IV, 320.

[4] Имя его значится, очевидно, в рукописи, обнаруженной в Стамбуле в библиотеке дворца Топкапу. Рукописи Языджи-оглу перечислены Виттеком [в рецензии на: Fr. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke (G.O.W.). Der Islam, XX, p. 202]. — Лейденская рукопись Языджи-оглу Али, описанная д-ром Kuenen'ом, замечена была уже Т. Нёльдеке. Вскоре после этого на нее обратил внимание и В. Бернауэр (1827—1890), интересовавшийся староосманскими произведениями. В Государственную публичную историческую библиотеку в Москве каким-то образом попала копия этой рукописи (очевидно, им и переписанная в 1862 г.). — Как видно из незаконченного наброска, Бернауэр предполагал „подробно описать ее и снабдить историческими

придворный панегирист, составил для султана Мурада II на турецком языке историю малоазиатских Сельджукидов.

Как установил Виттек, Языджи-оглу Али был один из знаменитой писательской троицы XV в.: брат Мехмед Биджан сочинил простыми турецкими стихами „Жизнь пророка Мухаммеда" — „Мухаммедие", обошедшее тюркско-мусульманский мир; брат Ахмед Биджан, шейх, изложил суфийское учение — „Светоч возлюбивших божество" انوار العاشقين.

Историк-националист Языджи-оглу Али труду своему дал заглавие „Сельджук-намэ" (سلجوق نامه) или, чаще, „Огуз-намэ" (اوغوز نامه), протянув, таким образом, нити от османских султанов, через Сельджукидов, к легендарному предку Огузу.

Националистические тенденции сильны были в Турции в течение XV в. Придворная жизнь османских султанов, как она описана иностранными (западноевропейскими) наблюдателями, сохраняла еще старые кочевые навыки. Османские султаны, носители турецкой идеи, чувствовали близость к Сельджукидам и всячески старались это показать. Так, например, султан Мехмед I дочери своей дал имя Сельджук-хатун:[1] Сельджук было любимое женское имя.

Но и в XVI в., когда Ахмед Феридун собирал „Грамоты султанов" (منشآت السلاطين), он включил туда, между прочим, и поддельный[2] акт о присылке Сельджукидом — Ала-эд-дином Кей-Кубадом III — султану Осману знаков власти, т. е. акт о признании его законным наследником и преемником Сельджукидов.

Так давно уже сознавалась мысль о внутренней связи между государствами османских султанов и Сельджукидов.

Труд Языджи-оглу Али — не перевод из Ибн-Биби, как думали раньше, а переделка персидских хроник Ибн-Биби и Равенди, приправленная вставками редактора, который использовал, может быть, и еще какие-нибудь источники (у него иногда идет речь о фактах, неизвестных Ибн-Биби).

Языджи-оглу Али поет панегирик султану Мураду II и, описывая Сельджукидов, он заимствует иногда краски из современной ему жизни двора.

Впоследствии (1600 г.) Сейид Локман произвел из истории Языджи-оглу Али эксцерпт, использованный в XIX в. финляндским ученым Лагусом.[3]

Турецкий филолог Неджиб Асым Языксыз (ум. в 1935 г.) еще до мировой войны приступил к изданию Языджи-оглу Али по рукописи, хранящейся в библиотеке дворца Топкапу, но печатание, в типографии морского министерства, скоро приостановилось.[4]

И Аксараи, пока неизданный, тоже объяснил бы многое из истории Сельджукидов после монгольского нашествия.

пояснениями". Для этого он вел большую подготовительную работу, делал во время пребывания в Стамбуле в 1869 г. выписки из Мюнеджжим-баши, Хаджи Хальфы и др.

[1] Fr. Taeschner. Beiträge zur frühosmanischen Epigraphie und Archäologie. Der Islam, Bd. XX, p. 149.

[2] См. подробно о приемах Ахмеда Феридуна статью Мюкримина Халиля в „Tarihi osmanî encümeni mecmuasi", №№ 63—77 и сл.

[3] Seid Locmani ex libro Turcico qui Oghusname inscribitur excerpta primus edidit, latine versit, explicavit Jac. Joh. Wlh. Lagus. Helsingforsiae, 1854.

[4] Из турецкой обработки Языджи-оглу Али, еще по изданию Ш. Шефера от 1891 г., сделал выборки П. М. Мелиоранский в статье „Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII вв." („Византийский временник", т. I, 1892, стр. 613—640), но комментировка текста слабая.

Труд Керим-эд-дина Аксараи сочинен в 723 г. х. (1323).[1] Впервые В. В. Бартольд привел существенные выдержки из Аксараи (хотя имя историка ему было еще неизвестно).[2]

В четвертой главе автор говорит об эмирах, везирах, должностных лицах, а также о бунтах турок, т. е. огузских племен, насколько он наблюдал все это во время службы в „диванах". Как заметил Ф. Кёпрюлю, у него есть подробности, о которых Ибн-Биби молчит.

Как человек образованный (он пишет по-персидски), т. е. принадлежащий к классу людей имущих, Аксараи, конечно, тоже дает освещение пристрастное. Случайно или сознательно захвачен он был восстанием — неизвестно; по крайней мере, потом он старался всячески отмежеваться от него, а в хронике он подчеркивает, что „не посягнул на имущество в различных местах".

Участник восстания, разыгравшегося в дни его молодости, он передает сведения о протестах против феодального строя, шедших с окраин — от приграничных беев огузских племен, не сознавая всей социальной значимости событий. „Едва ли характеристика (султанов, везиров и их подчиненных), — как правильно пишет В. В. Бартольд, — составлены с полным беспристрастием".[3]

Значительное дополнение вносят записки-воспоминания мевлеви Афляки „Жизнеописания мистиков", т. е. настоятелей ордена мевлеви в XIII—XIV вв., переведенные К. Хюаром.[4]

Как явствует из надгробной надписи,[5] Шемс-эд-дин Ахмед Афляки умер в 1360 г. Он получил хорошее образование, т. е. он вышел из состоятельной семьи, с литературными наклонностями. Отец его каким-то образом попал в Золотую Орду и пользовался как будто большим весом во дворце; в Сарае он и умер, оставив после себя библиотеку,[6] и здесь — одно из указаний на пути давнишнего проникновения старых рукописей в Поволжье.

Родом из Ирана (из Тебриза), может быть, и не турок (литературным языком для него был язык персидский), Афляки выполнял высокую миссию, возложенную на него Амиром Арифом, руководителем ордена мевлеви. Он писал в первой полонине XIV в., и то, что случилось сто лет назад, — история основателя ордена, Джеляль-эд-дина Руми, — у него подернуто дымкой фантастичности, он сообщает иногда явный противоестественный вздор: Джеляль-эд-дин для него — святой, не похожий на простых смертных, недосягаемый для них. Иранское происхождение, отчасти, может быть, и принадлежность к „мевлеви" — „духовной интеллигенции", — внушает ему полупрезрение к туркам — к турецким низам; для человека его среды турок — синоним глупости, „анатолийская башка", как заявил однажды в Тебризе его сотоварищ.[7] Чем ближе к XIV в., тем сдержаннее речь Афляки: исчезает и живость изложения, как будто, это только конспект или отрывочные, сухие заметки из записной тетрадки.

---

[1] О рукописях см.: F. Tauer. Les manuscrits persans historiques des bibliothèques de Stanboul. Archiv Orientální, t. IV, 1932, p. 93.

[2] В статье: О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира Записки Восточного отделения (ЗВО), т. XVIII, 1908, стр. 0124—0137 (в дальнейшем цитируется: Аксараи).

[3] Турецкий перевод труда Аксараи печатался в 1937 г. в Конье в журнале „Konya mecmuasi".

[4] Aflâki. Manâqib-ul-'ârifin. Cl. Huart. Les saints des derviches tourneurs. Récits, traduits du persan et annotés, t. I—II. Paris, 1918—1922 (в дальнейшем цитируется: Афляки).

[5] P. Wittek. Das Fürstentum Mentesche. Istanbul, 1934, p. 37, not. 3 (сведение взято у М. Юсуфа „Konya asari atika müzesi rehberi". Istanbul, 1934, p. 91).

[6] Афляки, II, 378.

[7] Афляки, II, 379.

Жизнеописания настоятелей ордена мевлеви заключают в себе, однако, любопытные, часто красочные штрихи повседневной жизни Коньи XIII—XIV вв.; конечно, поскольку автор писал уже в XIV в. на протяжении тридцати пяти лет (между 1318 и 1353 гг.), он кое-что и запамятовал; как старик, он живо помнил то, что случилось давно; и, быстро забывая что́ совершалось у него на глазах, он воспроизводил иногда мутно и бесцветно события XIV в. Впрочем, иногда и перспектива у него искажена. В XIV в. город Конья мог пострадать от смут; торговля в городе упала, и все-таки оживление XIII в., сменившееся потом запустением, у него преуменьшено.

Как бы то ни было, ценность замечаний[1] Афляки, бросаемых вскользь, только увеличивается, и повышается историческая значимость его труда.

Для истории первой половины XIV в. сохранились еще показания вдумчивого арабского путешественника Ибн-Баттуты.[2] Он объехал Малую Азию от средиземноморского побережья до Черного моря и до Эгейского моря, и его наблюдения, схваченные налету, представляют большое значение: посторонний человек часто видит то, о чем молчат жители Малой Азии. Ибн-Биби и Афляки пригляделись к обыденному складу жизни, а Ибн-Баттута выпячивает как раз то, что поражает иностранца во время путешествия по Малой Азии.

Афлякн и Ибн-Баттута — современники; оба они захватили одну эпоху, оба они описывают иногда один момент (например, господство в Ладике династни Инандж-бея), и сопоставление их сообщений представляет интерес для понимания этих классово-близких людей.

Хотя и Афляки, и Ибн-Баттута писали в XIV в., т. е. после того как государство Сельджукидов в Малой Азии распалось, примерно лет на пятьдесят позже, чем Ибн-Биби, оба они помогают понять историю предшествующей эпохи. Несомненно, было бы полезно привлечь и А. Астрабади, сочинение которого[3] разъясняет обстановку в Малой Азии второй половины XIV в. Конечно, заслуживали бы изучения также „Письма Джеляль-эд-дина“ Руми — „مكتوبات“ (изданные в Турции в 1937 г.) и „Достохвальные деяния“ — „مناقب“ Сипехсалара (изданные в Индии в 1901 г.).

Источники для истории Сельджукидов Рума полностью еще недоступны, и, может быть, перед исследователем откроются когда-нибудь новые рукописи, хранящиеся в Турции в библиотеках или даже у частных лиц.

Но все это — только небольшая крупица источников. А источники, которые для меня были недоступны, превосходят количественно то, что мною могло быть использовано.[4]

---

[1] Розыски, впрочем, затруднительны, и, может быть, я что-нибудь проглядел у Афляки; поскольку для Хюара — это агиографический материал (важный для понимания мировоззрения суфиев), — он в кратком предметном указателе обошел бытовые (а частью и исторические) мелочи, которыми насыщен труд Афляки. Впрочем, потом (в предисловии ко второму тому) он оценил историческое значение Афляки; см. также статью Хюара в „Journal Asiatique“ (t. XIX, 1922).

[2] Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti. Paris (в дальнейшем цитируется Ибн-Баттута).

[3] بزم و رزم (издано в Стамбуле в 1928 г. Килисли Рифатом); см. теперь о нем работу H. Giesecke.

[4] Перечень сочинений, как рукописных, так частично и печатных, египетских и западноевропейских, дан у Ф. Кёпрюлю: آناطولیده اسلامیت ادبیات: فاکولته سی مجموعه‌سی، ج ۲، ۱۹۳۲، ص ۳۲، ن ۱ ص ۲۱۳—۲۱۸، ۱۹۱۸؛ متصوفلر استانبول ایلك ادبیاتنده تورك; см. также его: Les origines de l'Empire Ottoman. Paris, 1935, p. 23 (кадий Ахмед из Нигде). —

Перечень использованных (частью уже утраченных, как видно из Хаджи Хальфы), сочинений дан Хаммером [Jos. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches (G. O. R.) VII, pp. 545—550]; см. также вышеуказанную рецензию Виттека.

Однако, как ни значительны мусульманские историки, — люди, родившиеся в Малой Азии или окунувшиеся в обстановку страны, как Ибн-Биби, Аксараи, или хорошо информированные, хотя находившиеся вдали, как Ибн-ал-Асир, — все же картина дополняется, а иногда и исправляется христианскими наблюдателями-соседями. Они, быть может, не всегда знают народный язык страны (турецкий) или язык литературный (персидский), но собственные интересы заставляют их внимательно приглядываться к этим туркам, так быстро завоевавшим Малую Азию.

Христианские писатели подробно освещают междоусобную борьбу между турецкими племенами, международные взаимоотношения, сложившиеся в Малой Азии во время крестовых походов, и т. п.

Раннюю эпоху — время I крестового похода — хорошо изобразил армянский хронист Матфей Эдесский.[1] Он жил, может быть, и родился и умер (в 1144 г.) в „благословенном" городе, наполненном воспоминаниями о древлем христианстве. Монах, поклонник Григория, патриарха прозорливца (ум. в 1105 г.), он рассматривал события с точки зрения верующего христианина-монофизита. Матфей Эдесский неудачи крестоносцев объясняет наказанием, ниспосылаемым богом за грехи, за неправедные деяния; бог поражает тех, кто сеет убийства: если Боэмунд, князь Тарентский, пленен Данишмендом — значит, это бог покарал христиан. Однако жизнь берет свое, и когда местное население терпит ущерб от насильников из Европы, он — ненавистник турок, жестоких кровопийц, — допускает мысль об обращении к врагам веры.

Но цифры, приводимые им, часто преувеличены; так, султан Кылыч-Арслан Давуд привел будто бы для обороны Никеи от крестоносцев 600 тысяч воинов; и дальше еще более фантастические числа: 800 тысяч всадников и 300 тысяч пехоты двигается из Хорасана на Антиохию.

Михаил Сириец Антиохийский (якобитский патриарх) захватывает в хронике широкий период истории Сельджукидов — до конца XII в.[2] Он описывает и первые шаги их в Малой Азии — битву при Манджикерте, и здесь сразу раскрывается его лицо: воинствующий христианин, противник Халкедонского собора, к грекам он настроен недоброжелательно, как к хитрым еретикам, и по адресу армян он тоже готов бро-

---

В связи с пребыванием в Крыму Изз-эд-дина Кей-Кавуса II и Рукн-эд-дина Кылыч-Арслана IV, сыновей Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II, В. Д. Смирнов (Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887, стр. 18 и сл.) приводит сообщения об этом из турецких источников (Мюнеджжим-баши, рукопись 6. Учебного отделения восточных языков, и др.).

Директор библиотек при министерстве просвещения, Хасан Фехми Тургал перевел (вторично) под заглавием „Anadolu Selçukileri Müneccimbaşıya göre" (İstanbul, 1936) часть остающейся в рукописи на арабском языке всеобщей истории Ахмед-дедэ Мюнеджжим-баши, „главного звездочета" султана Мехмеда IV (ум. в 1702 г.) جامع الدول; о нем см.: Fr. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927, pp. 234—235.

Есть еще стихотворные источники, значимость которых сравнительно невелика: 1) دستورنامه انوری, изданное в Стамбуле в 1931 г. Мюкриминым Халилем (к нему он написал отдельно „Введение" — „Medhal"); 2) انشمند نامه, — сочинение Ибн-Ала, султанского секретаря: изложение в стихах, по повелению султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I, народных преданий о завоевании Малой Азии (см.: Мюкримин Халиль. Anadolunun fethi, İstanbul, 1934, pp. 58—59). В. Д. Смирнов открыл прозаическое переложение этой истории, см. „Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes" (Записки Восточного отдела Русского археологического общества, т. XVIII, стр. 25 и сл.); там же, на стр. 25 указание на список, находящийся в Парижской национальной библиотеке.

[1] Récit de la première croisade, traduit par E. Dulaurier. Paris, 1850.

[2] Chronique de Michel le Syrien... éditée... et traduite par J.-B. Chabot. Paris. 1899.

сать нелестные эпитеты, да и крестоносцы — вероломны; тем значительнее отзывы его о турках. Алп-Арслан, — по словам Михаила Антиохийского, — потому и победил, что бог слушает тех, кто хочет делать добро: между тем как византийский император Роман Диоген, оттолкнувший от себя армян, грозил, что сожжет Алп-Арслана в огне, Сельджукид, наоборот, хотел проявить милосердие.

Хроника Михаила Сирийца представляет большое значение; он, очевидно, хорошо знал, что происходило в Малой Азии: он говорит и о междоусобных братских войнах на склоне жизни Кылыч-Арслана II (перенесенных потом к себе и Бар-Гебреем); о войнах между Сельджукидами и Византией, раскрывая часто любопытные подробности, ускользнувшие от современников, и т. д. Конечно, и у него встречаются ошибки (так, Сулеймана, сына Кутылмыша, в Малую Азию послал, будто бы, Алп-Арслан, Сулейман княжил в Конье и т. д.).

Вообще же писатели, как христианские, так и мусульманские, находятся на одном уровне, умственном и нравственном; только армяне и сирийцы, быть может, были терпимее настроены к туркам, чем византийцы, они более искренни, чем византийцы. Кичась утонченностью образования, византийцы насилуют себя, когда принимают „скуластого урода", как отзываются они о султане Кылыч-Арслане II.

Общность взглядов христиан и мусульман, исходящая из узкого преклонения перед собой, опять проступает наружу, когда на Малую Азию нагрянули монголы; и армянские историки (инок Магакий, Киракос), и араб Ибн-ал-Асир, пораженные ужасами монгольских бесчинств, видят в монголах библейских мучителей.

Летописи грузинские[1] технически стоят выше, чем бесхитростные армянские или сирийские хроники; но слог у них напыщенно-цветистый, и речи возбуждают подозрения. Впрочем, для тех периодов, когда между Сельджукидами и царицей Тамарой и ее преемниками возникали чаще враждебные, а иногда и дружеские отношения, т. е. для первой половины XIII в., там может быть почерпнут полезный материал. Переводя их на французский язык, Броссэ допускает иногда ошибки: так, термин „Рум" у него передается „Grèce", под „Orthoul" понимает он „Ортокида", а не искажение ли это слова „Тогрул"?

Эпиграфика малоазиатская еще молода, однако историк Сельджукидов Рума может и ее уже использовать.

Поклонники иранской культуры, Сельджукиды редактировали надписи на общественных зданиях на арабском языке.

Ш. Тексье впервые, кажется, обратил внимание на надписи в Конье, но попытка его найти в городе сведущих лиц для истолкования была, как он пишет, тщетна. Положение изменилось только в конце XIX в.

Хороший представитель образованного дипломата, отдающего досуги науке, Кл. Хюар (1854—1927), который закончил жизнь в „Ecole des langues orientales vivantes", во время поездки по Малой Азии еще до открытия железнодорожного сообщения подобрал по пути в Конью надписи, освещающие историю Сельджукидов Рума, и старый его очерк (1895 г.)[2] сохраняет значение как первый общий обзор эпиграфического наследства на территории государства Сельджукидов.

Подражая примеру старшего товарища, французский консул Ф. Гренар кое-что сделал для Сиваса.

---

[1] M. Brosset. Histoire de la Géorgie, traduite du géorgien. Première partie, St. Pétersbourg, 1849.

[2] В „Revue Sémitique", где вскоре нашли место и надписи, собранные Э. Блошэ.

Лет через десять немецкий консул в Конье Лёйтвед (умер в Сирии во время империалистической войны 1914—1918 гг.), сопровождаемый местным знатоком края, Абдюлькадиром Хамди-задэ, обошел старые кладбища города и собрал надписи, но его эпиграфический очерк[1] почему-то плохо известен.

Все-таки это были небольшие случайные этюды. Планомерное собирание и обследование малоазиатских надписей взял на себя швейцарский ученый Макс фан Бершам (1863—1921).

Макс фан Бершам, „основоположник мусульманской эпиграфики", — как выразился о нем М. Фуад Кёпрюлю, — начавший, впрочем, ученую карьеру исследованием о земельной собственности и поземельном налоге во время первых халифов, в 1910 г. решительно передвинулся в Малую Азию. В эпиграфико-искусствоведческой монографии об Амиде, написанной совместно с Йозефом Стржиговским, Макс фан Бершам издал и подверг анализу надписи, сфотографированные генералом de Beylié.[2] Если раньше изучение малоазиатских надписей подсказывалось со стороны (в 1899 г. — фон Оппенгеймом, в 1907 г. — К. Леманн-Гауптом), третья часть монументальных материалов для корпуса арабских надписей посвящена уже, собственно, Малой Азии.[3] Здесь встретил он активную помощь со стороны директора музеев в Стамбуле, Халиля Эдхема (Эльдема, ум. в 1938 г.).

За первым выпуском, заключающим надписи из Сиваса и Дивриги (во втором выпуске одни только поправки и указатели), должно было последовать продолжение: у Макса фан Бершама были собраны и подготовлены к печати надписи из Коньи, Нигде, Токата, вероятно, еще и из других городов. Во время первой империалистической войны издание было отложено, как он пишет, „до лучших времен", а потом смерть оборвала многолетний труд.

Издатель текстов, вводящих в историю Сельджукидов Малой Азии, Т. Хаутсма, рецензируя первый выпуск, указал на многообразное значение труда, затрагивающего проблемы и хронологические, и этнографические, и культурно-исторические.

По стопам Макса фан Бершама пошли и турецкие ученые. Эпиграфический материал (статьи Халиля Эдхема, Ахмеда Тевхида и др.) публиковался на страницах журнала „Исторического турецкого общества", основанного в 1910 г., вскоре после младотурецкой революции.

Сотрудник Макса фан Бершама, Халиль Эдхем, изучив на месте постройки и надписи, выпустил в 1918 г. монографию о Кайсери, заключающую прекрасные экскурсы в историю Сельджукидов.[4]

После установления в Турции кемалистского режима Мюбарек-Галиб задумал вскоре издание корпуса малоазиатских надписей; впрочем, эти монографии (об Анкаре — Мюбарек-Галиба, о Сивасе — Рыдван-Нафиза

---

[1] J. H. Löytved. Konia. Inschriften der seldschukischen Bauten. Berlin, 1907.

[2] Max von Berchem — Josef Strzygowski. Amida. Heidelberg, 1910, p. 99, not. 1, 3.

[3] Max von Berchem. Matériaux pour un Corpus inscriptionum arabicarum. Troisième partie. Asie Mineure par Max von Berchem et Halil Edhem. Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, t. XXIX. Le Caire, 1910—1917.

[4] قيصريه شهرى مبانى اسلاميه و كتابه‌لرى، سلجوق تاريخندن بر قطعه اون آلتى عدد لوحه‌يى حاويدر استانبول ۱۳۳۴ — Насколько я могу судить по одному, номеру журнала „Konya", присланному в Москву, там, на ряду с компиляциями, помещался и материал первостепенной ценности.

и Исмаила-Хаккы, о Кастамону — М. Бехджета, Хюсейн Хильми — надписи в Синопе и др.) построены различно: отсутствует единый твердый план; но опубликованный эпиграфический материал представляет большую ценность.

На первом месте стоят, конечно, труды проф. Исмаила Хаккы (теперь Узунчаршылы) — монография о Кютахье, Афьон-Карахисаре, два тома надписей и др.

Частью использовал я и монографии о малоазиатских городах, находившихся на территории государства Сельджукидов.

Краеведческая литература (описание малоазиатских городов), получившая большое развитие со времени утверждения кемализма, вероятно, тоже могла бы пополнить представление о Малой Азии Сельджукидов.

Есть еще археографический материал, но для того чтобы найти его, требуется большое умение и длительное старание.

О документах Сельджукидов, между прочим, о *μουσούριον*, т. е. о „меншурах", как удачно исправляет Ф. Бабингер, — говорят и византийские писатели: Никита Акрополит и Никита Акоминат. Молчавший, боясь, очевидно, навлечь неудовольствие султана Абдул-Хамида II, директор „Оттомаиских музеев" Халиль Эдхем хорошо понимал значение вакфие.

Макс фан Бершам писал: „Сохранившиеся в Малой Азии вакуфные документы (actes de fondation) доселе не разыскивались. Они понемногу рассеяны всюду и находятся на руках мютевелли, простых крестьян и даже женщин. Написанные часто на пергаменте и представляющие длинные свитки, эти автентичные документы, оригиналы или старые копии, дадут уразумение ряду проблем, разрешение которых было бы тщетно искать в другом месте". Печатая первый выпуск малоазиатских надписей, издатели уже располагали тремя фотографиями вакфие для благотворительных учреждений Сиваса, Дивриги [и Токата].[1]

Впрочем, имеются два документа, смыкающие начало и конец господства Сельджукидов в Малой Азии.

В сборнике, составленном в XVI в. хранителем дворцового архива в Иране Абдул-Касимом Ив-оглу Хайдаром, есть (вероятно, и не обращенная к Малой Азии) грамота Великого Сельджукида Алп-Арслана[2] (1064—1072), который, разгромив византийского императора Романа Диогена, открыл в Малую Азию дорогу огузским племенам. Насколько достоверна эта грамота — не знаю (вероятно, она апокрифична). Во всяком случае, „официальный" отказ Сельджукида Ала-эд-дина Кей-Кубади III от власти в пользу османского султана Османа представляет историческую фальсификацию.[3]

Грузинские летописи приводят еще витиеватое послание султана Рукн-эд-дина к царице Тамаре,[4] но, очевидно, это — апокрифический документ, сфабрикованный религиозно настроенным человеком, который хочет вызвать отвращение к исламу.

В сокровищнице исстари — и на Востоке, и на Западе — складывались государственные документы, международные акты и договоры; это

---

[1] Max von Berchem et Halil Edhem. Asie Mineure, p. 91, not. 1; pp. 37, 38, 107—108.

[2] В. Бартольд. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. История архивного дела классической древности, в западной Европе и на мусульманском Востоке. Пгр., 1920, стр. 383.

[3] Могли бы обнаружиться документы еще в официальных письмовниках, — в „инша", см., например, грамоту султана Великих Сельджукидов Санджара (Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М. — Л., 1939, стр. 315).

[4] M. Brosset. Histoire de la Géorgie, p. 463.

обеспечивало сохранность их. Для обозначения архива, естественно, и употреблялся термин „казна".[1]

В государственной сокровищнице Сельджукидов, как сообщает и Языджи-оглу Али, хранились государственные акты, как то: договоры, клятвенные обязательства и т. д.,[2] но они легко пропадали во время смут и волнений, когда мятежники бросали и уничтожали ненужные им бумаги.

„Дефтери" (писцовые книги), „меншур" (жалованные грамоты), „вакфие" (дарственные записи) дали бы реальное суждение об экономике — о ленах, об их объеме и обязанностях вассалов; но архивы „диванов" погибли уже во время первого монгольского нашествия в Малую Азию, и об отдаленных эпохах, когда хозяйственный документ закреплялся на глиняной табличке, представления значительно полнее и яснее, чем о времени Сельджукидов.

Систему управления у Сельджукидов, по аналогии, могли бы разъяснить законы, документы османской эпохи, воспроизводящие часто старые порядки.

С этой стороны не безинтересны и современные акты и рекомендательные письма, исходившие от настоятелей теккэ орденов, потому что долго — вплоть до империалистической войны 1914—1918 гг. — дервишеские организации, сосредоточившие у себя большие земельные участки, поддерживали регламент феодального строя.

Афляки уже в XIII в. хорошо подметил тот чин, который опутал быт феодалов, и, кажется, непрочь был установить его для дервишей. По крайней мере, в мемуарах он пишет, что когда шейхи-суфии, собравшись однажды у Садр-эд-дина Коневи, рассуждали о сокровенных мыслях Джеляль-эд-дина Руми, хозяин воскликнул: „Если бы Баязид Бистами и Джунейд были живы, — они носили бы на плечах попону лошади сего мужа!"

На дервишеской обрядности (например, у мевлеви) замечаются часто отзвуки султанского церемониала; это и естественно, потому что дервишеские организации состоят из духовных феодалов.

Словом, в архивах Высокой Порты (в Стамбуле), в дирекции рукописных библиотек (в Анкаре), в вакуфных управлениях малоазиатских городов находятся необозримые собрания документов. Там лежит ключ к пониманию истории Малой Азии доосманского периода.

До турецкой революции 1908 г. эти архивы, находившиеся в хаотическом состоянии, были закрыты для исследователя; теперь часть документов (между прочим о турецких кочевниках в Малой Азии) извлечена и опубликована историком-археографом Ахмедом Рефиком (ум. в 1937 г.), и это — большая его заслуга; документы объясняют положение турецких племен в XII—XIII вв.[3]

Археографический материал стоит уже в поле зрения турецких исследователей; вакуфное управление выпускает даже специальный сборник; однако все то, что пока издано, освещает только историю Турции — ее султанский период.

Проф. Исмаил Хаккы Узуничаршылы, интересующийся внутренней жизнью малоазиатских княжеств, возникших на развалинах государства Сельджукидов, производит розыски старых документов; но он сумел

[1] В. Бартольд. Хранение документов, стр. 3.

[2] Языджи-оглу Али, III, 137: سوكندنامه تمام اولوب خزانه‌يه التدلر.

[3] Ahmet Refik. Anadoluda türk aşiretleri (966—1200). İstanbul, 1930 (в дальнейшем цитируется: Ахмед Рефик). Несмотря на кажущееся однообразие и их субъективный отбор, в них раскрывается удручающая картина все более и более усиливающейся хозяйственной дезорганизации государства; виной тому, как думало правительство, были кочевники, мешавшие мирному труду селян.

обнаружить пока только документы XIV, больше XV в. — вакфие беев Караманского княжества.

В журнале „Konya" (1936, № 2, стр. 127—128) напечатано было, в турецком переводе, резюме вакфие Джеляль-эд-дина Каратая; издан документ, впрочем, небрежно: не указан ни год составления дарственной записи, ни место ее нахождения.

Остается одна надежда на директора музея в Конье М. Юсуфа, который для труда о местной истории использует надписи и документы, сохранившиеся в архивах.[1]

В архивах городских итальянских республик, которые вели оживленную торговлю в Малой Азии, конечно, могли бы найтись документы эпохи Сельджукидов (например торговые договоры); но это только теоретические предположения. Во всяком случае, в архивах Венеции, недавно обследованных большим знатоком архивного материала, венгерским ученым L. Fekete,[2] наиболее ранние турецкие документы, насколько можно судить, относятся ко второй половине XV в. — ко времени султана Мехмеда II.

В главе, посвященной пережиткам старого родового строя у Сельджукидов, мною использован „язык земли" — топонимика; и проф. М. Кёпрюлю[3] обратил уже внимание на важность топонимических исследований.

От „слов" (Worte) — от документов — переходит интерес к вещам (Sachen) — к материальной культуре, как к конкретному показателю частного и общественного уклада жизни в эпоху Сельджукидов. Этот интерес захватывает в Турции уже и провинцию, и не только бывшую столицу Сельджукидов Малой Азии: в Нигде вещественные памятники сосредоточиваются в „Акмедресе" — медресэ, превращаемом в музей. В медресэ Сахабие в Кайсери, построенном Сахиб-ата (Сахиб Али Фахр-эд-дином) и реставрированном в 1937 г., собираются также вещественные памятники эпохи Сельджукидов (надписи, фризы и т. д.). Конечно, это еще первая стадия — стадия „первоначального накопления".

В области нумизматики большой вклад еще до революции внесли турки: Галиб Эдхем, описавший коллекции сельджукидских монет, хранящихся в стамбульских музеях, А. Тевхид (ум. в 1940 г.), Халиль Эдхем.[4]

Старые путешественники открыли памятники эпохи Сельджукидов, которые вскоре — то ли от времени, то ли от невежества — утратили первоначальный вид или исчезли. Среди них первое место занимает, пожалуй, Ш. Тексье, побывавший в Малой Азии в 30-х годах XIX в. Благодаря энергии султана Махмуда II, уничтожившего янычар, благодаря счастливым переменам, происшедшим в отношениях населения к иностранцам, как пишет автор, он мог в течение ряда лет объехать страну, встречая всюду содействие властей, между тем как прежде путешественники (Fellow, Arundell) ездили под защитой двухстволок и, возвращаясь, рассказывали об ужасах.

Монументальные памятники (мечети, медресэ, караван-сараи и т. д.), когда-то открытые для науки французами, теперь снова усиленно обсле-

1 Директор музея в Конье М. Юсуф подготовляет труд о мусульманских памятниках, находящихся в вилайете, который должен осветить местную историю, см. „Belleten" (орган Общества турецкой истории в Анкаре), I, 1937, 56, прим. — Вакуфный материал использовал в четырехтомной „Истории Амасьи" Х. Хусам-эд-дин (ум. в 1938 г.).

2 См. „Leveltari Közlemenyek", IV, 1926.

3 تركيات مجموعه‌سى ج ۱ ص ۱۹۴.

4 Конечно, и нумизматика иногда вносит путаницу (см., напр.: Халиль Эдхем, Asie Mineure, p. 95). Хронологические неувязки и несогласованности наблюдаются и у П. Виттека, автора тщательной монографии о Ментешэ.

дуются Французским археологическим институтом в Стамбуле — его директором А. Габриэлем.

Изучение памятников эпохи Сельджукидов в Малой Азии (поставленное Фр. Зарре) позволило искусствоведу А. Габриэлю, автору историко-археологических трудов, определить специфические черты сельджукидской архитектуры; об этом он говорил на II историческом конгрессе в Стамбуле (в 1937 г.).

На этом же конгрессе профессор-антрополог Шевкет Азиз Кансу пытался доказать единство антропологического типа сельджуков и дотурецкого населения Малой Азии; поставив впервые проблему, он рассматривает ее с позиций исконного нахождения, автохтонности турецких племен в Малой Азии.

Для понимания скульптуры — „малого искусства" (Kleinkunst) тоже заложено теперь прочное основание (H. Glück и Fr. Sarre).

Фактический материал, всегда сохраняющий большую ценность, заключается в старых трудах Хаммера и Д'Оссона. И до сих пор еще недоступна часть рукописных источников, использованных ими.

Переворот в истории изучения Малой Азии, с момента появления там турок, произвели труды профессора Стамбульского университета (теперь профессора Факультета языка, истории и географии Анкарского университета и депутата Великого национального собрания), М. Фуада Кёпрюлю, всесторонне затронувшего зачатки истории Малой Азии — доосманского ее периода.[1]

Прежде всего, он вводит свежий материал, неизвестный как на Востоке, так и на Западе. Он по-новому освещает запутанные проблемы истории Малой Азии (социально-экономической, политической, культурной, религиозной, литературной и т. д.), превосходя тонким анализом не только отечественных, но и западноевропейских исследователей. Раздражают только частые ссылки и намеки на труды, которые должны

---

[1] Еще в 1915 г. (в периодическом сборнике ملى تتبعلر) появилась статья молодого ученого, охватывающая различные стороны государственно-общественной жизни Сельджукидов Рума. И после, на страницах университетского органа ادبيات فاكولتة سي مجموعه سى (с 1922 г.), в популярной книге تورکيه تاريخى (вышла в 1923 г. только первая часть, заключающая „Историю турецких народов"), в западноевропейских журналах: Mitteilungen zur osmanischen Geschichte (M. O. G.), Körösi Csoma-Archiv (KCSA), в органе Туркологического института в Стамбуле и т. д. — Ф. Кёпрюлю продолжал исследования о доосманском периоде Малой Азии. И, наконец, в этюде, неудачно озаглавленном „Замечания о влиянии византийских учреждений на османские учреждения" (Türk hukuk ve iktisat tarihi mecmuasi, I, 1931, pp. 165—313, резюме в „VII Congrès international des sciences historiques", 1933, I, pp. 297—302), произведена своего рода сводка того, что им было написано раньше, — сводка, обнаруживающая, конечно, бо́льшую зрелость и глубину, чем это было лет двадцать назад. Опровергая ходячее мнение о влиянии Византии на Османское государство, он попутно раскрывает характер учреждений Сельджукидов Малой Азии. Но, если исключена мысль о непосредственном влиянии Византии в XIV в. на османцев, — трудно предполагать, чтобы, живя бок о бок с греками, турки XV—XVI вв. могли уберечь себя от воздействия инородной культуры, элементы которой восприняты их предшественниками — Сельджукидами Рума. А. Ф. Кёпрюлю хочет все-таки ограничить объем и размеры позднейшего воздействия греков (см., например, стр. 278). Вообще, поучительный — иногда высокомерный — тон портит хорошее впечатление от чтения трудов крупнейшего современного турколога-филолога, литературоведа и историка. — На „турецкой неделе", происходившей весной 1935 г. в Париже, проф. Кёпрюлю прочел три лекции об истории турок в Малой Азии в XIII—XIV вв. (изданы Французским археологическим институтом в Стамбуле под заглавием „Les origines de l'Empire Ottoman". Avec préface de J. Chariéty. Paris, 1935). Здесь он вкратце популяризует итоги долголетних своих изысканий.

См. „Записку об ученых трудах Кёпрюлю-заде Фуад-бея", составленную В. В. Бартольдом (Известия Академии Наук, 1925, стр 895—898).

подкрепить положения, — ссылки на анонсируемые труды, которые и по истечении десятилетия так и лежат все под спудом.

Давно уже занимающийся историей Малой Азии, доцент Стамбульского университета Мюкримин Халиль выпустил очерк „Завоевание Анатолии“ [1] — введение в эпоху Сельджукидов Малой Азии. Использовав восточные источники, не только печатные, но и рукописные, он дал описание упорного наступления в XI в. туркменских (огузских) племен, руководимых Сельджукидами, на Малую Азию. Поскольку Мюкримин Халиль привлекает новый материал, он вносит в изложение борьбы между свежими полчищами турок и дряхлеющей Византией поправки к византийским историкам и европейским исследователям. Освещение социальных проблем в работе Мюкримина Халиля представляется мне поверхностным. Тем не менее, настойчивость и энтузиазм Мюкримина Халиля побуждают нетерпеливо поджидать продолжения труда, задуманного в четырех частях.

Для турок история Сельджукидов представляет не только научную проблему, но и политико-национальную. Поднимая на II историческом конгрессе в Турции (в 1937 г.) вопрос, „Разве причиной разложения мусульманского мира является сельджукское завоевание?“, — проф. Шемсеттин Гюналтай хочет разрушить старую концепцию, которая утвердилась в Европе со времени Э. Ренана. Он хочет доказать, что Сельджукиды поддерживали шатающийся трон Аббасидских халифов и установили на территории государства социальный порядок, свободу совести и т. д. „Джентльменство турок уничтожило ту жестокость, которую пробудила в крестоносцах пропаганда римской церкви. В течение длительного периода крестоносцы соприкасались с восточной культурой, и это подготовило на западе почву для Возрождения“.

Вообще знание современных трудов, написанных на языках восточных, в частности на языке турецком, является необходимым условием для всякого исследователя истории Малой Азии.

Пробуждается интерес к Сельджукидам и у нас, в Советском Союзе. Однако, взяв тему „Внутреннее устройство государства Сельджукидов“, анонимный автор увлекся схематизмом [2] и не сумел зарисовать реальную, конкретную обстановку, сложившуюся у Сельджукидов Малой Азии, хотя у него и встречаются отдельные правильные замечания (см., например, стр. 1, 24).

На важность изучения этой мусульманской династии обратил внимание и проф. А. Ю. Якубовский, подготовляющий „Очерки по истории Туркмении VIII—XV вв.“ Глава из его труда „Сельджукское движение и туркмены в XI веке“ представляет своего рода введение в историю Сельджукидов Малой Азии, она раскрывает зачатки феодальных отношений, установившихся потом в Малой Азии.

Для истории Сельджукидов, стоявших на перепутье между Востоком и Западом, необходимо еще было бы тщательное изучение источников, хотя бы и поздних, восточно-мусульманских (Ибн-ал-Асира, Абуль-Фиды, Ибн-Халдуна, Дженаби, Хондемира, Мюнеджжим-баши), восточно-христианских (византийских, армянских, сирийских) и западноевропейских — участников крестовых походов, — мемуаров, написанных иногда людьми, лично знавшими Сельджукидов, как, например, Михаил Сириец или Венсан де Бовэ (Vincentius Bellovacensis), который записывает то, что слышал от доминиканского монаха — миссионера Симона, и т. д.

---

[1] Türkiye tarihi. Selçuklu devri. I, Anadolunun fethi. İstanbul, 1934.

[2] Səlcuk devlətinin daxili quruluşuna dajir. Bakь, 1930 (издание Азербайджанского Государственного научно-исследовательского института).

Кл. Кэн предлагает произвести выборку, более исчерпывающую, чем это было доселе, — из поздних арабских источников, как Ибн-Шеддад, Бейбарс Мансури и др., бросающих свет на послемонгольский период истории Сельджукидов.[1]

Требования, предъявляемые теперь к тому, кто захотел бы написать историю Сельджукидов Рума, выросли.

И прав проф. Ф. Бабингер, мечтающий о научном содружестве византинистов и тюркологов, направленном на изучение Малой Азии. Я заменил бы только слово „тюркологов" словом „ориенталистов", потому что знание одного турецкого языка недостаточно, нужно знание „трех языков", как говорили старые турки.

Традиции Мордтманнов — отца и сына, знатоков Византии и Турции, продолжает П. Виттек, автор монографии об одном из эмиратов Малой Азии, образовавшихся после падения государства Сельджукидов. Сначала сотрудник Немецкого археологического института в Стамбуле, он переселился в Бельгию и создал при Брюссельском университете „Тюркологический семинарий". На Лондонском конгрессе ориенталистов он сделал доклад о византийско-сельджукских взаимоотношениях.

Он занялся географией Малой Азии в эпоху Сельджукидов.[2] Прекрасный анализ безвременья, постигшего Малую Азию в конце XII в., позволяет думать, что ему удастся распутать сложные взаимоотношения между Византией и Конией, установить границы государства Сельджукидов, использовав показания как мусульманских, так и христианских источников. А лекции, которые он прочел в 1936 г. в Сорбонне, представляют, конечно, уже „две главы" — начало задуманной монографии о турках Рума.[3]

Впрочем, отрицая самостоятельное значение Сельджукидов Рума, П. Виттек смотрит на историю Сельджукидов как на подсобную дисциплину, объясняющую историю Византии или Турции.

История Сельджукидов — один из „хаотичных", как выразился недавно проф. Р. Хартманн,[4] периодов истории Малой Азии.

Переиздавая письма из Анатолии А. Д. Мордтманна-старшего, Ф. Бабингер скорбит об очерке политической истории Сельджукидов Рума;[5] он отсутствует, хотя, казалось бы, нумизматика и эпиграфика дают уже прочную основу для хронологической канвы.

Уже Фр. Вилькен заметил (1807 г.), что история султанов Рума так же темна, так же обильна пробелами и столь же запутана, как во времена Дюканжа, т. е. как было в XVII в., и это печальное замечание неизменно повторялось всякий раз, как заходила речь о Сельджукидах Рума.

Ш. Тексье (1845 г.), Лагус (1854 г.), Хаутсма (дважды на протяжении четверти века: в 1883 г., когда оповещал о находке Языджи-оглу Али, и в 1910 г., рецензируя надписи Макса фан Бершама — Халиля Эдхема), Ле-Стрендж (1884 г.), наконец Р. Хартманн (1928 г.) — все жаловались по-разному; все подтверждают, что и в XX в. приговор Вилькена сохраняет силу.

---

[1] Cl. Cahen. Quelques textes négligés concernant les turcomans de Rûm au moment de l'invasion mongole. Byzantion, t. XIV, 1939, pp. 139.

[2] P. Wittek. Von der byzantinischen zur türkischen Toponymie. Byzantion, t. X, 1935, pp. 11—64.

[3] P. Wittek. Deux chapitres de l'histoire des turcs de Roum. Byzantion, t. XI, 1936, pp. 285—319.

[4] В рецензии на монографию П. Виттека о княжестве Ментеше (Orientalistische Literaturzeitung, 1935, p. 320).

[5] A. D. Mordtmann. Anatolien. Hannover, 1925, Vorwort, p. 4.

Все же намечаются теперь большие сдвиги; совместными усилиями с Востока и с Запада понемногу освещается и проясняется забытый уголок истории Малой Азии.

Одним словом, изучение Сельджукидов Малой Азии ширится под разными углами зрения; постепенно собирается материал для монографии, которая должна установить их место в истории „мусульманского Востока" и снять с них обвинения, подсказываемые иногда пристрастием национальных историков, как будто восточные народы — тюрки, монголы — только и разрушали культуру народов, исповедующих христианство.

Однако Введение обещает больше, чем дают у меня отдельные главы, — бледные очерки, часто незакончеиные, обрывающиеся на полуслове, а то и просто уклоняющиеся от постановки вопросов.

Глава I

Турки в Малой Азии. — Экспансия Сельджукидов. — Византия. — Крестоносцы. — Данишмениды. — Грузия. — Движение к морю. — Апогей могущества.

Турецкие племена проникали в Малую Азию задолго до Сельджукидов[1] уже в течение VIII—X вв. Сюда давно устремлялись взоры халифов. Военная зона, отделявшая давно арабов от византийцев, проходила от Антиохии к Мараш и Малатье. Во время халифа Харун-ар-Рашида в этой зоне возведены были укрепления, в Сирии созданы были „военные округи". Переброшенные из Хорасана, турки были поселены на большом пространстве к востоку от Тарсуса и Эрзурума, т. е. в юго-восточной части Малой Азии. Так подготовлено было завоевание Малой Азии Сельджукидами.

Задолго до огузов началась туркизация Малой Азии. Племена: калач, карлуки, канглы, кипчаки давно „осваивали" туземное население страны.

В начале XI в. в Малую Азию вторгаются полчища огузов под командой вождей из рода Сельджукидов. Укрепив города, Византия пытается огородить себя от турок, которые все упорнее и упорнее наступают. Они зажали Византию в тиски сторожевыми приграничными постами — „уджами" (ج), на востоке (Малатья), на юге (Тарсус) и на севере (Эрзурум).

На восточном и западном концах государства византийцы собирали воинственные полчища турок; выполняя обязанности „акритов" — пограничников, ласкаемых властями, — турки защищали страну от набегов кочевников.

Но все это безуспешно: византийские полководцы, неся поражения и сдавая области, отходят на запад, к реке Кызылирмаку. Византия окружена турками не только на востоке, но и на западе — в тылу, и расчеты императоров на турок (печенегов, гузов и др.), служащих

[1] Этимология имени продолжает привлекать к себе внимание и в Турции; так, в журнале „Турецкого исторического общества" „Belleten" (III, 1939, pp. 377—384) напечатана статья венгерского ученого L. Rásonyi, профессора Факультета истории, языка и географии в Анкаре. Исходя из старых источников, автор сначала устанавливает произношение слова „сельчюк". Он предполагает, что на Памире — в северо-западной части его, именно в Каратегине уже в IX в. жили огузы, знавшие ледник „Сельтау" (открытый в 1878 г. Ошаниным). Имя „Сельчюк" могло произойти: 1) или от слова „сель" (ледник) с уменьшительной туркменской приставкой „чюк", 2) или, прямо, топонимическое имя превратилось в личное имя, а потом — в название племени; ср. исторические справки: W. Barthold. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Berlin, 1935, p. 101. — C. Brockelmann. Turan. 1918, p. 403, not. 1. — Новое яфетическое толкование термина у Н. Я. Марра (О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье. М.—Л., 1934 г., стр. 106). — Турки произносят теперь это слово „сельчук", „сельчуки" (Selçuk, Selçukiler). — Бесим Аталай (Türk büyükleri ve türk adları. İstanbul, 1339h., pp. 74—75) приводит из Мехмеда, автора شكائك, форму selçik („сельчик"); в уезде Ушак есть также деревня Сельчиклер.

в византийских войсках, рушатся.[1] Отдельные турецкие племена поддерживают между собой племенную связь; во время встречи они, так сказать, перекликаются между собой: в битве при Малазкирте (в 1071 г.) гузы, т. е. огузы, увидав против себя единоплеменников, изменили византийскому императору Роману Диогену.[2]

Победа при Манджикерте — Малазкирте, нашедшая на Востоке шумный отзвук, передала Малую Азию Сельджукидам. Огузы легко и быстро проложили дорогу в глубь страны, отряды „акынджи" („налетчиков") временами лавинами подступали к Черноморскому проливу, к воротам столицы Византии — Константинополя.

Впрочем, Византия еще раньше должна была итти на уступки Сельджукидам: в 1050 г. византийский император Константин Мономах, благодарный Великому Сельджукиду Тогрул-беку, восстановил в Константинополе мечеть и обеспечил ее причтом.

После разгрома Романа Диогена Византия окончательно почувствовала мощь степняков-огузов.

План расширения государства намечен был уже первым Сельджукидом. Султан Сулейман, сын Кутылмыша,[3] пощаженный Великим Сельджукидом Меликшахом (благодаря заступничеству везира Низам-уль-мулька), был отправлен в Рум. На западе занял он Никею (Изник), в Сирии — Антиохию (Антакью).

Быстрыми военными успехами Сулейман обязан раздорам между византийскими полководцами, которые часто призывали турок к себе на помощь.

„Завоеватель Анатолии", как титулуют Сулеймана арабские историки, господствует над Анатолией, и византийский император Алексей Комнин, заключая договор, отдает ему земли до реки Дракона (в современном вилайете Коджаэли-Измидском).[4]

Подводя итоги исследованию о водворении Сельджукидов в Малой Азии, византинист Лоран заключает, что „в 1081 г. Румский салтанат существовал, столицей у него была Никея, и Сулейман — основатель и первый государь".[5]

Устраиваясь в Никее, Сельджукиды хотели занять дорогу, прервать связь между Константинополем и Малой Азией (и Сирией, куда они сперва направляли взоры).

Воображение христиан надолго было поражено захватом Никеи, — этого живого символа веры, провозглашенного в 325 г. на I вселенском соборе. В средневековых рыцарских романах, наполненных декоративной экзотикой, — давно изображался никейский султан Солиман.

Теперь Сельджукиды прочно осели в Малой Азии. Это уже не кочевники, бродящие с места на место, занятые исключительно поисками пастбищ. Они думают о создании государства, и султан Месуд водворяется в Конье, завоеванной, впрочем, раньше Сулейманом (в 1077 г.): город Конья — столица государства Сельджукидов.

---

1 Об огузах в Малой Азии до Сельджукидов см.: Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. İstanbul, 1918, pp. 205—206, not. 1.

2 В. Розен. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. ЗВО, I, стр. 193. — Ф. Кёпрюлю. Anadoluda islâmiyet, p. 39, not. — См. также: C. Cahen. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes. Byzantion, t. IX, pp. 613—642.

3 П. Виттек почему-то настаивает на чтении „Кутлымыш", но мне это образование неясно.

4 Как сообщает Михаил Сириец (изд. E. J. Chabot, III, 172), турки захватили и Никомедию, т. е. Измид.

5 J. Laurent. Byzance et l'origine du sultanat de Roum, Mélanges Charles Diehl. Premier volume. Paris, 1930, p. 182.

Уже к концу XI в. Византия была беспомощна, ее спасала искусная игра, сеявшая вражду между соперниками. И кто только не думал о том, чтобы занять поскорее ее место! Турецкий пират Чаха, пестун Никифора Вотаниота, хочет напасть (1090 г.) на Константинополь с суши и с моря — у него есть и сильный флот; собственные наместники, как, например, Григорий Таронит в Трапезунте, помышляют часто в Малой Азии об измене, подстрекая врагов империи на отторжение земель. Между династиями, быстро мелькающими на престоле, между членами одной династии идет грызня, и претенденты идут на все, чтобы столкнуть и погубить противника; те, кого Византия призывает к себе на помощь — крестоносцы, обращают оружие против нее; в Малой Азии вырастают государственные турецкие образования. Великий Сельджукид, Алп-Арслан, подвигаясь по Малой Азии, успел раздать византийские земли военачальникам — так подчинили они себе в конце XI в. центральную Малую Азию, Армению, Грузию — во власти греков были только приморские города. И все это — враги Византии, все они хотят оттеснить греков, и тем в конце концов облегчают Сельджукидам внедрение на территории Византии.

Почему Сельджукиды, так быстро и победоносно прокатившиеся через Малую Азию, задержались в Никее? Или иссяк временно приток свежих сил из Хорасана? Или они встретили здесь отпор со стороны византийских военачальников, понявших, что занятие Константинополя положит конец государству? Или Малая Азия нужна была Сельджукидам только как заслон на западе, а взоры их были устремлены сначала на юг — на Иерусалим? Или смутны были еще для них планы о мировой торговле, о мировом господстве, развернувшиеся потом, в первую половину XIII в.?

Вероятно, действовало здесь все разом. Во всяком случае „тюркская опасность" была реальна. Византия переживала критический момент, и послание императора Алексея, обращенное к папе, представляло не одно из слезливых риторических упражнений, на которые так охочи были византийцы, — в этом послании ясно раскрывается осознанная государством угроза. Крестовые походы отвели руку Сельджукидов от столицы Византии; падение Константинополя было уготовано Византии преемниками Сельджукидов — османскими султанами.

Сначала Византия думала только об опасности, грозившей ей с востока — со стороны Сельджукидов. Преодолевая отвращение к Западу, византийский император Алексей I Комнин обратился (в 1094 г.) к папе Урбану II и к нему взывал о помощи против Сельджукидов. Душевное состояние императора нашло яркое отображение в полуапокрифическом послании к Роберту Фландрскому: „Святейшая империя христиан, — писал император, — сильно утесняется печенегами и турками (т. е. со стороны Европы и со стороны Азии). Мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников".

Запад, обуреваемый перед I крестовым походом религиозным пылом, охотно откликнулся на стоны отчаяния, несшиеся из Византии; втайне он мечтал обратить схизматиков в лоно римской церкви. Вскоре, однако, пыл паломничества остыл, у крестоносцев взяли верх грабительские инстинкты: основным ядром крестоносцев были или бедные рыцари, „sans avoir", обездоленные на родине, или безземельные крестьяне, обреченные у себя на нищету; их гнала на Восток не столько мысль о гробе господнем, плененном безбожными „сарацинами", сколько надежда на земное благополучие, утерянное в Европе. И толпы крестоносцев двигались на восток, через Европу, — это были мародеры, грабившие и разорявшие селения. А попав на Восток, рыцари оседали там, в Сирии и в Пале-

стине; разрушая суверенитет государства, они забыли о ленной присяге, которую дали византийскому императору.

Естественно, что Византия, подозрительно встретившая уже первые волны крестоносцев, скоро разочаровалась. Впуская крестоносцев на свою территорию, Византия хотела их руками отобрать у Сельджукидов города Малой Азии, утраченные ею. Но перед крестоносцами носились захватнические планы на Востоке, враждебные Византии.

Явившись на Восток для защиты христиан от „сарацин", крестоносцы своим поведением — насилиями и грабежами — так раздражают в Малой Азии население, что местные князья, забыв о пропасти, которую церковь кладет между христианами и мусульманами, обращаются к туркам и объединенно выступают против крестоносцев. Таким образом на Востоке временно образуется единый блок, направленный против крестоносцев: когда предстоит выбор между крестоносцами и турками, предпочтение туркам отдают часто и армяне, и византийцы.

Турки хотят осесть в Малой Азии, а с запада идут непрошенные гости, — в крестоносцах видят они захватчиков и охотно выслушивают мольбы о помощи против того, кто также и им ненавистен.

Пути Византии и крестоносцев разошлись; охладев друг к другу, они использовали Сельджукидов для достижения диаметрально противоположных целей. Сельджукиды, постигшие извороты дипломатии во время пребывания при дворе византийских императоров, оправились быстро от удара, который был нанесен им I крестовым походом.

Тогда экспансия Сельджукидов сразу натолкнулась на крестоносцев, которые всюду ставили им барьер. Город Никея, молодая столица государства Сельджукидов, занятая Сулейманом, ускользнула из-под их власти, а после поражения у Дорилеума они были отброшены на восток (за Эскишехир). Сопротивление Сельджукидов было сломлено, и крестоносцы прошли беспрепятственно через Малую Азию. Занимая города, они вырезали турецкие гарнизоны, и это — яркая иллюстрация поведения крестоносцев.

Вскоре пала и Антиохия, манившая к себе крестоносцев как „древнейшая кафедра св. Петра": измена одного начальника (армянина), смотревшего на крестоносцев как на освободителей малоазиатского христианства, облегчила крестоносцам взятие города. Потеряв Антиохию, Сельджукиды Рума навсегда должны были отказаться от Сирии.

В тылу образовалось (в 1098 г.) Эдесское княжество — плотина, которая должна была задерживать приток туркменских племен из Хорасана, и князь Эдессы, Балдуин, протягивал руку брату, Готфриду Бульонскому, „защитнику гроба господня" в Иерусалиме, тоже еще недавно (в 1078 г.) завоеванном сыном победителя Романа Диогена, — так Сельджукиды были вытеснены и из Палестины, отошедшей к Фатимидам. А на Средиземноморском побережье появляются западные бароны и закрывают Сельджукидам дорогу к морю.

Зажатые кругом христианами, Сельджукиды легко могли бы быть раздавлены — и для Византии, и для крестоносцев это была помеха, которая сковывала их идеалы, жизненно-реальные и религиозные; во время I крестового похода рыхлое государство Сельджукидов было еще слабо.

Но взоры крестоносцев направлены были на побережье Сирии и Палестины. Придя в Малую Азию для того, чтобы прогнать „сарацин", крестоносцы видят, что, защищая Византию, они наносят ущерб себе. На Сельджукидов смотрят они равнодушно. Перед ними вырастали новые враги-соперники: мусульманские князья из Месопотамии устремлялись также к северной Сирии. Крестоносцы должны были принять

на себя удары и из Египта, отведя от Сельджукидов грозу со стороны сперва Фатимидов, потом Эюбидов. Сельджукидам предоставлен был покой, и они опомнились от ударов.

Политическая мощь Сельджукидов добыта была упорной борьбой. Торжество выросло на близорукой политике их соседей на западе — византийцев и крестоносцев. Преследуя личные интересы, входившие во взаимные противоречия, они укрепили Сельджукидов в Малой Азии, но происходило это, конечно, бессознательно.

Постепенно туркменские феодальные княжества, возникшие в Малой Азии после победы 1071 г., были поглощены Сельджукидами.

Потребовалось, однако, годы войн, ушло на это двенадцатое столетие, пока Сельджукиды устранили в Малой Азии внутренних врагов, кольцом окружавших их владения, — христиан (греков и армян) и мусульман Артукидов,[1] Даишмендов.

Граница, проходившая между владениями Византии и Сельджукидов, плохо установлена. На помощь приходит топонимика.

Анализируя географические названия Малой Азии, изменения, которым они подвергались в Малой Азии, П. Виттек устанавливает границы — объем державы Сельджукидов в конце XII в.

Отброшенные во время I крестового похода от Никеи, Сельджукиды все-таки рвались потом на запад. Древнейшая надпись эпохи Сельджукидов — султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I обнаружена была Кл. Хюаром[2] в Афьон-Карахисаре, однако общественные здания: караван-сараи, ханы, бани и т. д., встречающиеся в Кютахье (занятой в 1180 г.), Денизли, опрокидывают старые представления о границах государства Сельджукидов, которые сумели и здесь внедрить городскую культуру. Когда был отобран у византийцев тот или иной пункт, — затруднительно иногда сказать: счастье военное менялось, а Византия предпочитала замалчивать потери.

А за чертой государственной границы, на „уджах", шла лента туркменских кочевий („акынджи") — здесь была какая-то нейтральная полоса, то ли уже ускользавшая от Византии, то ли примыкавшая к Сельджукидам; здесь-то и выслеживали друг друга „акынджи" и „акриты".

Так, например, Эскишехир (Дорилеум) занят был туркменами, которые подчинялись султану, пока он был силен, но когда могущество его пало, они уже прекословили ему. После битвы при Мириокефали император Мануил, отходя на запад, натолкнулся на туркмен, которые порядочно-таки его потрепали, но на жалобы императора, заключившего мир, эмиры султана могли только принести словесные извинения. В монгольскую эпоху и к письменным обращениям (1258 г.) Сельджукида туркмены были равнодушны.

Отвергая вмешательство Сельджукидов, туркмены все же, с другой стороны, может быть и неожиданно для себя, помогали расширению государства Сельджукидов. Византия это понимала, но для обуздания кочевников время было уже упущено: в стране была разруха.

Когда Никита Хониат говорит, что султану Рукн-эд-дину, сыну Кылыч-Арслана, принадлежали „понтийские города", — он подразумевает еще не прибрежно-черноморские города, а Пафлагонию, куда легко мог бы устремиться из Токата Рукн-эд-дин, скоро забравший Чанкыры и Кастамону.

Использовав развал, созданный образованием Латинской империи (в 1204 г.), Сельджукиды усиленно подбирают наследство Византии.

[1] Так, и правильно (от слова „Артук") пишет Мюкримин Халиль (op. cit., pp. 55, 57) вместо „Ортокиды". Впрочем, уже у Матфея Эдесского, например, Сукман, сын Артука.
[2] Cl. Huart. Epigraphie arabe, p. 10.

Города заняты были после предварительной „туркменской подготовки": когда греческое население начинало ощущать неудобство от соседства туркменской вольницы, которая захватывала пастбища, разоряла поля, и т. д., — оно наивно взывало о помощи к Сельджукидам, и Сельджукиды водворяли порядок, беспрепятственно продвигаясь на земли Византии. Так, на севере легко пал (1214 г.) Синоп, ослабленный тем, что в тылу были уже Сельджукиды; так, на юге занята была Адалья — словом, это были методы завоевательной политики Сельджукидов.

Связанные культурными и родственными взаимоотношениями или, быть может, исходя еще из каких-то соображений, близоруких и антигосударственных, Сельджукиды, раз отогнанные от Никеи, сначала ослабили натиск на запад, хотя сопротивляемость византийцев, как вскоре доказали османские султаны, была незначительна. Сельджукиды иногда отказывались от областей на западной границе государства. Так, когда султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I вторично вступал (1204 г.) на престол, он, чтобы пройти через Никею, передал Денизли византийскому императору Федору Ласкарису. Потом, защищая интересы византийского императора Алексея Ангела, гостеприимством которого пользовался в тяжелые дни, он решил отвоевать эту область, но война, затеянная им, кончилась неудачно — султан пал (1210 г.) от руки какого-то франка на поле битвы у Алашехира (Филадельфии).

Однако Мануилу Маврозому, тестю султана, удалось создать под покровительством Сельджукидов небольшое княжество, куда входили Ладик (Денизли), Хунас и местности по реке Меидересу.

У них остался на западе один только противник — слабеющая Византия, терзаемая изнутри враждующими партиями и религиозными контроверзами, перепуганная наступлением извне латинян, — и они безостановочно опустошают страну, производят набеги. Первые Комнины (Алексей и сын его Иоанн) предпринимают часто походы в Малую Азию. Но опасность увеличивается все более и более; приученные, казалось бы, ласками константинопольского двора, Сельджукиды методично терзают Византию. А когда воцарился Мануил I Комнин, страдавший „цесарской мечтой", — совершилась ошибка, погубившая Византию.

Ошибка, допущенная императором Мануилом, несла фатальные последствия, но Византия, быть может, должна была так поступить: из Европы шли крестоносцы, и Византия хотела показать, что она — хозяин у себя в Малой Азии, и те, кто идет к ней на помощь, могут безопасно пересечь страну, чтобы попасть сухим путем в Палестину.

Мануил хотел очистить крестоносцам путь в Палестину через владения Сельджукидов. Но поражение у Мирнокефали (1176 г.), когда греков, как замечает Никита Акоминат, заперли и рубили как стадо баранов, — разрушило последнюю надежду на вытеснение Сельджукидов из Малой Азии. Султан Кылыч-Арслан II, однако, почему-то пощадил Византию и заключил мир, но разгром Византии был очевиден.

Одновременно закончилась в Малой Азии вековая схватка — не на живот, а на смерть — между Сельджукидами и Данишмендами. Данишменды вели происхождение от Сейид-Баттала, родоначальника гази.[1]

Укрепившись в середине XI в. в Никсаре, быть может, благодаря тем толпам гази, которые шли из Хорасана, Данишменды[2] в течение

---

[1] A. Mordtmann. Die Dynastie Danischmend. Z. D. M. G., Bd. XXX, p. 468.

[2] Матфей Эдесский (Récit, p. 34), поддавшись, быть может, тяготению Данишмендов к христианам, говорит об армянском их происхождении. Пытаясь объяснить имя, В. Д. Смирнов („Мнимый турецкий султан," стр. 26) полагает, что Данишменд был у туркмен учителем: в османскую эпоху термин „данишменд" обозначал третью степень „талебэ" — бурсака.

двенадцатого столетия представляли для Сельджукидов политическую угрозу.

Сперва Данишмендты находились под началом Сулеймана Кутылмыша, но скоро они окрепли. Мелик Гази (1083—1106) хочет уничтожить господство греков и создать в Малой Азии греко-турецкое государство. В крестоносцах, шедших на подмогу Византии, увидал он врагов, но и Боэмунд, князь Тарента, тоже почуял в Данишмендах помеху крестоносцам. Как только он прочно осел в Антиохии, он задумал (1100 г.) поход против Данишмендов, но был разбит в Мелитене (Малатье) и пленен. Попытки крестоносцев освободить Боэмунда кончились плачевно — объединенные войска Кылыч-Арслана, Мелика Гази и Ридвана разбили их около Синопа.

Политическое значение Мелика Гази возросло. Мелик Гази (Ахмед) был могущественный государь, титуловавший себя на монетах (по-гречески) „завоевателем всей Романен и Анатолии"; но преемник его Мелик Гази Мухаммед, полувассал Византии, должен был удовлетворяться титулом „великий эмир".[1]

Преследуя, конечно, собственную выгоду, Боэмунд, дерзко повторявший потом, что хочет „воткнуть копье в стены Константинополя", отговаривал Мелика Гази от союза с византийским императором и, обещая помощь христианских князей, подстрекал его на месть Сельджукиду.

Столица Сельджукидов, Конья, была осаждена и занята (в 1101—1102 гг.) Меликом Гази.

Ратные подвиги Мелика Гази, протянувшего руки и на юг — к Киликии, произвели сильное впечатление на восточно-христианских историков. И Матфей Эдесский и Михаил Сириец подробно описывают походы. Мелику Гази приналлежало в Малой Азии первенство и, как бы подтверждая это предположение, Михаил Сириец рассказывает, что и халиф (из Багдада), и султан (из Хорасана), т. е. Великий Сельджукид, прислали ему черное знамя, эмблему сюзеренства аббасидского халифа, барабан, в который перед ним били, как перед султаном, и золотой скипетр, удары которого должны были символизировать поставление на власть.

Так Мелик Гази Данишменд был вознесен над Сельджукидами Рума, однако вскоре потомки его, раздробив отцовские владения, потеряли в Малой Азии значение, и этим удачно воспользовались Сельджукиды.

Могущественный государь, патрон гази, рвавшихся вперед — на границу, тоже удалялся от города: не в городе, а в деревне „Мелек-гази" (в уезде Пынар-баши вилайета Кайсери) находится тюрбэ — мавзолей, где похоронен Ахмед Гази — герой воинствующего ислама на территории Византии.

В течение первой половины XII в. Данишмендты пытались оспаривать власть у Сельджукидов; Мелик Гази Мухаммед еще поддерживал славу отца, но султан Изз-эд-дин Кылыч-Арслан II смотрит на Данишмендов — на Якуба Хасана (властителя Амасьи и Анкары) и на Зун-Нуна (властителя Кесареи и Севастеи) — как на вассалов. Султан отнял было у Зун-Нуна владения (рассерженный, быть может, тем, что у него отбита была невеста — дочь Салтука, князя Эрзурума), но Данишменду помог атабек Сирии Нур-эд-дин, обеспокоенный честолюбивыми замыслами Сельджукида. Однако Данишмендты были еще сильны — им помогала

Не они ли это проникли в Крым раньше Сельджукидов? В Феодосии (Кафе) еще в XVIII в. была мечеть имени Данишмендов. Конечно, только документы (вакуфные) могли бы разрешить вопрос.

[1] Впрочем, в XV в. османский султан Мехмед II, завоеватель Константинополя, титулует себя тоже „амиром" и „беком".

теперь Византия. Теснимый Данишмендами, султан Кылыч-Арслан II явился (в 1162 г.) в Константинополь, ища заступничества у Мануила. Мануил, получив согласие на сдачу Севастеи (Сиваса), заключил договор, — султан обязался поставлять ему вспомогательные отряды. Однако Византия, как и прежде, страдала от набегов союзников, отодвигавших греческое население к Черному морю.

Смерть Нур-эд-дина (1174 г.) окрылила Сельджукидов, и, лишенные поддержки, Данишмендты должны были склониться перед ними.

Когда Кылыч-Арслан II раздробил (1188 г.) государство на уделы, то Сивас он отдал сыну — Кутб-эд-дину Меликшаху II. Теперь Сельджукиды могли уже быть спокойны, в Малой Азии они безраздельно господствуют.

Для того чтобы ослабить Данишмендов, Сельджукиды перемещают головку: оторванные от родной среды, Данишмендты поставляются, должно быть, во главе туркменских племен, кочующих около Эскишехира. А пройдет еще какой-нибудь десяток лет, и Данишмендты, потомки Ягы-басана, помогут султану Гияс-эд-дину Кей-Хюсреву I взойти на престол, занятый племянником — Кылыч-Арсланом III. Ценя заслуги покорных вассалов, султан щедро наградил братьев. „Области Данишмендов" он дал, правда, сыну, Ала-эд-дину, однако и Музаффер-эд-дину Махмуду пожаловал старинный удел — Никсар и Койлухисар. Музаффер-эд-дин мог вернуться в Кайсери: уже в год воцарения султана (602 г. х.) он строит там мечеть. Захир-эд-дину[1] пожалована была должность „первана".

Чувствуя себя уже прочно на престоле, сын Кей-Хюсрева I султан Изз-эд-дин Кей-Кавус I заказал историю завоевания Малой Азии, и под пером секретаря, Ибн-Ала, она превратилась в гимн династии Данишмендов.[2]

Теперь Сельджукиды уже — мощная держава, господствующая над Малой Азией. Они втянуты в сложный политический клубок. У Сельджукидов — у тех, кого и крестоносцы, и Византия сначала хотели уничтожить, теперь обе стороны ищут заступничества, помощи, союза. Германский император, Фридрих I Барбаросса, раздраженный поведением Исаака Ангела, хочет, чтобы крестовый поход был объявлен против греков. Он вступает в союз с Кылыч-Арсланом и убеждает его напасть на Византию, чтобы отвлечь Мануила от Европы: он хорошо знает, как умеют огузские племена тревожить „укусами" христиан в Малой Азии. А византийский император ведет двойственную игру; посылая Сельджукидам подарки и дань, он старается сохранить с ними добрососедские отношения, а втайне имеет злостные намерения и заводит переговоры с Саладином, против которого направлен III крестовый поход. Византийский император, очевидно, надеется, что основатель династии Эюбидов, объединивший Египет, Палестину и Сирию и уже пытавшийся в 1183 г. занять Мардин, сумеет обуздать и Сельджукидов Рума. Исаак Ангел должен задерживать Фридриха — грозного противника Саладина, а Саладин за это обещает вернуть Византии „святые места".

После III крестового похода, со стороны Византии и крестоносцев для Сельджукидов исчезли всякие страхи. Надвигалась, впрочем, опас-

[1] Хроника дает ему странное имя: Захир-эд-дин Или.

[2] Для монографии о Данишмендах, кажется, накоплен уже значительный материал: есть нумизматический очерк Казановы (Revue Numismatique française, 3-me série, tt. XII, XIV, 1894, 1896); Макс фан Бершам обследовал надписи (Zeitschrift für Assyriologie, XXVII); идеологическая сторона — Данишмендты, как представители гази — разобрана П. Виттеком (Byzantion, t. XI). На русском языке есть статья Ф. И. Успенского „Мелик Гази и Дзул-Нун Данишмендты" (Записки Одесского общества истории и древностей, т. XI, 1879, стр. 229—268).

ность изнутри — опасность самоуничтожения, так как султан Кылыч-Арслан II, на старости ослабев, разделил государство между детьми на двенадцать уделов. Оно рассыпалось, но ближайшие его преемники — сын и внуки — вновь объединили его, и рассыпанная храмина поднялась опять на большую высоту.

Сыновья султана Кылыч-Арслана тоже раздавали города братьям и детям, но это уже не были уделы; члены семьи Сельджукидов были феодалы, подвластные сюзерену-султану, выполнявшие общие обязанности феодалов.

Дальновидные дети (сперва Кутб-эд-дин, потом — Рукн-эд-дин), очевидно, порицали поступок отца. Кутб-эд-дин сразу же сумел обойти старика и иадругался над его везиром Хасаном, может быть и толкнувшим Кылыч-Арслана на опрометчивый шаг, воскрешавший родовое, общинное начало.[1] Он пытается объединить опять земли: хочет итти на Кайсери; заставляет отца передать ему Малатью, и Муизз-эд-дин, перепуганный, бежит к Салах-эд-дину; женившись иа его племяннице, дочери Мелика-Адиля, он получает новый удел — Эдессу. А Кутб-эд-дин, преступив волю отца, водворился в Коньe; но Кылыч-Арслан, поддержанный любимцем — младшим сыном Гияс-эд-дином Кей-Хюсревом (у которого проживал в Улу-Бурлу), пошел войной на бунтовщика, занял столицу и вскоре там и умер.

Кутб-эд-дин погиб, Гияс-эд-дину присягают противники Кутб-эд-дина, но Гияс-эд-дин был еще молод, а сильный брат Рукн-эд-дин продолжал борьбу за власть, вынудив Гияс-вд-дина покинуть страну. Государственный ум султана Рукн-эд-диив скоро залечил раны. Поскольку удел его находился на севере — внимание его было направлено туда же.

Так был ликвидирован незадачливый эпизод из истории Сельджукидов, тинувший к старым порядкам.

Первая половина XIII в. (от Рукн-эд-дина Сулейман-шаха до Кей-Хюсрева, сына Ала-эд-дина Кей-Кубада) проходит под знаком военных успехов.

Трапезунтская область, населенная не только или не столько греками, сколько лазско-иберскими племенами, в XI в. тяготела к Кавказу. Комнинам (императору Мануилу) в XII в. удалось подчинить ее себе. Однако неурядица, начавшаяся перед IV крестовым походом во время династии Ангелов, возбудила притязания Тамары — царицы Грузии (1184—1212). Внуки императора Андроника, этого авантюриста (впоследствии ослепленного, как это частенько бывало в Византии), приходились ей сродни. Получив воспитание в Грузии, они поддались мечтаниям царицы, высокой покровительницы восточных христиан, и, заняв Трапезунт, хотели отвоевать попранные права деда (а Пафлагоиия была дана Андронику еще императором Мануилом). Алексей, Великий Комнин, как титуловал себя юноша, утвердился в Трапезунте, а брат его Давид, „предтеча его и провозвестник", расширял государство на западе; но у Амиса — торгового города к северо-западу от Самсуна — его остановил Федор Ласкарис, император Никеи.

Однако и Сельджукиды устремились к северу, оспаривая у трапезунтских имнераторов титул „заморского властнтеля" (ветвь трапезунтских Комнинов сидела потом, в XV в., в Мангупском княжестве).

Опрометчивость молодого Алексея (попавшего в плен во время охоты) решила судьбу государства; он превратился в вассала Сельджукидов. Милостиво возвращая Кир-Алексису Трапезунтское царство, султан Изз-эд-дии Кей-Кавус I удерживает (1214 г.) гавань на Черном

[1] Михаил Сириец говорит, что везир Хасан натравливал Кылыч-Арслана на сына.

море — Синоп, там был над Кир-Алексисом глаз султана — „реис Хетум". Хетуму (очевидно, это армянин) султан спокойно мог доверить надзор над греками. Как показывает его звание — реис, он командовал флотом и наблюдал за торговлей Трапезунта, от которого зависел южный берег Крыма.

Зависимость Трапезунта от Сельджукидов, конечно, была неприятна Комнинам; преемник Алексея, Андроник Гид отказался было от взноса дани, но в конце концов должен был склониться перед Сельджукидом.

Когда Хетум захватил (1223 г.) корабль, везший казну императору Византии, отношения между вассалом и сюзереном опять испортились. Синоп — только ступень, чтобы уйти за море.[1] Потом Синоп был утерян, и во второй половине XIII в. государство, уже надломленное монголами, делает отчаянное усилие для его завоевания.

Сельджукиды хорошо понимают, что это — опорный пункт, открывающий дорогу в Крым. И преемники Сельджукидов, османские султаны, хорошо понимали стратегическое значение Синопа: в XVII в. — это стоянка флота.

Поход в Крым смог осуществить султан Ала-ад-дин Кей-Кубад I. Чобан-бей накануне монгольского нашествия переплыл в Крым и занял (в 1221/22 г.) Судак.[2]

Только неурядица, возникшая в Малой Азии, расстроила планы Сельджукидов, и скоро их место в Крыму заняла „морская акула" — генуэзцы, которые использовали выгоды этого пункта, столковавшись с татарами — с Золотой Ордой.

Закавказье тоже открывало дорогу, сухопутную, в Восточную Европу; оно манило торговыми прибылями также и север. О Кавказе хорошо знают „там, на севере далеко", и сын Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского — Георгий, беспутный авантюрист, ухитрился жениться на богатой невесте, на грузинской царевне Тамаре.

Нависшая над северо-восточным углом государства и втягивавшая в сферу политического и экономического влияния приграничные области, Грузия, конечно, навлекала ревнивые подозрения Сельджукидов. Уже султан Рукн-ад-дин Сулейманшах II предпринял поход на Грузию, однако царица Тамара нанесла (1203 г.) ему поражение — разгром войска принес ей богатую добычу. Празднуя победу, несли грузины знамя султана; за знаменем шел начальник Эрзинджана, „такой великий, такой знаменитый" муж, проданный потом царицей Тамарой за железную подкову.

После войны и Армения освободилась от власти эмиров, курдских и сельджукских.

В течение ряда лет настойчиво идет Тамара на юг до Мелазгерда, разоряет земли вокруг Ванского озера: Хелат (Ахлат), Арджиш.

Столица атабека „Шах Армена", Ахлат в начале XIII в. захвачена был Эюбидами, потом недолго был там Джеляль-ад-дин Мухаммед хорезмшах; он разгромил Мелик-Ашрафа, сына Мелик-Адиля и, взяв (1226 г.) Тифлис, отбросил грузин на север.

---

[1] Об этом говорят надписи в Синопе от 612 г. х. (1215 г. н. э.), см.: Хюсейин Хильми. Sinop kitabeleri. Sinop, 1923. — Абулфида (Géographie d'Aboulféda, trad. St. Guyard. Paris, 1848, I, 2, p. 146) хвалит и Самсун, „знаменитый порт" на Черном море.

[2] Перевод отрывка об этом из хроники Ибн-Биби и анализ дан у А. Якубовского (Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Византийский временник, т. XXV, 1927, стр. 53—76). Повод к походу изложен в „Слове Лазаря Трапезунтского о чудесах св. Евгении" (Ю. Кулаковский. Прошлое Таврики. Киев, 1914, стр. 96).

Временно отодвинутые, Сельджукиды настойчиво наступали. Султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I округлил государственную территорию на суше. На севере он присоединил Эрзурум, когда-то отданный Кылыч-Арсланом II Тогрулшаху, и Эрзинджан — богатый город на пути от Черного моря в Иран.

Судьба Мангуджакидов прошла бесцветно. Эрзинджан и Дивриги были пожалованы дружиннику туркмену Мангуджаку еще Алп-Арсланом. Князь Эрзинджана вел мягкую политику, и взаимоотношения между Мангуджакидами и Сельджукидами носили дружественный характер; династии даже породнились: Фахр-эд-дин Бехрамшах женат был на дочери султана Кылыч-Арслана II, а дочь выдал потом за султана Изз-эддина Кей-Кавуса I. Так дожила династия Мангуджакидов до XIII в., когда султан Ала-эд-дин, усмотрев сепаратистские поползновения Дауда, обезвредил его и взамен Эрзинджана дал ему феод (Кыршехир) у себя под боком, освобожденный, как пишет Мюнеджжимбаши, „от повинностей государственных".

Но попытка проникнуть в Закавказье — в Грузию — провалилась; впрочем, царица грузинская отдала дочь Тамару за сына султана, выговорив для нее сохранение христианской религии.

На востоке были завоеваны: Ахлат, неиадолго удержанный хорезмшахом Джеляль-эд-дином Мухаммедом, грезившим о мировой славе; Эдесса (Урфа), откуда могли наступать крестоносцы (вскоре этот город отошел от султана).

Так Сельджукиды углублялись в Курдистан, потом, в XVI в., им подражали и османские султаны — султан Селим I Явуз, который произвел реформу административного управления края, жившего еще родовым бытом.

Охватывая Курдистан с севера и юга, Сельджукиды подготовляли наступление и на Амиду (Диярбекир).

Амида, от курдских князей Мерванидов, сперва подпав под власть Великих Сельджукидов, потом переходила из рук в руки. Местные князьки были слабы, и две державы — Сельджукиды Рума и Эюбиды — оспаривали друг у друга господство над князьями Амиды — Артукидами. Собиратель земель в Малой Азии, султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I мечтает о завоевании Амиды, но дважды терпит неудачу. Только сыну его Гияс-эд-дину Кей-Хюсреву II удалось там утвердиться (1241 г.). Желая расположить к себе жителей города, он-то, может быть, и издал декрет (высеченный на стене во дворе Большой мечети) об отмене косвенных налогов с товаров, ввозимых в город, с продуктов, продаваемых на базаре, и т. п. Во время смятений, вызванных монгольским нашествием, город занят противником Сельджукидов, Мелик Камилем Эюбидом, но хан Хулагу вернул Амиду братьям Сельджукидам: Кей-Кавусу II и Рукн-эд-дину Кылыч-Арслану IV, и еще в 1280 г. городом владел Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев III.

Неспособность Византии давно уже пробудила у армян, заселяющих Кайсери, мечты об образовании национального княжества. На юге — в Малой Армении — Левон II хочет воссоединить армян и создать единое мощное государство. Он внимательно наблюдает, не подвернется ли случай нагрянуть на „престольный город" Кайсери и ослабить Сельджукидов. Султан усмирил вассала и занял крепости, защищавшие Киликийский проход. Армяне выплачивали большую дань, и Сельджукиды обращали внимание на вес и на пробу серебряной монеты. После Левона II Рупениды, продержавшиеся в Сисе до 1375 г., уже притихли.

Заискивания перед Сельджукидами ясно показывают нравственную низость и фальшь громких фраз о защите христианской веры от „сара-

цин". Во время IV крестового похода Византия воочию увидала это на себе, когда меркантильные интересы Венеции возобладали над беспочвенными идеями. Сельджукиды возобновили опять в Малой Азии завоевательную политику и упрямо шли к морям.

Уже султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I ищет выхода к морю; одолев мелких князьков, расположившихся на дороге к Средиземному морю, он завоевал Анталию (в 1207 г.), которая заигрывала перед крестоносцами, и заключил с венецианцами торговый договор, — огуз-пастух превращается в купца, он зовет купца из-за моря.

В Анталье у Сельджукидов — морская база, единственный морской арсенал; эмир Мубариз-эд-дин (захвативший около сорока замков) мечтает об отобрании у крестоносцев и острова Кипра, занятого (в 1192 г.) Ричардом Львиное сердце.

Владея портовыми городами на Средиземном и на Черном морях, Сельджукиды сумели расширить иноземную торговлю, и это подняло рост производительных сил, немало способствовало экономическому благосостоянию страны.

Когда-то были Сельджукиды в Антиохии; когда-то — на заре их жизни в Малой Азии — туркменские лавины грозили Иерусалиму, быть может, еще мало и помышляя о Византии.

Они зарились потом и на Алеппо, находившийся во власти Эюбидов, но Кей-Кавус I потерпел от Мелик-Ашрафа сильное поражение на подступах к Сирии, у Телль-башара (на правом берегу Евфрата), который частенько видел междоусобные брани крестоносцев. Султан Ала-эддин искусно ублажал опасных соперников (для этого он женился на эюбидке),[1] и коалиция, возглавленная Камилем Египетским, провалилась.

О военном торжестве над христианами Сельджукиды заботились; походы на христианские земли они изображали как богоугодное дело. Языджи-оглу Али, поющий дифирамб султану Ала-эд-дину Кей-Кубаду I, говорит, что, „не явился еще султан, который так бы возвеличил знамена ислама".[2]

Так были покорены и раздавлены соседи.[3]

Когда государство Сельджукидов находилось, перед нашествием монголов, в апогее славы, им покорялись „князьки" (ملوك) и „тираны" (جبابرة) всех стран: мусульмане и христиане „от Йемена до Грузии и Абхазии, от владений Руси до границ Тарсуса, от границ Антальи до пределов Антакьи, от степей Судака и Кипчака до пустынь Сирии и Ирака, от исхода владений Рума (т. е. Византии), франков и армян до Медаина (Ктезифона) и Йемена";[4] старые захватнические устремления, всегда отличавшие переднеазиатские державы, ожили у Сельджукидов.

---

[1] Султан Кей-Хюсрев II тоже был женат на дочери Эюбида (князя Алеппо) — на Газие-хатун.

[2] Языджи-оглу Али, III. 208.

[3] Сельджукиды устремляли потом взоры и на Европу; в середине XIII в. эмиграционная волна покатилась в Добруджу (см. исследование болгарина И. К. Димитрова); в XIV в. Ибн-Баттута (II, 416 и сл.) говорит уже о турецком городе „Бабá-Салтуке", расположенном где-то, очевидно, на западном побережье Черного моря. В северной Фессалии (около пунктов „Сервия" и „Козана") и теперь еще живут потомки сельджукских военнопленных — „коньяры", конийские люди, поселенные здесь византийскими императорами до того, как османские султаны завоевали Балканский полуостров. Впрочем, К. Иречек (История болгар. Одесса, 1878, стр. 620) придвигает поселение коньяров в южных частях Фракии и Македонии к XVI в.; Фр. Бабингер (Scheich Bedr-ed-din der Sohn des Richters von Simaw. Berlin 1921, p. 10 not.) видит в них болгарских пастухов-табунщиков.

[4] Языджи-оглу Али, III, 209.

Вспоминая Великого Сельджукида, султана Санджара, которого он избрал себе за образец, султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I хотел воскресить старые представления о мировом значении мусульманского государства. Он мечтал о всеобъемлющей власти; он думал, что завоевания в Малой Азии открывают ему путь к господству над миром и, может быть, не только мусульманским.

Надписи на монументальных постройках в Малой Азии говорят о пышной титулатуре Сельджукидов Рума. Гордо величал себя Сельджукид (султан Кей-Хюсрев II) „истребителем неверных и многобожников" (قاتل الكفره والمشركين), „султаном Рума, Армении, Диярбекира и Сирии", „повелителем побережья" (امير السواحل).

Итальянские договорные грамоты знают также громкие титулы султана: „Ала-эд-дин, великий султан Иконии и властитель всех земель, находящихся на востоке и в полночной стране, а также Великой Каппадокии" („Alatinus Magnus Soldanus Iconii et Potestas omnium terrarum per Orientem et Septentrionalem Plagam existentium et Magnae Cappadociae").[1]

Над врагами внешними Сельджукиды торжествовали, но внутри государства, на границах они были часто бессильны; феодалы смещали султана, а беи, стоявшие на „уджах", отказывались исполнять его указания.

История Сельджукидов представляет разительный пример быстрого возвышения и падения: вынырнув во второй половине XI в. из Хорасана, они весь XII век провели в борьбе, и были моменты, когда весы истории склонялись на сторону Данишмендов, вырывавших из их рук господство в Малой Азии, однако Сельджукиды, использовав противоречия между противниками, удержались, и из Коньи — из малоазиатской срединной степи — распространились и на запад, и на север, и на восток, и на юг. Старая область приграничников — борцов за веру, выдвинутых когда-то арабами, превратилась в государство, поднявшее в Малой Азии культуру на большую высоту. В течение полустолетия создали они здесь памятники, которые пережили творцов.

Однако социальный строй был шаток, и вскоре государство распалось: центростремительные силы были сметены центробежными силами.

---

[1] О титулатуре Сельджукидов разбросаны замечания у Макса фан Бершама („Asie Mineure", комментарий к надписи № 16; также в „Amida"). — См. также вакфие Джеляль-эд-дина Каратая (Konya, 1936, № 2, p. 127), где даны изысканные эпитеты как для султана, так и для его наиба.

Глава II

Монголы. — Битва у Кёсэ-дага. — Распад государства после нашествия монголов. — Волнения среди туркмен. — Караман. — Поход Бейбарса. — Падение власти султана. — Возвышение везира. — Образование самостоятельных княжеств. — Монгольское влияние. — Система налогов.

Волны кочевников, напиравших на Византию с востока, возвестили ей в XI в. медленное угасание. Но и государство Сельджукидов Рума тоже рухнуло под натиском грозной силы, залившей в XIII в. Западную Азию и Восточную Европу; процесс распада развивался быстро, потому что и государственный организм был еще непрочен.

Подземные толчки слышались в Малой Азии давно; монголы сразили сперва шаха Хорезма Джелал-эд-дина Мухаммеда (1200—1231), и беженцы хлынули в Малую Азию. Побросавши земли, бездомные, ободранные, феодалы напоминали населению Малой Азии об ужасах, пережитых ими во время разгрома; но, недовольные положением на чужбине, они шумели и тоже подрывали основы социального порядка. Обстановка усложнялась.

Вторгнувшись в Переднюю Азию, монголы разоряли города и веси, попадавшиеся им на пути. Сперва (1225 г.) Закавказье, потом (1243 г.) Малая Азия, наконец (1258 г.) столица халифата, Багдад узнали тяжести иноземного нашествия.

Христианские и мусульманские историки ярко изобразили ужасы монгольского нашествия. Потом, конечно, все обошлось, но первый момент, нарушающий, как всегда, мирное течение жизни, поразил и принес неизбывное горе. Вот что говорит историк Ибн-ал-Асир, который, живя в Мосуле, близко наблюдал разгром, учиненный монголами в Закавказье.

„Для кого легко описывать поражение ислама и мусульман. Увы, лучше бы не родила меня мать моя. Лучше бы я умер прежде этого и остался забвенным навеки. Я медлил, но потом приступил к изложению истории величайшего события и большого несчастья, которому подобных не рождали дни и ночи, и которое объяло все создания и в особенности коснулось мусульман. Самое большое бедствие, которое описывает история — поступок Навуходоносора с израильтянами, как он избил их и разрушил Иерусалим. Но что значит Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые татары, в которых каждый город в несколько раз больше Иерусалима. И что сыны Израиля в сравнении с теми, кого они избили, потому что жители одного из избитых ими городов были многочисленнее всех израильтян. Они не оставляли никого, а убивали жен, мужей и младенцев, разрезáли чрево беременных женщин и убивали зачатых детей“.[1]

[1] Я беру, слегка сократив, старый перевод Н. И. Ильминского. См.: А. Куник. Исторические материалы и розыскания, II, Выписка из Ибн-эль-Атира. Ученые записки Первого и Третьего отделений Академии Наук, т. II, стр. 640.

Здесь впервые отображена та отрицательная точка зрения на монголов-погромщиков, которую и впоследствии защищали европейские историки.

Временно повернули монголы на Кавказ; временно опасность была устранена.

Угадывая грозу, шедшую с востока, султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I предпочитал поддерживать мирные отношения с монголами. Так было до злосчастного года, когда у Кёсэ-дага монголы нанесли (в 1243 г.) сыну его, султану Гияс-эд-дину Кей-Хюсреву II, тяжелое поражение, после которого государство склонилось к упадку.

Впечатление, произведенное монголами, было ошеломляющее. Несмотря на сравнительную многочисленность армии Сельджукидов (согласно Ибн-Биби,[1] в сражении у Кёсэ-дага у султана было 70 тысяч человек),— монголы легко ее разбили. Вильгельм де-Рубрук, проезжавший по Малой Азии через 10 лет после катастрофы, говорит, что „татар было всего навсего 10 тысяч, тогда как у султана было 200 тысяч, все на лошадях".[2] Цифры, приводимые Рубруком, конечно, не могут быть приняты безапелляционно, но они выражают общее впечатление, общее мнение современников; будь иначе, естественно было бы сказать, что Сельджукиды отступили перед несметными полчищами врагов.

Грузинские летописи говорят, что у султана было 400 тысяч воинов. Но монголы, следуя военному обычаю, поставили на правом фланге отборные дружины из грузин и армян и обрушились на султана. У султана тоже были наемные военачальники из христиан (грузин Дардан Шарвашидзе и армянский царевич Ван), однако грузинский вождь был убит, и войска султана заколебались.

У Кёсэ-дага столкнулись два знамени — красное (монгольское) и черное (аббасидско-сельджукидское); над Малой Азией взвился красный стяг.

Логика диктовала падение Сельджукидов. Расстановка сил была для них неблагоприятна: государственный порядок давил одинаково и низы населения и феодалов. Только недавно крестьяне и кочевники, руководимые Баба-Исхаком, грозили городу; но и феодалы тоже мечтали о независимости, и теперь они охотно склонялись к монголам. Султан, естественно, должен был понести поражение; и перепуганный, он бросает войско и бежит с поля битвы.

Тогда монголы, кинувшись на лагерь, захватили провиант, утварь и разноцветные шатры. Ставка султана, как замечает инок Магакий, была богато убрана снаружи и изнутри, у входа в палатку привязаны были дикие звери — тигр, лев, леопард.

Насильно втянутые в круг интересов государства Сельджукидов, переднеазиатские князьки использовали теперь нашествие монголов. Оберегая свою независимость, они отгораживались от Сельджукидов и хотели подчеркнуть перед монголами лояльность. Так, например, князь Хачена, Хасан Джелал, породнившийся с монголами, участвовал тоже в походе Байчжу против султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II.

Монголы напугали Малую Азию, и Малая Армения, казалось, упрятанная в горах Тавра от монголов,— нарушила права восточного гостеприимства: когда после битвы у Кёсэ-дага жена и дочь султана Гияс-эддина Кей-Хюсрева II бежали к Хетуму, он выдал их монголам.

Последствия нашествия монголов немедленно сказались во всех сферах жизни.

---

[1] Ибн-Биби, IV, 237.

[2] В. де-Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Введение, перевод и примечания А. Малеина. СПб., 1913, стр. 175.

Сельское хозяйство расстроилось; поля были заброшены, и в 1243 г. в стране наступил сильный голод. Турки толпами устремились к границе Византийского государства.

Как пишет Никифор Григора (1295—1359), „дороги запрудились этим народом, женщинами, мужчинами, молодыми людьми. Все богатство турок — серебро, золото, ткани, драгоценности, — все переходило в руки римлян. За небольшую меру пшеницы отдавались большие деньги; какая-нибудь птица, бык или козел шли за большую цену".[1]

Культурные области Малой Азии, как то Эрзурум, Кайсери — превращены были в пустыри; жители перебиты, ремесленники уведены в Среднюю Азию, население обложено высокими налогами. Разгромив страну в течение трех месяцев, Байчжу возвратился на зимнюю стоянку в Албанию (Азербайджан) и из логова оглядывал распростертую перед ним добычу. Чтобы подорвать сопротивляемость, монголы дробили государство и сеяли вражду между властителями.

Разгром Сельджукидов, естественно, мог бы поднять у Византии надежды на торжество над старым расхитителем малоазиатских земель, но ее молчание, равнодушное взирание на смуту, порожденную монголами, показывает глубину падения, физического и нравственного, которое еще более обозначилось за время после поражения у Мириокефал.

Толпы туркмен, может быть, и гази, давно направлялись к Черноморскому побережью; стесненные монголами на востоке, они, естественно, подались на запад, и византийские провинции, Пафлагония и Памфилия, почувствовали теперь на себе всю тяжесть наступления.

Никифор Григора правильно это понял. „Турки, — пишет он, — наделавшие у себя множество сатрапий, будучи преследуемы скифами (т. е. монголами), в свою очередь преследовали римлян (т. е. византийцев), и чем слабее становились сравнительно со скифами, тем мужественнее делались перед римлянами. Окружив себя всяким сбродом, они взялись за разбой и сильно тревожили пограничные римские села".[2]

После поражения, понесенного султаном Кей-Хюсревом II, сразу объявился самозванец, туркмен, „Котерин" (как записал В. де-Бовэ), выдававший себя за сына султана Ала-эд-дина Кей-Кубада. Он говорил, что брат — человек неспособный и женоподобный и недостоин управлять страной. Туркмен разорил окрестности Коньи и, собрав вокруг себя до 20 тысяч сторонников, двинулся на юг — к Киликии, однако двоюродный брат Хетума I, Константин, обиженный братом и давно опиравшийся на Сельджукидов, дал ему отпор. Самозванец был схвачен, когда собирался вступить в Алаие, и повешен. Волнения, продолжавшиеся три месяца, затихли, чтобы вскоре вспыхнуть снова.

Но государство Сельджукидов, оправившееся было после неразумного акта султана Кылыч-Арслана II, взрывалось изнутри. Ослабление административного аппарата использовали туркмены, стоявшие на „уджах" и подчинявшиеся центру только пока он им был страшен.

Государственный аппарат расшатался. Развал Сельджукидов, обусловленный непосредственно нашествием монголов, вызвал брожение среди огузских (туркменских) племен. Сначала (в 1261 г.) возмутилось племя караман (в Эрменаке); потом (в 1275 г.) — Джимри; они заняли Конью и предали ее грабежу. Расширяясь, восстание перебросилось в Аксарай.

---

[1] Византийские историки, т. I, Римская история Никифора Григоры. СПб., 1862, стр. 41—42 (в дальнейшем цитируется: Никифор Григора).

[2] Никифор Григора, стр. 132.

Огузские племена, кочевавшие на „уджах", порвали феодальные обязательства перед Сельджукидами; их племенные вожди провозгласили независимость.

Монгольский хан Хулагу, оберегая спокойствие восточной половины государства Сельджукидов, смотрел на туркмен, как на антигосударственный, „подозрительный" элемент. Предпринимая экспедиции против туркмен Тавра, он втянул и братьев Сельджукидов — Изз-эд-дина и Рукн-эд-дина. Вождь туркменский, Мухаммед Ал-уджи, т. е. стоявший на „удже", на границе, сперва поддерживавший Изз-эд-дина, откололся от него. Хулагу потребовал туркмена к себе, но тот отказался. Усмирение бунтовщика возложено было на Рукн-эд-дина. Мухаммед Ал-уджи был схвачен.

Шаг за шагом государство слабело и было бессильно отражать напор туркмен, а туркмены все поднимали голову. Возмутился и Караман „из рода исмаильтян", как говорят армянские хроники. Он объявил себя султаном и разорил средиземноморские города. Султан Рукн-эд-дин пал духом, но ему помог Хетум I. Успех был временный, в 1277 г. Мухаммед-ибн-Караман занял Конью.

В обстановке нашествия иноземцев родилось в Малой Азии и чувство любви к отечеству. Прежде понятие о родине было чуждо и непонятно; сплошь и рядом турок бросал государство и уходил в Византию; родственник султана, из мести, мог предаться монголам, но так поступали и соседи — „просвещенные византийцы". Теперь представители области Карамана, феодалы Сельджукидов, взяли на себя защиту попранных прав. Это они, беи уджей: Караман, Зейнал Хаджи, Бунсуз,[1] захватив 30 тысяч конников, пошли на Конью и требовали, чтобы на престоле был водворен Изз-эд-дин Кей-Кавус II; это они повели борьбу за торжество турецкого языка.

В умах беев Карамана бродила, быть может, неясная мысль об отпоре монголам. Видя бессилие центра, Караман хотел взять на себя защиту национальных, обще-малоазиатских интересов, хотел освободить столицу Сельджукидов от иноземного, политического и культурного засилья. „Мужицкую власть", изгонявшую из диванов персидский язык и заменявшую его языком турецким,[2] поддерживали крестьяне, задавленные налогами.

У беев Карамана нашлись сторонники и среди сановников Сельджукидов, сочувственно встретившие и вторжение, задуманное (1277 г.) египетским султаном Бейбарсом.

Стремительная подвижность монголов, открывшая им пути на Сирию, поставила Малую Азию под удары со стороны юга. Мамлюки были взволнованы переговорами, которые „великий царь татар" вел то с королем Людовиком IX, этим последним энтузиастом крестовых походов, то с сирийскими христианами, и египетский султан Бейбарс, пройдя победоносно Сирию, вторгся в Малую Азию и поразил сторонников монгольской ориентации.

Он устремился к Кайсери, но тут-то сановники Сельджукидов заколебались, и Муин-эд-дин Первана, захватив малолетнего султана Кей-Хюсрева III, бежал в Токат.

В монгольскую эпоху Малая Азия представляет иногда, так сказать, проходной двор, через который идут противники, борющиеся за господство, за наследие Сельджукидов (монголы и мамлюки).

---

[1] Ср. имя Мунгсуз в древне-уйгурских документах.

[2] О возвышении турецкого языка, после занятия (1277 г.) Коньи Караман-оглу Мехмедом, см.: Ф. Кёпрюлю. Encyclopédie de l'Islam. IV, 989.

Сельджукиды, когда-то направлявшие нити внешней политики, теперь безучастно смотрят на борьбу. Они бессильны разрешить спор, а когда кто-нибудь (как, например, Муин-әд-дин Перванә) пробует выступать активно, то последствия оказываются плачевными.

Как говорит грузинская летопись, султан Гияс-әд-дин Кей-Хюсрев II, смирившись, попросил, чтобы монголы поставили над ним в Малой Азии институт „шана“,[1] т. е. „шихнә“ (شحنه). Впрочем, звание „шихнаги“ давно уже было у Сельджукидов, еще в Средней Азии.[2]

А мощь султана пала, потому что и казна его опустела. В монгольскую эпоху государственные доходы распределялись так: султану шла только треть, треть — монголам и треть — феодалам.

Хулагу, занявший (в 1258 г.) Багдад, подтвердил деление государства Сельджукидов на две части, и процесс децентрализации пошел еще быстрее. Рознь между феодалами усиливалась; каждая группа выставляла своего кандидата, и одно время (1249—1257 гг.) в Малой Азии царило три Сельджукида (сыновья Гияс-әд-дина Кей-Хюсрева II).

Двоевластие, порождавшее соперничество, обеспечивало, конечно, монголам торжество их политики и всячески ими насаждалось; так и в Грузии утвердили они двух царевичей, которые совместно правили более десяти лет.

Султан не пользовался авторитетом; он должен был ездить к хану на поклон и там получал, так сказать, инвеституру. Но фактически распоряжался наместник монгольского хана. Хан, или „ильхан“, назначал и эмиров, и везир исполнял волю не султана, а хана.

Монгольский наместник Байджу, сидящий где-то в Карсе, издали наблюдает, что́ поделывают братья, дерущиеся за власть.

Наконец, под тем предлогом, что султан Кей-Кавус II задержал взнос дани, он идет на него, разоряя страну. Султан пытается сопротивляться, но несмотря на помощь со стороны Михаила Палеолога, султан разбит около Султанхана и спешно покидает страну. У власти становится единолично султан Кылыч-Арслан IV.

Накануне падения династии, неугодный монголам султан Ала-әд-дин III, внук Кей-Кавуса II, удачно поражавший монголов, был ими свергнут, и тогда раболепные сановники, угадывая волю хозяина, удушили султана. Так, в Малой Азии сохранились старые методы воздействия на султана — между вельможами и монголами стерлась всякая грань.

Сельджукиды давно превратились в вассалов монгольского хана; хан распоряжался в Малой Азии во владениях султана как у себя. Так, хан Абака (1276 г.), двигаясь на султана Египта Бейбарса, прошел через Эрзинджан; жители, перепуганные, покорились ему, однако хан, раздраженный тем, что кто-то поднялся вооруженный на стены, разрушил город. А когда потом город Дивриги, входивший когда-то в княжество Мангуджакидов, был разграблен недисциплинированными отрядами — бандами султана Ала-әд-дина Кей-Кубада III, сына Ферамерза, — хан Газан, возмущенный беспорядками, сместил султана. А вскоре закончилась династия Сельджукидов.

Династия Сельджукидов, часто плясавших под дудку феодалов, дотянула до начала XIV в., но со второй половины XIII в. султан был уже куклой на престоле в руках везира, ставленника монгольских ханов.

Во время господства монголов, везиры хозяйничали бесконтрольно; это были не столько везиры султана, сколько наместники монголов. У везира — право жизни и смерти; он судит убийц.[3] Желая однажды

[1] M. Brosset, op. cit., p. 520.
[2] Материалы по истории туркмен и Туркмении, I, стр. 314.
[3] Афляки, I, 119—120.

выручить человека, обязанного внести 2 или 3 тысячи динаров, Джеляль-эд-дин Руми, как рассказывает Афляки,[1] ходатайствовал перед везиром Муин-эд-дином Первané о снисхождении; когда везир отказал, Джеляль-эд-дин, намекая на личное имя везира („Сюлейман"), вторично написал: „«Дэвы» повинуются приказаниям Соломона (царя библейского), а не Соломон — дэвам — дивану".[2]

Раз Муин-эд-дин Первané рассердился на жителей Коньи, им грозили неисчислимые беды, и только по заступничеству Джеляль-эд-дина Руми согласился строгий везир на большой выкуп в 10 тысяч динаров.

Простая записочка Джеляль-эд-дина, которую везир почтительно провел перед глазами, спасла народ от несчастья. Всемогущий министр так поступил потому, что, очевидно, он — „мюрид", который беспрекословно должен исполнять волю шейха.

Впрочем, в конце концов, беззакония временщика и двуличная его политика — наружно он поддерживал монголов, а втайне направлял на них Бейбарса — превысили меру, и Муин-эд-дин Первané был казнен Абака-ханом в 1278 г.

Так, в монгольскую эпоху сложился тип своевольного везира-диктатора, который отчитывался только перед ханом. Соседи, очевидно, забыли уже о Сельджукидах; грузинская летопись величает Первané „султаном".[3]

Выиграли в Малой Азии феодалы. Центральная власть султана ослабла и сменилась контролем представителя монгольского хана. Политически феодалы стали независимы на окраинах и преследовали исключительно личные или узко областные интересы.

В областях, иногда под боком у столицы Сельджукидов, появились новые хозяева (султаны, князьки); они отказывались от дробления владений и, наоборот, всячески закрепляли землю за собой, за своим родом. Малая Азия усеяна была мелкими княжествами, во главе которых становились везиры, нажившие за время нахождения у власти большие поместья. Создались владетельные „династии везиров" (سلاله الوزراء): в Афьон-Карахисаре — Сахиб-ата-огуллары (потомки везира Сахиб-ата), у Черного моря — Первané-заделер (везир Мунн-эд-дин Первané получил Синоп от султана Рукн-эд-дина Кылыч-Арслана IV). В Кастамону в 30-х годах XIV в. правил старик Сулейман-падшах и здесь же жил прямой наследник, самый младший сын его, Джевад, а другого сына, Ибрагима, он назначил правителем Синопа, куда перебралась и мать его (вскоре, впрочем, умершая).[4] И так было везде.

Среди феодалов настойчивым собиранием земель Сельджукидов выделялся род Османа. О султане Османе Ибн-Баттута гонорит, что он захватил 100 зáмков,[5] т. е. 100 мелких феодалов признали его власть.

Там, на западном конце Малой Азии, напряженность чувствовалась меньше, и султан Осман сумел использовать благоприятные условия: к нему тянулись мелкие феодалы, у него находили они покой от треволнений эпохи, а удачные походы-налеты на Византию возвращали им то, что они потеряли.

Так, естественно, среди княжеств, возникших во владениях Сельджукидов Рума, создалось государство Османских султанов, постепенно, путем то войн, то добровольных присоединений, инкорпорировавшее

---

[1] Афляки, I, 199.

[2] Здесь непереводимая игра слов: ديوان (dīvān) значит: 1) „диван" — государственный совет, 2) множ. число от ديو („дэв", старорусское „див") — „дэвы", „духи".

[3] M. Brosset, op. cit., p. 587.

[4] Ибн-Баттута, II, 343.

[5] Ибн-Баттута, II, 322.

обширные территории Сельджукидов; так моигольскому нашествию обязаны османскне султаны безболевненным и быстрым возвышением государства.

Малая Азия сохраняла еще какую-то независимость, но уже действуют н Малой Азнн монгольские порядки, установлен надзор, и только пайдза — „байса“ русских летописей — может предоставить свободное, безопасное передвнжение по территории Монгольской империи.

Со времени „ильханов“ (иранских монголов) государство Сельджукидон, сперва еще сохранявшее внутреннюю свободу, начало испытывать на себе монгольское влияние.[1]

После падения Сельджукидов слышатся новые титулы и звания: монголы занесли слона: „ага“ (в имени жены Султан-Веледа „Кирага“ — странное сочетание слов, обозначающих „господин“: греческое *κυρ[ία]* и монгольское „ага“) и, быть может, „паша“, — оба эти термина встречаются у Афляки. Около того же времени появляется слово „нойон“ (نویان) — вождь, князь; это „прекрасное имя“, как выражается Бесим Аталай, употреблено, между прочим, в письме султана Орхана Гази к Гермиян-оглу Якуб-бею.[2]

Монголы изменили систему управления, упорядочили н взимание налогон: с земли, т. е. с оседлого населення, брали они „кылан“, со скота, т. е. с кочевников, — „купчур“, с горожан и с купцов — „бадж“ и „тамга“; нведена и единая монета, словом, в Малой Азии „прекратилась экономическая анархия“.[3]

Хамдулла Казвини (историк XIV в.) подчеркивает пользу для государства от установления откупов, между тем как прежде собирание налогон лежало на хакнмах, а так как хакимы часто смещались, они думали только о том, чтобы поскорее обобрать население. Для регулярного выколачивания налогов нужна была организация учета, и в „большом диване“ сосредоточены были статнстические сведения о населении, скоте и земледелии.

Конечно, и откупная система, выгодная, быть может, для казны (потому что сразу давала государству определенную сумму), открывала тоже широкий простор злоупотреблениям; откупщик (как и хаким) преследовал личные выгоды и хотел с лихвой вернуть то, что затратил, когда брал от казны откуп.

Вследствие изменений, внесенных монголами в экономические взаимоотношения, еще более ослабла связь между феодалами и крестьянами, потому что крестьяне платили налоги, большую часть из них, непосредственно в казну, минуя феодала.

Поскольку на громадном пространстве, от Китая до Черного моря, утвердилась единая власть, власть монголов, — водворилась и сравнительная безопасность, от которой выиграла торговля, передвинувшаяся с юга к Черному морю и в Крым. Город Сивас, и раньше богатый, теперь еще более расцвел (больше трети доходов Рума по бюджету 1336 г. падает на два города: Конью и Сивас). В Сивасе уже с 1276 г. находился генуэзский консул, и это говорит, конечно, о большом размахе торгоных оборотов генуэзских купцов.

---

[1] Ср.: К. Стратонитский. Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М., 1913 (Оттиск).

[2] Бесим Аталай, цит. соч., стр. 107.

[3] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0128, также прим. 4; дань, наложенная монголами иа Рум, состояла из 20 тысяч туманов, 500 кусков шелковых материй, 300 тысяч кусков кожи (бараньих шкур), 500 коней и 500 мулов. — Термин „купчур“ разобран у В. Бартольда (Персидская надпись на Анийской мечети Мануче. СПб., 1911, стр. 30), еще раньше у E. Quatremère (ссылка на него у А. Якубовского, цит. соч., стр. 116, прим. 1).

Общая сумма налогов, таким образом, значительно поднялась, и здесь встает вопрос, действительно ли это подтверждает рост благосостояния, материальную обеспеченность населения, извлекшего выгоды из торгового оборота, который усилился при монголах, или, наоборот, это показывает только тяжесть налогового пресса, выколачивавшего из населения все, что можно, и поведшего к обнищанию его и, как неизбежный результат,—к разрыву между центром и окраинами, т. е. политический отход окраин от центра обусловлен был и экономическими причинами.

Экономическая жизнь эпохи Сельджукидов покрыта мраком. Ограниченность сведений для суждения об экономике монгольского периода Малой Азии заставляет прибегать к косвенным показаниям.

Так как в улус ильхана Хулагу входил и Азербайджан, то налоговые термины, сохранившиеся отчасти в Закавказье до XIX в., могут дать представление об организации управления и Малой Азии. Тем бо́льшее значение приобретают старые документы, раскрывающие финансовую систему эпохи. В жалованном акте „союргал" конца XV в. перечислены налоги, от уплаты которых сеньер освобождает феодала; смешение терминов (монгольских, турецких, арабских и персидских) говорит, конечно, о сложности отношений, отразивших времена господства в Малой Азии иноземцев.[1]

Впрочем, экономические взаимоотношения между сюзереном и феодалом складывались уже в Средней Азии, монгольские элементы (термины и виды налогов) могли быть занесены в Малую Азию и огузами. Турецкие и монгольские племена могли сталкиваться в Средней Азии задолго до того, как нашествие монголов перевернуло жизнь государства Сельджукидов. Гипотеза о взаимодействии турок и монголов стоит на очереди. Карта раннего расселения турецких и монгольских племен могла бы дать осязательность этой гипотезе, объясняющей формирование феодализма в Малой Азии.

---

[1] V. Minorsky. A Soyūrghāl of Qāsim b. Jahangīr Aq-quyunlu. Bulletin of the School of Oriental Studies. University of London, vol. IX, Part IV, pp. 927—960.

Глава III

Огузы. — Пережитки родового строя в Малой Азии. — Значение топонимики для истории расселения огузов в Малой Азии. — Приграничные бэи, „гази" и „алцы". — Военная организация огузских племен. — Шёлен и местничество на пиру. — Охота. — Ислам у огузов. — Родовые имена и прозвища. — Обычаи огузов: свадьба, суд, кровная месть. — Положение женщины. — Курултай и выборы султана.

Огузы — одно из старых турецких племен;[1] о них упоминают орхонские надписи VIII в. н. э. Они делились на девять родов („токуз-огуз"); цифра „девять" говорит о большой внутренней значимости этого племени. Но тогда уже родовой строй у орхонских турок стал разлагаться.

Тогда у них были племенные имена, теперь исчезнувшие. Так, например, племя языры переменило имя на карадашлы.[2] За этнографическими терминами укрывалось часто политическое военно-племенное объединение турок. Соображения о безопасности или выгоде заставляли слабое племя жертвовать родовым именем.

Постепенно огузы передвинулись из Монголии на запад к Приаралью; их встретил на своем пути в X в. Ибн-Фадлан, отмечающий, что у огузских богачей насчитывалось до 100 тысяч овец,[3] а это указывает уже на социальную дифференциацию, которая привела к угнетению бедняка, стадо которого малочисленно.

В XI в. Махмуд Кашгарский первый сообщил о делении огузов на 24 племени (впрочем, он перечисляет только 22 племени);[4] отличаясь, частью, от записи XIII в. Рашид-эд-дина,[5] которую заимствовал потом турецкий хронист XV в. (Языджи-оглу Али), термины Махмуда Кашгарского отражают старые формы языка. Число „24" являлось для кочевников какой-то традицией. Оно встречается и у гуннов (24 должности), и у огузов (так, у мервских туркмен было 24 старшины).[6] Наличие у Махмуда Кашгарского 22 племен как будто говорит, что уже тогда, в XI в., началось у огузов распадение родового строя: два племени уже в доисламский период отделились и образовали народ „халадж" („калач"), живший с X в. в южном Афганистане; очевидно, для физического спасения они предпочли отказаться от племенной самостоятельности.

Предводимые Сельджукидами, огузы со своими семьями и стадами двигаются из Средней Азии[7] в Малую Азию, наводя на окрестных

---

1 История огузов (гузов) изложена вкратце В. Бартольдом в „Encyclopédie de l'Islam" (статья уже устарела); ср. замечания Ф. Кёпрюлю (Anadoluda islâmiyet, p. 37, not.).

2 В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 38.

3 Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 66.

4 Махмуд Кашгарский. Dîvânu-lugat-ul-türk, I, 56.

5 Труды Восточного отделения Археологического общества, т. V, стр. 25 и сл. (русский перевод); т. VII, стр. 32 и сл. (персидский текст).

6 В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 4.

7 Впоследствии происходил частичный отлив огузов — обратное движение на восток; так было при Тимуре, см.: Ф. Кёпрюлю. Oğuz etnolojisine dair tarihî notlar. Türkiyat mecmuasi, I, p. 203.

жителей ужас.[1] „Книга Коркуд-дедэ“ изображала время огузов в Малой Азии, как „век богатырей“.

Область распространения огузскнх племен в Малой Азии может быть выявлена как материальными памятниками, так и словесными. Между прочим на помощь должно притти изучение тавр, выжигаемых на лошадях,—вообще, изучение знаков собственности, сохранившихся еще в деревнях. Вскользь на эту сторону обратил внимание Риза Нур.[2]

С другой стороны, и современная топонимика в Малой Азии заполнена воспоминаниями о старом населении страны—об огузах.[3]

Следуя, быть может, указанию проф. Ф. Кёпрюлю, турецкие ученые начали собирать материал, который позволяет судить о расселении огузско-туркменских племен в Малой Азии.

Топонимические изыскания облегчены в Турции тем, что статистическое управление издало к первой переписи населения (в 1928 г.) список деревень (населенных мест)—обширнейший сборник, заключающий до тысячи страниц.[4]

Просмотрев карты Малой Азии, изданные в Турции Генеральным штабом, Х. Нихаль и А. Наджи извлекли слова, говорящие о происхождении селения, о старых народных обычаях и т. д. Иногда все-таки их толкования вызывают сомнения (у них свободное сближение начертаний, так: قارغين ' قرنيق);[5] отсутствие какого-нибудь племенного термина в какой-нибудь местности еще недостаточно для выводов, потому что старое этнографическое название могло быть позабыто или вытеснено. Правильные результаты должны получиться после учета и использования старой восточной и европейской историко-географической литературы.

Большое внимание уделяла топонимике и газета „Hakimiyeti milliye“ (теперь „Ulus“). На ее страницах неоднократно появлялись статьи на эту тему. Поскольку родственники малоазиатских огузов живут на востоке, Хусейн Намык Оркун напомнил о племенах баят (около Нишапура) и кайи (среди гокленов).[6] Все это известно и естественно; это есть миграция больших турецких племен и народов на запад, и части племени, теперь политически разорванные, представляют единое этнографическое целое; в хронике Ибн-Биби употребляется, между прочим, и термин „туркмены“.[7]

Не так систематически, как это сделали Х. Нихаль и А. Наджи, Авни Али Джандар выбрал из списка по ряду вилайетов названия деревень, сохраняющие память об огузских племенах.[8]

Неудивительно, конечно, что только топонимика деревень говорит об огузах в Малой Азии; не в душные города, занятые уже культурным

---

[1] Жители „Селения Куткашин Нухинского уезда Елизаветпольской губернии“, находя в земле кости, думали, что они принадлежат великанам-огузам (Рашид-бек Эфендиев в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа“, вып. IX, стр. 140).

[2] Tamga ou tag, marque au fer chaud sur les chevaux à Sinope. Journal Asiatique, 1928, Janvier—Mars.

[3] Опыт этнографического распределения турецких племен, явившихся в Малую Азию из „Великого Турана“. произвел и Бесим Аталай, ученый-националист, см. отчет о его лекции, прочитанной в Анкаре в 1922 или 1923 г.: Вл. Гордлевский. Из жизни современной Турции. Восток, кн. 4, стр 204—205.

[4] Köylrimizin adları. Istanbul, 1928.

[5] Anadoluda türklere ait yer isimleri. Türkiyat mecmuası, II, pp. 243—259.

[6] Yer adlarımızın tarihe yardımı (Ulus, 1935, № 4852).—Статьи его, печатавшиеся в газете „Ulus“, собраны в книге „Oguzlara dair“ (Ankara, 1935).

[7] Ибн-Биби, IV, 282.

[8] См. статью его „Yurdumuzun eski dili“ (Hakimiyeti milliye, 1933, № 4165). Недавно Ф. Аксу выпустил сборничек „Isparta ili, yer adlar“ (Isparta, 1936).

оседлым населением, а на вольные поля, на просторные пастбища устремлялись кочевники, заселяя пустыри.

Так как Анкара представляла удел государства Сельджукидов, я для примера выделил из материала Авни Али Джандара деревни, находящиеся в Анкарском вилайете, хотя территория Анкары, современная и Сельджукидская, — не совпадают. На территории Анкарского вилайета жили племена: кайи, баят, алкаэвли, языр, дудурга, афшар, кызык (собственно, деревня Кесрелик-кызыгы), бейдили, каргын, байиндыр, печенег, чавундур (деревня Чандыр), иймир, орегиль, игдирь, бюгдюз, кынык, т. е. из 24 огузских племен на территории Анкары было, по крайней мере, 17 племен.

Возможно, что там расположились и все 24 (22?) племени, но старые названия или ускользнули от статистиков, или исчезли, а часть племен была вытеснена, они могли распылиться или слиться с другими племенами, и имена их, как, например, бесцветные тава или караэвли,[1] были скоро забыты, а то и искажены. Племена же чапни и салэр расположены были вне Анкары: чапни — у Синопа, салоры — к югу от Анкары (одна из ветвей этого племени образовала Караманское княжество),[2] впрочем, часть племени чапни (отождествляемого К. Гуманом с тахтаджи) заняла кочевья в юго-западной (?) Анатолии.[3]

Часты в Анкарском вилайете деревни: Акдоган, Доганлар, Шахинлер, т. е. деревни, в названиях которых уцелел тотем „сокол“ (doğan — тотем одного из первых четырех племен правого крыла),[4] но, может быть, эти деревни занимались поставкой соколов для охоты.

А поскольку анкарская топонимика заключает небольшие населенные пункты (деревни), видно, что огузские племена, передвигаясь на запад, дорогой распадались.[5] От них откалывались частицы; вот почему селение Игдыр встречается не только в Анкарском вилайете, но и в Карсском и в Конийском вилайетах и к юго-западу от Зиле; Байиндыр также и в Измирском (Смирнском) вилайете и т. д.,[6] т. е. огузские племена оседали повсеместно.[7]

Изучая специально расселение племени кайи, Авни Али Джандар нашел мелкие подразделения его — колена и роды — на громадном пространстве, от Чанак-калэ до Карса, от Урфы до Манисы.[8]

Все это говорит о слабой спаянности племени, о разложении родового строя. Разложение могла ускорить и политическая система Сельджукидов, сознательно расчленявшая сильные племенные образования.[9]

---

1 Ср. „караёйли“ у Абулгази (В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 44), потомки Кашги назывались „караёйли“ („чернодомные“); они были беднее других.

2 Ф. Кёпрюлю. Oguz etnolojisine dair tarihî notlar. Türkiyat mecmuasi, I, 193.

3 Об этнологии Малой Азии, см. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. VI, стр. 57 (перевод статьи K. Humann из „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde“, Bd. VII, 1880).

4 Есть в Анкарском вилайете и деревня Сенджар (в „казе“ Зир), это — память о сельджукидском султане Санджаре (сыне Меликшаха).

5 Интересно, что и в одном населенном пункте находились разные племенные (или национальные) подразделения; так, южный квартал города Ахлата назывался „Каджар“, а северный — „Тонос“.

6 Население этих мест антропологически сохранило, должно быть, черты кочевников: так, например, А. Мордтманн, путешествовавший по северо-восточной Малой Азии в середине XIX в. (Anatolien. Hannover, 1925, p. 266), отмечает ногайский тип заптийе из Байиндыра (около Болу).

7 О распределении огузских племен вокруг Коньи, см. заметку Месуда Комана в журнале „Konya“, 1936, № 2, стр. 121—123.

8 Avni Ali Candar. Kayinin bölüntüleri. Hakimieyti milliye, 1934, № 4473.

9 О том, как распределялись в Малой Азии огузские племена, см.: Мюкримин Халиль, op. cit., p. 83; на севере преобладали племена, принадлежавшие к „бозок“, на юге, наоборот, — племена „учок“.

Завоевывая города или области, Сельджукиды направляли туда огузов. Постройка мечети указывает как будто на момент расселения; так, заняв Судак, Чобан-бей построил в цитадели мечеть, он, очевидно, оставил здесь колонистов, потомки которых, рассеянные в Крыму, сохранили особенности анатолийско-турецкой речи.

Постоянный свежий приток огузов в Малую Азию облегчал им победоносное шествие, и туземное население постепенно подвергалось ассимиляции. А отуречение влекло и исламизацию; и этот процесс развернулся широко во время Сельджукидов, когда в Малой Азии образовалось государство, когда ассимиляция представляла большие материальные выгоды.

Но и огузы испытывали на себе воздействие среды. Чем дальше подвигались они на запад, тем больше слабели кочевые традиции, — огузы воспринимали навыки городской жизни.

Многообразно и сложно было положение огузов в Малой Азии. Между соседями — христианами, в „области джихада", защитники ислама жили более или менее обособленно, религия удерживала их от смешения и ассимиляции с другими народами, но происходило все это бессознательно, потому что все-таки огузы — огузская масса — были плохие мусульмане и плохие патриоты. Там, где отсутствовало противопоставление, религиозное или племенное, на востоке Анатолии, среди арабов и курдов, огузы иногда „денационализировались".[1]

На окраинах, в горах, авторитет центральной власти был ничтожен, там огузы чувствовали себя независимо; так, например, избрание султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева I предрешено было согласием и содействием пограничных беев — старых противников Византии: трех братьев, сыновей Ягы-басана Данишменда.

Вдали от центра, на границах государства, огузы жили сплоченно. Там были пустые земли, на которых спокойно паслись их стада; здесь власть начальников племен — „беев" — была сильна. Огузы составляли „иль" — племенной союз (и военный начальник племени назывался „ильбаши"); этот термин перенесен потом и на политическое объединение — на области, где население было смешанное; так, за владениями Камер-эд-дина, когда они перешли к Караман-оглу, утвердилось наименование „Ичь-иль" (اچ ايل).[2]

Сельджукидские султаны, памятуя о заслугах огузов, помогавших им завоевать Малую Азию, отличали вождей огузских племен; им вверили они охрану границ государства. Пограничные беи (اوج بكرى)[3] занимали в государстве высокие должности.

Захваченные шиитскими идеями баба, стало быть, ощущая остро религиозное разномыслие, — туркмены-огузы охотно шли туда, где предстояла борьба за веру. Современный вилайет Текэ напоминает о туркменском племени текэ, которое направлено было сюда Сельджукидами для занятия южной окраины государства. Оно поселилось здесь, но в XVI в. поход шаха Исмаила Сефевида оживил у суфиев антисуннит-

---

[1] См. примеры „денационализации" (позднейшей) в восточной Анатолии: C. Brockelmann. Das Nationalgefühl der Türken im Lichte der Geschichte. Halle a. S., 1918, p. 13. — В Мардине в конце XVIII в. говорили по-арабски.

[2] Языджи-оглу Али, III, 369—370; теперь имя „Ичель" дано вилайету Мерсин (у Средиземного моря).

[3] Сперва долго думали, что слово اوج (uç) означает племя турок, — старая ошибка, допущенная уже С. Гюаром (переводившим Абулфиду) и потом повторенная еще К. Хюаром (переводившим Афляки). Впрочем, и восточнохристианские источники (например, грузинский историк царицы Тамары, Басили) под „уджами" подразумевали турок, см.: В. Дондуа. Басили, историк царицы Тамары. Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, стр. 61; также у Броссе.

ские настроения, и правительство должно было прибегнуть к насильственным мерам и переселить их в Европейскую Турцию.[1]

Огузы охотно шли на границы. У них были земельные участки — луга.[2] Для кочевника город — это своего рода тюрьма, и это настроение прекрасно выразил однажды, уже в XIII в., царевич Изз-эд-дин, когда, тоскуя в Константинополе, сказал византийскому императору: „Мы — турки, и не можем жить постоянно в городе. Определи нам где-нибудь на стороне землю".

Влагая в уста скитальца эти слова, историк Сейид Локман как бы повторяет народную поговорку, знакомую и современным туркам: „Для турок город — тюрьма".[3]

Тоскует и султан; в нем тоже живет кочевник, ему не сидится на месте: из Конья он часто передвигается в Кайсери, а на зиму уходит к Средиземному морю — в Анталью.

Еще в конце XIX в. деревни и города, расположенные на побережье Средиземного моря, летом вымирали, жители забирали скот и поднимались на яйлы, ища там прохлады от душного зноя.

На окраинах паслись стада, принадлежавшие огузам; здесь совершали огузы „набеги" (آقين) на соседей. Жизнь протекала сыто и спокойно, освобожденная от регламента центральной власти.

Шла вечная борьба — не война, а своего рода спорт. Здесь рождались и герои-богатыри („алпы"), часто единоборством решавшие исход столкновения.

Тип борца, возникший в Хорасане в IX в., воспевается уже в „Кутадгу-билиге";[4] среднеазиатский памятник высоко ценит алпа, „разящего войско", „равного четырем тысячам воинов".[5]

А когда искусственно разжигался религиозный пыл, на борьбу набирались часто безземельные, бездомные люди,[6] „гази", и были то не отдельные единицы, а большие отряды — „гази Рума" (غازيان روم), как говорит историк Ашикпаша-задэ, давно уже объединенные уставом „Футувва".

Неудержимая отвага, обещавшая этой голытьбе землю, влекла их на запад; завоевания давали выход силам, клокотавшим в них, и Сельджукиды, одолев Данишмендов, использовали эти передовые отряды, когда думали о завоеваниях.

На этих гази опирались Данишменды, вышедшие из округи, зараженной идеями „баба", — опасные для Сельджукидов соперники; одно время, в первой половине XII в., они господствовали в центральной части Малой Азии (в Никсаре, Кайсери, Анкаре и в других городах).

Но были то алпы или гази, — одинаково помыслы у них направлены были на войны, на грабеж, и, объявляя „газават" — войну против неверных, султан желал, чтобы „людишки" его подкормились. Хроника по-

---

[1] См. Вл. Гордлевский. Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI века. Труды Московского института востоковедения. Сборник № 2, М., 1940, стр. 92.

[2] Ибн-Баттута (II, p. 314) говорит, например, что туркменское племя (т. е. огузы) около Манисы кочевало на пастбище, принадлежавшем им (في مرعى لهم).

[3] Вл. Гордлевский. Из истории османской пословицы и поговорки. Живая старина, 1909, вып. II—III, стр. 111.

[4] Das Kudatku Bilik (изд. В. В. Радлова), p. 207.

[5] Геройство алпов — девять качеств, необходимых алпу, — описано у Ашикпаши (XIV в.) в „Гариб-намэ", см.: Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar, p. 273, not. 2.

[6] Так характеризует их А. Якубовский (Махмуд Газневид, сборник „Фердовси", Л., 1935, стр. 63). — О „гази", см. также: Ф. Кёпрюлю. Türkiye tarihi. İstanbul, 1923, I, pp. 81—82. Его же. Les origines de l'Empire Ottoman, pp. 93, 101—106.

дробно описывает добычу, захваченную у неверных, но молчит об обращении в ислам.

Конечно, были и подлинные борцы за веру, о которых сложились легенды, как, например, Сейид-Баттал (величавшийся Сейид-Гази).

В осиове сказаний о Сейид-Баттале лежат исторические воспоминания о человеке (арабе), участнике походов Омайядов на Малую Азию.[1]

Уже греческий ученый Каролидис думал, что Сейид-Баттал оказал влияние на возникновение византийских сказаний о Дигенисе Акрите. Блестящий знаток вопроса Г. Грегуар развил эту гипотезу: в поэме о Сейид-Баттале встречаются намеки и на историческую обстановку начала XII в. — наступление Сельджукидов на Византию — это время окончательного сложения поэмы; но зерно ее (мусульманские гесты о Метилене-Малатье), восходящее к арабским истокам, воспроизводит событие IX в. — период Аморийской династии, и нашло отражение в византийской поэме.[2] Здесь Сейид-Баттал и Дигенис Акрита неотделимы.

Одинаковые условия, одинаковая обстановка, в которой находились на границе византийские акриты и турецкие акынджи, сообщили образам Дигениса Акрита и Сейид-Баттала внутреннюю общность, отсюда и их параллельность.

Борьба породила у народов, отстаивавших независимость родной земли, одинаковые сказания: так, у византийцев создался Дигенис Акрита, у армян — Давид Сасунский,[3] на Балканах — у сербов и болгар — Марко Кралевич, а в условиях двоеверческой обстановки византийско-армянские сказания легко воспринимались и мусульманами-турками; как нечто близкое они повлияли на образование сказаний, воспевавших мужество „гази" — борца за воинствующий ислам — Сейид-Баттала.[4] „Девгениево деянне" уже рано, в XII в., т. е. когда шла еще в Малой Азии борьба между акритами и акынджи, переведено было на русскнй язык: помимо романического содержания, оно близко было читателю и потому, что обстановка военная напоминала ему о русских богатырях, стоящих на заставах.

Пограничная борьба между христианским и мусульманским миром началась в Малой Азни давно. Непрерывные стычкн нашли отголосок в рассказах и песнях, и уже в X в. (в первой половине X в.) образовалось основное ядро эпопеи о Дигенисе Акрите. На границе, там, где живо

---

[1] В „Житии" Сейид-Баттал-Гази говорится, как он, разрезав коровью шкуру на тоненькие полоски, овладел половиной города Константинополя; здесь отразилось воспоминание о постройке в Константинополе в VIII в. по просьбе арабского полководца Масламы, мечети; см.: Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь (Известия Академии Наук, 1918). — В столице Сельджукидов, Кайсери, была, как сообщает Якут в „Географическом словаре", мечеть Абу-Мухаммеда Баттала.

[2] H. Grégoire. L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie R. de Belgique, 5e série, t. XVII, 1931, pp. 463 seqq. — См. также: S. Kyriakides. Eléments historiques byzantins dans le roman turc de Sayyid Battal. Byzantion, t. XI, 1935, pp. 563—570.

[3] А. В. Банк. Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский (Давид Сасунский, Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939, стр. 143 и сл.).

[4] Образ Сейид-Баттал-Гази, борца за веру, пришелся, очевидно, по сердцу мусульманам. Как я слышал от А. А. Семенова, книга о газаватах Сейид-Баттал-Гази во время бухарского хана Насруллы (1827—1860) была переведена с турецкого на таджикский язык. К поволжским татарам книга могла проникнуть двумя путями: из Бухары, а позже и непосредственно из Стамбула. Широко распространенное литографированное издание было переведено H. Ethé (Die Fahrten des Sajjid Batthal. Leipzig, 1871), по-русски изложено у В. Смирнова (Очерк истории турецкой литературы. Всеобщая история литературы Корша-Кирпичникова, т. IV, стр. 447—456).

было ощущение боевой схватки, где еще свежи были воспоминания о битвах, и сочинялись, частично, песни о геройских подвигах, как это убедительно доказал Грегуар, анализируя эпизод смерти Дигениса Акриты около Самосаты.[1] Но в Сирии на мусульман надвигались и крестоносцы; здесь распространялись и арабские рыцарские романы, также отразившиеся на сказаниях о Сейид-Баттале.

И если защитник христиан Дигенис Акрита пал около Самосаты, за границей мира византийского, — мусульманский герой Сейид-Баттал, наступавший на Византию, естественно, передвинут к западу, — его могила очутилась в византийской святыне, в городке Наколеон (потом Сейид-гази). Здесь воинствующие наследники гази, дервиши-бекташи, создали культ Сейид-Баттала.[2]

Вообще, сказание о Сейид-Баттале — литературный продукт двоеверческой среды: сподвижники Сейид-Баттала — тайные мусульмане, помогающие вести борьбу с христианами.

Поставленные для защиты границ, огузы иногда поднимались против султана. Естественно, что после падения Сельджукидов пограничные беи почувствовали силу, и наместник монголов Эретна-бей послал однажды для усмирения их Амира Арифа-челеби.[3]

Это была вольница, дорого стоившая султанам. Зная их буйство и своеволие, угрожавшие прочности государственного строя, султан старался раздробить и разъединить племена, чтобы они чувствовали зависимость не от начальника племени, не от бея, а от султана. Вот на чем основана была политика султана, вот почему на небольшом сравнительно пространстве — на территории Анкарского вилайета — собраны представители большинства туркменских (огузских) племен; вот почему подразделения племени раскиданы друг от друга.

Огузы были опасны, когда были сплочены вокруг вождей племени, а разъединенные, они были бессильны: им понятна была только родовая, племенная власть, всякое другое племя было для них чужаком, и они смотрели на него, как на противника. Так возникали междоусобные войны между родственными племенами. Только страх перед султаном иногда сдерживал кочевые племена. А когда Сельджукиды исчезли, все переменилось. Ибн-Баттута во время путешествия по Малой Азии застал в Эрзуруме гражданскую войну между двумя турецкими племенами — войну, от которой город пострадал.[4] И через сто лет, в XV в., в северо-восточном углу Малой Азии продолжалась еще борьба между племенами, как это запечатлено в памятнике народной поэзии, в „Книге Коркуд-дедэ".

Когда огузы бунтовали, они прекращали взнос „подарков", а к подаркам султаны были чувствительны; всякое экстренное событие, как то: вступление на престол, брак, вызывало экстренные расходы, и огузы должны были восполнять казну и кухню султана. И они шлют султану „подарки" — натуральную подать в виде скота, верблюдов, пленников, рабов, очевидно, тех, кого они захватили во время набегов на христианские земли. Дань носила постоянный характер; так, на кухню Великого Сельджукида Санджара (XII в.) огузы ежегодно отправляли 24 тысячи баранов.

---

[1] H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Akritas. Byzantion, t. VI, 1931, pp. 481—508; резюме исследований в VII т. „Autour de Digénis Akritas".

[2] G. Jacob. Die Bektaschijje in ihrem Verhältnis zu verwandten Erscheinungen. München, 1909, p. 28. — Th. Menzel. Das Bektaschi-Kloster Sejjid-i Ghazi (M.S.O.S), Jahrgang XXVIII, Abteilung II, pp. 82—125. — Память о Сейид-Баттал-Гази (Джафар-ибн-Хусейн-Гази) сохранялась и в Стамбуле, см.: Эвлия-Челеби. Путешествие. I, pp. 470—471.

[3] Афляки, II, 415—416.

[4] Ибн-Баттута, II, 294.

Согласно степному обычаю,[1] среди тюркских племен издавна было деление на „правое“ и „левое“ крыло. Так было и у огузов: крыло делилось на 12 колен. Во главе „правого крыла“ (صغ قول) стояли беи племени кайн (и баят?), во главе „левого крыла“ (صول قول) байиндыр (и чаудор?).[2]

Племя кайи (в хронике Языджи-оглу Али одиажды упоминается Эртогрул, приграничный бей)[3] впоследствии вновь собрало феодальные княжества, возникшие после монголов, и создало Османское государство. Племя байиндыр заняло в XIV—XV вв. в Малой Азии господствующее место;[4] в XV в. они владычествовали над Ахлатом. В „Книге Коркуддедэ“ Байиндыр величается верховным вождем огузов. Значение вождей войска зависело от их материальной силы.

Война поднимала воинскую доблесть, она рождала героев, и естественно, это было для огуза почетное занятие, им огуз гордился. Здесь раскрывалась типовая старотурецкая черта; в Бухаре выражение „уругдар“ („имеющий род“) значило: „узбек, ознаменовавший себя службой бухарским ханам“.[5]

Каждое племя поставляло один „тюмен“ — одну „тьму“, т. е. 10 тысяч человек (очевидно, конников), и только племя кыныk (из которого происходили Сельджукиды) поставляло 4 тьмы — 40 тысяч человек, это была своего рода отработочная подать.

Цифры эти, обезличенные и высокие, внушают все-таки подозрение — выходит, как будто численность племен была одинакова. С племени кыныk султан брал в четыре раза больше, во всяком случае, больше, чем с остальных племен: в Малой Азии племя кыныk разрослось; политическая победа Сельджукидов усиливала тягу к племени кыныk со стороны менее удачливых огузских племен.

Термин „тюмен“ ясно вскрывает истоки организации. Перешедший к Сельджукидам, он у монголов обозначал высшее подразделение племени — 10 тысяч воинов; очевидно, и у огузов „тюмен“ утрачивал уже тогда значение точной цифры; „тюмен“ — своего рода административная единица, подразделение племени, занимавшее определенное место, кочевье,[6] — это, впрочем, обычная судьба родовых терминов.[7]

Собранное от огузских племен войско представляло внушительную силу, когда эта людская лавина заливала Малую Азию; у него были сторожевое охранение — дозор (قراول),[8] авангард (طلایه), арьергард (چغداول)[9] — словом, это была все-таки не беспорядочная масса, а органи-

---

[1] Б. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 135.

[2] Об исконности и важности этого деления говорит и Ф. Кёпрюлю (Bizans müesseselerinin tesiri, pp. 193—194, not. 1, и литература). — См. также: Charmoy. Expédition de Timour-i-Lenk contre Toqtamische. Mémoires de l'Académie de St.-Pétersbourg, VI série, t. 3, p. 148. چوانغار — левое крыло, برنغار — правое крыло.

[3] Конечно, это — случайный одноименник отца османского султана Османа, см.: Халиль Эдхем. Kayseriye şehri, p. 57, not. 1.

[4] Надписи на мавзолее Байиндыра и его сына, см.: Абдуррахим Шериф. Ahlat kitabeleri. Istanbul, 1932, pp. 77—80. — О Байиндыре, властителе Ахлата, ходит слава, как о богаче; см. мои „Османские сказания и легенды“ (Этнографическое обозрение, 1916, № 3—4, стр. 20—21).

[5] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. Спб., 1843, стр. 182.

[6] Ь. Владимирцов, цит. соч., стр. 104.

[7] Впоследствии „тюмен“ в Средней Азии — район, уезд, см.: А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 39, прим. 74. Ср. также слово „бёлюк“, означающее у Бабура — уезд, у турок малоазиатских — рота, см. словарь В. Радлова, IV, 1701. — Этимология слова „тюмен“ и содержание понятия, см.: W. Barthold. Encyclopédie de l'Islam, IV, 880.

[8] Через татар, во время монгольского нашествия, слово это перешло и в русский язык — „караул“.

[9] В хронике (Языджи-оглу Али, III, 150) однажды упоминается دویداریکی, очевидно, это опечатка: вместо دومداریکی.

зованные воинские отряды, выполнявшие во время сражения заранее предуказанные задачи.

Наличие специальных терминов для частей войск (правое и левое крыло, сторожевое охранение, авангард, арьергард) опять позволяет думать, что и военная тактика огузских племен напоминала татарские (монгольские) приемы ведения войны. Так, во время похода на Судак начальник султанских войск Чобан нарочно отошел назад, как бы понеся поражение, и оттянул неприятеля от крепости. И может быть, наступление османцев на Византию (охват Константинополя с тыла — они перешли в Европу и заняли сперва Адрианополь) отражает старые приемы. Но так действовали и татары: англичанин Флетчер, посетивший в XVI в. Россию, удивлялся военному искусству татар.

Военная тюркская тактика давно была разгадана соседями: о ней говорит и византиец Никифор Григора; и „Слово о полку Игореве" повествует, как половцы заманили войско Игоря и потом напали на него. Воинские части у огузов были построены по десятичной системе. Хроника Языджи-оглу Али, говоря о начальниках, упоминает однажды о „серверах" (по-персидски: سرور вождь, предводитель) и о „пятидесятниках" (اللی باشی).

Но и это занесено огузами из Средней Азии. Так, Низам-уль-мульк (гл. XIX) рекомендует ставить во главе каждых 50 отборных „гулямов" (а всего их должно быть 200) „накиба" (نقیب). Десятками организовано было войско и в Бухаре: „дяхбашн" (десятиик), „пянджабаши" (пятидесятник).[1]

Войско Сельджукндов на первой стадии развития государственного строя составлено было из племени, как бы мобилизованного на войву. Во время войны это войско сохраняло иерархию родового или племенного склада, одинакового как у монголов, так и тюрок.

Описывая снаряжение войска Тимура, историк Мирхоид говорит, что воины от язычников, т. е. от тюркско-монгольского населения Средней Азии, в соответствии со старыми и новыми порядками, должны были захватить, между прочим, продовольствие на год, лук и 30 деревяниых стрел.[2]

Обломки этого распорядка сохранялись у юрюков, которые, отбывая государственные повинности как в мирное, так и в военное время, забирали постоянно также продовольствие на шесть месяцев. А число „30" играло, очевидно, большую роль в родовом устройстве. „Оджак" юрюков состоял из 30 семей; у румелийских турок городка Серфийчэ — бывшего Монастырского вилайета в Македонии,—эмигрировавших в Малую Азию, недавно отмечено было, что они покорность бею выражали связыванием 30 стрел.

Существовала еще отборная, привилегированная дружина из алпов и бехадуров (богатырей), которые во время опасиости бесстрашно бросались на выручку своего племени.

Беззаветной храбростью выделялись Сельджукиды. Это было племя кынык, „всюду уважаемое", „дорогое" (عزیز), — как толкует это слово Рашид-эд-дин.[3] Так, давно уже к имени султана Арслана прилагался эпитет „алп" — Алп-Арслан (Герой-Лев), и храбрость, может быть, и возвысила Сельджукидов над огузскими племенами и дала право на престол незначительному племени.[4]

[1] Н. Ханыков, цит. соч., стр. 184. — См. также: В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. Записки Русского географического общества, 1880, т. VI, стр. 82.

[2] Б. Грекова и А. Якубовскнй. Золотая Орда. Л., 1937, стр. 82—83.

[3] Труды Восточного отделения, т. VII, стр. 38.

[4] Х. Нихаль и А. Наджи (цит. соч., стр. 253—254) перечисляют 15 мест, носящих имя племени кынык; см. еще: Хусейи-Намык Оркун. Anadoluda oguz boy adlari,

Уже Махмуд Кашгарский, перечисляя огузские племена, ставил на первом месте племя кыныk, „из которого происходят султаны".

Сначала, однако, племя кынык было затенено. В „Сельджук-намэ" говорится, что во главе 24 огузских племен находились салоры,[1] и только потом уже выбран был Локман-хан, представитель младшего огузского племени, „и был он богатырь, рассудительный и счастливый, а со стороны матери — царского рода".[2] Последнее замечание оправдывает как будто неожиданное возвышение этого племени.

Как сильны были у Сельджукидов воспоминания о военной основе их государства, говорит предание о том, что Сельджукиды (последний султан), как бы видя новую силу, которая идет им на смену, посылают Осману Гази барабан и знамя — символ независимости.[3]

Задумав поход, султан извещал об этом приграничных беев письмами. Когда огузы собирались, султан устраивал для них традиционный пир — „шилян" (شيلان),[4] на котором резались бараны. Это было старое национальное торжество, справлявшееся и при вступлении султана на престол, — так сказать, обрядовый стол, за которым представители огузских племен получали кусок жертвенного мяса, определенный тюрэ.[5] Вкушая общее мясо, огузы как бы присягали султану.

Кочевой народ — турки-огузы, — основавший в Малой Азии величественное государство, сохранил традиции кочевого быта — обычное право „тюрэ".[6]

Эпический хранитель тюрэ — обычного права огузов — султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I и позже, в XIII в., предпочитал как будто старые кушанья, говорившие о жизни кочевника.[7]

На пиру строго соблюдалось „местничество": представители садились на местах, установленных обычным правом; это право освящено было легендарным предком огузов, Огуз-ханом.[8]

В хронике Языджи-оглу Али изложен порядок сидения на „шиляне" предводителей племен. Стихотворный отрывок — своего рода застольная церемониальная песня, врывающаяся в прозу, — явно интерполирован. Он сочинен, конечно, для султана Мурада II (здесь и предсказание о господстве племени кайи, из которого вышли османские султаны).

„Ulus", 1935, № 4871. Автор напоминает, что в Бергаме есть „нахийе" — волость Кыныk; кроме того, „кынык" были в Мараше (Ахмед Рефик, цит. соч., документы №№ 185, 201), в северной Сирии (там же, документ № 159: قنق مشاق).

[1] Ср. имя легендарного родоначальника туркменских племен: Салырказан.

[2] Зия Гёк-Алп. Eski türklerde içtimaî teşkilât. Millî tetebbüler mecmuası, № 4, p. 437.

[3] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 185.

[4] Турки теперь пишут şölen — шёлен.

[5] Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyatının menşei. Millî tetebbüler mecmuası, № 5, pp. 27—34. — Н. Ильминский. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов (= казахов). Известия Восточного отделения Археологического общества, ч. I, вып. 5. СПб., 1860, стр. 109—127. — Там же, на стр. 128—136 „Примечания на письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву" Ламы Галсана Гомбоева. — Зия Гёк-Алп, цит. соч., стр. 414—416. — Абдюлькадир. Orun ve ülüş meselesi. Türk hukuk ve iktisat tarihi mecmuası, t. I, pp. 121—133.

[6] Это отметил уже Ф. Кёпрюлю (Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar, p. 210).

[7] Языджи-оглу Али, III, 215.

[8] Легенды об Огузе и о 24 племенах огузских повторяет и Абуль-Гази Бахадур хан (Родословная туркмен. Перевод А. Туманского, Асхабад, 1897).

В Стамбуле изданы были огузские сказания (мне оставшиеся неизвестными): W. Bang — G. R. Rahmati. Oguz kagan destanı. Istanbul, 1935. — См. также: Sitzungsberichte d. Preussischen Akademie der Wissenschaften, XXXV, 1932.

А. Н. Бернштам в статье „Историческая правда в легенде об Огуз-Кагане" (Советская этнография, 1935 г., № 6, стр. 33—43) намечает этапы истории турецких народов до сельджукского периода.

Низведение „ахи", некогда могущественных противников султанов, на роль простых регламентаторов, хранителей старой традиции огузов (удержанной ими до XX в.), говорит тоже, что обработка турецкого текста восходит, по меньшей мере, к XV в. Распространявшиеся народными певцами — „озанами", или „ашиками", официальные воззрения на власть отразились и на этом отрывке, представляющем заимствование из истории Рашид-эд-дина.[1]

Текст, изданный Хаутсма, неисправен;[2] но, поскольку огласовка (да и форма) собственных имен, стоящих в конце стиха, точно видна из рифмы предыдущего стиха, я привожу перевод отрывка, желая еще раз задержаться на этнографических терминах — на названиях 24 племен.[3]

„Отец ханов, Огуз-хан, изрек; / он так определил тюрэ — пути и установления; / он заповедал следующим образом, / чтобы тюрэ было стезей его сыновьям. / Он сказал: так как после ханом будет Кайи, / пусть объявлен он будет бейлербеем правого крыла. / Согласно тюрэ, бейлербей должен быть и у левого крыла, / и нужно так, чтобы то был Байиндыр. / Тюрэ, правила и угощенье также / должны быть по следующему распорядку, о брат мой: / сперва должен сидеть Кайи, потом Баят, / потом Алкаэвли и Караэвли, степенно,[4] / потом пусть садится Языр, а за ним — Дюкер, / потом, разумеется, Тудырга, Япурлу,[5] / Авшар, Кызык[6] и потом Бекдели, / и самый последний на правом крыле — Каргын.

Во главе левого крыла должен быть Байиндур, / после него ниже — младший брат Бидженег,[7] / потом Чаундур,[8] рядом — Чепни[9] еще Салор пусть сядет с Эймюром, / потом — Алаюндлу[10] и Уракир,[11] / Игдир, Бюкдюр,[12] Йивак[13] и Кыник. / Вот в таком порядке следует садиться; / перед ними должны быть доли;[14] / кумыс и «кымран»[15] должны таким же порядком / распиваться между старшими и младшими; / также должности и звания бея таким порядком пусть раздаются между коленами и родами,[16] / пусть всем из этих родов будет роздано, / а если останется, пусть попользуются и другие".[17]

---

[1] А б л ю л ь к а д и р, цит. соч., стр. 123.

[2] Я з ы д ж и-о г л у А л и, III, 203—204.

[3] Анализ дан был Th. Houtsma (Die Ghuzenstämme. W. Z. K. M., II, pp. 219—233), теперь статья, конечно, устарела (см. Ф. К ё п р ю л ю. Anadoluda islâmiyet, p. 37, not. 1).

[4] В тексте صكره حلقه آولقده اولو يا ثبات; переписчиком, да и Хаутсма, стих был не понят. У Рашид-эд-дина — Алкыр-эвли и Караэвли.

[5] У Рашид-эд-дина: Яйырлы.

[6] У Рашид-эд-дина: Карык.

[7] У Махмуда Кашгарского: Печенег.

[8] У Рашид-эд-дина: Джавуллур.

[9] В тексте: چپنی.

[10] У Рашид-эд-дина: Ула-йонтлы; ср. Алаюнт — станция Анатолийской железнодорожной ветки на Кютахью.

[11] У Рашид-эд-дина: Урекнр (ср. совр. железнодорожную станцию Урегиль около Анкары), потом в тексте стоит: بيق.

[12] У Рашид-эд-дина: Бюкдюз.

[13] У Рашид-эд-дина: „Йиве"; Хаутсма (Die Ghuzenstämme, p. 226) предлагал чтение: ياون (просторный); Мюкримин Халиль (op. cit., p. 42): „Явук" или „Йывык".

[14] В тексте موچلر; о слове müçe см.: А б д ю л ь к а д и р, op. cit., pp. 131—132; там ссылки на „Словарь" В. Радлова (IV, 2227, s. v. mǔšǔ) и на П. Мелиоранского (ЗВО, т. XIV, стр. 021—022); в енисейской письменности VIII в. — „свадебный подарок".

[15] В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, стб. 854: قمران (казанско-татарский язык) — вареное коровье молоко, смешанное с водой.

[16] В тексте термины اوروغ ،صوی; о сбивчивости родовой терминологии говорит В. Бартольд (Очерк истории туркменского народа, стр. 29—30).

[17] Перевод дан предположительный, в тексте: آرتوريسه آيروغی خوش كورعلر.

Этот порядок строго соблюдается в XII в., во время Великого Сельджукида, султана Санджара,[1] бывшего идеалом для Сельджукидов Рума.

В мирное время войну заменяли спортивные игры и особенно охота — школа войны, как заметил Чингис-хан[2], но, может быть, охота — любимое занятие и у монголов — подготовляя к войне, одновременно представляла и хозяйственное значение: это была, своего рода, натуральная повинность степного феодала.

Всюду в Азии охота — царственное занятие; это — традиционное любимое занятие государя (потом перенятое и Московской Русью); когда шах Каджарский отправлялся куда-нибудь во всем блеске величия, — его сопровождал сокольничий, держа в руке сокола.[3]

У турок-степняков соколиная охота издавна была распространена.[4] Об охоте, как об исконном турецком обычае (سيغر), говорит Махмуд Кашгарский в „Словаре". Сельджукиды, естественно, тоже соблюдали старину; была специальная „Книга охоты" (شكار نامه), описывавшая церемонию охоты во время Великого Сельджукида — Меликшаха.[5] Повторяя слова Поучения Владимира Мономаха, страстного охотника на „лютого зверя" — барса, султан тоже мог бы сказать: „Тружахся, ловы дея".

Во главе охоты у Сельджукидов Рума находился „эмир"; „всесильный" везир Са'д-ад-дин Кобяк одно время занимал должность „эмира" — начальника охоты.

У огузов в Малой Азии „большая охота" (اولو آو)[6] происходила дважды в год и продолжалась 15 дней;[7] звери выслеживались на большом пространстве, потом их сгоняли и травили.[8] Это было родовое, племенное торжество; об этом говорят тотемы — птичьи и звериные онгоны огузов. Султан собирал на охоту беев правого и левого крыла и сипахи (участвовали и „огланы" — личная гвардия султана). Присутствие сипахи указывает на то, что племенное торжество превращается в спортивно-военные игры, которые укрепляют силу и меткость руки не только у членов рода, но вообще у людей, подлежащих несению военной службы.

Меткие удары награждались. Сельджукиды в Малой Азии поддерживали порядок, сложившийся уже в Средней Азии. Если кто попадал стрелой в тигра, тому подвязывали у локтя тигровый хвост — „кутас".[9]

---

[1] В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 32 (из Равенди). — Память о нем благоговейно чтило население Мерва, создавая вокруг его имени сказки; см.: В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, стр. 125—126.

[2] Устав лова — в Ясе (см.: Г. Вернадский. О составе Великой Ясы Чингис-хана. Брюссель, 1939, стр. 21—22).

[3] E. Aubin. La Perse d'aujourd'hui. Paris, 1908, p. 132.

[4] См. „Кутадгу-билик" (изд. В. Радлова), стр. 212. — Ср. также: М. Гаврилов. Перепелиный спорт у ташкентских сартов. Живая старина, год XVIII, 1909, стр. 47—51. — Насколько охота эта была распространена и в Малой Азии, показывают поэтические образы в народных турецких песнях (записанных Ф. Гизе), — зарождение любви между парнем и девушкой рисуется в виде борьбы между двумя птицами: куропаткой и соколом; см.: Вл. Гордлевский. Из наблюдений над турецкой песней. Этнографическое обозрение, кн. 79, М., 1909, стр. 31. — Образ куропатки встречается и в греческой эпопее о Дигенисе Акрите, сложившейся тоже где-нибудь в Малой Азии и повлиявшей на создание турецких народных типов и образов.

[5] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 268, not. 1. — Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyatının menşei. Millî tetebbüler mecmuası, № 4, pp. 34—40.

[6] Ф. Кёпрюлю, ibid., № 4, pp. 34—39.

[7] Языджи-оглу Али, III, 215.

[8] Как видно из Языджи-оглу Али (III, 68), охота происходила на диких кабанов: во время охоты, где-то между Изником и Инёню, на детей султана Гияс-ад-дина Кей-Хюсрева I из лесу выскочил дикий кабан.

[9] „О кутасе" см.: П. Саввaитов. Описание старинных русских утварей, одежд... и конского прибора. СПб., 1896, стр. 15—16.

За удачное попадание в птицу жаловался „султан" на голову. Неизвестно, водились ли в Малой Азии в XII—XIII вв. тигры и яки; скорее, все это — образы, перенесенные из Средней Азии, списанные хронистом из „Сиясет-намэ" („Книги управления") Низам-уль-мулька. Однако в измирском районе в Сельчуке (древн. Эфес), еще и теперь водятся пантеры, — так утверждает директор музея в Измире Саляхаттин Кантар.[1] Впрочем, и в атласе П. А. Чихачева тоже есть гравюра, изображающая пантеру, убитую в окрестностях Измира.

Была еще страсть у султана, унаследованная от предков. Султан был большой любитель лошадей. В Малой Азии вкусы его утончаются, и к нему приводят лошадей и венгерских, и кавказских („тавлинских").[2]

Конь, утеха наездника, совершавшего набеги, ценился высоко в Передней Азии; так, например, грузинский царь Давид Сослани, муж Тамары, отдал за коня крепость и деревни.

Образование стояло, конечно, на низком уровне, и на письменность — на письмо, насаждавшееся пришлым духовенством, огузы смотрели с суеверным ужасом: старое слово „битик" (письмо), заимствованное еще уйгурами у китайцев, у них было синонимом амулета.[3]

Когда Ибн-Фадлан наблюдал огузов в X в., они были еще язычниками. Он нашел у них языческие погребальные обряды турок VIII в. Но и в Малой Азии спустя два-три столетия ислам медленно изменял вековые навыки.

Так, еще в начале XIII в. Сельджукид, исполненный, очевидно, доисламских (шаманских) воззрений на святость земли, прикрывающей тело мертвеца, мстя врагу, Ягы-басану Данишменду, раскопал его могилу, сжег кости и развеял прах по ветру: он хотел лишить „душу" врага покоя в подземном приюте.

Огузы, став мусульманами, цепко держались за старый уклад. Еще теперь у туркмен Малой Азии сохранилась пословица, свидетельствующая о недоверии к мусульманам: „по пути мусульманина шествовать не годится" müslümanın yoluna gitmek olmaz).[4] Тем сильнее было у огузов нерасположение к мусульманству, что оно насильно вытравляло племенные, национальные обычаи в эпоху Сельджукидов.

Официально огузы — мусульмане, но это — внешняя оболочка, и долго еще у них сосуществовали два имени: новое, мусульманское, и старое, родовое имя, или прозвище. Сохраняя старое имя, огузы-мусульмане инстинктивно вспоминают народное наставление: „Брать чужое имя, значит, уподобиться чужой нации".[5]

Двойное имя наблюдается даже у придворной или служилой верхушки (куда, конечно, ислам должен был глубже проникнуть), например: Зия-эд-дин Кара-Арслан (начальник войскового арьергада), Фахр-эд-дин Арслан Догмуш, Мубариз-эд-дин Эртокуш, Сейф-эд-дин Кара-Сонкор, Шемс-эд-дин Алтунпа и т. д.

Вот еще примеры тяготения к племенным названиям у крупных деятелей XIII в. Начальник аймака „каймарлы", наместник Амасьи (аймак, очевидно, и кочевал около Амасьи) носил два имени: Нур-эд-дин Туграк; дети его также сохранили два имени: Сейф-эд-дин Салор, Шемс-эд-дин Огуз и Хусам-эд-дин Тимур; у везира-диктатора Сa'д-эд-дина Кобяка —

---

[1] См. статью его в „Ulus" от 28 февраля 1938 г. „Izmirde kaplan var mı, yok mu?".

[2] См. Языджи-оглу Али, III, 341.

[3] Материалы по истории... Туркмении, 1, 311.

[4] Türkmen aşiretleri. Istanbul, 1332 (1916), p. 321. — Составленный немцами, работавшими в Турции в империалистическую войну (д-ром Фрейлихом и инженером Раулигом), этот сборник — в нем свыше пятисот страниц — прошел как-то незаметно, а между тем он заключает в себе обширный этнографо-социологический материал.

[5] В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, V, 227 (о Манасе).

имя, напоминающее половецкого князя из „Слова о полку Игореве“.[1]

Иногда родовое имя вытесняло новое имя, насильно навязанное огузу (например, у эмирахора Огул-бея); Данишменд Ягы-басан (старинный враг Сельджукидов, озлобленный и потому изменивший султану) носил родовое имя („разящий врага“), наводившее, быть может, ужас на соседей.

У простых воинов власть старых имен, конечно, была еще сильнее, но только раз встречается в феодальной хронике рядовой сипахи: салор Йолук (или Юлук)[2] Арслан.

Прозвища племенные удерживаются до XIV в.: среди мюридов Султан-Веледа был эмир Мехмед Сокурджи[3] (очевидно, здесь огузский тотем „сонкор“ — сокол); у Инандж-бея в Ладике был брат Доган-паша[4] — опять огузский тотем (сокол).

Изредка они встечаются и в XVI в.; в документах о рудниках, изданных А. Рефиком, упоминается под 980 г. х. отставной сипахи-задэ, по имени Огуз.[5]

Вообще, прозвища у огузов связаны были с племенным происхождением или с родовым тотемом.[6] Казалось бы, у Сельджукидов, происходивших из племени левого крыла, кынык, часто ожидалось бы прозвище „Чакыр“ (ястреб), но у них встречается прозвище „Арслан“ (лев). Здесь сказывается старое увлечение иранской эмблемой, которая позже изображалась и на монетах („лев и солнце“).[7]

В имени „Кылыч“ (меч) содержится воспоминание о культе меча, распространенном, как сообщает Иорнанд, среди гуннов.[8] Двойное имя „Кылыч-Арслан“, как думал Хаутсма, указывает на тотемы племени отца и племени матери; но П. М. Мелиоранский, анализируя имена, где на тотемы отсутствует и намек, возражал против сомнительного, конечно, предположения Хаутсма: в сочетании „Кылыч-Арслан“ оба слова, скорее тотемы мужские: Кылыч-меч (оружие мужчины), Арслан — второе имя в роду Сельджукидов (ср. Сулейман-ибн-Кутылмыш-ибн-Арслан-ибн-Сельджук); Арслан, может быть, — имя рода, имя подразделения, более мелкого, чем Сельджук.

В тюрэ и после того как огузы приняли ислам, заключены были обязательные жизненные нормы, выработанные предками; регламентирован каждый шаг общественной или частной жизни. Забывая, что они — мусульмане (у которых голова должна постоянно быть прикрыта), огузы от радости кидают шапки („кюлахи“) в воздух.[9] Впрочем, это, быть может, „линейная речь“, типическое выражение радости (и буквальное толкование

---

[1] Ср. также: П. Фалев. Ногайская сказка об Ак-Кёбёке. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. V, стр. 189—196.

[2] Так читает Мюкримин Халиль (op. cit., p. 56).

[3] Афляки, II, 314.

[4] Афляки, II, 327, 384. — Ср. также современные населенные пункты в конийском вилайете: Доганбей, Доганхисар.

[5] А. Рефик. Osmanlı devrinde Türkiye madenleri. Istanbul, 1931, № 26, p. 16.

[6] Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar, herausgegeben und erläutert. Leiden, 1894, p. 26. — Позже, независимо от Хаутсмы, на это обратил внимание А. Н. Максимов (К вопросу о тотемизме у народов Сибири. Ученые записки РАНИОН, т. VI, стр. 7 и сл.).

[7] О львах в Иране, первоначально на могильных памятниках храбрецов-героев, см.: А. Ромаскевич. Изваяния и изображения львов в Иране. III международный съезд по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, стр. 209—215. — Впрочем, лев — львиная шкура, львиный хвост — давно уже представлял символ власти (у хеттов, в Египте, а позже — у византийцев).

[8] Th. Houtsma, op. cit., p. 27.

[9] Языджи-оглу Али, III, 105.

было бы неверно), подобно тому как бросание шапки оземь означает отчаяние.[1]

Хранителем тюрэ в Малой Азии был султан Сельджукид — вождь огузских племен. Простота нравов султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I говорит о силе кочевых (племенных) традиций, сохранившихся в эпоху пышного расцвета и величия государства. Хронист гордо подчеркивает, что султан Ала-эд-дин I хорошо знал обычное право огузов — „Огуз-намэ", и как придворный быт, так и суд (гражданский), даже мелочи — все основано было на точных указаниях „Огуз-намэ".[2]

В „Огуз-намэ" сведены были нормы „чери" и „ясá", т. е. Ала-эд-дин соблюдал старый военный („чери") и гражданский („ясá") закон.

Очевидно, процесс разложения родового строя шел медленно, но непрерывно (хотя не закончился и в XVII в., как видно из документов, опубликованных Ахмедом Рефиком). К концу XIII в., когда Иби-Биби писал хронику, верхушка сельджукидского общества явно ощущала, как далеко отошла она от простоты нравов, царившей еще всего полстолетия назад. Но перемена наметилась давно, задолго до султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I; он для историка — идеал государя, поднявшего Сельджукидов на недосягаемую высоту; казалось, что это происходило благодаря его приверженности к старине, к старым дедовским обычаям, благодаря отвращению к новизне, низвергшей государство в пропасть.

Сохранилось в дворцовом быту Сельджукидов почетное звание „атабек" — воспитатель царевича, опекун его. Когда питомец возвышался, атабек приобретал большое влияние; это был первый советник, доверенное лицо султана, потому что это был, прежде всего, названный отец („ата").

Красочно раскрываются огузские обычаи и обряды в свадебном ритуале.[3] Браки у огузов совершались внутри племени — это были эндогамные браки. Гаремы султанов наполнялись невольницами; по политическим соображениям брали Сельджукиды жен со стороны — из Византии или из Грузии, а все-таки туркменка была ближе: когда заходит речь о женитьбе султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I, ему указывают на дочь князька („мелика") Эрзинджана, происходящую из „пречистого рода" Кылыч-Арслана II.

И во время похорон также соблюдались домусульманские обычаи. Так, когда в Конью привезено было тело султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева I (павшего в битве с греками), сын его, Изз-эд-дин Кей-Кавус I, устроил богатые поминки; между прочим, он поместил (в усыпальнице?) верховую лошадь его, которую по пятницам покрывали красным туркестанским (?) атласом.[4]

Верный друг и спутник человека на земле, лошадь превратилась в талисман, охраняющий хозяина и после смерти. Рубрук[5] во время путешествия наблюдал, что около могилы монгола повесили на высоких жердях 16 шкур лошадиных, по 4 шкуры с каждой стороны.

---

[1] Ибн-Биби, IV, 114.

[2] Языджи-оглу Али, III, 217.

[3] Об этом подробно см.: Вл. Гордлевский. Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазиатских Сельджукидов, так называемой хроники Ибн-Биби, стр. 6—7.

[4] Языджи-оглу Али, III, 114: وبر نوبتی جنیبتی انده ملازم قودی و قزل آطلس برکستوانی [ترکستانی?] دبوله هر اذینه کون مرتب قلوب طوترلردی — Ср. похороны монгольского хана, описанные Палладием: В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турок и монголов. ЗВО, т. XXV, стр. 65.

[5] В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.

В суде, руководимом султаном, господствовали старые порядки. За убийство полагалось убийство, но, очевидно, возможен был и выкуп за кровь — „кун“ (по-персидски خون — кровь). Так, Афляки рассказывает, что везир Муин-эд-дин Первана по ходатайству Джеляль-эд-дина Руми уплатил за убийцу, укрывшегося в доме приятеля, противникам „цену крови“.[1] Иногда „цена крови“ достигала крупной суммы; зачарованный главой мевлеви, Алам-эд-дин Кайсар (правитель Аксарая) охотно пошел на жертву и распродал имущество (на 40 тысяч диргемов), чтобы угодить Джеляль-эд-дину Руми.[2]

Ислам отнял у женщины свободу, которой она пользовалась раньше: женщины, например, участвовали в „шиляне“; в „Книге Коркуд-дедэ“ указывается, что боевые подвиги совершает и женщина.

На надписях (на монументальных зданиях) эпохи Сельджукидов отсутствуют обычно имена женщин-благотворительниц (сельджукидских „принцесс“), имена заменяются эпитетами: „целомудрие мира и веры“, или словом „хонд“ (خواند)[3] — титул женщины султанского или высшего придворного круга; он встречается не только на территории государства Сельджукидов (в Нигде и в Кайсери), но и в Брусе уже в османскую эпоху („Хонди-хатуи“); точно так же и имена, упоминаемые в хронике, не являются их настоящими именами.[4] Мусульманская религия официально прятала женщину и даже презирала ее. Невысокое мнение о женщине было и у историка Сельджукидов Рума, мусульманина Аксараи.[5]

Однако перед традициями и требованиями жизни ислам должен склониться и пойти на уступки. Сильная женщина могла и умела рвать путы, которые накладывала религия.

Мать Ибн-Биби вращалась среди мужчин. Но это объяснялось ее профессией „астролога“, который предугадывает horas fastas et nefastas — счастливые и несчастливые часы, направляет каждый час султана.

В истории Передней Азии были случаи, когда женщина по смерти мужа занимала место его. В Алеппо, подвластном дядьям султана Иззэд-дина Кей-Кавуса I (здесь царил когда-то брат Меликшаха, Тутун),[6] „заместительницей власти и правительницей государства“ была, за малолетством Мелика, его мать Азиза;[7] Языджи-оглу Али упоминает (в 1218 г.) только о Дайфе, хотя фактически в Алеппо распоряжался атабек Шихаб-эд-дин-Тогрул.[8]

И позже, в XIV в., в высших кругах османского общества (захваченных исламом) продолжали сохраняться старые степные традиции. Ибн-Баттута застал в Изнике „Беялун“, т. е. Нилюфер,[9] которая правила городом от имени мужа, султана Орхана; Ибн-Баттута, всегда стоящий на страже ислама, аттестует ее, как женщину благочестивую и превосходную.[10]

---

[1] Афляки, I, 120.

[2] Афляки, I, 361.

[3] О Хонде в Нигде см.: Вл. Гордлевский. Из жизни современной Турции. Восток, кн. 3, стр. 206.

[4] Халиль Эдхем, Kayseriye şehri, p. 32.

[5] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0133, прим. 1.

[6] Должно быть, это не имя, а титул „тудун“. Впрочем, Мюкримин Халиль (op. cit., стр. 63) называет его „Тутуш“.

[7] Языджи-оглу Али, Ш, 163.

[8] В. Бартольд. Мусульманский министр-философ эпохи крестовых походов. Восток, кн. 4, 1924, стр. 134.

[9] Чтение, предложенное Ф. Гизе; значит, жену хана Мохаммеда Узбека, дочь византийского императора, также звали Нилуфер (نيلوفر?) (см. Ибн-Баттута, II, 383).

[10] Ибн-Баттута, II, 323.

Идя иногда на уступки, ислам смягчал все-таки обычаи, господствовавшие у турок, пока они были язычники. „Если умирает человек, имеющий жену и детей, — писал Ибн-Фадлан, — старший из его детей женится на жене его, если она не была его матерью".[1] Теперь вдова султана выдавалась замуж за близкого его сановника; так, везир Муин-эд-дин Первана, после смерти султана, взял его жену, Гюрджи-хатун.

В быту женщина отражала натиски духовенства. Огузам-мусульманам были еще чужды веления новой веры, и все оставалось у них попрежнему. „Книга Коркуд-дедэ" молчит еще и о многоженстве, рано проникшем в высшую среду (например к султанам).

Когда в Конью въезжал султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I (находившийся ранее в заключении), женщины, как замечает Языджи-оглу Али, смотрели из окон на процессию.[2] На побережье Средиземного моря (в Алаие) женщины еще в XIV в. ходили открытые.[3] Но здесь действовали, быть может, или христианские традиции — Алаие возникла на месте византийского города Калонороса, а может быть, и портовая жизнь ломала слабые устои ислама.

Все в Малой Азии было непохоже на мусульманский уклад жизни. И даже идея о высшей государственной власти, осложненная новыми социальными взаимоотношениями, сохраняла отголоски родового строя.

На мемориальных надписях, высеченных на арабском языке, наряду с пышной арабской титулатурой, встречаются и старые эпитеты и титулы, как, например, „джабуга",[4] т. е. орхонское „ябгу"; в форме „ябгу" передает в X в. Ибн-Фадлан титул предводителя огузских племен [у Ибн-Биби есть и старотурецкий титул „тудун" („тудун бехадыр")].[5]

И естественно, что у Сельджукидов сохранялась древнетурецкая титулатура, как отражавшая старую организацию войска: „ябгу" и „шад" были начальниками левого и правого крыла войска.

Когда умирал султан, вопрос о преемнике обсуждался не в „меджлисе" — институте мусульманском; вельможи (а это все, как будто, огузы) устраивали „курултай" — совет из представителей огузских племен. Курултай сохранил у Сельджукидов старые функции общеплеменного собрания, на котором происходило провозглашение хана. Однажды на курултае возникли разногласия, тогда бей Мараша Нусрет-эд-дин напомнил обычное право огузов, которое гласило: „Когда есть старший брат, младшему брату не приличествует главенство" (آغا وار كن اينيبه سروولك دكمز).[6]

Огузские беи, стоя вокруг избранника, трижды преклонялись перед ним; потом подносили ему „чаши" (صغراق), наполненные медом и кумысом, — так говорит историк османский Лютфи-паша.

Обряд возведения на престол, сообщаемый Языджи-оглу Али, воспроизводит старые турецкие обычаи, сохранявшиеся еще у касимовских царей:[7] султана берут на руки — поднимают („несут") и сажают на

---

[1] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 61.

[2] Языджи-оглу Али, III, 202. — Если я только верно понял значение здесь слова دريچه („окно", а не „дворцы"), — то окна домов в Конье выходили тогда на улицу, а не во двор, как это было потом.

[3] Ибн-Баттута, II, 256.

[4] Вл. Гордлевский. К вопросу о влиянии турецкого языка на арабский. Записки коллегии востоковедов, т. V, стр. 273.

[5] Ибн-Биби, IV, 314; об этом слове см. статьи в „Сборнике Музея антропологии и этнографии", т. V, стр. 395—400.

[6] Языджи-оглу Али, III, 97.

[7] В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864, ч. II, стр. 403—409 (воцарение Ураз-Мухаммеда).

престол,[1] а потом на него дождем сыпались диргемы и динары (серебряные и золотые монеты).

Всюду чувствовался степняк, неохотно отказывавшийся от старых, привычных ему форм.[2] Являясь ко двору султана, бен кланялись „по обычаю огузскому", целуя землю. Целовал землю перед Алп-Арсланом и византийский император Роман Диоген. Великим Сельджукидам в XI в. еще неизвестен был церемониал вассальства.

Пока власть султана была сильна, он распределял землю между сыновьями на родовые „улусы". Он смотрел на Рум как на вотчину. Так поступил султан Кылыч-Арслан II, последовавший обычаю, существовавшему еще у Великих Сельджукидов, и разделивший землю на 12 частей.[3] Это был, видимо, последний случай волеизлияния султана-степняка. Доходы от уделов сыновей не шли в диван отца, и только раз в год отправлялись дети на поклон к отцу.[4]

„Голос народа" проникал и во дворец, там раздавалась часто песня народного певца-озана. И озаны были еще в XV в., как видно на примере анонимного озана (открытого проф. Ф. Кёпрюлю).[5] Это были народные поэты, и авторство песен озанов быстро забывалось.

Поэзия у Сельджукидов носила религиозно-шаманский отпечаток. У „войскового поэта" султана Селима I в XVI в. было имя (или литературный псевдоним) „Бахши"[6] — термин, сохраненный еще казахами.

Тюрэ (обычное право) огузов всюду доминировало, и Афляки, пришельцу-мевлеви, бросалась в глаза та пропасть, которая была между оседлым горожанином, пропитанным иранской культурой, и кочевником-огузом. Оазисы городской культуры одиноко маячили среди степей, населенных кочевниками, которые строго стояли за порядки и предания предков.

Афляки огузы были чужды. Он смотрел на них, как на страшилище. Он рассказывает, что Беха-эд-дин Велед, сын Джеляль-эд-дина Руми, вспоминал „хадис", сфальсифицированный, вероятно, в Багдаде, когда турки забрали силу над халифом: „У меня есть армия, которую я поставил на Востоке; я назвал их турками. Я вложил в них мой гнев и ярость; и всюду, где какой-нибудь человек или народ преступает мои права, я напускаю на него турок, — и это будет моя месть".[7]

Афляки повторяет старые россказни о турках-варварах — о „биче божьем", нашедшие место уже в XI в. у Махмуда Кашгарского, зараженного мусульманским правоверием, но он забывает, что Сельджукиды в Малой Азии представляли все-таки оплот мусульманства и что благодаря огузам возвысились в Малой Азии мевлеви и превратились в могущественных феодалов, которые эксплоатировали бедное, темное крестьянское население.

---

[1] Ибн-Биби, IV, 251, также 280 (здесь и присяга — клятва на Коране).

[2] В. Бартольд (Очерк истории туркменского народа, стр. 28) указывает еще, что на монетах Сельджукидов изображалась тамга племени „кынык" (стрела, острием обращенная вверх). — Изображение тамги, см. у Рашид-эд-дина (Труды Восточного отделения Археологического общества, т. VII, стр. 38). — У Махмуда Кашгарского (I, 56) скорее тамга салоров напоминает изображение Рашид-эд-дина для „кынык". — Ф. Кёпрюлю (Bizans müesseselerinin tesiri, p. 257, not. 5) принял тамгу „кынык" за дубину (çomak).

[3] Впрочем, у султана Кылыч-Арслана II было всего одиннадцать сыновей, двенадцатая была дочь — Исмет-эд-дин Геухер-хатун (см. „Приложение").

[4] Языджи-оглу Али, III, 11.

[5] Юсуф Зия. Halk edebiyatı antolojisi. Istanbul. 1933, p. 12 (= Edebiyat serisi, p. 24).

[6] Ibid., pp. 13—14.

[7] Афляки, II, 478—479.

Так и иранцы смотрели на тюрка: „тюрок — предвестник антихриста“, заявляет в „Рисалэи тарифат“ Убейд Закани.

Традиционное пренебрежение к „тюрку“-простолюдину, не „озаренному“ мусульманской культурой, перешло от иранцев к османской интеллигенции.[1]

---

1 Так, например, поэт-гедоник XVI в. Месихи, может быть, иронизируя над этим увлечением иноземцами, говорит: „Ну, ты иди сюда к нам, будь то араб или иранец“ (یا عربدن یا عجمدن یورو کل). Так, впрочем, смотрели на „турка“ и в Средней Азии: Бабур отзывается о своем дяде Султан-Ахмеде, что это был „простодушный турок“ (ترك و ساده ایدی) и ничего не читал, см.: В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 145.

Глава IV

Организация кочевых племен Малой Азии в XVI—XVIII вв. как иллюстрация к положению огузов в эпоху Сельджукидов.

В османскую эпоху долго еще вспоминалось „время огузов“ (اوغوز زمانی). Сказания об огузах, частично отразившиеся в „Книге Коркуд-дедэ“, сохранялись народными певцами и народ охотно слушал эти песни.[1] Отголоски родовых институтов долго продолжали жить в Малой Азии.

Старая организация огузов, в Малую Азию занесенная еще из среднеазиатских или монгольских степей, несомненно, отобразилась в документах XVI—XVIII вв. о турецких „аширетах“ (кочевых племенах) в Анатолии. Издавая указы, османское правительство ссылается на старые фирманы;[2] оно требует, чтобы соблюдались старые установления, зафиксированные в архивах. „Канун-намэ“ (законники) османских султанов, со времени султана Мехмеда II (XV в.) кодифицировали, закрепляли обычное право кочевников — нормы, сложившиеся раньше, в эпоху Сельджукидов. Отсюда ясно большое значение архивного материала для понимания жизни предков этих кочевников — огузов.

Из этих документов слово „огуз“ исчезло; османцам — правительственной верхушке, потерявшей племенные связи и воспитанной на арабской и персидской литературах, стыдно уже воспоминнание о славных предках — „тюрках“-огузах, и они употребляют слова „юрюки“ и „туркмены“; эти термины, впрочем, как-то различаются и противополагаются (см., например, указ № 205, стр. 162). Возможно, что термин „юрюк“ (кочевник) внедрился давно; в документе (№ 196, стр. 148) раз упомянуты „старые юрюки“ (eski yürükler).

Мелкие подразделения туркмен говорят, однако, что все это — прежние огузы, сохранившие кое-где наименования 24 племен. Так, в документе № 233 (стр. 203) фигурируют туркмены-бегдили, в документе № 246 (стр. 215) упоминается племя баят (сирийские баяты).

Терминология претерпела уже изменения — в номенклатуру о деленни племен, о начальниках и главах племени и т. д. врываются термины арабские; вообще наблюдается смешение старых турецких термияов и новых арабских.

Документы, составленные грамотеями, конечно, хорошо знают арабские термивы — деление племени (طائفهٔ عشیرت) на „джемаат“ (جماعت — община) и „махаллэ“ (محله — квартал); но еще более подробно перечисляются турецкие термины: „оджак“ (объединение из тридцати семей),

---

[1] Отдельные сюжеты и теперь еще живут в Малой Азии, см. „Записи от армянина в Бейшехри“ (Ülkü, 1938, № 2 и сл.).

[2] О „Законнике“ султана Мехмеда II так и говорится, что это — „законник отца его и деда его“.

„бой" („джемаат" — его арабский эквивалент), „аймак", „бёлюк", „оба". Эволюция этих терминов представляет большой социальный интерес; частью эта номенклатура отражает общетюркский родовой строй (ср., например, аймак), частью она перешла в войсковые подразделения османцев, например: бёлюк (рота); термин „оджак" принят был для янычарского войска.

Во главе племени исстари находился „сюбаши".[1] И поскольку еще в XVI—XVII вв. так именуются высшие начальники отдельных племен или племенных объединений,[2] невольно возникает предположение, что и раньше, в эпоху Сельджукидов, этот термин широко был распространен среди кочевников и представлял пережиток родового полувоенного устройства огузов: сюбаши были кочевые феодалы. Так, у Сельджука, родоначальника Сельджукидов, был титул сюбаши.[3] Потом, в османскую эпоху, сюбаши утратил былое положение, ему в провинции принадлежали полицейские функции; это был пристав или квартальный;[4] эти функции, как видно из Эвлия-челеби, наметились, по крайней мере, уже в XVII в.

Термин „сюбаши" в начале XVII в. у кочевников пропадает; он заменяется терминами „башбуг" (başbuğ — вождь),[5] „мир" (miri aşiret — вождь племени), „реис" (رئيس) — начальник, глава). За термином „мир" насчитывается, впрочем, вековая давность: уже в „Канун-намэ" султана Мехмеда II упоминается эмир (мнр) юрюков. Смена старых терминов происходит естественно: они оттесняются правительственными чиновниками, присылаемыми извне — из Стамбула.

Соответственно строю племени были еще начальники „боев" (boy beği), т. е. беи, бии (beğ, biğ), во время Сельджукидов значение, объем их власти был как будто больше; „бёлюк-баши" (bölükbaşı), „черибаши" (çeribaşı).

„Бёлюк" — термин старый, еще среднеазиатский, внедренный потом монголами в административный строй Ирана; „черибаши" — так назывался начальник „чери", т. е. воинов, людей, снаряженных для войны.[6] Слово „чери" давно проникло в тюркские языки, сначала к уйгурам из Индии, а от уйгуров заимствовано было наследниками их государственности — монголами (ср. монгольское „цирик"). Впоследствии османцы, исходя из военной организации юрюков (огузов?), создали „новых чери", т. е. янычаров.

Были еще выборные должностные лица, или лица, летами или умом заслужившие доверие, как то: „кетхуда" (управляющие), игравшие большую роль; „ихтияры" („старцы",[7] так сказать, среднеазиатские „аксакалы" — старшины); „мужи дела" (iş erleri); „мужи слова" (söz sahibleri); „земские люди" (il erleri) — все это были „лучшие люди" (ahassi rical) (документ № 198, стр. 153).

---

[1] В европейской Турции есть деревня Сюбашикёй (к юго-западу от Текирдага).

[2] Термин встречается иногда у „мюселлимов" (документ № 63, стр. 50).

[3] W. Barthold. 12 Vorlesungen, p. 101 (см.: Махмуд Кашгарский, I, 397: سلجك سوباشى).

[4] Деградации способствовало смешение слов: سو (войско) и صو (вода); ср. словарь Сами-бея (II, стр. 836—837), так, впрочем, почему-то понимает Fr. Kraelitz-Greifenhorst (Kanunname Sultan Mehmeds des Eroberers. M. O. G., I, 1921, p. 39, not. 2). О слове „subashi" см. статью J. H. Kramers. „Encyclopédie de l'Islam" (IV, 513—514).

[5] На стр. 169 (документ № 161) — ошибочно начертание (baş ve buğ).

[6] Так долго, до XIX в., назывались предводители войнуков, см.: К. Иречек, цит. соч., стр. 579. Термин сохранился теперь у цыган (это своего рода староста).

[7] В современном турецком языке это слово значит „старик".

Потом, для защиты от насилий сипахи и янычаров, у юрюков создается институт „йигитбаши", внутренняя милиция (документ № 108, стр. 57).[1]

Родовая организация кочевников, естественно, распадается; продолжая политику Сельджукидов, османцы также прилагают усилия к ее разложению. Этот процесс усилился, очевидно, к середине XVII в.: тогда же аналогичная реформа — административные должности (кетхуда, йигитбаши) появляются в Стамбуле и у ремесленных организаций, в цехах. Государственный аппарат крепнет, происходит централизация власти.

Для руководства и наблюдения за кочевниками из Стамбула выезжает „воевода". Об этом впервые упоминается под 1103 г. х., т. е. в самом начале XVIII в. Здесь слышится уже отзвук влияния балканских славян. Воевода ведал, должно быть, и военным управлением. По своему положению он стоял выше прежних „бойбеев" (документ № 221, стр. 185). Кетхуда (выбиравшийся из кочевников) утверждался уже центральной властью и, очевидно, получал из Стамбула „берат" и „халат" почетный (стр. 219).

Среди членов племени все-таки была еще крепкая связь. Должности были наследственные. Высокая Порта обращалась к бойбеям и их внукам (torun) — к их потомкам, к их прямым сородичам (стр. 191, 209), а, отдавая однажды приказ о поимке кетхуды, правительство одновременно угрожало и его родственникам (стр. 216).

Племенная сплоченность хорошо была использована правительством: предпринимая какую-нибудь новую меру (например набор людей во время войны), провинциальная администрация собирала в духовном суде „избранников племени", и они давали подписку, т. е. принимали на себя за племя обязательство об исполнении требования центральной власти (поставка воинов, выдача преступников).

Политика правительства была построена на задабривании вождей племени — им жалуются почетные звания (документ № 219, стр. 182) или, наоборот, правительство грозит ссылкой или смещением за ослушание: оно брало у них заложников — богатых и именитых людей — и заключало в тюрьмы.

Права кочевников постепенно урезывались. У них отнимали оружие (холодное и огнестрельное), запрещали ездить верхом, опоясываться мечом, надевать военную одежду (форму левендов или янычаров) и т. д.; всеми этими мерами правительство старалось убить в юрюках воинский дух.

Еще во время Сельджукидов огузам-кочевникам отводились участки, своего рода „икта":[2] им разрешалось передвигаться только в рамках какой-нибудь области.

Тем не менее юрюки и туркмены кочевали с места на место. Говоря об юрюках, документы часто прибавляют: „передвигающиеся" (konar, göçer) юрюки; но их передвижения давно тревожили и смущали правительство.

Кочевания турецких племен доставляли властям заботы и беспокойство. Еще Низам-уль-мульк, прекрасно это понимавший, соответственно строил политику; ему подражал и Стамбул. Но в Малой Азии турецкая вольница настороженно смотрела на действия центрального правительства; на меры, направленные на закрепление юрюков на земле, они отвечали восстаниями, и об этой борьбе красноречиво говорят еще народные песни — „песни о водворении" (iskân türküleri), полные, с одной

[1] Ср. организацию турецких кочевников в Иране („илот") — кашкайцев: А. Романкевич. Песни кашкайцев. Сборник Музея антропологии и этнографии, V, 575—576.

[2] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, pp. 226—227.

стороны, воинской отваги, с другой — презрения к собратьям, к „феллахам", осевшим на землю.[1]

Время-от-времени в Анатолии происходили переписи кочевников, преследовавшие, конечно, фискальные цели. Так, была перепись в 1133 г. х., т. е. в 20-х годах XVIII в. (документ № 236, стр. 208). Вековой традицией были закреплены за кочевниками районы — яйлаки и кишлаки, летние и зимние кочевки. А позже, в 1143 г. х., издано было и положение об юрюках.

Юрюки и туркмены шумно и бурно шествовали по Анатолии, их соблазняли тучные поля оседлых крестьян, и, спускаясь с гор, они уничтожали посевы, разоряли села, грабили их, угоняли скот, людей и т. д. Мирное население должно было терпеть бесчинства, пока они совершались кочевниками — узаконенными их соседями. Когда же эти налеты совершались из года в год, когда надвигались со стороны новые толпы кочевников, — в Стамбул сыпались жалобы, и правительство делало попытки вернуть кочевников к их традиционным земельным участкам, записанным в документах. Оно заботилось об их оседании: назначало им земельные участки, заставляло строить каменные дома (taş evler ve damlar), запрещало во время передвижения оставаться на одном месте более трех дней, занимало в горах ущелья и проходы, чтобы затруднить и осложнять им кочеванья, и т. д. Всюду стояли караулы, подчиненные специальным лицам: в „ханах" (на постоялых дворах) это были „аги", в ущельях — „забиты" (из которых впоследствии, очевидно, образовался институт жандармов — „заптие"). В Анатолии создано было своего рода переселенческое или поселенческое управление; там были агенты, ведавшие землеустройством (iskân başı), посылались паши для обследования разбоев в Анатолии (документ № 222, стр. 186). И, возможно, отводя кочевникам неудобные земли, правительство втайне мечтало избавиться от беспокойных подданных: нередко на этих участках люди и скот умирали от болезней. Кочевникам было тесно на одном месте, и они рвались на волю.

Власти на местах — „вали" и „мухассысы" — притесняли кочевников, и однажды даже Высокая Порта признала, что денежные поборы с племени гюндюшлю в Айдыне перешли границу (документ № 204, стр. 162).

Измученные притеснениями, кочевники по дорогам нападали на караваны и на воинов; бунты и восстания кочевников (полную историю которых могли бы раскрыть архивные материалы) охватывали большую территорию. В 1100 г. х. (1689 г.) туркмены в течение сорока дней держали в страхе жителей Эльбистана. Словом, в XVI—XVII вв. кочевники-турки действовали так, как действовали в XX в. где-нибудь в Дерсиме курды. Борьба была трудная. „Победа над ними тяжела", — сознавалось правительство. Кочевники отказывались от возвращения на старые места, а когда правительство применяло силу, разбегались, окапывались в горах, укрывались у сородичей. Иногда их прятали у себя хозяева „тимаров", заявляя, что они „испольщики" (ortakçı), или они обращались в кустарей-ремесленников (ehli san'at).

Правительство старалось во что бы то ни стало сохранить старый порядок и запрещало юрюкам выход из „юрюцкого состояния". Но розыски юрюков, провинившихся перед правительством, часто были безрезультатны.

Когда же, наконец, правительству удавалось одержать верх, оно жестоко расправлялось с кочевниками, оно физически их уничтожало. Здесь

---

[1] См. статью Абдюлькадира, написанную по поводу изданных А. Рефиком документов, в журнале „Halk bilgisi haberleri", 2, № 16, pp. 93—96.

допускалось все: шейх-уль-ислам давал фетвы, разрешавшие убийства (см. документ № 194); это было „богоугодное дело“ в обоих мирах — „здесь и на том свете“. Бедные кочевники, их вожди ссылались на остров Кипр, в крепость Фамагусту (Магосу), куда потом, в XIX в., заточен был мученик за свободу, писатель Намык Кемаль: там запертые, они чахли, тоскуя о вольных степях, о верблюдах, о стадах.[1]

От всего этого страдало народное хозяйство, страдал фиск, страдало и дворцовое управление.

По сравнению с оседлым населением, для кочевников, быть может, установлены были налоговые льготы; они были избавлены от специальных повинностей, например, от „авариз“[2] (عوارض) — „вспоможения мирскою сходкой“ владельцу земли, как характеризуется этот „местный“ обычай в проекте „Положения об управлении в Азербайджане“. В Малой Азии „мирская помощь“ („kömek“) сохранялась в крестьянском быту до XX в.

Правительство было заинтересовано в регулярном поступлении налогов, которые оно взимало у кочевников со скота и с сельских продуктов (молоко, шерсть и т. д.), а у осевших на землю — с полей, садов и виноградников.

Раскиданные по всей Анатолии, кочевники частью работали на „тимары“ и „зеаметы“, частью приписаны были к деревням, которые отдавались на откуп (mukataa kariyeleri); были еще кочевники, так сказать, удельные (has, havas خواص 'خاص) — собственность султана, „вакуфные“ доходы с которых шли на „подарки“ (سره) султана в „священные города“ — Мекку и Медину.

В мирное время из кочевников выделялись большие отряды для работ. Их требовали в города — в Стамбул, Эдирне (Адрианополь) — для ремонта крепостных сооружений, для постройки общественных зданий, мечетей и т. д. Это была даровая рабочая сила. Правительству не нужно было заботиться об их прокормлении: отправляясь на работу, юрюк забирал, согласно общему положению, соблюдавшемуся и в военное время, продукты на шесть месяцев — очевидно, и срок службы был тоже шестимесячный. Только в крайнем случае, когда юрюки перебрасывались на другую работу, им выдавалось ежедневно по два хлебца (çift nan).

Военные обязанности юрюков были определены „законником“ султана Мехмеда II. С „оджака“, т. е. с каждых 30 юрюцких семей, брали 5 человек. Такой же расчет был и с „потомком завоевателей“ (evlâdi fatihan) в европейской Турции — шесть „потомков завоевателей“ поставляли одного „эшкинджи“. За уклонение от воинской повинности взималась денежная пеня (600 акча).

Исполнение обязательств как в мирное время, так и в военное приурочено было к „ноурузу“[3] — к гражданскому новому году Ирана, начинавшемуся 9 марта, или ко дню Хызра, т. е. к 23 апреля старого стиля. В Малой Азии наем рабочей силы производился также на 6 месяцев — на лето, со дня Хызра (от 23 апреля) до дня Касыма (26 октября).[4]

---

[1] Тоской об утраченной свободе полны песни юрюков, собранные Фр. Гизе, и, может быть, Bozbeğ представляет искажение родового термина boy beği — „начальник боя“ — подплемени.

[2] „Аварызы“, „эврезы“, как объясняет М. Ариф, издатель законов султана Сулеймана I, — чрезвычайные налоги с завоеванных земель, взимаемые по обстоятельствам военного времени. — См.: Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60 гг. XIX в. М.—Л., 1937, стр. 57; см. там же „Указатель“ под словом „авариз“.

[3] Налоги, впрочем, уплачивались и к мухаррему (Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 173).

[4] Вл. Гордлевский. Материалы для османского народного календаря. Живая старина, год XX, 1911, стр. 439.

Даже эта мелочь повторяла порядок, очевидно, господствовавший в эпоху Сельджукидов и отражавшийся на сроках ежегодных военных кампаний. Сила этого старинного обычая, шедшего из норм кочевой жизни, действовала все время у турок и на войне, и в мирном быту. Как только наступал день Касыма, среди воинов подымались разговоры о необходимости отдыха, день Касыма изменял планы руководителей похода. Так бывало еще в XVII в.[1]

Так обрисовывается по документам, изданным проф. Ахмедом Рефиком, жизнь турецких кочевников в XVI—XVIII вв.[2] В эпоху Сельджукидов огузы, кочевники, составляли основной господствующий класс населения, и все эти черты, отмеченные в XVI—XVIII вв., для эпохи Сельджукидов документально пока скрытые, должны были, конечно, выступать еще ярче.[3]

В османском государстве огузы спустились на низ социальной лестницы. В эпоху Сельджукидов они занимали „ведущее" положение; теперь государство ими помыкало, оно смотрело на них как на обузу, стесняющую течение жизни. В государстве восторжествовали элементы оседлости.

---

[1] Наима. История (стамбульское издание 1280 г. х.), I, 84.

[2] Как известно, полукочевники-турки сохранились в Малой Азии до XX в.; см.: Вл. Гордлевский. По Малой Азии. Впечатления от поездки в 1913 г. Русские Ведомости, 1914, № 240. — Вероятно, интересный материал мог бы быть извлечен из обширного труда (в 4-х томах) Али Рызы Ялмана „Cenupta türkmen oymakları", мне известного только по названию.

[3] О современном положении родственников огузов — туркмен, см.: Ф. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад, 1900. — Г. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк (Ашхабад), 1925.

Глава V

Феодализм в Малой Азии. — Современная картина феодальных пережитков в восточных вилайетах как материал для понимания эпохи Сельджукидов. — Разложение родового строя у Сельджукидов. — Система военных ленов. — Ее монгольские корни. — Земельные порядки в Малой Азии до Сельджукидов. — Лены, их виды. — Богатства феодалов. — „Гулямы". — Зарождение типа „деребея". — Военные обязательства феодалов. — „Сипахи". — Вассал и сюзерен. — Выражение покорности. — Восточные и западные элементы вассальства. — Султан и халиф.

Н. Хаккы (теперь Улуг), побывавший после восстания (в 1925 г.) шейха Саида в Дерсиме, описал подъяремную жизнь курдов этого глухого, дикого края,[1] сохранившую в XX в. элементы, одинаковые в XI—XIII вв., т. е. в эпоху Сельджукидов, и для огузских племен, для племен, оберегавших границы государства.

Подчиняясь официально центральному правительству, курды в Дерсиме исполняют волю главы племени: они — его люди и носят часто его имя (например, племя Канго-заде). Земля — сотни, тысячи дёнюмов — принадлежит ему, а он от себя раздает участки и хозяйничает над окрестными деревнями. Крестьяне-скотоводы зависят от него не только экономически. Действуя и внеэкономическими мерами (грабежом, убийствами), исполняя административные и судебные функции, уловляя „души" их, глава племени представляет для крестьян все: он и помещик, он и каймакам, он и шейх; в феодале соединяется полнота светской и духовной власти. Часто, впрочем, крестьян делят между собой ага и шейх; ага — феодал светский, шейх — феодал духовный.

Злоупотребления главы племени — феодала — покрываются в городе администрацией или „теккэ"; за это феодал из деревни отвозит покровителю, каймакаму или шейху, подарки (скот, золото, серебро), а тот отдаривает клиента материей-платком, „минтаном" или „энтари"; он жалует гостю халат, так сказать, символизируя вассальную его зависимость.

Когда во время войны государственный аппарат расшатывался, феодал искусно направлял ярость обездоленных крестьян на правительство. Во время империалистической войны одно племя напало на соседей: грабя имущество, оно разрушило и правительственные здания.

Так, постепенно, по мере того как слабели родовые узы, глава племени превращался в феодала. Сохраняя власть над сородичами, выжимая из них соки, он сумел отвести от себя недовольство, и все обвинения обрушивались на правительство.

Вот анализ феодальных порядков в восточной Анатолии, помогающий уяснить то, что происходило в эпоху Сельджукидов.

[1] Naşit Hakkı. Derebeyi ve Dersim. Ankara, 1932. Эта интересная книга мне знакома по статьям в газете „Hakimiyeti milliye"; ряд статей был и в прекратившем свое существование журнале „Kadro" (№№ 7, 8, 11), по-русски содержание книги изложено А. Д. Новичевым (К вопросу о феодализме в турецком Курдистане. Библиография Востока, вып. 2—4, 1933, стр. 54—64).

Огузские племена — родовая масса — зависели от начальников племен (сюбаши). Чем многочисленнее было племя, тем могущественнее и опаснее был кочевой феодал. Чтобы парализовать силы, накоплявшиеся у беев племен, султан дробил племена. Разрывая между ними родовую связь, он прививал им новые воззрения: земля — собственность султана, олицетворяющего идею о государстве; получая земельный участок, получая удел, начальник племени несет обязанности перед султаном; теперь он — феодал, вассал султана, но против султана — сеньера он поднимает бунт (совершает дворцовый переворот), когда старший феодал — султан — нарушает классовые права и интересы.

Разложение родового быта у огузов началось задолго до прихода их в Малую Азию. Жизнь в Средней Азии создала изменения, зафиксированные везиром Великих Сельджукидов (сперва везиром Алп-Арслана, потом везиром его преемника, Меликшаха) Низам-уль-мульком.[1] Книга Низам-уль-мулька — „Сиясет-намэ“ („Книга управления“), или „Сиери-мулук“ („Жития государей“), была, так сказать, настольным руководством султана Ала-эл-дина Кей-Кубада I, этого идеального государя Сельджукидов, как его ретроспективно изображает хроника.

Корни военно-ленной системы уходят в Восточную Азию; они предполагают исконное влияние монголов на тюркские племена, жившие еще родовым бытом, или, может быть, общее воздействие какой-то иной, неизвестной среды, оказавшей воздействие на монголо-тюркские племена, до их дифференциации. И родовые термины (urug — потомок, родственник), и институт высшей законодательной власти (xuriltai — совет родичей) — все это языковые монгольские заимствования.

Г. Д. Санжеев указал мне, что законченность военной организации в эпоху Чингис-хана[2] предполагает какие-то старые отзвуки, быть может, монголами заимствованные у соседей, — конечно, у китайцев.

Для правильного понимания истории тюркских народов необходимо изучение монголов; оно должно объяснить и родовое устройство тюрок, и их социально-экономическую организацию. Старые азиатские распорядки — наследие монголов — долго сохранялись в Малой Азии у турок.

Следуя советам Низам-уль-мулька, оторвавшегося от старых огузских традиций, Сельджукиды удержали у себя среднеазиатские установления — систему военных ленов, переходивших от отца к сыну, т. е. систему наследственных военных ленов. Принцип наследственности сообщал, конечно, государственному порядку устойчивость.

Военные лены были и в Иране у иранских монголов. Положение о ленах, изданное ханом Газаном (в 1303 г.),[3] носит на себе мусульманские следы (свобода личности крестьян). Однако для института ленов употребляется и монгольский термин (знакомый и Ибн-Биби) — soyurhal — „благоволение“, „пожалование“, „пожизненное пользование“ (теперь слово устарело).[4]

---

[1] Низам-уль-мульк составил (или кодифицировал) еще земельные законы — правила для устранения неосновательных притязаний на земельные участки, см.: В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0117—0118.

[2] Воинский устав — в Ясе, см.: Г. Вернадский, цит. соч., стр. 20—21.

[3] C. D'Ohsson. Histoire des Mongols. La Haye et Amsterdam, 1835, t. IV, pp. 420—429.

[4] Б. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 115, прим. 2. — Институт „тиул“ (تيول), конечно, тоже должен быть обследован, см. определения термина в документах, изданных Академией Наук (Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. М.—Л., 1937, ч. II, Указатель). В. Радлов (III, 1380—1381) считает слово чагатайским и переводит: „участок земли, пожалованный в пожизненное пользование“, т. е. это своего рода „икта“ (اقطاع — надел); см. также „Словарь“ Л. Будагова (I, 423—424), у которого есть ссылки на Бабура и Шардена. Этимология слова неясна, вероятно, и здесь нужно направить поиски к монголам.

Термин этот мог перейти в персидский язык в XIII в.; может быть, даже слово „союрхал" есть позднейший перевод на монгольский язык реальных отношений, сложившихся в Иране только в XIII в. Но, может быть, и наоборот, что именно слово „союрхал" говорит о каких-то старых монгольских отголосках, о пожизненных пожалованиях, т. е. слово естественно всплыло в Иране, когда от Сельджукидов заимствована была система военных ленов (наследственных).[1] А поскольку военные лены установились у Великих Сельджукидов в XI в.,[2] заимствование могло произойти до монгольского завоевания, и тогда это — показатель старого свободного взаимодействия народов Средней Азии, о котором в Иране говорит терминология не только землевладения, но и ирригации.[3]

Для войска в персидском языке (до пуристских языковых реформ) сохранялся также монгольский термин (xoshun,[4] по-персидски قشون). Впоследствии, в XVII в. „хошуиами" назывались у манчжуров, подчинивших монгольские феодальные объединения, феоды, которые были закреплены за феодальными сеньерами,[5] но, вероятно, и раньше в этом термине заключено было не военное, а социальное содержание, или вернее, за пользование феодом надлежало выставлять войско.

Во всяком случае, влияние монголов на ленную систему в западных улусах Монгольской империи несомненно. Нашествие монголов, возможно, закрепило то, что проникало в Хорасан уже раньше. У монголов была строгая воинская организация, и дисциплина — своевременный выход на войну — поддерживалась привилегиями, даруемыми служилым людям. Условия образования государства Сельджукидов наталкивают, естественно, мысль на монголов.

Низам-уль-мульк утверждает, что раздача земельных участков — военных ленов — установлена Сельджукидами, но этому, как будто, противоречит и наличие монгольского термина. Низам-уль-мульк — опытный политик — мог использовать систему монголов: она была удобна, потому что освобождала слабые финансы государства от забот об изыскании доходов для уплаты жалования войску.

Естественно, что система военных ленов, укоренившаяся в Средней Азии, сохранилась в Малой Азии на окраинах — там, где расположены были для охраны огузские племена.[6] На периферии методы управления были не те, что в центре. Главные источники доходов сосредоточены были в центре, а на окраинах население жило исключительно натуральным хозяйством. Так, „приграничные беи" противополагаются ленникам центра, они и юридически от них отличались.

Приграничные беи самостоятельно распоряжались на землях; султаны формально переуступали им право на землю. Султаны действовали так из прямых расчетов, чтобы удержать государство от развала. Живя независимо от центральной власти, беи помогали султану расширять владения. За пользование военным леном, они поставляли войско, но это для

---

[1] Вопрос требует специального исследования, см. также: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 100.

[2] C. H. Becker (Islamstudien, Leipzig, 1924, Bd. I, p. 243: Steuerpacht und Lehnwesen), основываясь на литературных источниках, полагает, что эта система и заведена была Великими Сельджукидами. — Впрочем, изредка пожалования происходили в эпоху Саманидов и Газневидов, хотя Низам-уль-мульк отрицает это, см.: А. Крымский. История Персии, т. I, М., 1916, стр. 134—135.

[3] Вл. Гордлевский. Из истории водопользования в Конье. Записки Института востоковедения, т. II, стр. 199, прим. 3.

[4] Б. Владимирцов, цит. соч., стр. 133.

[5] Там же, стр. 196.

[6] Правильное объяснение зарождения этой системы дает Ф. Кёпрюлю (Bizans müesseselerinin tesiri, p. 227).

иих был не тягостный, а приятный долг: война несла им богатую добычу, она удовлетворяла воинский инстинкт.

Однако, когда Сельджукиды вторглись в Малую Азию, они застали там земельные порядки, местные и заносные.

С одной стороны, в Малой Азии давно водворились арабы. Уже в IX в. на землях, занятых армянами, могла быть установлена арендная сдача земли от государства, как средство для уплаты налогов и податей, (قطعه) — система „икта" (اقطاع — „нарез", „надел") существовала уже в аббасидскую эпоху.

Византийская империя разлагалась, и сила, формирующая государство, слабела. В начале XIII в. Константинополь был занят латинянами, и это дало мощный толчок к сепаратизму. Оппозиционно настроенные к латинянам элементы Византийского государства образовали в Малой Азии у Черного моря Трапезунтскую империю, пережившую метрополию; под столицей, в Никее, засели временно Ласкари. На востоке — в Севастее и Цезарее, на юге — в Киликии возникли армянские княжества. Почувствовали независимость и начальники „фем". Всюду у Сельджукидов завязывались то враждебные, то добрососедские отношения; в Малой Азии создалась обстановка, благоприятная для просачивания отовсюду инородных и иноземных социальных влияний.

Сельджукиды устроились на пути между Константинополем и Иерусалимом. Через их владения шли крестоносцы. Облюбовав себе какое-нибудь место, они забывали скоро о священной цели, погнавшей их на Восток, и создавали по дороге княжества, строили замки и т. д. Так, южный берег Средиземного моря — около Антальи — ко времени образования Латинской империи (в 1204 г.) усеялся „князьями побережья" (ملوك سواحل); франки тянулись в Малую Азию и с островов Родоса, Кипра. Хроника знает уже феодальные термины: „барон" (барон Василь и др.), „коннетабль" (كندصطبل).[1] И эти западноевропейские заимствования шли к Сельджукидам, вероятно, через армян: у латинских баронов нашел поддержку уже основатель Малой Армении, Торос или Феодор. В современном армянском языке слово „барон" (в хронике примененное к вассалу Армении) получило значение „господин".

Все эти системы (монгольская, или монгольско-иранская, армяно-арабская, византийская, западноевропейская) взаимно воздействовали одна на другую, образуя пеструю картину государственного и социального строя. Хроника Ибн-Биби, только вскользь бросающая замечания, явно недостаточна для вскрытия соотношения — удельного веса всех этих элементов, всех этих течений. Необходимо для этого исследование византийских, армянских, западноевропейских источников.

И все это мирно уживалось на фоне этнического разнообразия. А смешение языков и народов в Малой Азии было велико. В хронике выступает редкостный и для Малой Азии полиглот Закария, тайно отправленный вельможами к сельджукидскому царевичу Гияс-эд-дину (впоследствии Кей-Хюсрев I), находившемуся в эмиграции в Византии; он знал, кроме турецкого и персидского, еще пять языков. Это был, очевидно, ново-обращенный мусульманин; судя по имени, скорей всего еврей. Ему не зазорно было надеть и священнические одежды; он, наверно, знал и местные языки — греческий и армянский. Было бы важно определить, какие еще три языка мог знать Закария (очевидно, еврейский, и два западноевропейских).

Впрочем, все это — праздные гадания; в числе „пять" заключается символическое указание на многочисленность языков.

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 146.

Да и на всей этой истории (облачение священника; посох, куда заделаны грамоты; поцелуй) какой-то налет эпики, идущей из дервишеских кругов.

Сложная обстановка должна была оказывать влияние на социальный строй государства Сельджукидов Малой Азии.

Размеры земельных наделов и уделов, условия владения — все было различно и зависело от того, кому и за что жаловалась земля. Прихоть султана, произвол играли, конечно, большую роль.

Вот оригинальный образец „милости" султана. Когда однажды султан хотел наградить врача Фасиля (это грек Василий), вылечившего его от опасной болезни, он объявил, что, кто его любит, пусть подарит что-нибудь врачу; и надавали ему „диргемов и динаров, лошадей и мулов, и камхи, и кафтанов, так что врач, утром проснувшийся бедняком, к вечеру стал первым богачом в мире."[1] Хроника воспроизвела здесь сцену из волшебной сказки.

Употребление землевладельческих терминов в хронике все-таки сбивчиво. Во всяком случае, „тимар" (первоначальное значение персидского слова تيمار — „попечение", потом — „милость", „пожалование деньгами" или „икта")[2] есть небольшое поместье; иногда слово „тимар" соединяется с арабским словом „мюльк" (ملك — „недвижимость", „земля"); „мюльк" освобождал владельца от несения службы сюзерену.

„Зеамет" (زعامت) — большой „тимар", большое поместье. Арабский термин „зеамет" встречается уже в хронике (персидской) Ибн-Биби. В османскую эпоху зеаметы впервые, как указал мне А. М. Шамсутдинов, жаловал султан Мурад I; очевидно, территория первых османских султанов — предшественников Мурада — была еще незначительна, и султаны тогда могли раздавать только „тимары" — небольшие земельные участки.

Насколько зеамет был велик, неизвестно. Вот, например, цифры из „Канун-намэ" султана Сулеймана Великолепного, т. е. от XVI в.: в османскую эпоху доходы с зеамета везира Сивасской области равнялись 900 тысячам „акча"; всего в „эялете" числилось 48 зеаметов и 928 тимаров.[3]

Владетель зеамета — большого поместья, отказываясь от ведения большого хозяйства, часто от себя раздавал подручным земельные участки, по размерам представлявшие слободы и деревни. Так, в отряде могущественного бея, эмира меджлиса, было 100 отборных воинов, из которых каждый стоил тысячу бойцов, и „дал им эмир хорошие касаба, деревни" и т. д.[4]

Эту систему — иерархическую, так сказать, цепь феодалов — подметил в первой половине XV в. и Б. де-ля-Брокьер.[5] У могущественного наместника султана Мурада II в Брусе, снаряжавшего во время войны 2 тысячи воинов, были подвластные ему феодалы, выставлявшие, соответственно, кто три, кто две сотни людей и т. д.

Оба термина — „тимар" и „зеамет" — вошли и в османскую жизнь, сохранив, очевидно, смысловое содержание, бывшее у них в эпоху Сельджукидов.[6]

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 311—312.

[2] О значении слова и его употреблении см.: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 233, not.

[3] Р. Нафиз и И. Хаккы. Sivas şehri. İstanbul, 1928, p. 11.

[4] Языджи-оглу Али, III, 145: ايو قصبه كويلر و تيمارلر و حاصللو بيرلر ويرمشدى.

[5] Bertrandon de-la-Broquière. Voyage d'Outremer. Mémoires de l'Institut National des Sciences et Arts, Sciences Morales et Politiques, V, Paris, 1804.

[6] На русском языке об этом подробно см.: В. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

Для обозначения большого поместья (удела) в эксцерпте из Ибн-Биби встречается еще термин „амал“ (اعمال).[1] Может быть, термины „тимар“ и „зеамет“ чаще применялись к участкам в центре, а на окраинах преобладал термин „икта“.

Термин „икта“[2] (встречается сочетание „тимар“ и „икта“ (تيمار و اقطاع)) указывает на арендное, временное, пользование землей; это, так сказать, поместье, хозяину которого предоставлено султаном право собирать для себя с крестьян, живущих на земле, налоги.[3] В эпоху Сельджукидов „икта“ усиленно насаждалась.[4]

У государства или у султана был еще земельный фонд — „хасс“ — (خاص), из которого земля давалась в виде вознаграждения за исполнение административных обязанностей и, очевидно, отбиралась, как только происходила смена лица; это был, так сказать, подвижной земельный фонд, отнюдь не наследственный (и не пожизненный?), связанный не с лицом, а с должностью. Но были, как будто, уже и „удельные“ земли, закрепленные за родом Сельджукидов или даже за султаном и тоже называвшиеся „хасс“.

Когда налетал кочевник на соседа, для него добычей была баранта; у Сельджукидов поход, грабительский набег, являлся удобным предлогом для пополнения государственного земельного фонда. На месте земельный фонд иссякал (земля истощалась), и султан искал землю на стороне.

Скот и люди (военная добыча) поддерживали хозяйство — так искусственными мерами временно поддерживалась производительность страны.

Во владениях христианских князьков (армян, греков, франков) скопились большие богатства; после похода добро выкачивалось, население облагалось „хараджем“, поставками воинов, а земля раздавалась сподвижникам султана. Походы на богатые города превращались часто в увеселительную прогулку.

Если султанское войско беспрепятственно занимало земли неприятеля и никто не оказывал сопротивления, князь, признав сюзеренство султана, сохранял за собой владения. Но если почему-либо пребывание князя на его собственной территории возбуждало подозрения, он „деплантировался“: получал „бейлик“ вдали от владений — управление областью или уделом на правах бея.

Кир-Фариду, т. е. Кир-Варту (значит, это был армянский владетельный князь, вассал Византии), дана была грамота (منشور) на лен, на Акшехирский „бейлик“, и „ряд прекрасных деревень был записан ему во владение в виде „мюлька“.[5] Сочетание терминов اقطاع و تمليك говорит о том, что земля была ему дана безусловно в собственность (تمليك), в пожизненное, но не в потомственное владение.[6]

Поскольку Мюнеджжим-баши однажды четко говорит, что султан Ала-эд-дин освободил князька Эрзинджана от „государственных повинностей“, — явствует, что обычно феодал не только поставлял воинов, но еще и выполнял какие-то „государственные повинности“.[7]

Освобождая владельца от обязательств и повинностей, султан как бы переуступает ему права на землю; но было ли уже у хозяина право

---

[1] Ибн-Биби, IV, 261.

[2] Ибн-Биби, IV, 247.

[3] Языджи-оглу Али, Ш, 170.

[4] Об эволюции „икта“ см.: И. Петрушевский. Хамдаллах Казвини, как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук, 1937, № 4, стр. 882 и сл.

[5] Языджи-оглу Али, Ш, 244: ملكلكه مسطور اولوب.

[6] В. Смирнов (цит. соч., стр. 157, прим. 2), повторяя Bélin'a, говорит, что это — „владение на правах полной собственности“.

[7] M. von Berchem — H. Edhem. Asie Mineure, p. 103.

на продажу, мог ли он распоряжаться землей так, как хотел, — об этом надпись умалчивает, во всяком случае, в эпоху Сельджукидов Рума зародился институт частной собственности на землю.

По смерти Кир-Фарида удел, очевидно, был отнят или как выморочное имущество отошел в казну; во всяком случае, впоследствии султан жалует Акшехир и Абгерм[1] уже князьку Ала-эд-дину Даудшаху и торжественно вводит его во владение (отправив с ним придворных слуг и телохранителей и сипахи-ветеранов). Здесь Акшехир и Абгерм определяются как تيمار و اقطاع; термины предполагают как будто военные обязательства.

Часто султан жаловал города и области[2] и не только князькам, но и приближенным. Так, победив брата Ала-эд-дина (впоследствии султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I), Изз-эд-дин Кей-Кавус I роздал соратникам города Нигде, Малатью, Эльбистан.[3]

Первый мусульманский памятник турок „Кутадгу-билиг", забывающий о родовом военном торжестве („шиляне"), говорит в XXXI главе, посвященной военачальникам („су пашчызы"), о щедрости как о притягательной силе для воинов: военачальник должен ценить своих людей; здесь повторяются взгляд и практика среднеазиатского турка.

Лены жаловались за воинскую доблесть как на суше, так и на море.[4] Это было, как говорил султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, „право гази" — право борцов за веру в стране греков и армян, или попросту, награда за разгром земель христиан. Так, в Анкарском вилайете есть деревня Гази-бейли. Здесь, очевидно, жил какой-нибудь гази, участник набега („акына"); есть еще деревня Эмирлер; впрочем, я думаю, что скорее это намек на каких-нибудь дервишей.

Величина земельного участка-феода соответствовала, конечно, положению или значению, наконец, заслугам того человека, которого султан хотел наградить.

Поскольку земля требовала от человека хорошего ухода, тимариот получал от государства еще „дотацию", — какое-то денежное вознаграждение: „греко-армянские тимары и следуемые деньги и ассигнования есть право гази".[5]

Все это, конечно, были люди свободные; те, участки которых были невелики, были „сипахи" — „войсковые люди", „ратники".[6] Сюда шли рядовые огузы, менявшие вольный образ жизни на окраинах на занятие сельским хозяйством; в хронике раз упоминается сипахи из племени салор — Йолук (или Юлук) Арслан. Гази (борцы за веру) впоследствии также могли получать звание „сипахи".[7]

Случалось, что тимары отнимались, и случалось это часто. По крайней мере, хроника подчеркивает (значит, это было исключение из общего

---

[1] Совр. Илгын (вероятно в эпоху Сельджукидов место это называлось آب گرم — „горячая вода"); здесь были устроены султаном Ала-эд-дином Кей-Кубадом I (и восстановлены везиром Сахиб-ата) горячие источники, сюда для лечения ездил Джеляль-эд-дин Руми (см.: Афляки, I, 134).

[2] Иногда, быть может, жаловалась и вода — водное пространство; так, недавно выискался претендент на рыбообильное озеро Бафа (в Айдыне), представивший документы (см. газету „Kurun", 1935, № 6230).

[3] Но награждал султан и движимостью (مال) — деньгами, лошадьми, халатами; см., например: Языджи-оглу Али, III, 211.

[4] J. Deny. Encyclopédie de l'Islam, IV, 830—840, s. v. „timar".

[5] Языджи-оглу Али, III, 211: روم و ارمن اقليمنك تيمارلوى و مواجبلرى غازيلرك حقى در.

[6] От персидского слова سپاه — войско.

[7] Joh. H. Mordtmann. M. S.O.S., Bd. V, 2, p. 166. — См. также замечания П. Виттека в Z. D. M. G., Bd. 79, p. 289.

правила), что в эпоху султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I тимары, раз пожалованные кому-нибудь из дивана, больше не отбирались.[1]

Очевидно, личное право владетеля было ограничено: хозяин военного феода не мог им распоряжаться по собственному усмотрению. Это был общий порядок, действовавший в Малой Азии и в Средней Азии. Бабур-шах, основатель династии Великих Моголов (XVI в.), занес этот порядок и в Индию. Он установил там закон, согласно которому земля после смерти феодала переходила в казну, и правительство жаловало эту землю по своему усмотрению: сыну его или кому-нибудь другому.

Но фактически тимар постепенно превращался в вотчину, т. е. переходил от отца к сыну. Султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I ввел ограничения: заботясь о поддержании воинственного духа, он сохранял тимары только за теми сыновьями, которые умели владеть оружием, метать стрелы, проявляли ловкость на ристалище. Происходила, так сказать, перерегистрация тимаров. Вот почему практиковались часто спортивные игры.

Здесь ясно вскрывается смысл пожалования земли — тимара: земля дана воину для того, чтобы по первому призыву государя тимариот являлся на войну вооруженным. Сохранялась земля до тех пор, пока человек мог выказать воинскую доблесть, потому что, если земля находилась в руках изнеженных тимариотов, государство теряло организованную военную силу.

Во всяком случае, право на тимар теряло юридическую силу по смерти султана. Вступая на престол, новый султан подтверждал права на землю. Это было характерно для правовых норм сельджукидской (и османской) эпохи. Возобновление документов давало государству хороший доход. „Возобновленную грамоту" (منشور معدد) на управление получает от султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I и армянский царь Левон.[2]

В случае ареста тимариота доверенные лица султана (наибы, кадии) входили в его дом, производили опись и конфискацию имущества — столь частые на Востоке, и тимары, следовательно, отходили в казну.

Еще необеспеченнее и печальнее было положение родственников и клиентов: их имущество отдавалось на разграбление. Так было, например, после расправы султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I с заговорщиками;[3] эмир Оркоди был казнен (наказан Аллахом за непочтение к дому Джеляль-эд-дина Руми), и грабежу было предано имущество его рода: пострадал не только он, но и его сородичи.[4]

Земля раздавалась не за одну только воинскую доблесть, служба внутри государства также награждалась поместьями. Таким образом придворные сановники, начальники областей, духовенство — все они были феодалы.[5]

Сейиды, шейхи, дервиши, устремлявшиеся в Малую Азию, улемы, кадии, муфтии, жившие уже в Малой Азии, — все тянулись к земле, у всех были поместья — вакуфы, все они извлекали доход с земли. В Анкарском вилайете часто встречаются деревни, указывающие, что здесь жило когда-то духовенство, что эти деревни составляли собственность духовенства — шейхов: Софулар, Шехлер-яялар, Кыршехлер, Тагшехлер, Деделер, Алишехли, Шедид-абдаллы, Хызырлар и др.

Духовенство феодализировалось, у него была земля, штат слуг, невольников, которых оно позорно эксплоатировало; так, например, кадий

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 110.

[2] Ибн-Биби, IV, 66.

[3] Языджи-оглу Али, III, 276.

[4] Афляки, II, 303. — Чтение Кл. Хюара („Оркоди") подозрительно; вероятно, в сочетании арабских букв следует видеть народное имя — „Ürktü" (Он, т. е. дух, испугался).

[5] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 229.

в Ладике, нарушая хадис, посылал красивых невольниц на проституцию[1] — постыдный прием, неизменно повторявшийся, впрочем, и в Европе, там, где было крепостное право.

У мевлеви, у теккэ Джеляль-эд-дина Руми, тоже скопились, конечно, огромные богатства. И, чтобы сохранить свое богатство, они поддерживали „законную" власть — сперва Сельджукидов, потом монголов, а впоследствии как бы переуступили ее османским султанам актом опоясания мечом, своего рода инвеституpой, давая им эмблему гази, завоевавших Малую Азию.

Зная вкусы султана, всякий старался поднести ему что-нибудь, и султан отдаривал землей.

Так, сокольничий Туман-бек (очевидно, это должность — „тысяцкий"), сын эмира Кылавуза (прозвище его отца „проводник" как будто не говорит о родовитости), вырастив заморского сокола, присланного ему из Солхата (Старого Крыма), везет его монгольскому хану Газаиу, надеясь получить тимар.[2] А ханы увлекались соколами, соколиной охотой. Марко Поло рассказывает, что хан Кубилай брал на охоту 10 тысяч сокольников и 500 кречетов.[3]

Это, правда, эпизод из монгольской эпохи, но он, очевидно, повторялся и раньше, поскольку и у Сельджукидов охота являлась любимым национальным развлечением.

Султан был щедр на раздачу поместий, когда ему это было выгодно. Хроника точно обозначает размеры награды, пожалованной Кемаль-эд-дину Камьяру, избавившему султана от заговорщиков. Султан дал ему 1000 флоринов, 5 вьючных мулов, 5 лошадей под седлом и с уздечкой, 6 невольников (невольниц?) и еще округ Гарс (غرس ايلى) в Сивасской области, доходы с которого равнялись 100 тысячам „акча" и где было 50 слуг. И этот богатый дар тоже квалифицирован как тимар.[4]

Словом, земля и население, как провозгласил уже Низам-уль-мульк, принадлежат султану. Султан распоряжается землей, обычно раздавая участки небольших размеров. И действие „икта" прекращается, когда наступает смерть или совершается преступление. Султан временно предоставляет право на доходы с земельных владений.

Богатства султана, открывая широкие горизонты перед честолюбцами и авантюристами, влекли к нему на службу людей от князьков, близких и дальних. Так, щедрость султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I, осыпавшего подарками кадия Шереф-эд-дина, соблазнила сына его Тадж-эд-дина, и он из Эрзинджана перешел к Сельджукидам (очевидно, после смерти князька Бехрамшаха).

Всякими способами, личной храбростью или милостями султана, накапливали и феодалы огромные богатства. Из добычи, забранной у неприятеля, султан часто награждал князьков и феодалов.

Поэтому и у сановников — везиров, временщиков — были вдали от столицы земельные участки — имения, куда они удалялись на отдых или на покой. Сахиб-ата жил в деревне Надир, в Афьон-Карахисаре; Са'д-эд-дин Кобяк — в деревне казы Кёпрю Амасийского вилайета.

Часть богатств — в погоне ли за славой или из страха перед конфискацией — феодалы отдавали на благотворительные цели: атабек Алтунпа

---

[1] Ибн-Баттута, II, 272.
[2] Афляки, II, 310—312.
[3] Путешествие Марко Поло. Перев. И. Минаева, под ред. В. Бартольда. СПб., 1902, стр. 138.
[4] Языджи-оглу Али, III, 278.

(„Золотая нога") построил в Конье медресэ для Джеляль-эд-дина Руми, — первое медресэ в Конье.[1]

Памятники феодалов были всюду. Старый слуга Сельджукидов Каратай, прослуживший султану Ала-эд-дину Кей-Кубаду I двадцать лет, выстроил медресэ в Конье, в Анталье — мечеть;[2] в Кайсери (в казе Бюньян) есть деревня Каратай, где находятся развалины величественного медресэ;[3] на большой дороге между Кайсери и Малатьей сохранились еще развалины громадного хана, служившего своего рода казармой.[4] Везир-Сахиб-ата (а он служил 35 лет), облюбовавший себе Афьон-Карахисар, тоже построил общественные здания.[5]

И было бы интересно составить карту монументальных памятников (медресэ, тюрбэ и т. д.) сельджукидской эпохи в Малой Азии. Это дало бы материал для суждения о расселении феодалов и о размерах их феодов, а садились феодалы там, где это представляло для них экономическую выгоду.

Среди землевладельцев были и „гулямы" — „отроки", младшая дружина султана; потом „гулямы" набирались из пленных христиан.[6] Для понимания истории землевладения в Малой Азии или, точнее, для уяснения состава землевладельцев „гулямы" представляют большое значение.

Полководец Сейф-эд-дин Турунтай („мечом веры" прозванный, очевидно, за доблесть в войнах с „неверными") был, как говорит Ибн-Халдун, вольноотпущенником, т. е. „гулямом" султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II.[7] Как у крупного феодала, близкого ко двору, у него под Коньей было поместье, память о котором сохранена топонимикой.[8]

Придворные слуги-невольники, гулямы, подвигаясь по службе, занимали высокие должности; они жили, собственно, на жалованье, наделов у них не было,[9] но они тоже могли получать от султана земли и так постепенно образовали новую землевладельческую прослойку.

В казе Кескин Анкарского вилайета есть деревня Гулям-ушагы („раб-гулям"). И, может быть, здесь жили гулямы „ушаки",[10] бывшие рабы-христиане, или крестьяне-христиане, жившие на земле помещика-гуляма, сумели сохранить веру (христианскую). Во всяком случае, до Лозаннского договора (1923 г.), пока в Малой Азии жили христиане, там была греко-христианская община, и глава ее, поп Эфтим Кескин-

---

[1] Афляки, I, 22. — См. также: Вл. Гордлевский. Житие Садр-эд-дина Коневи. Известия Академии Наук, 1929, стр. 545, прим. 2.

[2] R. M. Riefsthal. Turkish architecture in south-western Anatolia. Cambridge, 1931, p. 49.

[3] Авни Али Джандар. Eski türk abidelerini, bir araya topliyan şehir Kayseri (Hakimiyeti milliye). Ср.: А. Рефик, цит. соч., документ № 114: „Karatayı... evkafından, Karatayı nam kariyeyi..." — Али Авни Джандар как будто видит в слове „Каратай" указание на племя.

[4] Халиль Эдхем. Anadoluda islamî kitabeler. Tarihi osmanî encümeni mecmuasi, № 33, pp. 521—522.

[5] Перечень монументальных зданий, построенных им, дан у Халиль Эдхема (Kayseriye şehri, p. 105). — Халиль Эдхем давно уже указывал на важность составления о нем монографии (там же, стр. 103); теперь эта мысль частично осуществлена Феридом и Месудом, труд которых издан в 1934 г. „Народным домом" в Конье. Но это еще только подготовительные материалы для исторической монографии.

[6] Ср. выражение Эвлия-челеби (Путешествие, I, 599—600): دوشرمه غلاملر.

[7] Cl. Huart. Epigraphie arabe, p. 24.

[8] Вл. Гордлевский. Из истории водопользования в Конье. Записки Института востоковедения, т. II, стр. 187—188.

[9] Низам-уль-мульк (гл. XXIII) говорит: اتج غلامانند اقطاع ندارند.

[10] Слова اوشاق و شاق у мамлюков означали: „раб" (см.: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 248).

ский (Уркмез), поддерживал гипотезу о турецком происхождении анатолийских христиан-греков.[1]

Прослойка феодалов-землевладельцев из homines novi — из „новых людей", из дворцовой стражи, была значительна; выдвигались в министры охранники султана в XIII в., как, например, везир Муин-эд-дин Первана, отец которого был родом из Дейлема;[2] для спасения от Кобяка султан вызывает из Сиваса Караджа-Джандара (جاندار — охранник, заптие), — после падения Сельджукидов в Кастамону возникла династия Джандароглуллары.

Феодал эпохи Сельджукидов в Малой Азии — прототип деребея османской эпохи. Земли Камер-эд-дина Лала (в районе Эрменак) так и назывались „областью" („иль") Камер-эд-дина.

Процесс образования деребея вскрывается на бейлербее правого крыла, Хусам-эд-дине Чобан-бее. „Его щедрость и храбрость, как солнце, блистали в городах и странах мира, и ученые поэты, художники, «алпы», «бехадуры», «джигиты» ежегодно шли к нему и кормились у него, вообще были им обласканы, а он, упражняясь в военных играх, совершал газаваты для снискания благоволения Аллаха и, когда возвращался из «области войны», раздавал дары «сейидам» и «суфиям» и «муджавирам»[3] Мекки, Медины и Иерусалима".[4]

Памятуя о заступничестве Хусам-эд-дина Чобана перед братом в дни унижений, султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I пожаловал ему Кастамону,[5] когда-то бывший уделом Данишмендов.

Падение Сельджукидов дало ему политическую независимость; это были уже наследственные владения Чобан-бея, и он распоряжался ими как хотел, распределял их между детьми. „И до недавнего времени (т. е. в XV в.), — заканчивает автор турецкой обработки хроники, Языджи-оглу Али, — дети его — члены его семьи (اوغلانلری) господствовали над Кастамону, следуя по пути отцов".[6]

Описание Языджи-оглу Али, конечно, прикрашено, что-то взято как будто из полулегендарной истории Бармекидов, везиров халифа Харун-ар-Рашида.

Во всяком случае, это уже наследственные деребеи, приобретшие подачками и дарами округу. Вся эта свора — толпа поэтов и муфтиев — славословила Чобана; через них Чобан-бей и его потомки вели пропаганду и укрепляли в Кастамону влияние: постепенно население научилось отдавать предпочтение перед далеким бессильным правительством в Стамбуле — близкому, доброму, отзывчивому бею-деребею.

Хронике термин „деребей" еще незнаком, и пора бы уже обследовать историю деребеев в Турции; для этого большой материал есть у османских историков и у европейских путешественников.[7]

---

[1] Кратко об этом см.: Вл. Гордлевский. Из жизни современной Турции. Восток, кн. 4 (1924), стр. 210.

[2] Впрочем, есть еще версия, по которой отец Первана был родом из Кашана, т. е. иранец (см.: Халиль Эдхем. Tarihi osmanî encümeni mecmuasi, № 43, p. 44).

[3] Отшельники, годы проведшие около больших святилищ.

[4] Языджи-оглу Али, III, 369—370. — См. также: Ф. Кёпрюлю. Anadoluda islâmiyet, p. 63, not. 1.

[5] Талят Мумтаз Яман. Kastamonu tarihi. Istanbul, 1935, p. 80.

[6] Языджи-оглу Али, III, 320—321; под термином „оглан", может быть, скрывается старое значение слова. — См. также: Эвлия-челеби. Путешествие, II, 223: мост, построенный Чобанами в Эрзурумском вилайете; о нем см. у Астрабади (цит. соч., стр. 462).

[7] На своевременность изучения института деребеев указал уже М. Хартманн (M. Hartmann. Zu „Aus der neueren osmanischen Dichtung". M. S. O. S., Jahrgang XXI, 1918, p. 52, not.).

Получая от султана землю, феодалы подготовляли для войны воинов; они являлись, так сказать, „поручителями ленов для военных" (كافل زعامت عساكر).

От величины земельного участка зависело количество воинов, поставляемых султану.[1] Так, эмир меджлиса, командовавший авангардом войска, поставил во время похода на армянского царя Левона 3 тысячи конников и еще отряд в 100 алпов, „славных богатырей, снаряженных на бой".

Военные вспомогательные отряды поставлялись и вассалами Сельджукидов (трапезунтским царем „Кир-Алексисом", царем Малой Армении Левоном II и др.).

Хозяева небольших участков (тимаров) — сипахи — выезжали на войну на коне, вооруженные; как говорит термин „сипахи", они составляли рядовую массу свободного феодального войска.

Обыкновенно перед походом султан рассылал грамоты беям Мараша, Малатьи, Сиваса и пограничным беям — беям правого и левого крыла, т. е. предводителям огузских племен, чтобы они шли на службу с обильным войском, конным и пешим, и захватили бы осадные орудия и прочее военное снаряжение. Потом султан устраивал пир (шилян), обещая пожаловать городами.

Участие в войне — это долг феодала. Феодал охотно исполнял этот долг, потому что он надеялся на богатую добычу или награду. Но, по мере того как феодалы богатели, они предпочитали спокойно сидеть у себя, а жертвы во имя каких-то идей, во имя общего блага им были непонятны и чужды.

В середине XIII в. у Сельджукидов выросли на востоке опасные враги — монголы. Вассальные узы ослабели, и султан, готовясь отразить нашествие монголов, уже упрашивает о помощи и посылает феодалам дары.[2]

В мирное время, когда Сельджукиды затевали какие-нибудь сооружения, к работам привлекались и феодалы — это была своего рода натуральная повинность.

Так, во время султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I престольный город Конья обнесен был мощными стенами, устоявшими до XIX в., когда еще в 1835 г. их наблюдал французский путешественник Тексье; вознаграждая себя за труды, феодалы высекали свои имена на башнях и стенах.

Родовой быт разлагался все более и более; завоевывались новые страны, и новые вассалы-князьки несли ко двору Сельджукидов новые порядки, новые обычаи.

Но сперва Сельджукиды приносят в Малую Азию среднеазиатские порядки. Когда Великий Сельджукид Алп-Арслан победил византийского императора Романа Диогена, он мог показать ему зависимость тем, что продел ему, как рабу, в уши кольца.

Церемониал Сельджукидов, определяющий вассальные отношения между феодалом и сюзереном, представлял пестрое сочетание элементов Востока и Запада.

Покорность феодалов, признание над собой верховных (сюзеренных) прав султана, символизируется „поклонами и челобитием" (اوكنوب آلنين ديره قويوب), „преклонением колен" (دزن چوكب), „сложением рук на плечах" (ال بغلايوب), „целованием руки" (دستبوسی دستبوس اشرف) — церемониями, сохранившимися и у дервишей.

---

[1] М. Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 229, not. 4.
[2] Ибн-Биби, IV, 236.

Когда эмир Айба увидал тело султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева I (павшего от руки фраика), он заплакал и начал тереться лицом о ногу султана.[1]

Султан был волен над жизнью и смертью вассала. В хронике передана красочная картина покорностн. Эмир Сейф-эд-днн, желая загладить какую-то старую вину, повез Ала-эд-дину весть об избрании его на престол; он униженно преклонился перед Ала-эд-дином и, достав из-за пазухи саван, обмотал его себе вокруг шеи, потом взял меч, переданный перед тем коменданту замка, чтобы показать, что у него мирные намерения, и положил перед султаном,[2] — так отдавал он себя полностью во власть султану.

В этом символе покорности — сочетание двух элементов: заимствование Сельджукидами у соседей, христиан, — влияние крестоносцев (меч) и старый тюркский обычай.

При дворе византийского императора Сельджукиды наблюдали церемониал вассальной покорности (их предки целовали у императора пурпуровые туфли), — все это перенесли они теперь к себе.[3]

Когда речь идет о владетельном князе, когда султан хочет публично продемонстрировать сюзеренство, обряд усложняется, приобретая унизительный характер. Церемония видоизменяется, смотря по тому, кто этот владетельный князь: мусульманин или христианин, и приносит ли вассал присягу на верность или он просто едет ко двору на поклон. И если это христианский князь, султан избирает западноевропейские формы: они должны поднять престиж султана.

Кир-Фарид, три раза подходя к престолу, на котором восседает султан, целует землю, и все. Султан щадит самолюбие тестя.

После долголетнего правления Бехрамшаха власть в Эрзинджане перешла к сыну его Даудшаху, поведшему политику, враждебную Сельджукидам. Временно скрывая истинные намерения, он направился в Кайсери на поклон к султану. Когда он завидел „зонт“ (چتر) султана, он слез с коня и хотел итти пешком, но беи, по указанию султана, посадили князька на коня. Через некоторое время Даудшах снова хотел сойти с коня, на этот раз его остановил султан, и киязек, сидя на коне, удостоился поцеловать у сюзерена руку.

Интересен рассказ о Кир-Алексисе („Великом Комнине“ Алексее I), вассале Коньи, потерявшем уже Синоп. Когда султан (Изз-эд-дин Кей-Кавус I) поставил ногу в стремя, он, как „человек умный и хитрый“, взял у стремянного попону и пошел впереди коня султана. Потом султан приказал взять у Кир-Алексиса попону; Кир-Алексис сел верхом и поехал рядом с султаном.[4]

Малая Армения также должна была склониться перед Сельджукидами. Поскольку Византия теснила армян, они охотно встретили в Малой Азии турок, но уже после I крестового похода возобладало тяготение к христианам — к латинским князькам на Востоке.

---

[1] Языджи-оглу Али, Ш, 96.

[2] Языджи-оглу Али, Ш, 191. В знак печали тюрки повязывали шею черным войлоком, см.: А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сборник „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 98.

[3] Ф. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929, стр. 33. Для истории Сельджукидов Ф. Успенский использовал английское пособие и передает имя султана Изз-эд-дина через „Айзеддин“. Вообще собственные имена недоработаны, встречается, например, на стр. 63 Koesedae вместо Кёседагы, Arcinga это — Эрзинджан.

[4] Языджи-оглу Али, Ш, 377. — Унижение Алексея нехотя должен был отметить и А. Куник (Основание трапезуитской империи, в 1204 г. Ученые записки Академии Наук по первому и третьему отделениям, т. II, 1854, стр. 731).

Левон II Великий, защищая политическую независимость государства, вел переписку с римской курией — он испрашивал благословение на войну с неверными, и за это Малая Армения поплатилась. Царь Левон II (1198—1220), сохранив Сис (столицу Малой Армении), бил султану челом и просил позволения „нести попону повиновения на голове" (اطاعت غاشیه‌سن چکنوده؟ کوتوره‌یین).[1]

Целование стремени обращается в символ благодарности. Так, кадий Шереф-эд-дии, награжденный за труды, понесеиные во время бракосочетания султана, целует стремя у пожалованного ему коня.

Этот обряд, быть может, зашел к Сельджукидам из Средней Азии — с их родины. Когда родоначальник Великих Сельджукидов, Тогрул-бек — степняк, знавший и понимавший уход за лошадью, — вступил (в 1055 г.) в Багдад, он ввел халифа во дворец, держа мула под уздцы. Но обряд встречается и в церемониале латинских вассалов — крестоносцев: узду коня византийского императора Мануила Комиина держал антиохийский князь, символизируя сюзеренство Византии.[2]

В Иране целование стремени коня и руки у человека наблюдалось вплоть до первой империалистической войны, как знак почтения. А когда гость въезжал в город или в деревню, перед ним вели иа поводу лошадей — я наблюдал неоднократно это и в Малой Азии, и в Сирии. Жители деревни встречали почетиого гостя за версту и провожали, держа лошадь на поводу, и этот обычай соблюдался не только на мусульманском Востоке; от турок перешел он в Румелию к славянам.

Ношение попоны, намекая на обязанности слуги (конюха или оруженосца?), заимствовано в Малой Азии от западноевропейских крестоносцев и попало к Сельджукидам может быть и непосредственно, а скорее через местных христиан — армян или греков.

Поскольку армяне сначала зависели политически от Востока (иранцев, арабов), номенклатура высших придворных сановников в Армении говорит о восточном влиянии: например „эмир" (امیر), „хеджуб" (حاجب), „сбасалар" (سپهسالار), „сепух" — придворный, феодал, очевидно, как показывает уже слово (арм. սեպուհ, перс. سپاه), несший военные обязательства.

Армянские царьки и внешне изменились: подражая мусульманам, Рупениды носили как будто чалму,[3] но зашло все это к ним не от Сельджукидов, а из Ирана, может быть, из Ани,[4] когда хозяйничали там наместники халифа; так заимствовали армяне для военачальника слово персидское „сипехсалар", а не турецкое слово „сюбаши".

Обосновавшись в Малой Армении, на границе с владениями крестоносцев, Рупениды испытали на себе воздействие западноевропейского феодального строя — к ним проникли термины западные.[5] Крестоиосцы дали Рупену звание „барон"; в 1178 г. король Левон II Великий, отвергнув вассальную зависимость, принял титул „короля". От Рупеиидов, конечно, путь заимствований лежал к соседям Малой Армении — к Сельджукидам.

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 150 (впрочем, в Малой Армении был тогда уже Хетум).

[2] Ф. Успенский. Восточная политика Мануила Комнина. Турки-сельджуки и христианские государства Сирии и Палестины. Сообщения Российского Палестинского общества, т. XXIX, 1926, стр. 131.

[3] В. Крачковская и И. Крачковский. Из арабской эпиграфики в Ани. Сборник Академии Наук СССР XLV — академику Н. Я. Марру, Л., 1935, стр. 673.

[4] Н. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л., 1934, стр. 60, 129, прим. 20.

[5] V. Langlois. Essai historique et critique de la constitution sociale et politique de l'Arménie sous les rois de la dynastie Roupénienne. St.-P., 1860, pp. 53—54 (= Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-P., VII série, t. III, № 3).

В Киликии сходились культуры, западная и восточная; Киликия уже исстари находилась на стыке культур.

Таким образом западный феодализм (во всяком случае, внешние черты — титулатура, церемониал) шел к Сельджукидам и с Запада (из Византии), и с Востока (от армян).

Когда феодал предстает перед султаном (часто укрытым за занавесью), он бьет ему челом и стоит, почтительно сложив руки на плечах. Здесь церемониал восточный; это опять — воздействие иранской, сасанидской, культуры, воспринятой и аббасидскими халифами в Багдаде.

Так, сложил было руки перед дядей-султаном, Гияс-эд-дином Кей-Хюсревом I, племянник его Кылыч-Арслан III, брошенный беями, но султан подозвал племянника, усадил, а потом, показывая, что он, дядя — сюзерен, а племянник — вассал, „коснулся его рукой"; племянник получил от дяди халат, шапку, осыпанную драгоценными камнями, пояс, золотой меч, лошадь с седлом и уздечкой — словом, все, что говорит о вассальной зависимости и что нужно для лениика, готового явиться на войну по требованию сюзерена.

Подтверждая клятвенной грамотой наследственные права Кир-Алексиса на Трапезунтское царство, султан Изз-эд-дин Кей-Кавус I награждает его халатом „шахским", шапкой „ноурузи", носимой в торжественных случаях (نوروزی ٥لاه),[1] конем.[2] Все это — аттрибуты вассальства, зашедшие из Средней Азии: сюзерен обряжает на войну конника, — в Малой Азии сохранился комплект стандартных даров, жалуемых сюзереном вассалу.

Султан — верховный судья над вассалами. Когда князек Эрзинджана Даудшах, уклонившись от пути отцов, начинает предавать беев казням, беи жалуются султану, а султан пишет ему предупредительное письмо: „Имущество и угодья пострадавших, их сыновья и дщери должны быть целы и иевредимы". Угроза султана подействовала, и князек освободил из тюрем беев и возвратил их добро.[3]

Заключая договор, султан ревниво требовал, чтобы новый вассал уже ие обращался больше ни к кому за помощью — ни к какому князьку, а надеялся бы исключительно на султана.[4] Фактнчески, конечно, вассал соблюдал договорное обязательство, пока был уверен, что султаи сумеет его защитить и охранять его права.

Высший знак зависимости от сюзерена — это, когда владетельный князь, умаляя свои права, чеканил монету от имени султана; так поступали, например, Артукиды (в Мардине), Рупениды (в Сисе); а если это был мусульманин, то читал также в мечети и „хутбу" на имя султана.

Но и над султаном был сюзерен — халиф. Признавая над собою власть аббасидского халифа, от которого он получал инвеституру — почетный халат, Сельджукиды уже в Средней Азии для знамени избрали черный цвет.

Черный цвет у Сельджукидов стал символом радости. Так, например, извещая царевича Ала-эд-дина об избрании, эмир Сейф-эд-дин подносит ему черный платок. Значенне приветствия платок удержал и теперь в Средней Азии.

Когда из Багдада приходит к султану посол от халифа, султан обращается в вассала, который благоговейно преклоняется перед халифом. Письмо от халифа он слушает стоя, повернув лицо на восток, в сторону

[1] О „ноурузе", см.: П. Саввантов, цит. соч., стр. 84.
[2] Языджи-оглу Али, III, 137.
[3] Языджи-оглу Али, III, 377 и сл.
[4] Языджи-оглу Али, III, 305.

Багдада. Лестно должно быть турку сознание, что у него просит помощи глава мусульман. Грамоту от халифа султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I почтительно кладет себе на голову, показывая этим распространенным на Востоке жестом, что слово халифа будет им исполнено.

Сойдя с престола, он принимает подарки, пожалованные ему халифом: целует копыто мула с золотыми подковами, облачается в халат халифа, на голову повязывает чалму.[1]

Потом, когда призрачное место халифа заняли монгольские ханы, их „нояны", — Сельджукид клонит голову перед „ильханом".[2]

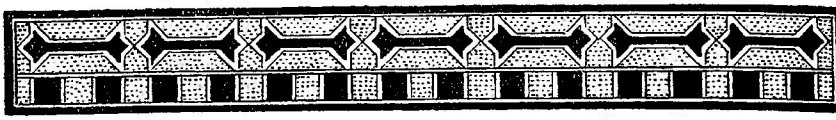
Конечно, знаки почтения султана направлены не только и, может быть, не столько на халифа-сюзерена, сколько на халифа-имама, религиозного вождя мусульман; султан Ала-эд-дии Кей-Кубад I, послушный мусульманин, чтил слова и веления также и султанов священных для мусульманина городов.

Так, от халифа до султана, от богатого феодала до мелкого ленника, все представляет стройную иерархическую лестницу чинопочитания.

Глава племени, сюбаши, хан, — султан Сельджукид превратился в государя-сюзерена; из союза скотоводческих племен в Малой Азии окончательно образовалось феодальное государство.

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 223.
[2] Ибн-Биби, IV, 204.

Глава VI

Власть султана. — Султан — приказчик феодалов. — Расслоение между феодалами. — Новые люди („средние беи") как опора султана. — Тенденция султана к абсолютизму. — Поборы султана. — Эксплоататорская система хозяйства.

Разгром Сельджукидов, павших под натиском монголов, показал, как шатко было государственное устройство. Авторитет султана, ставленника феодалов, их, так сказать, приказчика, был невысок. Скопив большие богатства, движимые и недвижимые, феодалы неохотно пускались в сомнительные военные авантюры. А по отношению к монголам они проявляли тем бóльшую осторожность, что тот класс, на который они опирались, — крестьяне, ими эксплоатируемые, — был разорен и, страдая от невыносимого гнета, подымал восстания против них.

Внутренние распри и классовые противоречия в первой половине XIII в. — в эпоху, о которой говорит хроника Ибн-Биби, обнаружились ясно. Назревала катастрофа, которая была ускорена внешним толчком — нашествием монголов.

Династия Сельджукидов давно уже изжила себя; шумливо показной быт, интриги византийского двора, политическая обстановка — все унесло эпическую простоту султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I. Междоусобия издавна разлагали и ослабляли Сельджукидов. История дома Сельджукидов переполнена известиями о дворцовых переворотах, о насильственных смертях (удушениях, отравлениях) и т. д. — методы, применявшиеся и Сельджукидами, когда речь шла о политических противниках, когда нужно было убрать кого-нибудь с дороги; так, султан Кылыч-Арслан II отравил Зун-Нуна Данишменда. Забота о собственном благополучии господствовала у них над общественными интересами. Султана постоянно мучил страх, и, укрепившись в „престольном городе" Конье, он поспешно устранял соперников-сородичей. Ему мерещились заговоры, и царевичи — братья, племянники — находились вдали от двора, где-нибудь в захолустье или в заточении: султан Изз-эд-дин Кей-Кавус I изгнал среднего брата, Ала-эд-дина (впоследствии Кей-Кубада I), из Анкары и сослал в зáмок Гузер-пирт (около Малатьи);[1] царевич Кей-Феридун был заточен в Куйлу-хисаре[2] и т. д. Но и там одинокие, обезвреженные царевичи казались опасны султану, и ежеминутно мог последовать из столицы приказ коменданту крепости о казни.

Неожиданное появление эмира Сейф-эд-дина навело на Ала-эд-дина ужас; он сразу забыл, что видел ночью сон, предвещающий возвышение, и ему уже чудится, что это султан подослал к нему человека, что сул-

[1] Точное местоположение зáмка (судя по названию, принадлежавшего раньше армянам) неизвестно (см.: Халиль Эдхем. Kayseriye şehri, p. 36). Впрочем, анонимный автор статьи об Изз-эд-дине Кей-Кавусе I (Encyclopédie de l'Islam, II, 681), основываясь на армянских источниках, изданных Defrémery (Histoire des Croisades, I, 143, 3), называет эту крепость „Миншар" (теперь Мизерэ), к юго-востоку от Малатьи.

[2] Нахийе в Шебин-Карахисаре (см.: Эвлия-челеби. Seyāhat-nāme, II, 198).

тан хочет его убить, и, перепуганный, просит он начальника зáмка задержать у ворот Сейф-эд-дина, чтобы успеть совершить предсмертную молитву.

Думая только о себе, султан не назначал и преемника, преемник был бы для него угрозой; поэтому порядок престолонаследия у Сельджукидов колебался. Случай выдвигал царевича на престол; наследовал престолу старший сын, малолетний сын или брат — все зависело часто от того, кто в нужный момент подвернется в столице, кто, опираясь на придворные круги (и предводителей огузских племен), захватит власть.

И все-таки, оспаривая друг у друга власть, Сельджукиды смотрели на себя, как на единый род: в Коньe, в мечети, реставрированной потом султаном Ала-эд-дином Кей-Кубадом I, была родовая усыпальница династии Сельджукидов (со времени султана Месуда I). Молва о долголетнем царствовании Кылыч-Арслана II (ум. в 1192 г.) перекинулась за границу, и еще в XIII в. для Ибн-ал-Асира, историка монгольской эпохи, Кылыч-Арслан II — родоначальник Сельджукидов Рума.

Не столько прихоть султана, сколько воля феодалов решала вопрос о преемнике. Вельможи давали слово султану, что исполнят его желание, но по его смерти они возводили на престол нередко не того царевича, о котором условились. Учитывая классовые выгоды, феодалы выдвигали кандидатуру, удобную для них. Так, хотя перед смертью султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I обе стороны уговорились о наследнике (Изз-эд-дине) — посадили феодалы на престол Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II.

Феодалы оставались, однако, верны Сельджукидам; в них бессознательно тлела мысль об исконном и, стало быть, законном носителе власти в государстве из „славного рода Сельджукидов", завоевавших Малую Азию, т. е. во главе государства должен быть Сельджукид. У них были разногласия только о том, кого из рода Сельджукидов следует возвести на престол, кто может быть послушным орудием в их руках. Таким образом политически султан выполнял классовые задачи феодалов, задачи своего класса. Султан — первый между феодалами; внутренние доходы он получает от феодалов, внешние — от князьков и от походов. У султана — только блеск представительства и еще право войны и мира, тоже, впрочем, иногда ограниченное курултаем, т. е. феодалами, хотя здесь интересы султана и феодалов часто совпадают: война несет им богатство, им нужна для эксплоатации земля, возделанная, обработанная. Пока султан исполнял задания феодалов, он мог спокойно сидеть на престоле, хотя фактически власть находилась у феодалов. Когда же феодалы замечали, что расчеты их обмануты, они отворачивались от него (например от султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, ими же возведенного на престол) и подумывали о заговоре. Слова, клятвы — все забывалось тогда.

Во время избрания обе стороны, султан и феодалы, скрепляли взаимные обязательства формальным договором, обменивались клятвенными обещаниями. Так, желая поднять настроение у царевича Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева I (жившего под надзором в Византии), вельможи послали к нему эмиссара Закарию, заделавшего письма для царевича в пастушескую дубинку. Эмир Сейф-эд-дин, когда-то огорчивший Ала-эд-дина, прежде чем объявить ему об избрании, взял с него клятву, собственноручно написанную, и заставил еще поклясться на Коране, что султан не будет посягать ни на его жизнь, ни на его имущество.

Чтобы предупредить волнения, вельможи иногда прибегали к необычным мерам — они открывали тюрьмы (там, очевидно, находились люди, посаженные ими). Выпуская людей на волю, феодалы рассчиты-

вали на их содействие; таким образом они увеличивали число своих сторонников — это делалось для пресечения выступлений противников. Принимались также меры к тому, чтобы отрезать столицу от общения с внешним миром: закрывались ворота и устанавливалась строгая охрана; стражу несли иногда высшие сановники-феодалы.

Отступая от требования ислама,[1] они (как это было потом и в османскую эпоху) скрывали от населения смерть султана; так поступили они, например, во время смерти султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I в Враншехире. И только когда Ала-эд-дин Кей-Кубад I приподнял крышку гроба и увидал, что там действительно лежит его старший брат, он успокоился. Он отправляется в Сивас и уже бесстрашно садится на престол, окруженный оруженосцами и телохранителями.

Эмир Сейф-эд-дин появляется из-за занавески к имамам и беям и объявляет о смерти султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I. Занавес в дворцовом зале отдергивался, на престоле сидел уже новый султан, и перед этим fait accompli, подкрепленным бряцанием оружия, споры смолкали. Входя в зал, беи и „именитые люди" целуют землю и воздают хвалу; эмир меджлиса Мубариз-эд-дин Бехрамшах подводит их за руку к султану, и они здороваются по-мусульмански.

Демонстративное уклонение от обряда целования, от присяги, было бы опасно — оно сразу раскрыло бы враждебные намерения феодала.

В дворцовой мечети кадий, глава духовенства — шейх-уль-ислам сельджукидской эпохи, — приводил к присяге. В течение 3 дней — срок, обычный и в Средней Азии, — двор справлял траур: султан облачался в белые атласные одежды, а беи надевали на голову „вывернутые" шапки.[2]

Султан награждал беев и вельмож почетными халатами, подтверждал, согласно уговору, грамотами права их на земли и должности. Так повелось исстари. Уже Низам-уль-мульк предлагал вновь вступавшему на престол государю возобновлять грамоты на наделы,[3] и это показывает, конечно, как непрочен был еще государственный порядок.

Султан заявлял, что порядок, господствовавший до него, сохраняет полную силу, что и впредь феодальный строй неизменен. Но договоры сохраняли силу только для тех, кто их подписал; преемники были свободны от обязательств, принятых предшественниками. Однако клятвы (на Коране, на Евангелии) — пустая формальность, и, когда это нужно, обе стороны — и султан, и феодалы — вероломно нарушали их.

Ала-эд-дин Кей-Кубад I, обязанный престолом эмиру Сейф-эд-дину, потом предает его казни, и тщетны вопли Сейф-эд-дина, который напоминает султану о данном когда-то слове; а вскоре участь Сейф-эд-дина постигла и всю верхушку феодалов, которая когда-то хлопотала о возведении султана на престол.

В истории Сельджукидов это повторялось часто: как только положение султана укреплялось, неугодные ему феодалы отстранялись.

[1] Мусульманская религия предписывает хоронить покойника в день смерти; исключение допускается, если смерть случилась после третьей молитвы. Однако во время похорон султанов политические соображения брали верх над религиозными требованиями.

[2] В выражении „вывернутые шапки" — مقلوب پوركلر (Языджи-оглу Али, Ш, 195) заключается, очевидно, намек на какой-то огузский обряд; когда в Синопе хоронили мать эмира Ибрагима, — сын, вельможи и рабы шли с непокрытой головой, а одежда была у них „вывернута наизнанку" (Ибн-Баттута, II, 353—354). Впрочем, у дейлемитов также были странные обычаи: оплакивая покойника, они обнажали головы, закутывались в одежды (см.: К. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 115, 133). Дейлемиты давно находились в „лейб-гвардии" Сельджукидов; потом, как и „гулямы", они занимали иногда высокие должности, таким образом, высшим кругам могли прививаться дейлемитские обычаи.

[3] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 224, not. 1.

Так поступил (1191 г.) уже султан Кутб-эд-дин, засевший в Конье, когда германский император Фридрих Барбаросса покинул город: султан дал ему в виде заложников эмиров, как бы ручаясь тем за беспрепятственный проход крестоносцев через его владения; так, султан Гияс-эддин Кей-Хюсрев II, подстрекаемый Са'д-эд-дином Кобяком, заманил в Эрзинджан сановников и там их казнил — так отомстил он им за то, что они подавали голос против него. Стороннik Изз-эд-дина Кей-Кавуса II, Шемс-эд-дин Мухаммед Исфагани был убит (в 652 г. х.?), когда на престоле сидело три брата Сельджукида.

Влияние феодалов росло и определялось количеством людей, сидевших на их земле, пользовавшихся щедротами их; вокруг феодалов кормились родственники, клиенты и т. д.

Наблюдая, как живет султан, они установили у себя этикет двора, и чем знатнее феодал, тем роскошнее обставлен был у него дом. Во время крымского похода на Судак, желая, очевидно, поразить врага, Чобан-бей превратил ставку в султанский дворец: на пути выстроились воины, одетые в золотые латы, они сидели на конях, седла и уздечки которых усыпаны были драгоценными каменьями, и посол „русского князя" смиренно предстал перед бейлербеем султана.[1]

Феодалы ревностно оберегали свое богатство, и когда их интересы затрагивались, они резко об этом заявляли; это определяло их позицию к власти.

Вокруг Коньи на расстоянии дня пути тянулись сады и виноградники.[2] Здесь жили феодалы летом; они жили обычно в городах (столица, конечно, еще более их притягивала к себе), под городом же у них были „дачи", и за эту пригородную землю они крепко стояли; обследование топонимики окрестностей Коньи показало, что там, действительно, находились участки крупных феодалов эпохи Сельджукидов.[3]

Предпринимая осаду Коньи, Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I понимал, как нужно действовать: он велит рубить сады и виноградники. Так, немедленно упорство горожан было сломлено; у них пропала охота защищать Кылыч-Арслана III, и они предложили молодому султану сдаться на милость дяди, выговорив ему жизнь, а себе „тимары". Султан или сторонники его в Конье выслушали предложение феодалов и беспрекословно подчинились: всякое сопротивление было уже бесполезно.

Материальное положение феодалов было неодинаково; имущественное различие порождало между ними дифференциацию. „Большие беи", „древние беи", т. е. более сильные и более богатые (اولو بكلر قديم بكلر), пускали в ход всякие средства, чтобы завоевать на свою сторону большинство. Так, во время выборов Ала-эд-дина Кей-Кубада I эмир меджлиса Бехрамшах и бейлербей Сейф-эд-дин Айба путем обещаний, путем устройства пышных пиров сумели сплотить вокруг себя курултай.

Эти „радетели государственного двора и охранители государственного вертограда" хотели удержать у себя полноту власти, и интригами проводили своих ставленников на высокие должности. Так, когда Сахибата, отставленный от везирства, был сослан в Османджук, Муин-эд-дин Перванэ — диктатор (XIII в.), сажает на его место зятя — Меджд-эддина.

Феодалы организуют и дворцовые перевороты. Султан Рукн-эд-дин Кылыч-Арслан IV был заманен в Аксарай и задушен. Инициатива этого злодеяния принадлежала всесильному везиру Муин-эд-дину Перванэ и по-

[1] Языджи-оглу Али, III, 342—343.
[2] Языджи-оглу Али, III, 251.
[3] Вл. Гордлевский. Из истории водопользования в Конье. Записки Института востоковедения, т. II, стр. 188—189.

слушному его клеврету, вскоре погибшему от руки везира, — эмиру Нигде Шереф-эд-дину Хатыр-оглу.

Однако во дворце формируется, очевидно, оппозиционная партия, — новая клика, интересы которой отличны от интересов крупных феодалов. Противоположность между ними продиктована не исключительно завистью, это — скорее новая группировка, своего рода феодальная оппозиция; поскольку первые называются „большими", „древними беями", оппозиция была из „средних беев" (اورتة بكلر), как они изредка именуются в хронике.

Вообще беи подразделялись на высших и низших; однажды, передавая церемониал „великой охоты", хроника говорит, что только после султана стреляли „низшие беи" (آشغا بكلر). Здесь раскрывается обязательный порядок, естественный в условиях феодального строя. Русская летопись сохранила рассказ, как малолетний князь Святослав метнул копье в сторону древлян, и дружина поняла, что это — знак к бою.

Были ли три группы беев, трудно установить, но, во всяком случае, появлялись „средние беи" — беи, оппозиционно настроенные к верхушке феодалов. Они только что выдвигались, султану они не страшны, потому что небогаты, но они вошли в доверие к султану, и могут парализовать влияние крупных феодалов, а к крупным феодалам они питают злобу, так как те унижают и презирают их. „Средние беи" ясно видели, что, оберегая султана, они оберегают и себя.

Тактика феодалов, оттесняемых от султана, менялась: „где силой взять нельзя, там надо полукавить", и они старались всячески сохранить давление на дворец. Хроника[1] рассказывает, что в то время как султан расходует на „шилян"[2] ежедневно 30 баранов, эмир Сейф-эд-дин Айбабей тратит 80 голов, т. е. почти в 3 раза больше, чем султан.[3] Так постепенно подобрал он вокруг себя клевретов, которые доносили ему о тайных разговорах, происходивших во дворце.

Между „средними беями" попадались и не турки, а люди, перешедшие к султану от христианских владетельных князей. Здесь и „гулямы", социальное происхождение которых, быть может, даже шокирует феодалов. К интригам местных феодалов „новые люди" относились равнодушно. Дорожа вниманием султана, они предупреждали его о кознях феодалов. Так, когда против султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I был задуман заговор (феодалы хотели задушить султана и посадить на престол Кей-Феридуна), эмир Камненус и Хоккабаз-оглу Камер-эд-дин раскрыли султану глаза. Однако султан, находясь в Анталье, вблизи могущественного бея Эртокуша, на-время сдержался и, только перебравшись в Кайсери, расправился с заговорщиками во время пирушки.

Камненус, очевидно, был грек и, судя по имени, из рода Комнинов, а фамильное прозвище Камер-эд-дина указывает на „низкую" профессию отца (حقه باز — акробат, фокусник); впрочем, фокусники Сельджукидов славились и своим искусством удивляли византийцев в Константинополе.

Дерзость и своеволие феодалов все больше увеличивались. Са'д-эд-дин Кобяк, везир султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, выстроивший хан

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 271.

[2] „Шилян" получает здесь иное значение: это — обычное угощение султана, установленное еще Низам-уль-мульком (см. главу XXXV) для тех, кто приходит во дворец по делам.

[3] Баран — единица угощения на Востоке; в честь гостя хозяин режет вечером ягненка, и еще недавно на торжествах (празднествах) по случаю обрезания истреблялось в Малой Азии до 500 баранов.

„Зазада" между Коньей и Аксараем,[1] толкнул Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II[2] на отцеубийство, а затем, пользуясь неопытностью молодого султана, вел себя вызывающе. Это был всемогущий „наиб" — наместник султана. Султан сидел у себя во дворце как бы в плену, а Кобяк входил к нему вооруженный, с мечом на перевязи.

Напуганный султан послал в Сивас за Караджа-Джандаром, чтобы убрать Кобяка.[3] Опять сильному феодалу противопоставляется провинциал, защитник султана (как указывает прозвище, вышедший из стражников); для мелкого провинциального феодала это являлось очень удобным случаем для продвижения по службе. Впоследствии нерасположение к „средним беям" окрашивается религиозным оттенком. В монгольскую эпоху мусульмане, закаленные воины, бросали христианам, радовавшимся избавлению от ига Сельджукидов, обвинение в трусости.

Видя рознь между феодалами, султан искусно использовал ее. В Конье, столице государства, собрался цвет феодализма — могущественные феодалы. Это стесняло султана. Среди них он был бессилен и безволен и охотно удалялся в „престольный город" Кайсери; там мог он смело опереться на „средних беев".

Эмир Сейф-эд-дин, старый слуга, возведший султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I на престол, перед смертным часом отметил эту перемену, когда вспомнил слова султана, сказанные им однажды в саду: „Нужно вырвать старые деревья и взамен посадить молодые деревья".[4]

Таким образом у Сельджукидов Рума происходила эволюция власти. Сдавленный феодалами, султан хотел избавиться от опеки — у него обнаруживаются тенденции к абсолютизму, принимающие формы самодурства или дикой расправы.

Судьба сановников и временщиков была переменчива, и с них так и летели головы, сначала по прихоти султанов, подозревавших их в заговорах и изменах, потом монгольское нашествие разожгло еще страсти и алчность, и они гибли, интригуя друг против друга.

В борьбе за власть сановники губили родину, и этим грешили лучшие государственные люди: Муин-эд-дин Первана, сначала сторонник султана Рукн-эд-дина, и Сахиб-ата, бросивший государя — султана Изз-эд-дина. Конья потом теряет для Сельджукидов прелесть: там — могущественные феодалы; султан бежит из столицы, но тяжелая лапа феодалов настигает его всюду. А феодалы ненавидят султана — он дочиста обирает их.

Хотя у феодалов сосредоточились большие богатства, однако сельские продукты, вымененные или купленные товары и изделия, военная добыча — шли часто султану. В случае брака султана, а то и просто возвращения в столицу после долгого отсутствия (после пребывания у берегов Средиземного моря) беи и наибы оповещали об этом феодалов, и феодалы обязаны были везти ко двору султана подарки.[5]

Хроника пишет, что любаши (военный начальник) Кайсери Сейф-эддин Абу-Бекр, встретивший торжественно султана в Чубуке, очевидно, на границе области, поднес ему все состояние, накопленное за долгое время.[6] Счастье лицезреть султана дорого обходилось феодалу.

---

[1] См.: Абдюлькадир Хамди-Задэ (теперь Эрдоган), газ. „Türk Sözü", 1918, № 54.

[2] Халиль Эдхем. Kayseriye şehri, p. 62, not. 1.

[3] Халиль Эдхем (Kayseriye şehri, p. 73) впрочем, хочет оправдать Сʿад-эд-дина Кобяка.

[4] Ибн-Биби, IV, 114.

[5] Подношения эмиров (феодалов) султану — обычное на Востоке явление, см. например, замечание Ф. Бернье (История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.—Л., 1936, стр. 191).

[6] Языджи-оглу Али, III, 198.

Во время объезда султан всюду собирал подарки, которые состояли из красивых невольников (или невольниц), кошельков с золотом, турецких и арабских лошадей и т. д. „Мелики“ (князьки) дарили султану драгоценные камни. Он охотно совершал объезды, пополняя время-от-времени казну, истощенную пожалованиями. Раздавая одной рукой, он сторицей вознаграждал себя.

Вступление султана на престол сопровождалось подношением богатых подарков. Это была встреча сюзерена с подданными, его вассалами, ознакомление феодала с владениями. Этим сборам, или поборам, придана была видимая законность: на языке хроники это именуется „правом, — узаконенной долей за прибытие“ (حق القدوم).[1] В османскую эпоху из него развилось, очевидно, уже два налога, обозначавшие — „радость-приветствие“ (تبشيريه) и „прибытие“ (قدوميه) феодала-помещика.

Поборы султана с лихвой взыскивались феодалами с крестьян, положение которых все ухудшалось. Разоряемые крестьяне изнывали под невыносимым гнетом. Феодалы смотрели на крестьян так, как смотрел султан на феодалов.

В стране господствовали произвол и насилие. Жалобы крестьянства — „райи“ — на поборы были безрезультатны; „сбор справедливый“ (حال حق), о котором говорит Низам-уль-мульк, превышал всякую меру. Поскольку в эпоху Сельджукидов на больших дорогах, ведших к „престольным городам“ (к Конье, Сивасу, Кайсери) строились караван-сараи и хаиы (своего рода крепости), которые могли выдержать осаду, — видно, что в стране было неспокойно; были люди, настроенные против этого государственного порядка (сторонники Данишмендов, утративших независимость, и др.); пользовались смутами, конечно, и феодалы и т. д.

Недовольные состояли, очевидно, из крестьян, утомленных походами и кабалой. Терять им было нечего; они бросали во время войны все, убегали от феодалов и выходили на „большую дорогу“: здесь грабили они караваны. Грабеж шел и на городских базарах, и было то обычным явлением. Автор хроники Языджи-оглу Али, идеализируя султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, замечает, что в царствование его был „золотой век“: спокойно на базарах шла торговля, спокойно работали люди на пажитях, т. е. всюду была благодать, крестьяне и ремесленники жили спокойно. Но так было при султане Ала-эд-дине Кей-Кубаде I, а, стало быть, как правило, жили люди неуверенно: каждый боялся за свое имущество, за клочок земли.

Так было и потом, в османскую эпоху. Ламии (XVI в.) рисует в „Анекдотах“ бытовую картину, как у одного шейха было поле, и поле сторожили „мюриды“, его ученики: очевидно, воровство было широко распространено.

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 107.

Глава VII

„Клиенты" феодалов. — Рабы, их роль в быту. — Крестьяне-собственники („дехкане") и батраки („сеятели"). — Баба́-Исхак. — Крестьянское восстание, возглавленное Баба́-Исхаком.

Естественно, что между феодалами и крестьянами классовые противоречия обострялись; каждую минуту могли ожидать феодалы, что крестьяне, доведенные до отчаяния притеснениями, восстанут против них. Принимая меры предосторожности, феодалы жили в укрепленных местах — в за́мках.

В монгольскую эпоху, когда к внутренним затруднениям прибавился еще внешний враг, то, напр., потомки Сахиб-ата („Сахиб-ата огуллары") жили в Афьон-Карахисаре, в цитадели, построенной на вершине горы.

На землях феодалов сидели отчасти свободные люди, родственники феодалов, близкие им люди — мелкие землевладельцы, получавшие от феодалов участки так, как получали феодалы от султана; это были зависевшие от них „клиенты". Но, кроме того, земля обрабатывалась свободным (крестьянским) и рабским трудом (трудом пленных).

Однако основой производства был труд крестьян, а рабство сохраняло все-таки значение, главным образом, в домашнем быту.

Хорошо устроились духовные феодалы: на их земле сидели и крестьяне, а кроме того, на духовных феодалов работали, очевидно, и „мюриды" — ученики шейхов. Для мюрида (рядового), члена религиозного ордена, физический труд, занятие каким-нибудь ремеслом было обязательно. Шейхи-феодалы, используя духовное влияние на мюридов, сумели создать из них даровую рабочую силу;[1] мюриды смотрели на труд, как на „урок", данный „старцем", как на служение богу.

Военные походы непрерывно восполняли запасы живой рабочей силы; как военная добыча, она доставалась феодалу дешево, даром, и расходовалась она неэкономно и быстро уменьшалась. Население завоеванных городов и областей (в большинстве христиане) обращалось в рабство и толпами перегонялось внутрь страны.

Военачальник Чобан-бей, завоевав Судак, переправил из Крыма партии пленных в Кастамону и Синоп и, возможно, и Боябад[2] — центр огузов, т. е. в свои поместья.

После войны городские рынки наводнялись рабами и невольниками: они шли и из кипчакских степей, и со средиземноморского побережья. Однако приток рабов шел непрерывно и в мирное время; торговля рабами представляла большие выгоды.

---

[1] См. интересные наблюдения А. Молчанова (Собрание восточных рукописей В. Л. Вяткина. Труды Государственной Публичной библиотеки Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1936).

[2] В сложное слово „Бойабад" входит слово „boy" — „племя".

Как пишет Абулфида,[1] туркмены, жившие на Средиземноморском побережье у Антальи, похищали детей-христиан и продавали их мусульманам; здесь речь идет, конечно, о вывозе за границу — куда-нибудь в Египет, к Мамлюкам. Но и внутри страны занятие это, дававшее легкую наживу, тоже процветало.

Б. де-ля-Брокьер, на обратном пути во Францию, где-то в Венгрии наблюдал, как воины после полона сковали невольникам-христианам шеи и так вели их на продажу в Эдирнэ, и народная песня живо рисует, как пленнику связывают назад руки и ведут на чужую сторону.[2]

Внешний облик сразу изобличал раба: в ухо у него было продето кольцо,[3] — так раба и представляет себе поэт Низами; волосы острижены или выбриты, одеждой служила им попона;[4] вид, очевидно, был у них жалкий, и, если они убегали от хозяина, это бросалось в глаза, и всякий на дороге легко мог задержать их „для выяснения личности".

Феодалы забирали людей для работы в домах и на полях — к себе на земли военных ленов, всячески эксплоатировали их, дарили друг другу и т. д.; раб был полной собственностью хозяина, и хозяин распоряжался им, как хотел. На рабах лежал тяжелый труд: они работали в рудниках, копали могилы (а землекопание было тогда позорным делом).

Позже, как видно из документов Ахмеда Рефика, к работе в рудниках были привлечены „юрюки" (малоазиатские кочевники-турки), очевидно, потомки огузов, завоевателей Малой Азии. Поскольку на рудниках находятся доверенные агенты правительства, „эмины" (см. документ № 224) — рудники эксплоатировало уже государство.

Институт рабов — черных невольников (евнухов, женской домашней прислуги, нянек и т. п.), сохранился в Турции до XIX в. Впрочем, в системе хозяйства феодального общества Малой Азии это был уже пережиток, по крайней мере, отсутствуют указания на рабов, как на большую производственную силу в эпоху Сельджукидов.

Рабов привозили и купцы с южного берега Каспийского моря или из Средней Азии: они шли в гвардию султана, из них вербовались „гулямы", поднимавшиеся иногда до ступеней трона.

Из молодых красивых рабов, привозных или местных, набирались дворцовые слуги и пажи; они прислуживали на пирах, поднося гостям кушанья и напитки. В XIV в. Ибн-Баттута видел при дворе султана Бирги двадцать стройных слуг-греков, одетых в шелковые одежды; волосы у них с головы прядями падали вниз, цвет кожи был белоснежный, а на щеках играл румянец.[5] Это были туземные „гулямы" Малой Азии.

Во время путешествия по Малой Азии Ибн-Баттуте часто приходилось наблюдать рабов; то ему подарят в Смирне карлика, то по дороге он купит для услуг какого-нибудь грека (Николая или Михаила); в Аязлуке (совр. Сельчук) он уплатил 40 золотых динаров за молодую гречанку, в Балыкесире опять купил рабыню Маргариту.

Насколько показательна цена, заплаченная Ибн-Баттутой, неизвестно. Он жил подарками и подношениями, и уплатой крупной суммы хотел, очевидно, подчеркнуть достоинство невольницы.

---

[1] Géographie d'Aboulféda (пер. St. Guyard), II, 134.

[2] Fr. Giese. Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah. Berlin — New York, 1907, № 6, p. 34.

[3] По-персидски раб так и называется حلقه بگوش.

[4] Так было потом и у османцев. Я. Стрейс (Три путешествия. М., 1935, стр. 112), побывавший в конце XVII в. у турок в плену, рассказывает, что с него сняли платье, обрезали волосы и голым, только в тонких полотняных подштанниках, посадили за весла.

[5] Ибн-Баттута, II, 303.

Историк Ашикпаша-задэ, сопровождавший (1438 г.) войско султана Мурада II, купил красивого мальчика за 100 акча — это, очевидно, была дешевая цена, но, конечно, за двести лет стоимость акча упала.

После войны цены на невольников падали.

Во время похода в Армению на царя Левона II захвачена была „бесчисленная добыча, не поддающаяся учету". В Кайсери, куда все было свезено, т. е. где были первичные цены, красивый армянский невольник (или невольница?) продавался за 50 акча — не дороже, чем однажды зимой, во время сильных холодов, куропатка (мясо куропатки высоко ценится в Малой Азии).[1] Вздутая цена за деликатесс к столу эмира Сейф-эд-дина равнялась низкой цене за человека, которого могли назначить пажем, застольным слугой и т. д.

„Тезкерэ" (био-библиографический литературный словарь) в главе о поэте Ахмеди, авторе „Искеидер-намэ", упоминает о смелом разговоре, бывшем между ним и Тимурленгом в бане. На вопрос о том, как поэт ценит его, мирового завоевателя, Ахмедн отвечал, что, собственно, только запон на нем и сто́ит денег. Рассказ отражает бурную военную обстановку, когда плен был обычной участью человека, и люди-рабы ни во что ие ставились; больше стоил шелк, какая-нибудь материя, завезенная в Малую Азию, чем человек.

Исторически неправдоподобный (впоследствии перенесенный на ходжу Наср-эд-дина) анекдот тешит национальное самолюбне османца, оскорбленного разрушением малоазиатской державы в XV в.

До прихода Сельджукидов туземное христианское население Малой Азии, крестьяне (греки, армяне), зависели от Византии. Уже преемник Алп-Арслана, победителя Романа Диогена, султан Сулейман Кутылмыш, провел (в конце XI в.) социальную реформу: крепостных и рабов, работавших на латифундиях в Малой Азии, он объявил свободными, и они массами стали переходить в ислам. Так и впоследствии Сельджукиды завлекали к себе из Византии крестьян.

Политическая перемена внесла облегчения (экономические), особенно сначала, когда огузская (турецкая) прослойка была еще тонка, а административный аппарат слаб. Сельджукиды, как мусульмане, следуя шарнату, ограничивались взиманием одного „хараджа" — поголовного сбора с христиан, вот почему крестьяне охотно уходили к Сельджукидам. Освоение земельных пространств в Малой Азии шло медленно. В XIV в. Ибн-Баттута, путешествуя по Малой Азии, около Изника, во владениях османского „бея" Орхана, попал в город Гуоник; там „один только дом был занят мусульманами, которые управляли греками",[2] т. е. в городе была только турецкая адмиинстрацня.

Момент смены власти обходился благополучно, если князек добровольно сдавал владения; тогда население сохраняло личную свободу, и жизнь текла попрежнему. Но, если огузы встречали сопротивление, они поступали с населением так, как было в Анталье, где в течение суток шло поголовное нзбиение — резня (قرغون), потоки крови текли по равнине и к морю, после воины вложили мечи в ножны и пять дней грабили жителей и уводили в рабство, и только на шестой день была объявлена пощада (امان): те, кто остался жив, мог вернуться к себе.[3]

Вот обстановка, которая создала из византийского населеиия Малой Азии свободных и рабов.

Обрабатывая землю феодалам, крестьяне, лично свободные, имели право переходить от одного феодала к другому. Но, поскольку положе-

[1] Языджи-оглу Али, III, 188.
[2] Ибн-Баттута, II, 329.
[3] Языджи-оглу Али, III, 85.

ние их везде было одинаково, они отказывались от этой привилегии и оставались на старом месте, у одного хозяина.

Только война, разорявшая поля, вынуждала крестьян покидать все и искать себе лучших участков у других феодалов. Крестьянин-землевладелец превращался в беженца-скитальца. Это было обычное явление.

Во время осады султаном Изз-эд-дином Кей-Кавусом I Синопа „райя" (رعيت)[1] — оседлое земледельческое население, крестьяне-христиане, у которых не было ни волов, ни земли, ни воды (جفتسز يوسوز صوسز), т. е. безземельные, так сказать, батраки, разбежались из области Синопа; но позже наибы (наместники) дали им волов для пашни и семян, и они вернулись на старые места и занялись земледелием.

В XIII в., когда на Малую Азию начал наступать сперва Джелал-эд-дин Мухаммед (Хорезм был занят Чингис-ханом в 1218 г.), потом монголы, — земли, расположенные на востоке Малой Азии (к востоку от Ахлата), были заброшены.[2]

Видя запустение, правительство произвело в округе Ахлата перепись безвестно пропавших и убитых, и феодалы, рассказывает Ибн-Биби, пригласили „дехкан" (دیهقان) и „сеятелей" (مزارع) „на воду и землю", дали им семян и скот и освободили от повинностей. Начальники крепостей — землевладельцы-угнетатели — были смещены, доходы и расходы записаны. Когда об этом, узнали „угнетаемые" (منزعجان) и „беженцы" (متفرقان), они вернулись в Ахлат на старые пепелища, и в округе быстро водворилось благосостояние.[3]

Так различалось два вида крестьян, сидевших на земле; „дехкане" — это, очевидно, мелкие собственники-землевладельцы, во всяком случае, свободные крестьяне (в этом значении слово употребляется и у Рашид-эд-дина) и „сеятели" — издольщики, т. е. люди, прилагающие личный труд на обработку и посев, но пользующиеся орудиями производства и скотом феодала.

Противополагаясь феодалам, обладавшим большими богатствами, крестьяне составляли „бедняцкий" класс, для них в хронике есть обычный термин „бедняки" (فقرا).

Картину вечного отлива и прилива „населения на походе" создавали еще турки-кочевники, бродившие со стадами по Малой Азии. Эти туркмены (огузы)-скотоводы количественно преобладали на фоне небольших крестьянских оседлых хозяйств.

Они засевали поля, т. е. снимали жатву и уходили. Землепашеством они занимались исключительно для собственного потребления, а все внимание устремлено было у них на скотоводство.

Марко Поло указывает, что в „Туркмении", т. е. в Малой Азии, туркмены живут в горах и на равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством.[4] И то, что наблюдал Марко Поло в конце XIII в., сохранилось вплоть до XX в. Уже в 20-х годах XX в. после падения Османской империи, правительство

---

[1] Слово „райя", как заметил J. H. Mordtmann (Z. D. M. G., Bd. 68, p. 138, not.) только в XVIII в. стало применяться к христианам, между тем как раньше употреблялось для крестьян без различия вероисповедания. Долго горожанину противополагается „райя", т. е. крестьянин; см. „Законник" султана Мехмеда II, где слово „райя" заменено словом „тюрк" (Fr. Kraelitz-Greifenhorst, op. cit., pp. 21, 35). Такое же содержание в понятие „райя" вкладывают Кучибей, Хаджи Хальфа и другие османские писатели XVII в. (см.: В. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский, стр. 77, прим. 1, также стр. 209).

[2] Языджи-оглу Али, III, 138.

[3] Ибн-Биби, IV, 187.

[4] Путешествие Марко Поло, перев. И. Минаева, под ред. В. Бартольда, стр. 26.

Кемаля Ататюрка издало распоряжение о прикреплении юрюков к постоянному месту жительства. Так запрещено было, наконец, передвижение юрюков с места на место.

Было ли крестьянство юридически закрепощено? — Для ясного ответа у меня, по крайней мере, отсутствуют прямые доказательства. Однако на помощь приходит логика. Оно добровольно подготовило „прикрепление к земле", узаконенное в XIV в. ханом Газаном и потом, как видно из документов Ахмеда Рефика, подтвержденное (в XVI—XVII вв.); беглые крестьяне подлежали возврату. Из „Законника" санджака Нийболи (Никополь) также известно, что хозяин в течение 10 лет мог искать беглого крестьянина.[1] В моигольском законодательстве этот срок исчисляется 30 годами. Здесь интересен и срок давности; уменьшение его у турок свидетельствует о более устойчивых формах землевладения (в Европейской Турции). По существу же трудно было бы думать, что статья о возврате беглого крестьянина попала в турецкое законодательство непосредственно от монголов; всего вероятнее, что она заимствована от Сельджукидов.

Закрепощенне крестьян закончилось в Турции после подавления восстания, поднятого Бедр-эд-дином Симавна-оглу (в первой половине XV в.); убедившись, как сильно крестьянство, правительство должно было передать крестьян под полный надзор феодалов, — так предотвращены были восстания крестьян, во всяком случае, они перестали надолго быть ему опасны.

Об экономическом положении крестьянства в Малой Азии хроника, разумеется, молчит. Какие повинности несли крестьяне — неизвестно, но они несли тяжелые повинности. Поскольку хозяин зовет на землю и воду, значит, ему принадлежит право не только на землю, ио и на воду: земля у него орошалась, и ежегодно необходимо было ремонтировать ирригационную систему. Вода решала все, вода давала снлу феодалу, и крестьяннн шел к нему поневоле на поклон.

Естественно предположение, что у степняка-полукочевника налог взимался со скота и именно с овец.[2]

Кочевые племена (юрюки) в Малой Азии, как это видно из „Законника" султана Мехмеда II, платили подворную подать (salarlık) — „накладку",[3] ежегодный сбор, равнозначащий „десятине" („ашару") со злаков, как то: овес, ячмень, просо (в тюркских языках: туркменском, узбекском, казахском — понятие о налоге выражается корием „sal").

Впоследствии налог „саларлык" или „саларие" взимался одновременно с „ашаром", это был фуражный налог.

Отчасти суждения о повинностях составляются по аналогии. Позже, когда туркменские племена (в Средней Азии) осели на земле, они платили: кто — одну десятую урожая (хорезмскому шаху), кто — налог со скота, кто поставлял птиц или „нукеров" („слуг или гвардию"),[4] — здесь уже организованный мусульманский сбор („ашар"), и продуктовая подать, и отработочная повинность.

---

[1] Jos. Hammer, op. cit., I, 304.

[2] Монгольский сбор с овец — „купчур" (одна овца с сотни), встречающийся, правда, уже в уйгурских документах, сохранился в Малой Азии до султана Мехмеда II; согласно Рашид-эд-дину, купчур взимался дважды в год.

[3] Фр. Крелиц (Kānūnnāme Sultan Mehmeds des Eroberers. M. O. G., I, p. 24, not. 1) неудачно производит термин от персидского слова sālār — начальник. — П. Мелиоранский (Документ уйгурского письма султана Омар Шейха. ЗВО, т. XV, стр. 06) приводит еще слово „салтык" (налог). Ср. также „салгыт" — земельный налог в Хиве (П. Иванов. Архив хивинских ханов. Записки Института востоковедения, т. VII, стр. 13).

[4] В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 45.

Вот еще пример для сравнения: земледельцы-мусульмане, жившие во владениях крестоносцев, отдавали, как пишет Ибн-Джубейр, бывший в Сирии в 1184 г., половину урожая, платили подушную подать $1^5/_{24}$ динара (динар — около 5 рублей), небольшой сбор с плодовых деревьев; и они находили, что их участь лучше участи их братьев, оставшихся под властью мусульманских князей.[1]

Таким образом видно, что у земледельца облагалась налогом земля, которую он обрабатывал, кроме этого он платил еще подушную или подворную подать.

Кир-Алексис, признав над собой сюзеренство Сельджукидов, платил подать и „молочными" продуктами (محلوبات).[2] Отсюда явствует, что налоги с крестьян в Малой Азии взимались натурой.

Огузские племена, оберегавшие границы (и поставлявшие воинов), посылали ко двору ежегодно „подарки" — больше натурой (баранами), но уделялась и доля из добычи — из драгоценностей, отнятых у соседей-христиан во время налета — акына.

Этот обременительный для населения обычай, распространенный на Востоке, уцелел в османскую эпоху. На торжествах, на семейных праздниках султан получал богатые подарки и не только от пашей, но и от ремесленников — лошадьми, материями, изделиями и т. д.

Во время войны население пограничной полосы освобождалось обеими сторонами от налогов; льготы давались и после войны, опустошавшей страну. Точно так же население деревень, на которое возлагались государством обязанности, как, например, разработка рудников, устройство и починка дорог, мостов, — очевидно, компенсировалось налоговыми скидками.

В мирное время крестьянство безмолвно несло бесправие и гнет, и наивному хронисту, представителю класса феодалов, казалось, что везде тишь и благодать. Но благополучие крестьянства было, конечно, кажущееся — призрачное. Крестьяне изнывали на земле феодалов: это был тяжелый, подневольный труд.

В эпоху Сельджукидов вольница — сипахи, вообще воинская громада — смотрела на войну, как на средство для наживы. Квартирные повинности, подводы, военные поставки — все это было вконец обременительно и разоряло крестьян. Сомнительно, чтобы соблюдались меры, рекомендуемые Низам-уль-мульком о государственных заготовках;[3] попиралось и имущество, и достоинство человека.

На окраинах государства, страдавших от бесконечных нападений внешних врагов и от своеволий и насилий пограничных беев, часто вспыхивали крестьянские бунты; низы населения революционизировались.

Одно из таких восстаний произошло в царствование султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II, когда озлобление крестьян прорвалось наружу.

Несомненно, движение, поднятое дервишом Баба-Исхаком в 1239 г., носило социальный характер. В хронике, конечно, восстание освещено пристрастным оком — классовым врагом крестьянства.

Баба-Исхак обрисован, как человек коварный, как волшебник, который уловлял души невежественных турок: только чародейство, наивничает хроника, могло вывести крестьян из спокойного равновесия.[4]

---

[1] В. Бартольд. Мусульманский министр-философ эпохи крестовых походов. Восток, кн. 4, стр. 136.

[2] Языджи-оглу Али, III, 187.

[3] Ср. еще налоги, взимавшиеся в Карабагском ханстве до XIX в. (Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, М.—Л., 1936, ч. I, стр. 11).

[4] Языджи-оглу Али, III, 263, 270.

Баба́-Исхак происходил из Кефер-суда, посада Самосаты, старинного городка на севере Сирии, расположенного на правом берегу реки Евфрата (к северу от древней Эдессы).

Наперекор Византии, Сирия давно уже завоевала доверие народов Малой Азии; духовная культура армян носила ясно выраженный отпечаток сирийского происхождения. Так, в Малой Азии, в землях, примыкавших к районам, заселенным армянами, было традиционное тяготение к Сирии, как противоположение тому засушивающему (духовно) и угнетающему (экономически) давлению, которое шло из Византии.

Самосата дала ряд людей, сыгравших большую роль в истории человеческой мысли.

Здесь, на стыке дорог из Месопотамии, Ирана, Индии, сталкивались представители культов „Великой матери богов", Митры, мусульмане, уклонявшиеся от правоверного учения, и т. д. Наблюдая многообразие обрядов и церемоний, человек терял веру, он смеялся над легковерием массы. Так, вышли из Самосаты „вольтерьянец античности" Лукиан (II в. н. э.), Павел Самосатский (III в. н. э.), основоположник павликианской дуалистической ереси, — ереси, которая укрепилась сперва в Малой Азии, а потом, долго спустя, преобразованная, перешла и в европейские владения Византийской империи, а оттуда из Болгарии и в Москву.

Когда Самосата была завоевана Сельджукидами, общение усилилось, и Баба́-Исхак, перебравшись в Малую Азию, свободно начал проповедывать свои идеи. Он сразу понял противоречия, из которых соткан был государственный строй Сельджукидов.

Враждебно настроенные историки, представители феодального класса, говорят о вожде восстания, что это был еретик, только прикрывавшийся личиной подвижничества, т. е., замалчивая социальное значение борьбы, они сводят все к религиозным разногласиям: тот, кто отрицал существующий порядок, с правоверной точки зрения, должен был быть (и действительно был) инакомыслящим человеком, носителем еретических взглядов.

Хусам-эд-дин, использовавший, как он пишет, восточные источники, смотрит на движение, возглавленное Баба́-Исхаком, как на широко задуманную греческую (византийскую) интригу.[1] Баба́-Исхак, будто бы, был грек из рода Комнинов, внешне принявший ислам; Са'д-эд-дин Кобяк был его ставленник, всячески его поддерживавший, и т. д., но все это не обосновано и маловероятно. Впрочем, было у него что-то от христианства: дед Баба́-Исхака, родом из Сулеймание (пишут христианские историки), был несторианин, перешедший в ислам и перебравшийся в Самосату.

Как указывает имя, Баба́-Исхак был „баба́", мюрид — ученик-послушник Баба́-Ильяса Хорасани, один из тех „баба́", которые распространяли среди огузов шиитские взгляды.[2] Хаммер, использовавший Дженаби, говорит, что Баба́-Ильяс, взятый в плен, очаровал султана, так что Джеляль-эд-дин Руми и благочестивые мевлеви, огорченные, отстранились от султана.[3]

На исконном протестантстве отслоилось у Баба́-Исхака сектантство мусульманское; он был и „хариджит". Но он был начитан, хорошо знал „хадисы" (хроника Ибн-Биби говорит о его روايه داری).[4]

---

[1] Amasya tarihi, Istanbul. 1329—1332, II, 363.

[2] Нужно бы пересмотреть все источники об этом восстании и расчленить роль учителя, Баба́-Ильяса, и ученика, Баба́-Исхака (см. Ф. Кёпрюлю. Anadoluda islâmiyet, p. 56. — Его же. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar, pp. 232—234).

[3] G. O. R., I, 52.

[4] Ибн-Биби, IV, 227.

Наставник Баба́-Исхака — Баба́-Ильяс жил в Амасье. Туда — к Баба́-Ильясу — заглянул Хаджи Бекташ, как говорит историк Ашикпашазадэ;[1] идеи Баба́-Ильяса воспринял Нур-Суфи, ренегат-армянин, основатель династии Караман-оглу.[2] Здесь была одно время и штаб-квартира туркмен „Кызыл-ходжа огланлары". Их прозвище как будто указывает, что это были последователи „еретического ходжи" („Красного ходжи").[3] Здесь вообще был давнишний центр религиозной оппозиции. Впоследствии, в XIV в., около Амасьи в Сунусе[4] жили и потомки Ахмеда Руфаи, основателя одного из мусульманских орденов, сохранявших шаманские отголоски. Здесь-то устроился и Баба́-Исхак.

Баба́-Исхак пас стада, он, может быть, попал в плен или поступил на службу к какому-нибудь феодалу. Вел он строгий подвижнический образ жизни, разбирая ссоры между крестьянами (мирил жен с мужьями). Все это расположило к нему крестьян и помогло ему потом, когда во время преследований он укрывался от войск султана.

За этими положительными чертами (пастушество, уединение, миролюбие), отмечаемыми и хроникой, настроенной враждебно к Баба́-Исхаку, скрывается человек выдержанный, временно как бы ушедший в подполье, но настойчиво добивающийся поставленной перед собой цели.

План Баба́-Исхака задуман был широко. Он зажег пламя восстания на окраинах государства (и между прочим, у себя на родине в Сирии), т. е. там, где давно действовали центробежные силы. Его охотно поддержали и турецкие племена, наводнившие Малую Азию после падения Джеляль-эд-дина Хорезмшаха. Может быть, и соседи — Эюбиды, злорадствуя, хотели использовать политические затруднения Сельджукидов.

Волнение охватило сперва окрестные племена, а от них перекинулось на запад, через Малатью и Сивас, к Токату и Амасье, а там уже заранее была произведена длительная подготовка: крестьяне знали или слышали о Баба́-Исхаке как о добродетельном человеке; здесь велико было обаяние личности Баба́-Исхака.

Баба́-Исхак руководил движением через мюридов: одного он послал в Сирию, другого — в Мараш; он ожидал, очевидно, подкрепления с востока; огузские (туркменские) племена были давно распропагандированы дервишами-баба́ — выходцами из Хорасана. Преданные Баба́-Исхаку мюриды ходили по деревням, вербуя всюду сторонников. Как ученики баба́-отшельника, заслужившего благочестивой жизнью любовь крестьян, мюриды били на религиозное чувство населения и распространяли слухи о непотребной жизни султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II, но это была только внешняя оболочка. На деле же Баба́-Исхак стоял за социальную справедливость — у него слышатся, быть может, отголоски учения Маздака.

Деревня пошла на город. Это была подлинная классовая борьба, переросшая из антагонизма между крестьянами, истерзанными кабальным трудом, и феодалами-угнетателями. „Старый порядок" заставлял крестьян в мирное время работать на феодала, во время войны — проливать за него кровь.

---

[1] Ашикпаша-задэ. История (издание стамбульское), стр. 204.

[2] J. Hammer. G. O. R., I, 195 (заимствовано у Дженаби).

[3] Ашикпаша-задэ, стр. 212.

[4] Теперь это место входит в состав вилайета Токат. В „Сказании о Мелике Данишменде" встречается город خرسانوسيه — Харсанусия (вторая часть слова стоит, очевидно, в связи с пунктом „Сунус"); поскольку теперь этот город называется „Никсар", трудно думать, что это — Херсонес Таврический, как предполагает В. Д. Смирнов (Мнимый турецкий султан. ЗВО, т. XVIII, стр. 33).

Крестьяне сжигали деревни, убивали „именитых граждан", против которых было у них большое озлобление, и двигались на город. „Кто нам друг, — кричали они, — тот пайщик добычи"; [1] если же кто противился бунтовщикам, того они безоговорочно истребляли.

Феодалы жили больше в городах, но пострадали и поместья: в деревнях собраны были сельскохозяйственные продукты и живой инвентарь, напоминавшие крестьянам о гнете и вымогательствах.

Для феодала пригородная земля представляла большую ценность; из города ему удобно было наблюдать за хозяйством; он быстро переправлял и реализовал продукты, когда это было нужно. Живя же в городе, он сохранял близость ко двору и следил за борьбой, которая шла постоянно между феодальными группировками; это давало ему большие преимущества перед феодалами-провинциалами, которые узнавали о событиях поздно, когда все было поделено.

Когда почва была подготовлена, Баба́-Исхак объявил себя „посланником Аллаха" („Расулуллах"). Новый халиф, несомый на носилках мюридами, вступил в Амасью. Положение султана, Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II (перешагнувшего через труп отца, чтобы занять престол), было шаткое.

Крестьянское восстание разрасталось. Против бунтовщиков высылались войска (эмир Али-Шир), но крестьяне разбивали их, захватывали знамена, уничтожая воинские части полностью. Наконец, после долгих усилий, главаря восстания Баба́-Исхака забрал атабек Хаджи-Армаганшах. Баба́-Исхак был повешен. Однако, охваченные религиозным пылом, бунтовщики отказывались верить в его смерть — так сохранялось у них старое переднеазиатское верование в волшебную силу учителя.[2] Были вытребованы из Эрзурума войска, охранявшие границу, и только тогда восстание было усмирено.

Разгневанный султан жестоко отомстил участникам восстания: они были перебиты поголовно; пощажены были, говорит хроника, только дети в возрасте двух—трех лет. Все имущество было отнято и после выделения одной пятой части, идущей, согласно шариату, на благотворительность — сейидам, беднякам и т. д., роздано воинам.

Движение, поднятое Баба́-Исхаком, не было подавлено, оно было только загнано вглубь — учение его было воспринято огузским племенем чепни.[3] Чепни, может быть, втянуты были в движение еще Баба́-Исхаком, но после разгрома отодвинулись на север, к Синопу и сохраняли буйные воинственные инстинкты. В начале XV в. их встретил на пути в Самарканд, между Трапезунтом и Эрзинджаном, Клавихо.[4] Те, кто присматривался к чепни, отмечают, что они уклонялись от суннитства. Фуад Кёпрюлю, анализируя сообщение Ибн-Баттуты, основательно полагает, что это именно на них в XIV в. смотрело население косо, как на „кызылбашей", которые не едят заячьего мяса.[5]

Восстание Баба́-Исхака — яркая иллюстрация обострения классовой борьбы, приведшей к падению Сельджукидов, попытка социального уравнения между городом и деревней.

---

[1] Ибн-Биби, IV, 228.

[2] Fr. Babinger, op. cit., p. 75, not. 1.

[3] Ф. Кёпрюлю. Oguz etnolojisine dair notlar, pp. 206—207. — Его же. Anadoluda islâmiyet, pp. 62—63, not.

[4] Транскрипцию подлинника (Chapenies, по изданию Срезневского, стр. 129) G. Le Strange (серия „The Broadway Travellers", p. 120) почему-то передает через Chapanli Türks (смешивая с Чапан-оглу?).

[5] Ибн-Баттута, II, 353. — Ф. Кёпрюлю. Anadoluda islâmiyet, p. 63, not. — Заяц — „мерило истинной веры": кто ест зайца, тот поганый, — думают старообрядцы.

Последовало ли после этого успокоение — сомнительно. Нашествие монголов только приглушило голоса низов, но материальное или правовое положение крестьянства осталось на прежнем уровне.

Восстание в Малой Азии — один из эпизодов пробуждения крестьян на „мусульманском Востоке" — эпизод, совпадающий по времени с восстанием крестьян и ремесленников в Бухаре (в 1238 г.), возглавлениым Махмудом Тараби.[1]

Одинаковые тяжелые условия породили и одинаковые следствия — бунт. Но в Малой Азии ремесленные организации в первую половину XIII в. были еще слабы; по крайней мере, об их участии хроника молчит. Оно и понятио: „ахи" только что определяются в Малой Азии, их общественно-политическое лицо раскроется в XIV в., а пока их протест носит индивидуальный характер.

Оторванное от ремесленников, восстание крестьяи в Малой Азии XIII в. и должно было провалиться, подтверждая еще раз правильность высказызаиий основоположников марксизма, что крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если сочетаются с рабочим восстанием.

---

[1] А. Якубовский. Восстание Тараби в 1238 г. Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г. М.—Л., 1936, стр. 101—135.

Глава VIII

Ремесленники, их состав и объединения. — Экономическое и юридическое положение ремесленников. — Ремесленники в поисках защитников.

Сельское хозяйство занимало осиовное место в экономике государства Сельджукидов. Однако и для домашнего быта, и для земледелия, и для войны феодалу нужны были изделия, орудия, оружие и т. д., — словом, все, что могло изготовляться только ремесленниками. У крупного феодала среди сотен слуг всегда были мастера, исполиявшие то, что требовалось хозяину, и это было естественно.

Так повелось в Малой Азии уже исстари. Уже у хеттов в инвентаре имения значились ремесленники: кожевники, кузнецы, „изготовитель аморийских одежд" — портиой.

Зарисовывая портрет султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, хроника говорит, что султан в часы досуга отдавался мастерству. Он на все руки был мастер: делал луки, плотничал, разрисовывал, шорничал, изготовлял ножи;[1] и если на все способен был султан, ясно, люди его тоже не уступали ему.

Ремесленник перебирался в город, так как в городе его продукция находила широкий сбыт. Ремесло здесь не является подсобиой отраслью индивидуального хозяйства феодала, который поручает людям, живущим у него на земле, изготовить то, что иеобходимо для употребления ему, и только ему.

В городах жили богатые феодалы, султаны и князьки; и ремесленники стремились устроиться в каком-нибудь городе: здесь легче было найти и материал, здесь выгоднее было и сбыть изделие. Здесь среди ремеслеиников-мастеров образовывался уже и тип торгаша-полуспекулянта.

У Афляки упоминается старый мюрид, мевлеви Джеляль-эд-дин „Кассаб", т. е. резник. Через него, очевидно, проходило много животных для убоя; приводили и лошадей. Он покупал арабских жеребят и потом, вырастив их, продавал „высоким лицам".[2]

Но жили ремесленники также и по деревням: кузнец, например, нужен был везде. В „казе" Ябаиабад (Анкарского вилайета) есть деревия Темурчулар, из которой выходнли, очевидно, кузнецы для обслуживания округи. Ремесленники собирались там, где был спрос иа их труд. Возникали объединения ремеслеиников там, где был налицо сырой материал, давший толчок росту и процветанию ремесла.

Ремесленники представляли замкнутую группу. Они старались сохранить ремесленные навыки, передавая их из рода в род, от отца к сыну.[3]

[1] Я собрал эти сведения уже в статье „Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазийских Сельджукидов, так называемой хроники Ибн-Биби" (стр. 6).

[2] Афляки, I, 75.

[3] Ср. для примера замечание И. И. Зарубина (Сказание о первом кузнеце в Шугнане. Известия Академии Наук СССР, 1926, стр. 165): „профессия кузнеца по большей

Так создавались и укреплялись льготы и привилегии для детей ремесленников, вступавших сызмала в цех; так юридически и материально ухудшалось положение учеников и подмастерьев, приходивших со стороны.

Замкнутость оберегалась и искусственными мерами — тяжелыми материальными „накладками" на посторонних; о них говорят еще среднеазиатские „рисоля", регламентирующие систему ученичества в цехе. Так, вступавший в цех ученик устраивал „аравхи-пир" — разорительное трехдневное угощение, одаряя мастеров платьем, халатами; между тем для сыновей мастеров длительность угощения снижалась до одного дня.

Устраияя конкуренцию, ремесленники берегли и развивали ремесленную технику — в роде, в городе, в области, и это отчетливо заметно было на тех цехах, которые требовали от мастера сложных расчетов или тонкости и изящества отделки.

И если у нас до Октябрьской революции техника ремесла часто где-нибудь на литейном заводе иа Урале или у стекольщиков в Белоруссии поддерживалась в роду из поколения в поколение, тем сильнее были на Востоке профессионально-родственные узы у ремесленников, у цехов, заинтересованных кровно в успехе, — в сбыте продукции, высокое качество которой они, и только они одни, могли обеспечить, охраняя тайны производства.

Первоначально, быть может, ремесленник был связан с землей (выходцы из деревни), и ремесло являлось для него подсобным занятием; потом, работая в городе, он заводил себе небольшое загородное хозяйство. Во всяком случае, как я наблюдал в Малой Азии, у ремесленников часто есть за городом клочок земли, дом с усадьбой, где у них сад и виноградник. Они не ушли из города в деревню (они не землепашествуют), а из деревни идут в город.

Государственная власть давно поняла значение ремесла для экономической жизни и, завоевывая город, депортировала местных ремесленников. Так поступали монголы, так действовали потом и османские султаны: по распоряжению султана Мехмеда II великий везир Махмуд-паша отобрал (в 1466 г.) из Коньи и Ларенды ремесленников и направил их в Стамбул.[1]

Ремесла в Малой Азии давно процветали; завоеватели страны, Сельджукиды, сохранили ремесленную организацию города, и туземное население, локализованное в одном пункте города, продолжало исконные занятия.

О жизни ремесленников обильный материал раскидан в описании путешествия Ибн-Баттуты, и, конечно, то, что наблюдал Ибн-Баттута в 1331 г., сложилось раньше, по меньшей мере, в эпоху Сельджукидов, а еще вероятнее, в жизни ремесленника Малой Азии сохранялись и стародавнишние пережитки.

Поскольку ремесленники были в Малой Азии задолго до прихода Сельджукидов, естественно, что это были христиане (армяне, греки), заимствовавшие многое, конечно, от уже исчезнувшего туземного населения Малой Азии.

Для „ремесленника" у турок были иностранные, арабо-персидские обозначения (هنرمند، ارباب), и это говорит, как будто, о сравнительно позднейшем развитии ремесл среди среднеазиатских (и малоазиатских) турок.

части наследственна"; но это подметил уже в XVII в. Ф. Бернье (История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, стр. 204, 226).

[1] J. Hammer. G. O. R., II, 89.

Марко Поло, проезжавший „Туркмению", т. е. Малую Азию, во второй половине XIII в., тоже говорит: „есть еще армяне и греки; живут они вперемешку по городам и городищам и занимаются торговлей и ремеслами".[1]

Города постоянно заселены были христианами. После того как греки, согласно Лозаннскому договору (1923 г.), экспатриировались из Анатолии, оказалось, что, например, в Нигде, значительном городе эпохи Сельджукидов, насчитывавшем раньше 25 тысяч жителей, население уменьшилось в 2 раза.

В руках христиан были и остались ремесла, требовавшие большого искусства: живописцы и архитекторы — греки[2] или армяне, каллиграфы — иранцы; простая, казалось бы, работа, и та сосредоточена была у христиан, во всяком случае, ими выполнялась лучше, чем турками. Среди греков, например, были мастера, возводившие глинобитные стены вокруг садов, или мастера, утрамбовывавшие земляные крыши домов,[3] т. е. специалисты по земляным работам; были, конечно, и мастера-турки, но качество работы у них было низкое, и богатые в Конье предпочитали туркам греков.

Когда Сельджукиды, отказываясь от кочевых навыков, селятся в городах, они сразу замечают превосходство туземцев и, устраиваясь по-новому, обращаются к ремесленникам-христианам. Однажды шейх Салах-эд-дин нанял для возведения садовой стены мастеров-турок. Джеляль-эд-дин Руми (а это уже XIII век) объявил, что тут нужны мастера-греки. Вот, если бы нужно было разрушать, — начал он развивать свою мысль, — тогда необходимы мастера-турки: „Созидание мира, это — специальность греков, а разрушение предоставлено туркам. В конце концов, и разрушение Коньи произойдет от руки турок, несправедливых и безжалостных".[4]

Здесь нарочито подчеркнута отрицательная, разрушительная роль турецких народов, как она представлялась Джеляль-эд-дину Руми — человеку, воспитанному на иранской культуре; здесь сказалось, возможно, и личное, семейное тяготение его к христианам-грекам. Во всяком случае, горячая тирада Джеляль-эд-дина Руми показывает, что религиозный антагонизм в Конье отсутствовал.

Сообразно с местными условиями (наличие сырья) и с традициями, унаследованными от предков, то или иное ремесло процветало в известном районе, и в XII—XIII вв. были уже города, которые славились на всю страну своими мастерами и продукцией.

В руках армян находилась, должно быть, обработка металлов, поскольку в Армении исстари добывались металлы: Каппадокия давно уже славилась серебряной рудой; горы Тавра еще у вавилонян носили имя „гор серебра". Кустарное производство медных изделий тоже было в руках армян, и этим славился еще в XIX в. Эрзурум.

Вообще большую роль в местной промышленности играли армяне. Раскопки показывают, что уже в IX—X вв. в Армении процветали ремесла: гончарное, кузнечное, оружейное, ювелирное и ткацкое.

Значительную часть населения в Эрзинджане в XIII в. составляли, как пишет Ибн-Баттута, армяне. Там выделывались прекрасные материи,[5] — стало быть, ткачество было в руках армян.

---

[1] Путешествие Марко Поло, перев. Минаева, под ред. В. Бартольда, стр. 26—27.
[2] Афляки, II, 69.
[3] Афляки, II, 275.
[4] Афляки, I, 208.
[5] Я. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних армян. Эривань, 1930, стр. 159.

В хронике часто упоминаются шапки, пояса, украшенные драгоценными камиями, — всякие ювелирные изделия. Кочевники падки были на блестящие украшения. Понимал толк в драгоценных камнях, как всякий восточный человек, и султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I.

Большею частью ювелирами были (как и теперь), вероятно, тоже армяне; по крайней мере, когда султану нужны для свадьбы подарки, заказ направляется в Анталью — район, заселенный христианами и франками. Славились также ювелиры из Алаие.

Таким образом изящные вещи изготовлялись на побережье Средиземного моря.

Впрочем, и среди турок процветало в Конье ювелирное искусство; вакуфная запись эмира Алтунпа, начала XIII в., говорит, что улема Юсуф Коневи и шейх Осман Увейс были ювелирами.[1] Вероятиее всего, что подмастерья ювелиров, вступавшие в дервишеские ордена или учившиеся в медресэ, потом выдвигались на ученом поприще, но сохраняли ремесленные навыки, приобретенные раньше; настоятель мевлеви Салах-эд-дин, очевидно, занимавшийся инкрустацией золотом, так и сохранил прозвище „Зеркуб".

И среди греков тоже были искусные ремесленники.

В городе Ладике гречанки выделывали парчу — „бумажные материи, расшитые золотом";[2] Аксарай славился коврами.[3] Ибн-Баттута, посетивший Судак, замечает: „там живут турки и группа греков, находящихся под их покровительством, все это — ремесленники".[4]

Чувство самосохранения, страх за безопасность, личную и имущественную, с одной стороны, а с другой — сложные мастерство и строительство (как, например, изготовление для войны подъемных лестниц, осадных машин, постройка мечетей и вообще монументальных сооружений, оросительные работы) — все это рано заставляло ремесленников объединяться: кустарь-одиночка был бы раздавлен. Так, рано в Малой Азии образовались цехи.

Дом Джеляль-эд-дина Руми строила в Конье артель искусных плотников; у них работал и шейх мевлеви Бедр-эд-дин,[5] т. е. при артели рано уже были и подмастерья. Очевидно, и дервиши избирали себе какое-нибудь ремесло, чтобы снискать пропитание.

Коллективы ремесленников в городе располагались по цехам, по профессиональному признаку, а может быть, и по месту происхождения (а местом происхождения определялось часто и занятие — ремесло). У каждого цеха был свой „ряд"; здесь они работали и здесь же продавали изделия. В эпоху Сельджукидов было, очевидно, то, что наблюдалось еще в XX в., в османскую эпоху, и в малоазиатских городах и в Стамбуле, сохранивших черты европейского средневековья.

Экономически ремесленники окрепли, объединившись в цехи. Для государства они представляли уже источник дохода. У Языджи-оглу Али встречается выражение „писцы-секретари мастерских" (كارخانه يازيجيلرى); и возникает предположение, что это были большие кустарные предприятия-мастерские, например, ковроткацкие мастерские. Все вообще кустари-ремесленники были зарегистрированы и платили налоги; это были государственные мастерские, выполнявшие заказы правительства (например, чеканка монет, добыча селитры и т. д.).

---

[1] Вл. Гордлевский. Из жизни современной Турции. Восток, кн. 4, стр. 208.
[2] Ибн-Баттута, II, 271.
[3] Ибн-Баттута, II, 286.
[4] Ибн-Баттута, II, 415.
[5] Афляки, I, 218.

Резная дверь из Коньи XIII в. Музей в Берлине.

Юридически положение ремесленников все-таки было неустойчиво,[1] и они поддавались идейному окружению.

Это не был отдельный класс обществеиный, однако ремесленники представляли какую-то новую социальную группу, сила и значение которой для феодалов были еще не ясны, и потому феодалы смотрели на них равнодушно.

Наблюдая привольную жизнь в городе Тиннисе, Насири-Хусрау (XI в.) пишет: „Это не то, как в других странах, где диван и султан принуждают ремесленников к тяжелой работе“,[2] но так было только в Египте.

Ремесленники страдали „от своих хозяев“. Однажды они обратились к Джеляль-эд-дину Руми, жалуясь на „презренных тиранов“. Слова Джеляль-эд-дина их утешили, и они согласились сносить несправедливости времени — земной жизни.[3]

Очевидно, сначала ремесленники склонялись в сторону мевлеви, представлявших большую духовную и материальную силу.

Пока был жив Джеляль-эд-дин (впрочем, смотревший свысока на турок), на собраниях у него преобладали „люди низкие и ремесленники“, и наоборот, люди ученые и заслуженные уклонялись от радений.[4] Однако постепенно среди мевлеви оказались эмиры — феодалы, люди богатые, от которых мевлеви могли поживиться. Весь склад мевлеви: их тяготение к „интеллигенции“, к иранской культуре, презрение к туркам (сквозящее со страниц „Жизнеописаний“ Афляки) — все инстинктивно отталкивало ремесленников от этих „князей мира“, проглядевших растущее значение цехов и легкомысленно уступивших патронаж — ахи.

---

1 Ср., впрочем, мнение Ф. Кёпрюлю (Les origines de l'Empire Ottoman, p. 75).
2 Насири-Хусрау. Книга путешествия, пер. Е. Бертельса. М. 1933, стр. 97.
3 Афляки, II, 35.
4 Афляки, I, 117.

Глава IX

Появление ахи в Малой Азии. — Обряд посвящения в братство ахи. — Возвышение ахи. — Разрыв между мевлеви и ахи. — Сближение между ремесленниками и ахи. — Борьба между феодалами и ахи. — Отзвуки ахи в османскую эпоху.

Кто же были эти патроны — ахи,[1] искусные политики, взявшие на себя охрану интересов ремесленников, ремесленных цехов и сумевшие отбить их от мевлеви?

Среди войнолюбивых гази, хлынувших в Малую Азию, могли быть и ахи — молодежь, руководимая, как говорит историк Отби, „начальниками джигитов" (رئس الفتيان).[2] Ахи шли в Малую Азию, мечтая о военной славе (и о добыче); этих храбрецов могли охотно принимать на службу султаны.

Ахи сначала индивидуально входили в дворцовую стражу султана, составляя группу „муфредов" (مفرد), о которых говорит Низам-уль-мульк, от султана получали только жалование, но не землю. Когда (в 1219 г.) султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I въехал в Обрук, т. е. вступил на границу Конийской области, — его встретили, между прочим, „фитьяны" (فتيان) и „стражники" (نوبتچى), т. е. ахи и джигиты.[3]

Они шли в Малую Азию непрерывным потоком и долго сохраняли здесь среднеазиатско-турецкие прозвища; так, Ибн-Баттута встретил в Нигде ахи Джарука, исполнявшего обязанности шейха цеха.

Термин „ахи" попался мне и в суфийской литературе у Джуллаби (умер во второй половине XI в.); там упоминается шейх Шекик Фаррадж, „известный под именем Ахи Зенгани", „человек благочестивой жизни, препохвальный суфий".[4]

На этом ахи стоило бы задержаться: прежде всего, легко могли смешаться имена „Фаррух" и „Фаррадж" (может быть, имени „Фарадж" и нет вовсе), кроме формы „Зенгани", рукописи дают еще чтение „Зенд-

---

[1] J. Deny (Journal Asiatique, 1920, XI série, t. XVI, p. 183, резюме доклада на 2-й сессии Федерации востоковедных обществ), отрицая арабское происхождение слова „ахи", производил его от тур. aqi — généreux, chevaleresque. — Общее представление об ахи дано у меня в статье „Из жизни цехов в Турции. К истории ахи" (Записки Коллегии востоковедов, т. II, стр. 235—248); изучение ахи сильно продвинулось благодаря упорной настойчивости проф. Ф. Тешнера (Fr. Taeschner), опубликовавшего ряд ценных работ в журналах „Islamica" (vol. III, V); Z. D. M. G. N.F. (XII); Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse (1932, XXVI); см. также „Festschrift Georg Jacob" (Lpz., 1932), где помещены статьи Ф. Тешнера, П. Кале, И. Шахта. Громадный материал об ахи собран у М. Джевдета, изумительного начетчика (ум. в 1935 г.) в труде:

ذيل على فصل الفتيان الاخيه التركيه فى كتاب الرحله لابن بطوطه

(Стамбул, 1932).

[2] Ф. Кёпрюлю. Türkiye tarihi. İstanbul, 1923, p. 81.

[3] Явыджи-оглу Али, III, 107.

[4] В. Жуковский. Раскрытие скрытого за завесой. Л., 1926. стр. 215.

жани". Таким образом это мог быть „Ахи Фаррух Зенджани", но так звали и шейха поэта Низами.[1] Случайно ли здесь совпадение имен двух шейхов, из которых один жил, очевидно, в XI, а другой в XII в., — не знаю. Вернее, однако, было бы предположение, что предание о шейхе поэта сфабриковано, когда историческая перспектива была утрачена; но тогда, значит, Ахи Фаррух Зенджани был основоположник ахи-шейхов, и должно, рано или поздно, отыскаться жизнеописание человека, разработавшего устав братства. У Джами в „Нафахат-уль-унс" фигурирует „Ахи Фарадж", умерший в 457 г. х., т. е. по времени как будто тот, о котором упоминает Джуллаби.

Наличие среди ахи сейидов говорит тоже об их иностранном происхождении[2] — о сильных их связях с халифатом.

В Багдаде задолго до халифа Насира (с 1180 г. по 1225 г.) распространены были „футуввы" — своего рода уставы о моральном поведении. Как видно из трактата „Баст мадад-ат-тавфик" (использованного Г. Торнингом), во время халифа Насира произошла реорганизация — сделана была литературная (а может быть, и реальная) попытка из „футуввы" отбросить ответвления и уклонения, которые вкрались к этому времени — ко времени царствования халифа, поклонника футуввы.[3]

В Малую Азию уставы эти (и обрядность, вытекающая из этих уставов) занесены в царствование султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I от халифа Насира-ли-дини-Ллаха (женатого на его дочери).

Султан, извещая халифа о завоевании Синопа, послал ему дорогие подарки, а халиф пожаловал султану с „пречистого и честного своего тела" „шаровары целомудренной чистоты" (عصمت و طهارت سراويلى),[4] „плащ доблести" (مروت مغزرى), „футуввет-намэ" (فتوت نامه) и „грамоту разрешительную на власть" (دستور سلطنت).

Когда на престол вступил брат Изз-эд-дина, Ала-эд-дин Кей-Кубад I, посол халифа, Абу-Абдаллах Омар-ибн-Мухаммед Сухраварди, облеченный высоким званием „шейха над шейхами"-суфиями,[5] совершил над султаном обряд, заключающий элементы своего рода посвящения. Султан надел халат, присланный из Багдада, а посол, трижды слегка ударяя султана по спине, наставлял его, чтобы он соблюдал справедливость и не преступал шариата. А когда султану подвели мула от халифа, он поцеловал копыто мула.[6]

В „футуввет-намэ", уставных книгах цехов в Турции, целование копыта лошади, осла — одна из ступеней, ведущих к совершенству, один из обрядов, сохраняющих отклик о рыцарстве; удар по спине напоминает необходимую составную часть рыцарского посвящения на Западе.

В Малую Азию обрядность шла разными путями. Когда Астрабади (конец XIV в.) говорит, что шейх Али Мысри (может быть, долго про-

[1] Е. Бертельс. Великий азербайджанский поэт Низами. Баку, 1940, стр. 32.

[2] P. Kahle. Die Futuwa-Bündnisse des Kalifen en-Nasir. Festschrift Georg Jacob, pp. 112—115.

[3] Эту мысль высказал P. Wittek. (Zur Geschichte Angoras im Mittelalter. Festschrift Georg Jacob, p. 360.

[4] Об этих „шароварах" (سراويل الفتوة) см.: R. Dozy. Supplément aux dictionnaires arabes, II, Leyde, 1881, p. 241 (там указана и литература); см. также: C. von Arendonk. Encyclopédie de l'Islam, II, 130, s. v. futuwa; о роли и значении „шароваров" (sirvāl) — этой официальной одежды ордена „футувва", см. также: W. Björkmann. Encyclopédie de l'Islam, IV, 472—473. — Шаровары — эмблема братства „ахи" — превратилась, как думает Л. А. Майер (L. A. Mayer. Saracenic Heraldry. Oxford, 1933) в герб, — очевидно, какого-нибудь ахи (см. O. L. Z. 1935, 107—108); см. также и замечание Арендонка: член братства мог изображать на оружии чашу и шаровары.

[5] См. о нем: Otto Spies. Munis al'ushshaq. — Bonner. Orientalistische Studien. Heft 7, pp. 8 sq.

[6] Языджи-оглу Али, III, 220; я читаю: طرناغين — „копыто (мула)".

живший в Египте) стриг ножницами волосы Ахмеда Бурхан-эд-дина, кадия Сивасского,[1] — здесь наблюдается опять один из элементов средневекового посвящения в рыцари.

Глядя на султана, и верхушка феодалов и ахи (отчасти знакомые уже с „футуввой", поскольку они явились из Месопотамии) охотно восприняли эти обряды и церемонии. На их основе возникло и религиозно-рыцарское братство, ревностными сторонниками которого стали ахи, скоро занявшиеся вербовкой членов.

К началу XIV в. идеями ахи охвачены были и интеллигентские круги: в стихах поэта Юнуса Эмрэ проскальзывают указания на „футуввет", он прямо обращается даже к ахи.[2]

Резко выделяло ахи одеяние, подробно описанное Ибн-Баттутой:[3] между прочим, они носили шаровары, тогда как на суфиях была „хырка"[4] — традиционное одеяние,[5] а на голове у них был белый колпак. Белый цвет у ахи — какой-то символ; так противополагали они себя туркам, носившим красный головной убор.[6] Но этому противоречит (по крайней мере, вносит какую-то поправку) сообщение Афляки о пограничном бее Мехмеде, „изобревшем белые колпаки, которые носят еще теперь". То есть не была ли какая-нибудь связь между ахи и приграничными огузскими племенами? Не пришли ли они вместе в Малую Азию?

Наряду с ахи упоминаются и „джигиты", очевидно, как подразделение рыцарского братства.

Во дворце ахи играют уже большую роль: султан с ними советуется, они, как и алпы, вооружены,[7] и им приказывает султан занять места у дверей сахиба. Это уже своего рода дворцовая стража. В монгольскую эпоху ахи несли определенно обязанности стражи: когда враги ополчились против везира Шемс-эд-дина Исфагани, Неджм-эд-дин, „сын Туси",[8] вооружил ахи и укрыл везира у себя в доме.

Ахи фигурируют на собраниях; сидят кадии, шейхи, эмиры и ахи и раздумывают о местничестве, т. е. местничество затянуло и ахи, и, очевидно, им уже кажется, что они нисколько не ниже, если не выше, других.

Султаны их награждают: они занимают должности эмиров: ахи эмир Ахмед — „человек знаменитый и достойный, богатый благотворитель".

Так продвигаются ахи к феодалам; они тоже садятся на землю. У Афляки есть рассказ об ахи Музаффер-эд-дина, который сначала увлекается алхимией; но челеби Амир Ариф, рассерженный глупостью ахи, направляет его на землю; ахи послушался и скоро разбогател.

На территории государства у ахи сосредоточились поместья. В выборке, произведенной Авни Али Джандаром над топонимикой деревень Анкарского вилайета, ахи встречаются в четырех „казах": в Заре — Ахыч, в Хаймане — Ахи-боз, в Кескине — Ахылар, в Ябанабаде — Ахылар,

---

[1] Астрабади, цит. соч., стр. 60. Издатель текста, Килисли Рифат, составивший краткий обзор содержания на турецком языке, почему-то отказался от объяснения. — Не о пострижении ли говорит и фраза в хронике Языджи-оглу Али (III, 224): سلطانه و قلان بکره سیما امیر جلال الدین قوطایی‌یه مقراض‌کاری اولدی و بعضی بکره هم ارادت خرقه‌سن کیدلر.

[2] См. заметку автора, скрывшегося под инициалами „Z. F." в журнале „Halk bilgisi haberleri", Yıl 2 (1931), № 16.

[3] Ибн-Баттута, II, 264.

[4] Ибн-Баттута, II, 282.

[5] Афляки, I, 117 (стих Джеляль-эд-дина Руми).

[6] Вл. Гордлевский. Из жизни цехов в Турции. Записки Коллегии востоковедов, т. II, стр. 246.

[7] Языджи-оглу Али, III, 223—224.

[8] В тексте پسر طوسی, т. е. отец его был родом из Туса (в Иране).

т. е. земли ахи разбросаны всюду. Я полагаю, все эти ахи Анкарского вилайета — отголоски старой социальной группировки, но ее представители турецких родов (каких-то ахи), как думает Авни Али Джандар.[1]

Ахи укрепляются всюду: они торгуют и богатеют от торговли[2] — в Конье глава ахи Ахмед-шах торгует шелковыми, т. е. привозными материями, а это говорит о богатстве его;[3] есть и ученые богословы — в Конье в XIV в. был кадий-ахи Ибн-Калемшах[4] (у Афляки он назван Тадж-эд-дин Калемшах);[5] в Бирги Ибн-Баттута встретил ахи-отшельника, у которого было много последователей;[6] словом, ахи настойчиво завоевывают на всех фронтах прочное положение.

Они еще смирны и скромны, хотя где-то внутри и шевелится у них недовольство, когда им кажется, что их унижают и отдают предпочтение каким-то эмирам или суфиям.

Среди ахи были и ревностные поклонники мевлеви. Раз один ахи (ахи Пулад), находившийся на западной границе государства, приехал в Конью и, посетив тюрбэ Джеляль-эд-дина, стал дервишом, намереваясь распространить радение в области Айдын-оглу.[7]

Вообще старшее поколение ахи почтительно к мевлеви, но после смерти Джеляль-эд-дина Руми они проявляют заносчивость. Так, ахи Ахмед, прозванный „Ануд", т. е. упрямец, запретил во время похорон рецитировать мистическую поэзию мевлеви, и Султан-Велед, сын Джеляль-эд-дина Руми, пораженный, заметил: „Рецитация установлена «великим человеком» (т. е. Джеляль-эд-дином), и тот, кто ее отменяет, должен быть более великим, чем он".[8]

Султан-Велед угадал: теперь ахи сметали авторитет Джеляль-эд-дина; им мевлеви уже не были страшны.

Поучительна история ахи Ахмеда „Мустафы", нареченного так Джеляль-эд-дином Руми и возвысившегося, как утверждает Афляки, потому что юношей часто бывал он в тюрбэ и возлюбил семью Джеляль-эд-дина.

Потом перед ахи Ахмедом, „одним из тиранов своего времени", дрожала вся Конья; вельможи пожаловались на него Султан-Веледу, и когда Султан-Велед вздумал было его увещевать, ахи Ахмед дерзко заметил: „Мы знаем лучше, как нужно действовать; только сила и могущество могут упорядочить дело, и нечего вам вмешиваться: ваш мир мистики совершенно отличен от нашего понимания".[9]

Когда однажды челеби Хусам-эд-дин, вступив в теккэ имени везира Зия-эд-дина, пожалованное ему султаном, разложил молитвенный коврик, — вдруг ахи Ахмед свернул коврик и заявил, что ему эта каидидатура не угодна.

В теккэ поднялся сильный шум, и почтенные ахи, принадлежавшие к семье отцов и предков ахи Тюрка и ахи Бешара, взялись за сабли и ножи[10] (очевидно, чтобы наказать его). Сын ахи Тюрка, Хасаи Хусам-эд-дин, состоял секретарем Джеляль-эд-дина Руми; его имя очень часто упоминается в начале книг „Месневи".[11]

---

[1] „Hakimiyeti milliye", 1933, № 4165.
[2] P. Wittek. Zur Geschichte Angoras im Mittelalter, p. 350.
[3] Афляки, II, 350, также 112—13.
[4] Ибн-Баттута, II, 281—282 (ошибся, скорее, Ибн-Баттута).
[5] Афляки, II, 428.
[6] Ибн-Баттута, II, 308.
[7] Афляки, II, 370.
[8] Афляки, II, 293.
[9] Афляки, II, 306.
[10] Афляки, II, 238; потом и Ибн-Баттута отметил у ахи длинные ножи.
[11] E. G. Brown. A literary history of Persia. From Ferdowsi to Sa'di. London, 1920, p. 518.

Значит, среди ахи была еще раздвоенность: те, кто постарше, поддерживали мевлеви, а молодежь уже откололась. Но вскоре отпор со стороны старших членов братства ахи прекратился.

Так, уже во второй половине XIII в., т. е. в эпоху господства в Малой Азии монголов, значение ахи в Конье быстро возросло. Над ними бессилен был и султан.

По мере того как власть султана падала (а это случилось после монгольского нашествия), уменьшалась связь между ахи и султаном; ахи обрушились на земельную аристократию (светскую и духовную), поддержанные ремесленниками.

Расширяется и пропасть между ахи и мевлеви: мевлеви — мистики, они теоретики, а ахи — практики; мевлеви уговаривают, а ахи действуют.

Впрочем, обнаруживается и классовая рознь: у мевлеви накопились земли. И склад жизни у мевлеви такой же, как у феодалов; дервиш смиренно склоняется перед копытом лошади челеби Амира Арифа;[1] челеби-сюзерен раздает дервишам дипломы, облекает их „ферадже"[2] и т. д. Когда Сельджукиды пали, мевлеви, ссылаясь на Коран, поддерживают монгольских ханов, законных наследников Сельджукидов,[3] — так хотят они спасти большие угодья: прежде им покровительствовал султан, теперь хан. Феодал (светский), провозглашая независимость, мог опереться на войско; у мевлеви — только слова и музыка, и покровительство монголов им необходимо.

Против мевлеви, духовных феодалов, и выступают ахи, очевидно, опирающиеся на кого-то. Кто это сила, пока затаенная, — об этом скоро скажет Ибн-Баттута, посетивший Малую Азию в первой половине XIV столетия.

Братству ахи придали силу прочные, испокон века сохранившиеся в Малой Азии традиции местных ремесленников. И теперь ахи заняли место начальников в объединениях ремесленников, и своим начальникам ремесленники отдавали все, что зарабатывали.[4] Руководимые членами религиозно-рыцарского братства ахи,[5] ремесленники подняли голову. А с другой стороны, и ахи почувствовали под собой твердую почву — живую реальную силу, уцелевшую в стране после монголов. Ремесленники записались в ахи, очевидно, в низшую ступень религиозного братства, и интересы их полностью совпали.

Конечно, зависимость цехов от ахи, утрата ими самостоятельности сначала больно задевали самолюбие ремесленников, и с их уст могли срываться нелестные эпитеты по адресу ахи. Афляки, защитник духовных феодалов, и намекает на ахи, разжигая ненависть ремесленников к ахи и изображая их тиранами.

Тем временем феодалы успели потерять былой вес; хозяйство у них разваливалось, а ахи уже окрепли, у них была, очевидно, военная организация (о которой говорят еще в Малой Азии детские игры).[6]

---

[1] Афляки, II, 378.
[2] Афляки, II, 339.
[3] Афляки, II, 262.
[4] Ибн-Баттута, II, 262.
[5] Комментируя фирман султана Мустафы III (от 1773 г.) „делегатам" братства Ахи Эврана (хранящийся в Софийской национальной библиотеке в Болгарии), проф. В. Цонев ссылается на историка Селяники, который полагал, что цехи в Малой Азии организованы в XIII в. Ахи Эвраном, по национальности арабом, т. е. легенда об Ахи Эвране сложилась, по крайней мере, уже в XVI в. (см.: Н. Державин. Следы древнегрузинских цеховых организаций по данным современной этнографии. Язык и литература, т. I, 1926, стр. 305, прим.).
[6] Вл. Гордлевский. Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции. Известия Академии Наук СССР, 1928, стр. 1181.

Они захватили в свои руки власть и неугодных феодалов, мучителей и тиранов, убивали, убивали также их стражу и всех, кто был с ними заодно.[1] „Там, где иет султана (т. е. правителя), обязанности губернатора исполняет ахи...; порядок, которому они следуют в управлении, верховые выезды те же, что у князьков".[2]

Поскольку в города стремились христиане и здесь занимались ремеслами, торговлей, естественно, цехи были ими переполнены, и когда ахи повели борьбу против феодалов, христиане-ремесленники охотно примкнули к ахи. У ремесленника-христианина бессознательно, быть может, оживала затаенная злоба к иноверцу-эксплоататору, теперь уииженному; и в ахи, обрядность которых уклонялась от суннитства, видели они союзников, экономических и религиозных.

Для Ибн-Баттуты (или его осведомителя) ахи стоят на страже справедливости и уничтожают тиранов, тогда как для Афляки (мевлеви), тирания исходит от ахи, отрицающих авторитет мевлеви.

Афляки видел перегруппировку социальных сил общества, наступившую в Малой Азии после монголов. В его „Жизнеописаниях" повторяется это неоднократно. Толкуя сон султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, Султан-Велед возвещает ему о грядущих бедствиях, которые обрушатся на государство. Он пишет: „Безродные будут великими, а должности, наиболее значительные, достанутся людям низким",[3] т. е. на место феодалов пришли безвестные ахи — ремесленники, а „старый порядок" рухнул. Мевлеви, собравшие у себя большие богатства, должны были пострадать, и это было, конечно, неприятно Афляки.

Ясно обозначившаяся в XIV в. борьба между феодалами и ахи была остановлена османскими султанами, выходцами из старого феодального общества. Ахи, идеологи новых социальных группировок, враждебных феодалам, османцами были смяты,[4] хотя отчасти и влились в государственный аппарат.[5] Однако, превратившись в объединенные организации, направлявшие экономическую жизнь страны, цехи сохранили силу; об этом помнит поговорка: „Если тридцать два цеха объединятся, они низложат и великого везира".[6]

Братство ахи сумело перешагнуть за границы Малой Азии; в Крым дорогу открыли им, вероятно, еще походы Сельджукидов. В XIV в. Ибн-Баттута нашел их в Азове; на надгробиях Старого Крыма XIV в. встречаются также упоминания об ахи.

Впоследствии в ремесленных организациях Крымского ханства, зависевшего от Турции, действовал порядок, принятый в Турции.[7] В XVIII в. в Крыму ходили еще и специальные „дестаны" об ахи.

---

[1] Ибн-Баттута, II, 261.

[2] Ибн-Баттута, II, 289.

[3] Афляки I, 36 (эти слова Султан-Веледа Афляки записывает в начале „Жизнеописаний", они, очевидно, прочно засели у него в голове).

[4] Вл. Гордлевский. Из жизни цехов Турции. К истории ахи. Записки Коллегии востоковедов, т. II, стр. 242—243.

[5] Ф. Кёпрюлю („Anadolud islâmiyet" и „Bizans müesseselerinin tesiri", p. 176) полагает, что ахи сыграли крупную роль в образовании османского государства. Ф. Гизе, опубликовавший по поводу работы Гиббонса (H. A. Gibbons. The Foundation of the Ottoman Empire, Oxford, 1916) статью в „Zeitschrift für Semitistik. (Bd. II, 1924), еще более решительно заявляет, что османское государство основано исключительно на организации ахи.

[6] Вл. Гордлевский. Деятели Ахи Эвраиа и цехи в Турции. Известия Академии Наук СССР, 1928, стр. 1192.

[7] Вл. Гордлевский. Организация цехов в Крыму. Труды Этнографо-археологического музея I МГУ, IV, М., 1928.

В малоазиатских городах — в Анкаре, Бордуре, Испарте (вероятно, и еще кое-где) сохраняются обломки старой организации, полусветской, полудервишеской, мощно спаявшей ремесленные цехи. Народные дома в Турции, ведущие большую культурно-просветительную работу, могли бы многое собрать. Будучи сопоставлены, обломки эти дадут ясную картину жизни ахи.

Любитель местной старины, Хасан Учок, дал подробное описание довоенного быта ремесленников в Чанкыры — здесь, в старом городе, дома которого напоминали пещеры, могли долго сохраняться старые обычаи. Между прочим, на зимних „посиделках" (sohbet), происходивших всюду в Турции, собирались „яраны" (yaran), члены цехов, в возрасте от 20 лет и выше (число пожилых не превосходило, впрочем, цифру 6). На вечере играла музыка (специально нанятая); участники пели песни, часто исторические, говорившие о печальных днях страны, играли. Перед играми двери закрывались, впуск гостей прекращался — начиналась сокровенная часть вечера, на которой могли присутствовать только избранные. Под утро подавался ужин. Во время ужина „башага", своего рода председатель, творил суд, восстанавливая „справедливость", разбирая, согласно ритуалу, проступки, совершенные „яранами". „Сохбеты" воспитывали выдержку и дисциплину; регулировали нормы общественного поведения.

Детали устройства „сохбетов" (например, внимание, уделявшееся освещению) напоминают старую запись Ибн-Баттуты; „яраны" — это те же „фитьяны", которые днем занимаются в мастерских, а вечером собираются в завие, и у меня мелькает мысль, не был ли Ибн-Баттута в Малой Азии зимой — в период „сохбетов", обычно устраиваемых именно в это время года.

Цехи подчинены были теккэ Ахи Эврана в Кыршехире, которое утверждало для ремесленного центра представителя — „ахи-баба", верховного, безапелляционного руководителя цехов. „Ахи-баба", являющийся посредником между населением и властью, находился обыкновенно во главе городского управления, его побаивался и „вали", испытавший на себе силу цехов: в Чанкыры рассказывают, что однажды неугодный вали был посажен в коляску и выпровожен из города.

У ахи-баба было знамя, вокруг которого собирались цехи: на голубом поле, озаренном двумя звездами, вышито было слово „Аллах", а с древка свешивался „туг" — клок овечьей шерсти, символ, очевидно, власти.

Вот штрихи из любопытных материалов, опубликованных Хасаном Учоком; жаль только, что бытовые черты у него преобладают, затушевывая элементы организационные, но вина падает, быть может, и на того, кто изложил эти материалы.[1]

Следы ахи, конечно, долго еще сохранялись в жизни Турции, и даже османские султаны, классовые противники ахи, соблюдали, собственно, церемониал, заведенный в Малой Азии этим братством и от него заимствованный дервишеским орденом мевлеви. Повязывание мечом — символ вступления на престол — ведет происхождение от устава „футувва".[2] У дервишей об отголосках инвеституры говорит также удар, которым шейх награждает „мюрида", — на это обратил внимание уже в XVII в. Эвлия-челеби.[3]

[1] E. Borrel. La confrérie d'Ahi-Baba à Tchankiri. Revue des Études Islamiques, 1936, pp. 309—332.

[2] H. Thorning. Beiträge zur Kenntnis des islamischen Vereinswesens auf Grund von Bast Madad et-Taufiq. Türkische Bibliothek, Bd. XVI, Berlin, 1913, p. 217.

[3] H. Thorning, op. cit., pp. 217—218.

И я поддерживаю старое мнение Хаммер-Пургсталля о заимствовании западноевропейской рыцарской обрядности с Востока в эпоху крестовых походов.[1] Халифат (Багдад) все-таки непосредственно не мог влиять. Значит, идеи футуввы давно (может быть, и раньше, чем выступил халиф Насир-ли-дини-Лляхи) распространились в Эдессе, на сирийском побережье, в Иерусалимском королевстве, и проводниками идей здесь явились исмаилиты, активисты-футуввисты.

Церемониал возведения в рыцарское братство (испитие из чаши, надевание шаровар, удар по спине, пострижение) представляет, должно быть, отголоски старых семитских обрядов, проникших и в христианство. Обряды укрепились в Сирии, а оттуда занесены были в Ирак, в Багдад, чтобы потом пойти в Малую Азию, от арабов — к Сельджукидам. А непосредственно из Сирии увозили этот церемониал крестоносцы на запад, в Европу.

---

1 Jos. Hammer-Purgstall. Sur la chevalerie des arabes antérieure à celle de l'Europe et sur l'influence de la première sur la seconde. Journal Asiatique, 4-ème serie, t. XIV (1849), pp. 5—15.

Глава X

Торговля. — Исторический тип купца. — Итальянские купцы. — Пути торговли. — Караван-сараи. — Предметы торговли, ввоз и вывоз. — Монета.

Государство захватывало города, области, и, естественно, притекала военная добыча — людьми, хлебом, изделиями. Сначала на границах акынджи производили налеты на соседние культурные области или, пригоняя скот, обменивали молочные продукты, мясо, шерсть и т. д. на нужные им предметы (например, ткани).

Методы насилия сохранялись долго; в Малой Азии Сельджукиды жили, окруженные „областью войны" (دار الحرب), и, устремляясь на христиан, совершали формально газават — священный набег, рекомендуемый, поощряемый воинствующим исламом.

Узко замкнутое натуральное хозяйство, самодовлеющее в себе, постепенно приобретает черты торгового обмена между городами, областями — торговля способствует развитию ремесл. Производство разворачивается, растет рынок, появляются и купцы, которые занимаются не производством, а сбытом. Городская жизнь развивается, растут торгово-ремесленные города. Торговля увеличивается по мере того, как увеличивается государственная территория. А Сельджукиды стремились захватить основные узлы мировой торговли.

Сожительство бок-о-бок с христианами преобразует нравы и взгляды Сельджукидов. Тактика Сельджукидов меняется. Они втянуты в интересы торгового капитала, и к ним идут купцы иноземные — мусульмане с востока, христиане с юга. Купцы везут в Малую Азию товары и ткани; они заключают торговые соглашения и сделки — торговый капитал проникает в Малую Азию.

Изделия местных ремесленников уже не удовлетворяли феодалов. Заграничные походы раскрыли им глаза. У них появились требования на иноземные товары. Отовсюду привозили в Малую Азию товар и для войны, и для домашнего обихода: с юга — оружие; из Египта и Сирии — ткани (часты упоминания о тюрбанах, о шерсти, вообще, об египетских одеяниях); из Багдада — шелк, атлас, камха, во время Ибн-Баттуты проникшие уже в Смирну;[1] благовония (мускус, алоэ, амбра). На шелка был давно большой спрос уже в Римской империи. Шелк сперва шел из Китая, но, хотя в VI в. в Византии развивалась собственная шелковая промышленность, спрос на китайский шелк в Малой Азии не уменьшился. Средняя Азия посылала драгоценные камни; Шираз и Грузия — ковры; Кавказ — лошадей („тавлинских"); в Малой Азии высоко ценились также арабские и венгерские лошади, — лошади, вскормленные степью, и потому близкие огузу. В XIX в. еще шли из Средней Азии кашемир-

[1] Ибн-Баттута, II, 311.

ские шали, хорасанские сабельные клинки.[1] Из „Руси" через кипчакские степи (через Судак) везли то, чем давно славилась восточноевропейская равнина: лен и меха (соболь, горностай, степная лисица). Русские меха всегда и везде усиленно разыскивались, и у редкого царя восточных стран не было шубы, сшитой из русских мехов. Как видно из Афляки, в языке сохранилась память о странах, давно исчезнувших, но славившихся меховыми изделиями. Когда Кира-хатун, жена Джеляль-эд-дина, захворала (малярией?), она в летнюю июльскую жару надевала „буртасскую" шубу,[2] сшитую, стало быть, из мехов, купленных в Поволжье.

Сельджукиды стремились к развитию торговых отношений и всячески покровительствовали купцам. В Малой Азии укреплялись нормы торгового права, выработанные еще в Средней Азии.

„Кутадгу билиг", разбирая отношения с материальной точки зрения, отдает решительное предпочтение купцу перед феодалом, сидящим на земле, и говорит, что „купцу не нужно стремиться к приобретению поместий:[3] серебро — это для него земля, вода и виноградник".[4] Всюду купец — желанный гость; за деньги у него можно все достать; а без него „как мог бы ты надеть шубу черного соболя, сверкающую жемчужными камнями".

Эгоистический расчет всегда требовал от владетельного князя, чтобы купец был почтен: „Чтите гостя[5] или посла, — поучал Владимир Мономах, — если не можете подарками, то пищей или питьем, они, проезжая, будут прославлять человека, либо добрым, либо злым — по всем землям".

Купец ходит с востока на запад. Его гонит вперед все дальше и дальше мысль о наживе; но в нем горит и страсть к путешествиям, любознательность, желание увидеть чужие страны, новых людей; потом, показывая товар, он расскажет о виденном и слышанном и внушит к себе уважение всезнайством и бесстрашием. Путешествия раскрыли купцам глаза; это были и проводники цивилизации — культуртрегеры, распространявшие достижения культуры; им обязана и географическая наука мусульманского Востока.[6]

Купец все знает; он был интересным собеседником. Ибн-Баттута, исколесивший мир, наблюдал во время путешествия по Малой Азии, как жадно слушали князьки повествования о соседних и дальних странах, охотно угощая и одаривая араба. Купец — это была „живая почта" — степной вестовщик; так, например, вернувшись в Конью, купцы сообщили о смерти монгольского хана Газана;[7] купец (Джемаль-эд-дин) расхваливал историку Равенди в Хамадане султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева I[8] и т. д.

Но это был и соглядатай, и часто государи на Востоке, желая узнать что-нибудь о странах, возлагали на купца обязанности посла; и это хорошо понимали грузины: летописи прямо замечают, что эти, так называемые послы султана, думают только о шпионаже.

Неприкосновенность, экстерриториальность посла добыты были практически, непоколебимым спокойствием купца-путешественника, который не теряется ни при каких обстоятельствах.

---

[1] М. Лихутин. Русские в азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863, стр. 177.
[2] Афляки, II, 205.
[3] Das Kudatku Bilik, p. 377.
[4] Das Kudatku Bilik, p. 190.
[5] „Гость" значит „купец"; ср. Гостиный двор.
[6] О роли купцов см.: В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 53—54. — О том же подробнее см.: W. Barthold. 12 Vorlesungen, pp. 128—130.
[7] Афляки, II, 322.
[8] Ravendi, ed. Iqbal, p 462

Потом, по мере того как устанавливаются юридические нормы, купец-посол получал бумаги или знаки, удостоверяющие его официальное звание. Отправляя в Малую Азию купца-эмира, монгольский хаи дает ему две „пайдзы" и „ярлык".

Юридические нормы вышли из обычного права, сохранившегося в народных пословицах: „вестника нельзя убивать", — говорят в Малой Азии убыхи, повторяя старую мысль.

Так, особа купца — доверенного лица государя — священна, и избиение купеческого каравана в Отраре послужило Чингис-хану удобным законным предлогом для вторжения в Среднюю Азию.

Купец, поставщик иноземных редкостных товаров в Малой Азии, был окружен почетом. Сельджукиды зазывают к себе купцов. Торговля, обогащавшая феодалов, — торговля, во имя которой шла борьба, шло завоевание городов, областей, — процветала в Малой Азии.

Старые торговые пути сейчас заброшены, и только развалины построек — ханов, обломки надписей говорят о былом оживлении, царившем когда-то здесь.

Пути торговые расходились из Коньи и на восток — через Султанхан, Акхан, Аксарай на Кайсери и Сивас, и на запад — через Илгын, Акшехир, Исхаклу, Чай, Гонджарлу (около Денизли), где сохранился еще караван-сарай Акхан;[1] линия караван-сараев, естественно, шла и на юг к порту на берегу Средиземного моря — к Анталье; Рифсталь описал здесь обломки шести караван-сараев — это уже путь, оберегающий заморскую торговлю.

В Малую Азию стекались купцы отовсюду; из Средней Азии (это были, очевидно, мусульмане), с юга (итальянцы, греки, вероятно и арабы); так, в Анталье видел Ибн-Баттута купцов-христиан, и поскольку живут они в порту, естественно, что это — купцы-иностранцы.[2] В Алаие, куда Ибн-Баттута приехал на генуэзском корабле,[3] заходили купцы из Египта и Сирии;[4] в Гюмюшане были купцы из Ирака и Сирии.[5]

Очевидно, южное побережье Средиземного моря эксплоатировалось итальянцами, и через порты Анталью и Алаие они поднимались вверх, на север и на запад. Здесь, на Средиземном море, были складочные пункты для товаров.

Городские итальянские республики — Генуя и Венеция — наступают на Малую Азию после возникновения (в 1204 г.) Латинской империи. Рубрук встретил в Конье „много франков" и генуэзского купца.[6] Примерно через сто лет генуэзцы были уже около Манисы.[7]

Напуганная призраками, Византия отказалась от непосредственной торговли с Востоком; восточные товары доставляли в Византию венецианцы.

Купцы среднеазиатские, доходя до Сиваса, останавливались; это был центральный пункт, и когда нашествие монголов затрудинло на время передвижение, в Сивасе скопились караваны купцов. Обыкновенно в Сивасе купцы разбивались на две колонны: одна колонна поворачивала на север, к Черному морю, другая — на юг, в Конью. Двумя торговыми линиями разделены были в Малой Азии сферы коммерческого влияния среднеазиатских и среднеземноморских купцов.

---

[1] Западный маршрут проделал в 1895 г. Фр. Зарре.
[2] Ибн-Баттута, II, 259.
[3] Ибн-Баттута, II, 254.
[4] Ибн-Баттута, II, 257.
[5] Ибн-Баттута, II, 293.
[6] В. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны, стр. 176.
[7] Ибн-Баттута, II, 314.

Впрочем, итальянцы — итальянские республики, более подвижные (море давало им преимущества перед купцом из Средней Азии), штурмовали Малую Азию и с севера, с Черного моря. Трапезунт связывал Константинополь с Азией; сюда доставлялись на судах греческие материи и другие товары.

Пути мировой торговли передвинулись на север. Там, на „гостеприимном" Черном море, закопошились итальянцы-генуэзцы.

На побережьях Черного моря, малоазиатском и крымском, итальянцы-генуэзцы[1] скупали „живой товар" и сотнями, тысячами развозили невольников по средиземноморским странам; как видно из цен на людей, это была прибыльная торговля.

Судак был складочным пунктом, в который свозились товары северо-восточной европейской равнины, а может быть, и Азии: это была старая колония „согдийцев", людей оборотистых, имя которых в Средней Азии стало нарицательным словом для купца. Меха из „страны мрака", невольники, русский лен — все это высоко ценилось на Востоке, на все это всюду был большой спрос.

Таким образом поход на Судак обусловлен был не только или не столько военными соображениями, сколько вызван был интересами торговли. И после того как Судак был забран татарами — Золотой Ордой, торговые сношения между Малой Азией и Крымом продолжались; попрежнему население Крыма тяготело экономически к Малой Азии и уходило туда, за море — в страну Рума.

Путь северный из Трапезунта в Иран был впоследствии (с XIII в.) главным проводником внедрения европейцев в Азию. Через Эрзурум шли караваны — тысячи лошадей, верблюдов и мулов.

Венеция давно уже проложила дорогу в Византию: торговые привилегии были ей дарованы византийским императором Алексеем Комнином.

Заключив (в 1220 г.) торговый договор с Венецией, „царицей Адриатики", Сельджукиды предоставили купцам большие льготы и привилегии.[2] Государство, втянутое в торговлю, гарантировало купцам личную и имущественную безопасность. Отчасти они были изъяты из-под юрисдикции Сельджукидов: коммерческие конфликты, возникавшие между иностранными (итальянскими) и местными (малоазиатскими) купцами, разрешались полюбовно — государство воздерживалось от вмешательства, и только уголовные дела, как, например, убийства, подлежали ведению кадия — шариатского суда.

Вообще условия для торговли, для иностранных купцов были заманчивы. Так, согласно договору, заключенному венецианцами, драгоценные камни и жемчуг, серебро и золото в слитках или монете, наконец, даже зерновой хлеб[3] были освобождены от пошлин; остальные предметы обложены были низкой пошлиной, в размере 2%. Султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I продолжал политику брата и отца: политику, защищавшую интересы феодалов, допуская свободный беспошлинный ввоз в страну того, что могли покупать только феодалы.

Поскольку у купцов-иностранцев были большие деньги, Сельджукиды, желая пополнить казну, использовали старые методы откупа (может быть,

---

[1] О торговле генуэзцев, см.: G. I. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au treizième siècle. Paris, 1929.

[2] W. Heyd. Geschichte des Levanthandels im Mittelalter. Bd. I, Stuttgart, 1879, pp. 301—302.

[3] О торговых взаимоотношениях между Сельджукидами и итальянцами см.: W. Heyd. Geschichte des Levanthandels im Mittelalter. Bd. I, pp. 332—336; также стр. 402 и сл. о значении Малой Армении.

заимствованные у монголов).[1] Так, Рубрук пишет, что в Конье встретил он двух итальянцев, которым султан Изз-эд-дин Кей-Кавус II дал исключительное право на торговлю в Малой Азии квасцами,[2] — очевидно, для вывоза. Это была своего рода монополия. Результаты монополии сказались сразу: цена на квасцы на внутреннем рынке поднялась в три раза.

Интересы торговли, интересы купцов Сельджукиды ревниво оберегали, и стоило кому-нибудь обидеть купца, стоило купцу пожаловаться на обидчика (купец рвал на себе ворот, символизируя физическое насилие, которому он подвергся), как султан предпринимал поход, чтобы наказать грабителя. Все похищенное у купца, все, что он потерял, восстанавливалось из военной добычи или из запасов, бывших в распоряжении наместника-феодала. Если почему-либо не удавалось на месте покрыть убытки, выплачивала полностью казна, а потом взыскивали с грабителя.

Однажды, желая загладить дурное впечатление, какое могло произвести за границей известие о небезопасности путей, султан Изз-эд-дин Кей-Кавус I освободил купцов из Хорасана и Ирака, иранцев или арабов, ограбленных в Анталье, от уплаты торговых пошлин.

Таким образом торговля, затихавшая во время войны, оживала снова, когда открывались для купцов дороги.

Опасаясь насилий, купец принимал все меры для ограждения от нападения. Купцы пускались в далекий путь не в одиночку, а объединялись, собирались артелями, караванами, выбирая главу-старшину (بازارگان باشی).[3] Одиночные купцы или путники, например хаджи-паломники и т. д., всегда ждали попутчиков.

Разбойники и воры бродили всюду и караулили неосторожных путников; чем дальше от центра, тем более дерзко действовали они, и это были организованные шайки, иногда племена. Так, в 1276 г. огузы, стоявшие на границе (اقراك اوج), напали на караван франкский — итальянский — и отняли золото и добро.[4]

Только на больших дорогах могло правительство поддерживать порядок, а внутри государства все жили в страхе: все насторожились, все боятся неожиданного удара со стороны, извне или изнутри.

Ибн-Баттута испытал на себе прелести путешествия: то он слышит, что племя гермиян (около Ладика) заняло дорогу и грабит путников,[5] то туркменские кочевники около Манисы из-под носа крадут у него лошадь.[6]

Для обеспечения безопасности были выстроены на больших дорогах караван-сараи; здесь купец мог и отдохнуть, а в случае чего и укрыться от разбойников.

„Царская дорога", — как говорит Геродот, тянувшаяся от столицы Ахеменидов, Суз, до Средиземного моря (до Эфеса), потом послужила, конечно, прототипом для организации торговых путей в Малой Азии. Караван-сараи строились на расстоянии одного дня пути на станциях („конаках"), определяемых девятичасовым переходом верблюда. Строили султаны, строили и феодалы — все, кто прямо или косвенно участвовал в торговле, кто вкладывал деньги в торговлю, высекая на караван-сараях надписи, увековечивая имя строителя. Сохранились караван-

[1] Впрочем, откупа были уже и в Бухаре в X в.

[2] В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 176.

[3] Порядок этот сохранился и впоследствии: в детских играх, записанных мною в Малой Азии, также фигурирует „начальник каравана" (kervanbasi), см.: Вл. Гордлевский. Игры анатолийских турок. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1928, стр. 99—100.

[4] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0130.

[5] Ибн-Баттута, II, 271.

[6] Ибн-Баттута, II, 315.

сараи: Каратая, Са'д-эд-дина Кобяка („Зазада") и т. д. Афляки говорит о караван-сараях везиров: Зии-эд-дина Исфагани (в Сивасе), Муин-эд-дина Первапэ (между Сивасом и Коньей) и др. На дороге между Сивасом и Кайсери, наиболее оживленной торговой линии, расположено было, как пишет Абульфида,[1] 24 караван-сарая, путник находил здесь все, что ему было нужно.

Величественный караван-сарай Султанхан, восторженно описанный путешественниками, представлял грозную крепость, толстые стены которой утыканы были 24 башнями. У него было стратегическое и торговое значение: здесь стык дорог из Коньи, Ладика и Анкары, и караваны в сотни верблюдов находили удобный и безопасный приют — здесь, на подступах к столице, складывались боеприпасы и провиант. Построенный (в 1229 г.) султаном Ала-эд-дином Кей-Кубадом I, караван-сарай был сожжен в эпоху монголов и восстановлен, как говорят надписи, султаном Кей-Кавусом II.

На дворах этих караван-сараев, теснившихся около Коньи, еще в XIX в., как пишет П. А. Чихачев, валялись изображения львов — эмблема искусства Сельджукидов.

В городах, конечно, тоже были караван-сараи, превращавшиеся иногда в „рестораны" с мувыкой, где выступали арфистки,[2] как это было, например, в караван-сарае везира Зия-вд-дина.

Это не были мечети, медресэ, больницы или водоемы, стройкой которых феодал хотел заслужить прощение грехов или уберечь имущество от конфискации, когда впадал в немилость султана. Строя караван-сараи, феодалы думали о наживе. Так для купца уменьшался риск передвижения, а для феодала увеличивалась прибыль от торговых предприятий; в торговлю втянуты были феодалы, скопившие большие богатства.

Для удобства передвижения строились через реки мосты, развалины которых сохранились до сих пор; в Токате есть мост, построенный тремя братьями Сельджукидами, когда в Малой Азии распоряжались уже монголы.

Шли караваны под прикрытием: купцы нанимали вооруженных проводников или отряды, охранявшие их в пути.

Как тяжело и дорого обходилось путешествие в послемонгольскую эпоху, об этом рассказал Клавихо, отправлявшийся из Трапезунта в Самарканд, к Тимуру. Страна разбилась на мелкие уделы, и начальники уделов требовали постоянно подарков для беспрепятственного пропуска. Когда Клавихо выезжал из Трапезунта, император к каравану придал военный охранный отряд.[3] Вассалы трапезунтского императора, устроившись в неприступных замках на крутых горах, открыто заявляли, что они живут поборами с проезжих.

Сеть караван-сараев и карта нумизматических находок в Малой Азии должны точно установить торговый путь, как он шел в эпоху Сельджукидов. Монгольская эпоха внесла, конечно, изменения, и важно было бы привлечь описания средневековых западных путешественников. Рубрук, например, говорит, что во время монголов торговый путь, пересекавший прежде Сивас, переместился на южные области Армении;[4] у итальянца Пеголетто (XIV в.) упоминается торговая станция Dudriga, очевидно, это было кочевье или стоянка огузского племени дудурга.

---

[1] Géographie d'Aboulféda, II, 2, p. 139.

[2] Афляки, I, 185; II, 70—71.

[3] Р. Г. де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд. СПб., 1881, стр. 123, 126.

[4] В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 176.

Пути торговли пунктирует нумизматика. Век монет на земле, как ходячих денег, короток; монета быстро уходит под землю, но клады представляют отображение торговых сделок и оборотов на одном отрезке времени. Находимые в Закавказье клады (среди которых попадаются и монеты Сельджукидов Рума) говорят о размахе торговли, в которую была втянута и Малая Азия в монгольскую эпоху. Захваченный врасплох, купец поспешно прятал капитал в землю. Торговля между Закавказьем и Малой Азией, конечно, происходила и раньше, но тогда протекала она спокойно, и монеты безвестно и бесследно расходились по рукам. Перечень кладов монетных, составленный Е. А. Пахомовым[1] (остроумно и живо восстанавливающим историю кладов), ведет из Малой Азии на север; но тщательное изучение нумизматических коллекций должно расширить и уточнить эти пути в восточном (в Среднюю Азию) и южном (в Италию) направлениях.

Торговые связи между Малой Азией и Кавказом укрепляли культурное взаимодействие — так обогащалась культура кочевников, жадно хватавших навыки оседлой жизни.

Иноземные товары предназначались не для широкого потребления. Это были предметы роскоши, стоившие дорого и находившие сбыт только в высших, богатых слоях населения, т. е. среди феодалов и примыкавших к ним мевлеви.

В начале XIII в. оживленная торговля заносила в Малую Азию раритеты — после поражения султана Рукн-эд-дина грузинам досталась богатая добыча и, между прочим, алмазы из Индии. Купцы из Индии — это были, быть может, еще уйгуры (те „сартабаны"-купцы, от которых оседлое население Средней Азии, узбеки, получили презрительную кличку „сарты"). Они давно проникали в Среднюю Азию из Хорезма, шли они и в Астрахань и там оседали (индийская колония удержалась до XVIII в.);[2] в Малую Азию везли они драгоценности, кашмирские шали, ткани для бани и т. д. Кашмир давно славился шелковой промышленностью.

Товары притекали и с севера, и с юга, а больше с востока, но не с запада; торговые сношения с Византией были слабо развиты. Для Сельджукидов Византия была объектом военного наступления.

Малая Азия до монгольского нашествия была богатейшей страной; но монгольская система взимания налогов разрушила ее благосостояние.

Цены на товары повышались или понижались, смотря по тому, для кого они предназначались. На драгоценные камни и ювелирные изделия спрос был среди феодалов, и с феодалов запрашивали дорого; им „подносили" рубины, будучи уверены, что за это будет выдана хорошая денежная награда.

Материи также стоили дорого. Челеби Амир-Ариф поручил купить хорошую материю для вмира и дал 20 динаров, т. е. золотых монет. Как потом сообщил посредник, с него запросили 22 динара, но он сумел выторговать ее за восемнадцать.[3]

Книги, т. е. рукописи — списки сочинений, покупали грамотные, лица духовные (часто для практических надобностей), и, хотя переписка отнимала время, и немалое, цены на книги стояли низкие. Так, за двух-

---

[1] См.: Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 3 (1926), Институт истории, языка и литературы Азербайджанского филиала Академии Наук СССР, II (44), 1938.

[2] См.: Н. Пальмов. Астраханский архив. Записки Института востоковедения, т. II, стр. 161—182.

[3] Афляки, II, 375.

томный комментарий на фетвы в Алеппо было заплачено сорок диргемов,[1] — сюда включен и материал для письма, и труд.

Профессионал Абу-Хатим, 50 лет занимавшийся в Нишапуре перепиской, смотрел на это, как на жалкое, проклятое занятие, от которого „при жизни не заработаешь на хлеб, а после смерти — на саван".[2]

Правда, жалоба „переписчика", этого полуинтеллигента-бедняка, неслась из Нишапура — с территории Великих Сельджукидов, но могло ли быть лучше положение его в Малой Азии, у Сельджукидов Рума, где традиции мусульманской культуры и письменности были сравнительно невысоки. И что удивляться, когда светская рукопись, если переписка не была делом богоугодным, кишит ошибками, изощряющими остроумие ученых.

Труд человеческий — переписка — ни во что не ставился, главное, ценилась бумага; тетрадь бумаги стоила 2 диргема;[3] дервиш-мевлеви Афляки вспоминает, что на переписку „Книги истин" историка суфизма Сулами Нишапурского было израсходовано 40 тетрадей.

Белая писчая бумага, конечно, тоже ввозилась — сначала, быть может, и с родины ее — из Китая, а вероятнее, из Средней Азии — из Самарканда, где вплоть до XX в. процветало производство восточной тряпичной бумаги.

Хотя феодалы покупали иностранные товары, однако местная продукция славилась на внешнем рынке. Ибн-Баттута хвалит аксарайские ковры, „равных которым нет ни в каком другом городе". Их вывозят в Египет, Сирию, Ирак, Индию, Китай и в „страну турок";[4] Абульфида говорит о туркменских коврах. И на западе ценили ковры, как самые тонкие и красивые в свете, и еще роскошные материи красного и другого цвета.[5]

Поскольку Малая Азия являлась аграрной страной, вывозились сельскохозяйственные продукты в Египет из Антальи; из Коньи шел сушеный абрикос (сорт камар-эд-дин, получивший это название, очевидно, у арабов), косточки которого напоминали вкусом сладкий миндаль.[6]

Естественно, что Малая Азия могла вывозить также сырье; из портов Макри (Фетхие)[7] и Алаие[8] вывозился в Александрию лес, расходившийся по всему Египту.

Вообще из заграничных стран Египет был главным потребителем малоазиатского сырья (и из изделий — ковров), оно и понятно: этому немало благоприятствовала и дешевая морская перевозка.

Но итальянские купцы не только скупали или обменивали; у них могли быть в Малой Азии — как это было на сирийском побережье — земельные участки, и продукция, добываемая или производимая населением этих участков, сельскохозяйственная или промышленная, наконец, лес переплавлялись на европейские или африканские рынки.

Активный или пассивный был баланс у Сельджукидов, неизвестно. Во всяком случае, торговля была обширная; это — уже не меновая торговля, а торговля, основанная на денежных расчетах.

---

[1] Афляки, I, 163.

[2] A. Mez. Die Renaissance des Islams. Heidelberg, 1922, p. 176.

[3] Афляки, II, 106.

[4] Ибн-Баттута, II, 285, — Давно ценились на Востоке и армянские узорчатые коврики под ноги (сообщение Идриси, см.: Н. Марр. Ани, стр. 128, прим. 165).

[5] P. Wittek. Das Fürstentum Mentesche, p. 2.

[6] Ибн-Баттута, II, 259—260, 281.

[7] Абульфида (свидетельство Ибн-Саида); и теперь еще Макри — богатый лесом район.

[8] Ибн-Баттута, II, 267.

Монетная система заимствована, должно быть, у Аббасидов — сюзерен ов Сельджукидов. Чеканили Сельджукиды монеты в разных городах (в Конье, Сивасе, Эрзинджане).

Впервые медная монета — „мангыр" (مانغر)[1] появляется во время султана Рукн-эд-дина Месуда (в первой половине XII в.). Преемник его, Изз-эд-дин Кылыч-Арслан II, чеканит (в 1185 г.) серебряные монеты, которые долго называются динарами,[2] а потом уже диргемами или султани (султанской монетой).[3]

У Сельджукидов ходит и золотая монета. Поскольку золотая монета носила название „алаи" (علائی), чеканка ее началась, по крайней мере, со времени султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I.[4] Наряду с этим имело хождение и иностранное золото — халифское золото (خليفتى آلتونلر), итальянские „флорины", египетские или алеппские „юсуфи" — монеты стран, имевших торговые сношения с Сельджукидами.[5] Монетой — золотом — уплачивали христианские владетельные князья и „харадж", составлявший одну из главных статей государственных доходов.

Для мелкой расплаты употреблялась акча; на акча покупали предметы первой необходимости, например хлеб, и подарки султана исчислялись также в акча, но уже тысячами — сотнями тысяч акча.

Исходя из того, что во время халифа Мустансира (в 632 г. х.), т. е. в царствование султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, „один динар" равнялся десяти диргемам, Исмаил Галиб предполагал, что и в Малой Азии соотношение между золотом и серебром было то же, что и в Багдаде.[6]

В первой половине XIV в. соотношение между золотом и серебром сохранилось; Ибн-Баттута говорит, что князек Бирги подарил ему 100 мискалей, или золотых монет, и 1000 диргемов.[7]

Хорошо было бы установить реальную стоимость монеты, ходившей во время Сельджукидов; для этого нужно было бы привлечь и заметки иностранных, западноевропейских путешественников, посещавших Малую Азию. Конечно, стоимость монеты изменялась; покупательная способность акча то поднималась, то падала, сообразно политической конъюнктуре, которая давила на экоиомику. Клавихо, например, пишет, что „еспер" (espera), т. е. аспр-акча, в Эрзинджане равнялась $^1/_2$ серебряного реала,[8] но это было уже в начале XV в., во время нашествия Тимурленга.

Колебания, и не малые, встречаются у одного автора для разных мест: между тем как для Анатолии (в первой половине XV в.) Брокьер определял стоимость 50 акча в один венецианский дукат, в Адрианополе цена акча выше: там 36 акча равны одному дукату.[9] Впрочем, это говорит также о различном объеме внешней торговли.

Как всюду на Востоке, функции банков исполняли саррафы — уличные менялы; через них проходила монета, котировавшаяся в Малой Азии у Сельджукидов.

---

[1] Исмаил Галиб. Takvimi meskûkati Selçukiye. Kostantiniye 1306 (= 1888) p. 2. — Так („мангыр") называются деньги у турецких цыган.

[2] Исмаил Галиб, op. cit. pp. 5, 7.

[3] Афляки, I, 110.

[4] Исмаил Галиб (op. cit., p. 38) говорит то же.

[5] Афляки, II, 237. — См.: Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Перевел В. Бартольд, СПб., 1899, стр. 60.

[6] Исмаил Галиб, op. cit., pp. 39—40.

[7] Ибн-Баттута, II, 307.

[8] Р. Г. де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд стр. 140.

[9] Voyage d'Outremer, pp. 539, 588.

Возможно, что евреи, как это было и в Армении, играли роль посредников, реализуя на внутреннем рынке продукты иностранной торговли.[1]

Операции саррафов в Басре в XI в. описал Насири Хусрау;[2] это были маклеры — ростовщики, и поскольку у них были деньги, они могли регулировать цены на товары, часто они же откупали на Востоке и взимание налогов.

Удовлетворяя запросы феодалов, торговля приносила государству непосредственные прибыли. Внешняя торговля — источник государственных доходов: купцы, приезжавшие в Малую Азию или только проезжавшие через Малую Азию (ведшие, стало быть, транзитную торговлю), облагались налогами — „таможенными сборами“ (باج), сборами за переправу и т. д. Сборы взимались, конечно, и на внутренних рынках (с местной продукции, сельскохозяйственной и ремесленной).

Доходы больших городов, лежавших на торговых путях, были значительны. Большие оброки — сотни тысяч динаров, наложенные, как видно из росписи на 1336 г., монголами, говорят, как-никак, о расцвете торговли, о богатстве городского населения. Про Аксарай (в османскую эпоху уездный городишко Конийского вилайета) историк Хамдалла Муставфи пишет, что это „один из величайших пяти городов“. Но и в эпоху Сельджукидов, очевидно, Аксарай уже славился — туда наезжали и султаны. Это была летняя резиденция султанов.

---

[1] Я. Манандян, цит. соч., стр. 69.
[2] Книга путешествия, стр. 185—186.

Глава XI

Город. — Его устройство. — Население. — Столица Сельджукидов. — Жизнь в Конье.

На городе эпохи Сельджукидов ясно отражается феодально-крепостническая структура общества; город — военно-торговый пункт, поддерживающий феодальный строй; здесь веками сохраняются формы феодального строя. Снаружи — блеск, в центре — пышные постройки, а чем дальше к окраинам, тем непривлекательнее, тем беднее была жизнь.

На вершине холма или на скале стоял зáмок — местопребывание князька-феодала (так везде — и в Малой Азии, и в Иране устраивались феодалы); около него — двор, клиенты; феодалы живут скученно, окруженные челядью.

План города был раз навсегда установлен, и Ибн-Баттута хорошо запомнил этот план: мечеть (соборная), медресэ, „завие" (странноприимная обитель), бани и тому подобные здания, обязательные для мусульманского города, часто построенные феодалами на излишки от добычи или поборов.[1]

Малоазиатский город, проводник феодальной культуры, отделился стеной от окрестного населения. Городу страшна деревня — полуоседлое или кочевое население, которое надвигалось на город и могло всегда уничтожить центр экономического гнета. Еще в первой половине XIV в., как пишет Абулфида,[2] вокруг Кастамону было 1000 палаток туркмен.

Вечером городские ворота запирались, и если путник запаздывал, он ночевал около стен, а утром стража опрашивала его и, только получив удовлетворительный ответ, впускала внутрь. Начальник крепости (города), сопровождаемый военным отрядом, каждое утро выходил из города и обозревал окрестности. Только тогда жители спокойно выгоняли стада. Так описывает Ибн-Баттута большую крепость Давас (около Муглы).[3] Но это было, конечно, не исключение, люди всюду были напуганы. Набеги арабов давно уже приучили население укрываться в крепости. Отражая недавнюю еще действительность, „меддахи" (народные рассказчики) говорят это о Стамбуле, султанской столице. В глубине Малой Азии порядок этот уцелел до кемалистов; в султанскую эпоху городские ворота — ворота города Диярбекира — вечером запирались из страха, вероятно, перед курдами, — система, издавна укоренившаяся на Востоке.

Город — торгово-ремесленный центр. Организация города — его управление — заимствована была у Аббасидов. Каждый квартал был огорожен

[1] Число городов (и крупных поселков) Малой Азии доходило, по одним сведениям, до двухсот (Мюкримин Халиль, op. cit., p. 87); о более скромной цифре говорит число „минберов" (восемьдесят семь), присланных в Малую Азию Меликшахом.

[2] Géographie d'Aboulféda, II, 2, 145.

[3] Ибн-Баттута, II, 277. — Об этой крепости см. также: P. Wittek. Das Fürstentum Mentesche, p. 66, not.

стеной. Не-мусульмане жили отдельно: у греков, евреев и др. — у всех были свои кварталы, обнесенные тоже часто стеной.

Словом, город разделялся на участки по профессиональному или религиозно-этническому признаку.

Отдельно жили и иностранные купцы. Если это был портовый город, как, например, Анталья, они жили вблизи гавани, там, где сошли на берег с корабля, и это ясно говорит о сравнительно недавнем появлении купцов. Это напоминает „ругу" — улицу, ведущую к морю, — мечту итальянского купца на Леванте во время крестовых походов. В Малой Азии живут они по-старинке: квартал окружен стеной, и ворота закрываются не только на ночь, но и в пятницу, на время общей мусульманской молитвы. Основательно или нет, но христиане-купцы, очевидно, боятся вспышки религиозного фанатизма и прячутся, или попросту, трясутся за свое добро, боятся грабежа, под вывеской неприязни к иноверцу.

За городом тянулись луга, пастбища, сады; иногда стиралась, сливалась граница между городом и деревней, и трудно сказать, город ли это: здесь, как, например в Ахлате или Изнике, были не только сады, но и пашни;[1] у всякого жителя — двор, поле и сад, и все это расположено рядышком. Это, очевидно, молодые турецкие города, новые центры феодалов, еще не отстроенные и не заселенные.

Число жителей крупных городов (Конья, Сивас, Кайсери) доходило, вероятно, до 100 тысяч. В Сивасе, лежавшем в центре торговых путей, в цветущую пору, в эпоху султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, было, как определял византийский писатель XV в. Халкондила, 120 тысяч жителей.

В Арсеигане, центре ткацкой и металлургической промышленности,[2] — злосчастном городе Эрзинджане, испытавшем на своем веку не одно землетрясение, погибло перед путешествием по Малой Азии Рубрука 10 тысяч человек, известных по спискам, помимо бедняков, о которых не было сведений.[3]

Среди городов выделялась, конечно, столица государства, Конья — центр политической, торговой и культурной жизни.

Старый греческий город Конья (Ἰκόνιον „Иконион"), получивший название от изображения (εἰκών) головы Медузы, будто бы повешенной на стенах, находится у подножия холмов, откуда сбегают источники. Выбор места для города был удачен: вода поддерживала жизнь в мирное время, а во время осады наполняла рвы, окаймлявшие стены, и защищала город от неприятеля. И понятен восторг, охвативший крестоносцев, когда после безводных переходов по конийской степи они увидали парк султана, где нашли ручьи и зеленую траву.[4]

Однако в конце XII в. Конья представляла еще как бы военный лагерь — большую кочевку. Мемуарист III крестового похода Тагенон пишет (1190 г.), что турки в Конье жили в палатках.

Опасность угрожала часто и извне. Так, столица Сельджукидов видела (1190 г.) под стенами у себя крестоносцев — германского императора Фридриха Барбароссу, а позже могущественный Мелик-Гази Ахмед Данишменд, рассердившийся на султана из-за Боэмунда, повел войска на Конью. И, естественно, что султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, утвердившись на престоле, благоразумно решил реставрировать городские укрепления.

---

[1] Ибн-Баттута, II, 323—324.
[2] Ибн-Баттута, II, 294.
[3] В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 175.
[4] Вл. Гордлевский. Из истории водопользования в Конье. Записки Института востоковедения, т. II, стр. 184.

Ибн-Баттута, бывший в городе в 30-х годах XIV в., т. е. вскоре после исчезновения Сельджукидов, пишет: „Это — большой город, хорошо застроенный, изобилующий водой и ручьями, садами и фруктами. Улицы Коньи очень широкие, базары расположены удивительно (хорошо), и каждый цех занимает отдельное место".[1]

Всюду, куда ни заглядывал Ибн-Баттута, цехи (اهل كل صناعه), профессиональные группы (طائفه) жили отдельно друг от друга. Так, был в Конье ряд золотых дел мастеров, т. е. ювелиров,[2] торговцы бумажными материями тоже составляли ряд „Беззазие"[3] и т. д., т. е. и купцы как будто объединялись в артели, своего рода корпорации, торговавшие одним каким-нибудь товаром, — они монополизировали торговлю. В складчину, от имени корпорации, они и жертвовали деньги. Так, в Конье было медресэ, построенное торговцами хлопком и хлопчатобумажными материями.

И торговля шла в определенных местах. Число базаров в городах было велико; в Конье, например, был „Конский базар" (об этом говорит и современная площадь); для невольников отведен был портал, так и называвшийся „Порталом невольников"; позже Б. де-ля-Брокьер наблюдал в Брусе порядок торговли: невольники сидели на скамьях, у них видны были только лица и руки; женщин (так, по крайней мере, видел он в Дамаске), как лошадей, водили по городу напоказ; в еврейском квартале торговали вином[4] — было, конечно, неудобно в столице Сельджукидов, в столице мусульманского государства, для вина выделять место в центре. А за порядком следил „мухтесиб",[5] исполнявший функции римского цензора

Мемуары Афляки, старые жития Джеляль-эд-дина заключают в себе ценный материал для топографии города. Она хорошо могла бы обрисоваться также после изучения названий кварталов и пунктов (урочищ) современной Коньи, сохраняющих, конечно, еще память об эпохе Сельджукидов, и вакфие — дарственных записей, точно устанавливающих границы владений. Так, в вакфие наиба Джеляль-эд-дина Каратая встречаются интересные топографические указания: Хлебный рынок; Ворота Чашиигира за чертой города, — очевидно, он был тогда известен всем по должности, которую занимал при дворе; медресэ Кемаль-эд-дина Румташа, напротив главных дверей которого было медресэ завещателя — медресэ Каратая; Ворота Султана, владения Неджм-эд-дина Бехрамшаха, владения женщин: Мелек-хатун, Салиха-хатун, это, очевидно, были именитые гражданки, к которым по смерти мужей перешли права на недвижимость.

В столице государства, в Конье, собрался „цвет общества" — двор, феодалы и их слуги. Здесь жило и духовенство, кадии, ученые, дервиши, служащие в диванах (взятками набиравшие большие состояния), сторожа, охранявшие мечети, мавзолеи, тюрбэ и т. д.

Люди стекались в столицу отовсюду. Были, конечно, местные христиане (греки, армяне — туземное население), были и иностранцы — арабы, ираицы; иранцев, должно быть, было много, их тянули за собой вельможи и высшие должностные лица — везиры, часто выбиравшиеся султанами из иранцев; грамотеи, каллиграфы — все это были иранцы.

---

[1] Ибн-Баттута, II, 281. — Впрочем Муставфи, живший тоже в XIV в., говорит о разрушении Коньи (G. Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930, p. 148).

[2] Афляки, II, 375.

[3] Афляки, I, 262.

[4] Афляки, II, 121.

[5] Афляки, II, 320.

Были шумные кабаки (куда захаживали и мевлеви), арфистки, разбогатевшие от поклонников и владевшие сотнями рабынь,[1] и т. д.

Старая Конья эпохи Сельджукидов производила сильное впечатление. Джеляль-эд-дин Руми, обращаясь к сыну, Беха-эд-дину Султан-Веледу, восторженно восклицал: „Взгляни, сколько тысяч домов, дворцов, принадлежащих эмирам, вельможам и нотаблям.[2] Дома купцов и нотаблей в городе выше, чем дома ремесленников, а дворцы эмиров возвышаются над домами купцов; точно так же купола дворцов султанов и князьков во сто раз выше и ценнее всего прочего".[3]

Обследование местной топонимики и старых кладбищ, конечно, могло бы дать надежный документальный материал для истории класса феодалов эпохи Сельджукидов. Частью я пытался раскрыть стремления феодалов осесть на обводненных участках под Коньей,[4] доставлявших их владельцам хороший урожай, а стало быть, и доход.

Устами Джеляль-эд-дина Руми, восхищавшегося величием Коньи, Афляки показал город эпохи Сельджукидов — время его пышного расцвета в XIII в., когда обнаружились и социальные сдвиги.

Резко обособленные жилища, занимавшие последовательно территорию города, намечают уже три группы коренного населения. В руках феодалов сосредоточена движимость и недвижимость — земля, пожалованная султаном, и богатства, накопленные походами и торговлей,— у них и богатые дворцы. Крестьянство, закабаленное, всецело от них зависит; оно работает на них и в деревне, и в городе. Однако аграрная страна, производящая сельскохозяйственные продукты, выделила из себя кустарную промышленность. Между феодалом и крестьянином выросла новая общественная группа — ремесленники. Ремесленник высвободился из-под опеки феодала; он сумел освободиться от хозяина, на которого когда-то работал в деревне. Он еще колеблется, он ищет опоры на стороне, однако цеховая сплоченность дает ему силу. Благодаря трудолюбию ремесленников в городах процветают искусства. Ремесленная промышленность подняла значение города — увеличивалось население и благосостояние его. А где-то на окраинах, в жалких лачугах, ютится беднота, порожденная условиями городской жизни.

Вне этих трех местных социальных групп устроились купцы; соблазненный заграничными и заморскими товарами, феодал отдал беззаботно купцам страну на разграбление и спокойно смотрит, как купец скупает продукты, спекулирует местными естественными богатствами и изделиями. Дрожа за свое добро, купец держится обособленно, запершись в караван-сарае. Но, набивая себе карманы, купец завозит сюда и утонченные навыки; купец — культуртрегер, сближающий разноплеменные народы. Так, воспринимая через него иноземную культуру, столица Сельджукидов приукрашается.

Над городскими зданиями возвышается дворец султана; наемные отряды поддерживают в городе порядок, оберегая интересы феодалов.

Насколько жизнь была дорога, неизвестно. Одно несомненно: сельскохозяйственные продукты (хлеб, мед, масло и т. д.) были дешевы. Раз во время урожая один человек, по имени Фахр-эд-дин, выручил с сада 9 тысяч диргемов; правда, поскольку урожай принесла „благословенная хырка" Джеляль-эд-дина, цифра эта — плод благочестивой выдумки Афляки.

---

[1] Афляки, I, 185; II, 70—71.

[2] Вероятно, в подлиннике стоит слово اشراف.

[3] Афляки, I, 215.

[4] Вл. Гордлевский. Из истории водопользования в Конье. Записки Института востоковедения, т. II.

Но в засуху цены сразу поднимались,[1] так бывало и во время войны. Аксараи рассказывает, что отступление египетского султана Бейбарса произошло от недостатка провианта: гарнец зерна — зернового хлеба — нельзя было достать и за 40 диргемов, а пуд изюму покупали за 10 диргемов.[2]

Иногда Афляки, занимающийся бытовыми мелочами, дает точное представление о стоимости жизни: при Джеляль-эд-дине Руми пшеничная лепешка стоила 1 акча[3] (120 акча составляли султанский диргем). Половиной лепешки удовлетворял голод таинственный наставник Джеляль-эд-дина, Шемс-эд-дин Тебризский, отдавая другую половину беднякам.

В XIV в., когда по Малой Азии путешествовал Ибн-Баттута, сельские продукты уже вздорожали, и все-таки Ибн-Баттута находил, что в стране дешевизна: в Кастамону он купил за 10 диргемов половину бараньей жирной туши и на 2 диргема хлеба для 10 человек, и это хватило им на день, и еще халвы на меду, тоже на 2 диргема.[4]

Только беднота вела строгий счет и учет акча и диргемам. Богачи денег не жалели, богатства оседали в городе от газаватов — священных войн, от хараджа — поголовного сбора с христиан.

После войны шел грабеж, и тогда случалось, что на месте нехватало перевозочных средств. После похода на царя Левона II Великого добыча была так велика, что из Кайсери было затребовано 200 „канлы" — старинных повозок для складывания оружия, добычи, как ее определяет Рашид-эд-дин. А двухколесная повозка „канлы" поднимает, заявил как-то крестьянин в Анкаре Исмету Инёню, старавшемуся заменить „канлы" современными телегами,—до 500 „ок", т. е. до 600 килограммов. Следовательно, на 200 повозок погружено было до 120 тысяч килограммов.

Цены резко падали. Хроника только тогда и говорит об этом, когда исключительный случай, как удачный поход, вносил на рынке изменения: корова продавалась за 2 акча, а 5 баранов стоили 1 акча, т. е. соотношение между коровой и овцой было 40:1, или стоимость одной коровы равнялась 40 баранам.[5] И это, впрочем, неудивительно для страны земледельческой, изобилующей пастбищами, где богатство исчисляется количеством голов скота.

Когда хронист пишет, что красивый невольник-христианин продавался на базаре в Кайсери за 50 акча, т. е. за ту же сумму, что и корова, ясно, что все было обесценено. Но от этой дешевизны выгадывали одни феодалы.

Феодалы швыряли деньгами направо и налево, всего у них было вдоволь. Когда дворцовая верхушка (эмир меджлиса Мубариз-эд-дин Бехрамшах и эмир Сейф-эд-дин Айба-бей) подбирала себе сторонников, на кухне у них ежедневно приготовляли 100 баранов; столовые приборы — посуда — были из золота, осыпанные драгоценными камнями. Наименьший дар, жалуемый ими плохонькому поэту или заезжему гостю,

---

[1] Афляки, I, 270, 331.

[2] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0132.

[3] Афляки, II, 127 (в подлиннике стоит слово اوجه; у Рашид-эд-дина румская „акча" — наиболее устойчивая монета). — Во вторую половину XV в. серебряная монета акча (вес которой на протяжении царствования султана Мехмеда II уменьшался все более и более) соответствовала, как установил М. Галиб, 33 пара́ (см.: Ali. Fatih zamanında akça neydi? Türk tarih encümeni mecmuası, № 49—62, p. 59). Впрочем, это еще мало говорит о стоимости акча в XIII в.

[4] Ибн-Баттута, II, 342.

[5] Обычно, и, кажется, это показательно не только для того времени и не только для Малой Азии, цена 1 коровы равнялась 10 баранам.

Крылатый гений.
Рельеф из камня с башни городской стены Коньи. XIII в. Музей Коньи

равнялся тысяче золотых,— говорит Языджи-оглу Али, повторяя типичный рассказ о щедрости, вычитанный или подслушанный им.

Султан, конечно, вел еще более роскошную жизнь. То, что он давал феодалам, частью шло к нему обратно, когда во время восшествия на престол или даже во время возвращения в столицу его осыпали серебряными и золотыми монетами — диргемами и динарами.[1] Жена султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II Гюрджи-хатун, грузинка, заплатила однажды деньгами за поднесенный ей рубин 180 тысяч диргемов.

---

1 Осыпание деньгами — обычай, удерживающийся еще теперь на Востоке. В своих воспоминаниях „По театрам мира" Папазян рассказывает, как однажды в Алжире зритель-араб, восхищенный игрой артистки (Тины ди Лоренцо), отвязал от кушака толстый кошелек и осыпал ее серебряными монетами.

Глава XII

Памятники искусства эпохи Сельджукидов. — Происхождение сельджукского искусства. — Иностранные мастера. — Самобытные черты сельджукского искусства. — Туземное воздействие.

Щедрой рукой рассыпали Сельджукиды по Малой Азии перлы искусства. Ханы, караван-сараи, строившиеся по дорогам собственно для практических надобностей: мечети, медресэ, „богадельни" и т. д., украшавшие города и открывавшие благотворителю путь в рай, — представляют художественные произведения.

Общественные здания воздвигались не только в столице или в городах срединной Малой Азии; и на далеких западных окраинах, как, например, в Эфесе-Аязлуке, где господство Сельджукидов было иногда призрачно, сохранились постройки, напоминающие эпоху Сельджукидов.[1]

Строительство Сельджукидов, создавшее им славу, падает на середину XIII в. Султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, ревностный покровитель искусств, приобщившийся во время невольного отрыва от родины в Константинополе к европейской культуре, воздвигает монументальные сооружения — мечети, караван-сараи, служа богу и маммоне; строит города (Алане и Кубадие), реставрирует стены Ковьи и Сиваса, заботится о водоснабжении столицы — на всем лежит печать прочности и красоты. Торговля давала большие барыши; богатства сосредоточились не только у феодалов.

Насколько велико было благосостояние Сиваса во время Сельджукидов, — о том говорит, например, прекрасное медресэ, воздвигнутое обывателем города: строитель именует себя просто „презренным рабом", у него нет никаких титулов, которые свидетельствовали бы о его официальном высоком положении.[2]

Восторг охватывал иностранца, когда он попадал в Рум.

Восточные христиане, питавшие, конечно, скрытое нерасположение к туркам-поработителям, к их культуре, преклонялись перед красотами столицы Сельджукидов.

Когда в середине XVII в. через Конью в Москву проезжал антиохийский патриарх Макарий, „город, — писал он, — заключает удивительные здания и много картин и изображений разных лиц, которые только-что не говорят".[3]

Глядя на эти великолепные здания,[4] иностранец преисполнялся благоговейным трепетом перед богатством строителей, — так среди купцов,

[1] Описание археолого-искусствоведческих памятников Малой Азии дано в обширном труде: A. Gabriel. Monuments turcs d'Anatolie. Paris, 1934.

[2] Max van Berchem et Halil Edhem. Asie Mineure, p. 28.

[3] Путешествие... Перевод Г. Муркоса, выпуск первый, Москва, 1896, стр. 9.

[4] См. Fr. Sarre. Konia. Seldschukische Baudenkmäler. Berlin s. a. (оттиск из „Denkmäler persischer Baukunst". Teil 1; там же на стр. 27—30 приложена статья: Max Devi. Die Seldschukische Ornamentik).

ворочавших капиталами и запасами редкостных товаров, подымался кредит государства. Торговля разрасталась — класс феодалов богател, а богатея, строил.

Тяга к искусству выросла у Сельджукидов внезапно. В XII в. еще некогда было думать об искусстве: борьба отнимала все время; период становления государства в XI—XII вв., кажется, прошел бесследно для искусства. Во всяком случае, от XII в. сохранились только единичные памятники; так, минбер из резного дерева в мечети Ала-эд-дина в Конье, как явствует из надписи, окончен в 1155 г. мастером Хаджи из Ахлата, минбер, может быть, потом перевезен был в Конью.

Но когда государство окрепло, Сельджукиды захотели, чтобы у них было так, как и у других государей. Но это были еще варвары, у которых все время уходило на набеги и на войны, и с этой точки зрения интересны стены Коньи, возобновленные султаном Ала-эд-дином Кей-Кубадом. Защищая город от нападений, он соорудил стены, тоже своего рода произведение искусства. Однако они показывают, что султан преследует пока цели военные, а не художественные.

Ш. Тексье, посетивший Конью всего каких-нибудь сто лет тому назад, говорит,[1] что городские стены, возведенные султаном Ала-эд-дином Кей-Кубадом I, сохранились в полной неприкосновенности — они защищались 108 квадратными башнями на расстоянии 40 шагов одна от другой, а в стены вделаны саркофаг, изображавший жизнь Ахилла, обломки всяких надписей, античных и византийских, и т. д.; „языческие алтари, христианские надгробия, изображения святых, генуэзские кресты, римский орел «и арабский лев»", — добавляет Мольтке, бывший года два-три спустя в Конье, а над главными воротами красовались два барельефа: Ормузд и Ариман. Здесь — беспорядочное смешение памятников, стилей, собранных из разных эпох. Строитель смотрит на античные и средневековые памятники исключительно как на материал, нужный ему, и только. И это, быть может, происходит оттого, что строили стены местные мастера, не искушенные, а люди-практики. Однако из этих элементов, вделанных беспорядочно в стены, вскоре создалось единое сельджукское искусство.

Стены Коньи представляют как бы символ сельджукского искусства на первой стадии развития — все эти заимствования здесь очевидны, мастер простодушно говорит о них зрителю, а чтобы открыть их потом, потребуется глаз искусствоведа.

Видя отсталость местной культуры, Сельджукиды вызывают мастеров из-за границы; заграничные мастера, находящиеся на родине в тяжелых условиях, переселяются в Малую Азию.

Ужасы, наведенные нашествием полчищ, сперва хорезмийских, потом монгольских, разорявших и грабивших все, что попадалось им на пути, побуждали жителей бросать родные места. Тем более охотно бежали люди умственного труда, безземельные, ремесленники, дервиши, улемы, созидавшие государственность и культуру Сельджукидов Рума.

Выходцы из Азербайджана, Грузии, Армении наводнили Малую Азию и способствовали расцвету художественной промышленности и архитектуры.

Отовсюду шел приток людей, привлекаемых спросом на труд; покидая родину из-за политических и экономических осложнений, они в Малой Азии находили привет и ласку: темпы были бешеные, строились города,

---

[1] Ch. Texier. Description, Texte, 2. Paris, 1849, p. 144.

воздвигались мечети, мосты, медресэ и т. д. — нужны были квалифицированные мастеровые.

Как сословие утесняемые, ремесленники играют теперь в жизни города большую роль. Из их среды выходили подлинные мастера, планировавшие строительство, насаждавшие каноны зодчества, руководившие художественными вкусами.

Резьба ювелирная, резьба по металлу, по дереву, вязь арабесок и т. д. — все это дело их рук;[1] благодаря их трудам воздвигались стройные, изящные здания. Поощряемые феодалами, ремесленники создали сельджукское искусство. Они — эти ремесленники-художники, имена которых случайно сохранены иногда на постройках, подняли искусство в эпоху Сельджукидов на высокую ступень.

На стройке у Сельджукидов заняты были не только или не столько местные мастера, сколько иноземные (с Кавказа, из Месопотамии,[2] Дамаска).

Во время султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I северная Сирия была центром архитектуры и художественной промышленности. Мастера уходили отсюда в Египет, в Месопотамию и в Малую Азию. На памятниках Сельджукидов в Конье отобразились также следы сирийской школы.[3]

Среди архитекторов были и христиане, однако имена затрудняют иногда определение их национальности; так, между тем как К. Хюар признает „Калояни" — сивасского строителя — за грека, для Макса фан Бершама это — армянин, сохранивший память о себе на сооружениях Коньи.[4]

Очевидно, значительно было участие и туземных христиан, греков и армян, отчасти живших на территории государства Сельджукидов.

На нумизматике — на чеканке монет, кажется, тоже раскрывается участие мастеров, пришлых и туземных. Изящный рисунок серебряной монеты выдает школу багдадскую, — каллиграфическую технику, заимствованную извне, из мусульманской страны; но легенда на медных монетах показывает, как небрежно вырезал иногда мастер священные формулы, чуждые ему как будто внутренне (по содержанию) и внешне (письменами). Переходя от благородного металла к меди, художник превращался в грубого ремесленника. Очевидно, в государственных мастерских, занятых чеканкой монеты, работали и местные христиане.

На маленьких вещицах имена, конечно, отсутствуют, но стиль работы, сравнительное изучение могут навести на место их происхождения. Иногда Ибн-Баттута, пировавший в завие ахи, бросает на ходу замечание о люстрах месопотамских. От мастеров-пришельцев переняли искусство и местные мастера.

Излюбленный фон на архитектурных памятниках был темносиний; темносинее поле — „синь тюркская" украшала и зарисовки рукописей.

Сельджукидам знакома была как миниатюра, так и портретная живопись. Когда-то в газете „Ikdam" М. Фуад Кёпрюлю поместил ряд очерков, посвященных искусству турок в Малой Азии. И здесь опять сказалось христианско-мусульманское культурное содружество, характерное для эпохи Сельджукидов Рума. Так, мастер-христианин, „румский художник", Айн-уд-доулэ, писал портрет Джеляль-эд-дина по поручению султанши Кичи-хатун (может быть, Гюрджи-хатун, поклонницы мистического поэта); были еще художники — армянин и турок (шейх Бедр-эд-дин

---

[1] Fr. Sarre. Erzeugnisse islamischer Kunst, B. II, Seldschukische Kleinkunst. Mit 25 Tafeln und 38 Textabbildungen. Leipzig, 1909.

[2] Cl. Huart. Epigraphie arabe, pp. 32, 33, 45.

[3] M. van Berchem et J. Strzygowski. Amida. Heidelberg, 1910, p. 104, not. 3 (подобраны ссылки на литературу).

[4] Max van Berchem et Halil Edhem. Asie Mineure, p. 21, not. 3, 4.

Яваш). На живописи, как утверждал автор, заметно претворенное влияние византийцев.[1]

П. Виттек, отрицающий вообще оригинальность творчества Сельджукидов Рума, замечает, что малоазиатские памятники эпохи Сельджукидов производят впечатление только потому, что памятники искусства Ирана, более совершенные, недоступны или менее доступны для изучения. Здесь, конечно, значительная доля преувеличения, недооценка искусства Сельджукидов; он, может быть, бессознательно повторяет то, что когда-то говорил Ф. Зарре, впоследствии изменивший взгляды. Для Виттека история Сельджукидов Рума — только подсобный материал, объясняющий историю Византии, с одной стороны, и историю Турции — с другой.

Точка зрения П. Виттека-историка пристрастна. Турки поселились на территории Малой Азии задолго до Сельджукидов, и после Сельджукидов Малая Азия находилась (и находится) во власти турок, но только памятники, созданные Сельджукидами, представляют недосягаемый образец.

Несомненно, заслуга Сельджукидов Рума заключается уже в том, что, как только они расправились с внутренними противниками, как только Данишмендыгази, носители религиозно-разбойничьей идеи, были устранены, восторжествовали оседлые турецкие элементы, и Сельджукиды занялись строительством.[2]

Продолжая служить настоятельным практическим нуждам обывателя, удовлетворяемым где-нибудь в деревне кузнецами, в городе — глинобитными строителями, материальная культура сельджуков, расцветавшая благодаря поддержке богатеющих феодалов, в середине XIII в. поднялась неожиданно на невиданную высоту: от грубого кустарничества культура шагнула к утонченной изысканности; культовые и светские здания, художественная промышленность (ковроткацкая и металлическая), мелкие поделки (изделия ювелирные, резные) и т. д. — все это носит на себе единый отпечаток, характеризующий искусство Сельджукидов.

Художественная промышленность сохраняет на себе следы единого культурного источника — мотивы и окраска одинаково встречаются на молитвенных коврах („седжадэ“) и в михрабах в мечетях, потому что одинаково служат религиозным целям.

Однако, окруженные христианским населением, культуру которого они спешно воспринимают, наблюдая жизнь византийских императоров в Константинополе, Сельджукиды нарушили основные требования, налагаемые религией.

Они бесстрашно уклонились и от мусульманского ригоризма, допуская скульптурные изображения живых существ — птиц (орлов) и животных (львов) и на камнях, и на дереве.

Искусство сельджуков охотно воспроизводит фигурные изображения. Здесь Сельджукиды использовали туземные традиции, развившиеся на армянско-месопотамском плоскогорье; но, как показывает Глюк,[3] восприятие этих традиций, заимствования туземных малоазиатских мотивов и приемов облегчалось реминисценциями — старой склонностью турок к фигурным изображениям, вынесенной ими из Средней Азии —

---

[1] Вл. Гордлевский. Из жизни современной Турции (Восток, кн. 3, стр. 204).

[2] О роли Сельджукидов в мусульманской культуре см.: T. Kowalski. Na szlakach islamu. Szkice z historji kultury ludów muzulmánskich. Krakow, 1935, pp. 78—82.

[3] H. Glück. Eine seldschukische Sphinx im Museum von Konstantinopel. Jahrbuch der asiatischen Kunst. Bd. II, 1925, herausgegeben von G. Biermann. Leipzig, 1925, pp. 123—127.

с родины, давно затронутой культурой Китая и Индии. Так, ожили в Малой Азии старые степные мотивы, которые сближают искусство малоазиатское с кубанскими находками южнорусских степей.

Глюк, пожалуй, не одинок: на этой точке зрения стоит, собственно, и Стржиговский, предполагающий, что у турок давно была высокоразвитая материальная культура, которая оказала влияние на создание искусства на Переднем Востоке.[1]

Но, конечно, полусимволические, полуфантастические крылатые звери, изображаемые и на тканях, и на дереве, и на камне, взяты извне — может быть, от Сасанидов, а может быть, от туземного малоазиатского населения — от хеттов или от греков.

Ф. Зарре, изучая памятники сельджукского искусства Малой Азии, созданные, примерно, в течение 50 лет, между 1220—1270 годами, отрицал сперва их оригинальность и полагал, что они обличают единый стиль застройки и выросли на почве греко-римского и византийского искусств, осложненные влиянием, шедшим из Ирана, — фаянсовая мозаика, безусловно, занесена была оттуда мастерами после нашествия монголов на Среднюю Азию.[2]

Впоследствии, однако, Зарре внес поправку и подчеркнул отличия малоазиатского сельджукского искусства от искусства персидского (иранского).

Указывая на многообразие элементов, составляющих это искусство, он приводит слова Г. Глюка, который писал (в 1917 г.): „Потребуется еще много труда, чтобы выделить в этой пышной орнаментике элементы — персидский, хорасанский, сирийский, арабский, армянский, индийский и среднеазиатский. И это тем труднее, что эти элементы сделались неотделимы; проникнутые подлинно турецким духом, они слились в единое целое, и это сообщает творениям индивидуально-сельджукский характер".

Несмотря на обильные заимствования и с Востока, и с Запада, Сельджукиды сумели сохранить на памятниках искусства турецкий „дух", они создали, например, мотив „турецкого треугольника", который из мозаики внутри здания на потолке вышел наружу и обрамляет купол.

Глюк, таким образом, постоянно заостряет внимание на самобытных чертах — элементах сельджукского искусства.

Но западные искусствоведы забывают, во всяком случае преуменьшают значение живых туземных традиций, оплодотворивших искусство сельджукское.

Своеобразные формы этого искусства порождены были туземными традициями, жившими постоянно в Малой Азии. В XIII в. наглядно усиливается общение между Хорезмом и Малой Азией; на архитектурных памятниках (мавзолеях), воздвигнутых в Малой Азии и в Хорезме (в Куня-Ургенче), отражается общий культурный облик — они обнаруживают единство культурных нитей, ведущих в Закавказье.

Влияние старой переднеазиатской культуры было тем сильнее и значительнее, чем отличнее был новый уклад жизни Сельджукидов, переходивших в Малой Азии от кочевничества к оседлости.

Давнишнее мирное сожительство христианства и мусульманства, раскрытое раскопками Н. Я. Марра в Ани, подготовило быстрое безболезненное восприятие туземной культуры пришельцами из Средней Азии. На местных (кавказских) элементах, вызвавших происхо-

[1] J. Strzygowski. Altai, Iran und Völkerwanderung. Leipzig, 1917.

[2] Fr. Sarre. Reise in Kleinasien. Forschungen zur seldschukischen Kunst. Berlin, 1895, pp. 57—58, 70.

ждение, технику и формы искусства эпохи Сельджукидов, фиксировал внимание И. А. Орбели.[1]

Тип монументальных сооружений, сразу напоминающий памятники Закавказья, говорит ясно о том, откуда часто шли к Сельджукидам мастера и кто они были. Сельджукиды ценили искусство, спокойно приглашали для культового строительства христианских архитекторов и художников.[2]

Малоазиатские здания, сохранившиеся от Сельджукидов, — показатель высокой техники мастеров, может быть, подготовивших и смену из турок, и благородной толерантности или религиозной индифферентности мусульманской власти. А от Сельджукидов эта техника могла перекочевать и в Крым, к татарам, как показывает обследование памятников Старого Крыма.

Памятники искусства, созданные в Малой Азии в эпоху Сельджукидов, носят на себе следы совместного христианско-мусульманского творчества.

На зданиях позднейшей, монгольской эпохи, на Гёк-медресэ в Сивасе, отчасти, кажется, и на коврах, заметны еще следы и дальневосточной тематики — мысль, поддержанная искусствоведом А. Габриэлем; между животными есть также изображение дракона.[3]

Впрочем, китайский дракон изображен уже в 1183 г. на Алеппских воротах в Диярбекире, т. е. задолго до нашествия монголов;[4] здесь могла быть и реминисценция: дракон изображался на знамени Сасанидов.

Элементы китайского искусства, как предполагает Г. Глюк, могли быть усвоены турками еще в Средней Азии. Повторяя, пожалуй, мнение Глюка, С. Бессонов также говорит о дальневосточном, китайском влиянии на мавзолеях Малой Азии, занесенном турками, „вышедшими из Китая".[5]

Теперь дальневосточное — китайское искусство снова объявилось в Малой Азии, но занесли его, может быть, и не непосредственно монголы, это совершилось благодаря оживленным торговым сношениям, которые, может быть, увеличились после ослабления Сельджукидов, когда единая обширная монгольская империя создала благоприятные условия для общения между народами, — культурного и торгового.

Направление культурной жизни Сельджукидов Малой Азии исходило не из национальных или религиозных различений; достоинство человека, его значимость измерялись трудом, качеством его работы. А это поднимало в государстве удельный вес профессий, ремесленных организаций, вело к дифференциации классовой.

Так, Сельджукиды, ценя искусство, сумели сконцентрировать у себя действенные силы человека и поддержали в Малой Азии величие мусульманской культуры.

Общественные здания — мечети, караван-сараи, медресэ и т. д., воздвигнутые от избытка средств, пережили века, поддерживая славу сельджукского искусства, а память о домах феодалов, имена которых когда-то

---

[1] И. Орбели. Проблема сельджукского искусства. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, стр. 150—154.

[2] H. Mapp. Ани, стр. 36—37. — G. de Jerphanion. Mélanges d'archéologie anatolienne. Beyrouth, 1928, p. 85.

[3] G. de Jerphanion, op. cit., pp. 77—78, 83. Впрочем, Г. Гофрихтер (G. Hofrichter Armenische Teppiche. Wien, 1937) в мотиве „дракон" видит распластанные кожи скорияка

[4] Max van Berchem. Amida, p. 82.

[5] С. Бессонов. Памятники сельджукской архитектуры в Эрзеруме. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1927, стр. 67.

гремели, исчезла; очевидно, к жилью — к наружному виду собственного дома, недавний кочевник был равнодушен, и выбирал для стройки материал непрочный, — это были глинобитные дома, рассыпавшиеся вскоре после смерти хозяина; уцелели только обломки дворца („кёшк") султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I,[1] долго наводившие таинственный ужас.[2]

---

[1] С художественной стороны памятник этот, описанный в свое время Ш. Тексье, разобран Фр. Зарре (Fr. Sarre. Der Kiosk von Konia. Berlin, 1935); еще раньше писал Стржиговский (Zeitschrift für die Geschichte der Architektur, I, 1907).

[2] Вл. Гордлевский. Османские исторические сказания. Этнографическое обозрение, 1915, № 1—2, стр. 15.

Глава XIII

Управление — Центральные органы (диваны). — Провинция. — Местная власть. — Суд и контроль. — Изменения, происшедшие в монгольскую эпоху.

Поскольку Рум являлся одной из двенадцати областей государства Великих Сельджукидов, организация учреждений, гражданских, финансовых и военных, в Малой Азии была заимствована из Средней Азии. Везир султана Меликшаха, Низам-уль-мульк, посылает в Малую Азию и везира; диван Сельджукидов Малой Азии представлял тоже, очевидно, сколок с дивана Великих Сельджукидов. Руководитель духовных учреждений (судов, медресэ и т. д.) — главный кадий, „кадий над кадиями", был из Багдада, от халифа. Когда Малая Азия была завоевана огузами, султан Меликшах, создатель государства Сельджукидов Малой Азии, озабоченный устройством городской жизни — жизни мусульманской общины, прислал для мечетей 70 минберов. Так, аппарат, административный и религиозный, слагался извне, извне шел и материальный инвентарь.

Сохраняя, быть может, не столько память о времени, когда суд происходил перед палаткой хана, сколько отражая опять-таки древнеперсидские культурные пережитки, правительственные учреждения носили у Сельджукидов название „капу" (قپو) — ворота; от Сельджукидов этот термин перешел к османцам, у которых все вершила „Высокая Порта" (باب عالی — Баби-Али).

Центральные учреждения находились в столице государства (دار الملك) — в Конье. Руководители — начальники, везир — сопровождали часто султана во время его передвижений по стране.

Управление сосредоточено было в диванах (ديوان) — институте, заимствованном у Сасанидов. Там государственный аппарат был хорошо поставлен, количество диванов доходило до десяти;[1] но сколько их было в Малой Азии — из хроники неизвестно. У Сельджукидов Рума, безусловно, также были ведомства, перечисленные Нершахи для Бухары; но были ли это диваны, подчиненные сахибам, — неясно, безусловно было два дивана: „диван управленческий" (ديوان وزارت) и „диван ленов" (ديوان عرض).

Двенадцать секретарей, те, которые вели учет государственного имущества, назывались „секретарями дивана везирата" (ديوان وزارت كاتبلرى). Для секретарей дивана ленов употребляется термин „секретари дивана представления" (ديوان عرض كاتبلرى). Секретари дивана везирата вели книги и писали постановления (احكام، دفاتر); это была государственная канцелярия.[2] В „диване представления" велся войсковой, ленный,

[1] Описание диванов дал В. Бартольд (Туркестан, стр. 238 и сл.).

[2] См.: А. Борисов. Миниатюры „Книги Макам" ал-Харири. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, стр. 176.

учет (چرى دفترى), там были должностные лица, носившие титул „эмиров представляющих“ (امير عارض).[1]

Выделены были особо секретари, ведавшие хараджем (خراج), поголовным сбором с христиан, подданных Сельджукидов Рума.

Таким образом султан всегда знал количество свободной земли, и из этого фонда мог наградить, кого хотел.

Конечно, на учете находились как недвижимость, так и движимость. После окончания войны или похода немедленно выступали искусные счетчики и писцы (محاسب ياز يجى);[2] они заносили в „дефтери“ добычу — оружие, припасы, золото — и отсылали список султану.[3] Точно так же и перепись имущества во время конфискации лежала на диване.

Мюкримин Халиль, очевидно, полагает, что у Сельджукидов Рума был, собственно, один диван,[4] — государственный совет.

В состав дивана входили „казначей“ (مستوفى), государственный секретарь — первана (پروانه), начальник войска (عارض جيش), „канцлер“, или председатель дивана (صاحب ديوان طغرائى), — между ними он проводит знак равенства, эмир над секретарями, ведавший перепиской с иностранными государствами (ملك الكتّاب); эмир, ведавший государственной безопасностью (مشرف), кадии (قاضى) и эмиры (امير).

Естественно, что в государстве, построенном на системе ленов, административно-хозяйственный учет земель (уделов, поместий и вотчин) составлял первейшую задачу: это обеспечивало выполнение феодалами повинностей, натуральных, денежных и военных.

Возможно, что диваны в Малой Азии окончательно были сконструированы султаном Ала-ад-дином Кей-Кубадом I. Традиционно, по числу 24 племен, было 24 секретаря (ديوان منشيلرى ديوان كاتبلرى): двенадцать вели учет государственного имущества — дохода (اموال ملك) и двенадцать ведали войском — жалованьем и тимарами.[5]

Были еще секретари — „дефтердары“ османской эпохи, ведавшие „книгами доходов“ (اموال دفاترى).[6]

Было и специальное должностное лицо, заведывавшее казной (خزانه‌دار).

Как ни значительны фискальные или финансовые задачи, у государства были другие функции. Очевидно, были еще какие-нибудь диваны или ведомства.

Отдел внешних сношений, или просто заграничная переписка, находился в диване везирата. В хронике упоминается „мелик-уль-куттаб“, „эмир над секретарями“, и возможно, это и был министр иностранных дел, впоследствии (в XVI—XVII вв.) у османцев получивший титул (رئيس الكتاب);[7] сюда же причислялись, вероятно, секретари-писцы — „мунши“ (دوات‌دار)[8] и переводчики (ترجمان). Эти переводчики, или, скорее, „драгоманы“, были своего рода дипломаты,[9] как показывает, например, биография отца Ибн-Биби, они выполняли и политические поручения султана; драгоманом был сначала и везир Са'д-ад-дин Кобяк.

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 109.
[2] Языджи-оглу Али, III, 253.
[3] Языджи-оглу Али, III, 368.
[4] Мюкримин Халиль. Anadolunun fethi, p. 76.
[5] Языджи-оглу Али, III, 210.
[6] Языджи-оглу-Али, III, 105. — См. также: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 204.
[7] Но первоначально, как это видно из „Законника“ султана Мехмеда II, значение их у османцев было невелико; см.: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 215.
[8] Ибн-Бибн, IV, 80.
[9] Языджи-оглу Али, III, 381.

Внешняя политика Сельджукидов охватывала соседей на востоке и на западе; для того чтобы вести дипломатическую переписку, нужны были высокообразованные люди, изощренные в тонкостях стиля; в аппарате работали часто иранцы, уроженцы Хорасана, и султаны высоко ценили уменье сочинять бумаги (انشا و مكتوبات).[1]

На каком же языке велась у Сельджукидов переписка? Историк Аксараи утверждает, что до XIII в. документы в Малой Азии писались по-арабски, и только для везира Фахр-эд-дина Али-ибн-Хусейна (т. е. для Сахиб-ата), занявшего место Баба-Туграи, документы были переведены на персидский язык, чтобы и везир мог читать эти документы.[2] Это, конечно, „крайне невероятно", как заметил уже В. В. Бартольд. Язык арабский сохранялся все время только для документов, исходивших из духовного управления, — от учреждений, действовавших на основе шариата.

Случилось это, безусловно, раньше; это знаменовало отказ от услуг грамотеев, воспитанных на „священном языке". Поскольку Сельджукиды пришли в Малую Азию, пропитанные иранской культурой, язык основоположника государственного строя у Сельджукидов — язык везира Низам-уль-мулька должен был восторжествовать.

А вскоре, во время восстания „Джимри" — „сброда людей", как говорит Ибн-Биби, произошла новая реформа — замена персидского языка турецким: было постановлено, чтобы „впредь в диване, во дворце писали исключительно по-турецки".[3] Очевидно, после моголького нашествия пришли и движение нивы населения; провинция, огузы, жившие на окраинах, начали протестовать против иностранцев, засевших в канцеляриях. Персидский язык им был непонятен, и центральное управление должно было уступить еще и потому, что провинцию поддержали и ремесленники — городское, наполовину туземно-христианское население, только поневоле принимавшее персидский язык.

Так, в конце концов в Малой Азии в управленческом аппарате восторжествовал турецкий язык.[4]

Неоднократно высшие должности у Сельджукидов занимали иранцы; так, „сахиб" диваиа (во время султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I) был родом из Хорасана, „государственный секретарь" — из Тебриза, т. е не из местных (малоазиатских) людей.[5]

Вообще в хронике упоминаются не столько учреждения, сколько лица, руководившие ими, и это естественно для автора, который описывает не структуру государства, а ход событий.

Решал на Востоке дела не столько диван, послушный орган из мелких служащих-секретарей, сколько начальник — „сахиб".

Положение начальника было независимо; он творил в диване что хотел.

Султанские документы, жалованные грамоты, указы, акты, договоры (منشور[6] سوگندنامه، احكام، تقرير[7]) скреплялись печатью („тугрой"), и лицо, накладывавшее печать, играло большую роль. Наложение печати — важнейший, последний, этап прохождения документа в диване. Во время

---

[1] Яздыджи-оглу Али, III, 105.

[2] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0129, прим. 2.

[3] Ибн-Биби, IV, 326.

[4] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0126.

[5] Яздыджи-оглу Али, III, 105.

[6] Под „меншур" разумелись, конечно, грамоты на лен; ср.: W. Björkmann. Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Aegypten. Hamburg, 1928, p. 51.

[7] В османскую эпоху этому термину соответствовал должно быть, термин (مقرر نامه), который обозначал документ, подтверждавший владение или должность; см.: В. Смирнов, цит. соч., стр. 125, прим. 2.

смятения или переполоха, во время переворотов он сразу выдвигался, наложив печать на какой-нибудь важный документ.

Так, раз придворная клика, одержавшая верх в борьбе за власть, щедро наградила Шемс-эд-дина Махмуда Туграи. Этот человек, величавшийся просто „Баба", происходил, очевидно, из неслужилого сословия; в Малую Азию явился он, быть может, из Хорасана и втайне, очевидно, занимался религиозной пропагандой. Но он был высококвалифицированный стилист, составлявший наредкость искусные грамоты;[1] в должности находился так долго, был так ловок, и так все привыкли к нему, что за ним утвердилось прозвище „Туграи" („Накладывающий тугру"[2] — султанскую печать). Пользуясь дворцовыми неурядицами, когда на престоле воссело два Сельджукида, он сочинил придворной камарилье грамоты на высшие государственные посты и, приложив печать, придал им силу указа.[3] Потом Баба-Туграи (большой стяжатель) занял должность везира султана Кей-Кавуса II, но несправедливые распоряжения навлекли на него неудовольствие султана, и он был казнен, а имущество его конфисковано.[4]

Обыкновенно у этого сановника был титул „перванэ"[5] (перванэ ведал, быть может, тимарами и зеаметами); это было иногда преддверие, подготовка к занятию еще более высокой должности — должности везира. Так, из перванэ попал в везиры Муин-эд-дин Перванэ, в прозвище которого сохранилась память о прежней его должности.

Везир фактически управлял от имени султана. От него получал он и знаки везирского достоинства — чернильницу, а иногда, как особую милость, и удел. Это был заместитель султана по гражданской части.[6]

В везиры попадали иногда люди малограмотные; об одном таком человеке историк Аксараи рассказывает прямо-таки анекдот. Везир султана Гияс-эд-дина Месуда II, Фахр-эд-дин Муставфи Казвини, был чудовищно невежествен; он однажды спросил: „Что такое джизья?" — тогда как „джизья" (поголовная подать с не-мусульман) составляла у Сельджукидов главный доход казны.[7]

Начальник, стоявший во главе дивана у Саманидов, назывался „сахибом" (صاحب), т. е. господином, начальником.[8]

Этот арабский титул прилагается и к владетельным князьям; так, в хронике (в персидском эксцерпте) упоминается „сахиб Дамаска" (صاحب شام).[9] В арабской надписи, на караван-сарае в Докузхане, от 607 (1210/11) г., султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I титулуется, между прочим,

---

[1] Ибн-Биби, IV, 83, 157.

[2] Происхождение этого слова, занесенного огузами из Средней Азии, неизвестно; см.: W. Bartold. 12 Vorlesungen, p. 119. — Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, pp. 199—200. — F. Kraelitz. Osmanische Urkunden. Wien, 1918; p. 18, not. — О тугре см. еще статью Али-бея (Tarihi osmanî encümeni mecmuasi, №№ 43, 44) и Бабингера (Die gross-herrliche Tughra. Ein Beitrag zur Geschichte des osmanischen Urkundenwesens. Jahrbuch der Asiatischen Kunst, Bd. II).

[3] Ибн-Биби, IV, 251.

[4] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0129. Ибн-Биби (IV, 295) говорит сдержанно: „Тем временем он умер".

[5] Халиль Эдхем (Tarihi osmanî encümeni mecmuasi, № 35, p. 653, not.), собравший выписки из словарей, под „перванэ" понимает помощника великого везира, см. также замечание К. Хюара к переводу Афляки (I, 80, not.). В Бухаре „перваначи" засовывал указ эмира за чалму пожалованного чином, см.: А. Семенов, цит. соч., стр. 14, прим. 2.

[6] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 188, not. 1.

[7] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0133—0134.

[8] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 188, not. 1 (указана и литература). — См. также: Max von Berchem. Matériaux pour un Corpus inscriptionum Arabicarum (= Mémoires de l'Institut Francais pour l'Archéologie Orientale, XXIX, p. 20) и Encyclopédie de l'Islam, IV, 62 (заметка, впрочем, незаконченная T. Crouther Gordon'a).

[9] Ибн-Биби, IV, 224.

„победоносным помощником повелителя правоверных", „его другом-сотоварищем" (صاحبه).[1]

В этих значениях („начальник", „сотоварищ") слово употребляется и у Сельджукидов Рума — в Малой Азии; в хронике Языджи-оглу Али также встречается выражение „сахиб дивана" (صاحب ديوان);[2] „зловещий" везир Муин-эд-дин Первана был сын „сахиба" Мюхеззиб-эд-дина, заключившего с монголами мир.[3]

Как высший начальник над диванами, как высшее должностное лицо, везир у Сельджукидов преимущественно и носил титул „сахиба". Так, знаменитый везир Фахр-эд-дин, похороненный в Конье, перешел в потомство под прозвищем „Сахиб-ата", его имя сохранилось в Конье и за одним большим ирригационным каналом.

Иногда везир-сахиб, выдвигаясь на фоне безволия или слабости султана, превращался в диктатора: когда сановники занимали места перед султаном, везир султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса II, Шемс-эд-дин Мухаммед Исфагани (это был, очевидно, иранец) прислонялся к престолу, указывая этим, что он — „опора престола".

Наместником султана по военной части был „наиб" (نائب), ему жаловал султан золотую саблю.[4] Эта должность появляется как будто в монгольскую эпоху, когда власть султана становится призрачной.

Впрочем, наиб было нарицательное имя, означавшее вообще наместника, заместителя; представители султана в провинции тоже назывались наибами.

Высшая военная власть — начальствование над войсками (во время похода) — возлагалась на „бейлербея" (بكلربكى) — „бея беев". Это — турецкий перевод титула „эмир-уль-умера" (امير الامرا); упоминается еще и „мелик-уль-умера" (ملك الامرا) — очевидно, синоним эмир-уль-умера.[5]

Когда-то титул „бейлербея" (بكلربكى) дан был аббасидским халифом Великому Сельджукиду Тогрулу, водворившему халифа в Багдаде; теперь Сельджукиды Рума, почувствовав мощь, от себя жалуют этот титул (иногда и в форме „мелик-уль-умера"). Ж. Дени полагает, что это перевод армянского титула „ишхан ишханац", дававшегося Сасанидами, по меньшей мере, уже в начале V в. н. э. властителям Армении.[6] Как бы то ни было, опять наблюдается влияние иранской культуры, сказавшееся и на арабах, и на турках. Но этот старый иранский титул от турок вернулся потом на родину: в современном Иране XIX в. „бейлербей" — военный губернатор. Иногда у военачальника было еще звание „чашнигира" (چاشنيكر),[7] но обычно, насколько это и вытекает из этимологии слова, „чашнигир" („берущий пробу") нес обязанности дегустатора-виночерпия: он распределял на пиру кушанья.[8]

Когда Сельджукиды раскинулись „от моря (Черного) до (Средиземного) моря", у них появились эмиры, командовавшие морскими силами; они носили разные титулы: „начальник моря" (رئيس البحر), „эмир побережья" (امير السواحل), „князь побережья" (ملك السواحل).[9]

---

[1] Cl. Huart. Epigraphie arabe, p. 36 (о значении термина см. на стр. 77).
[2] Языджи-оглу Али, III, 215; также III, 105.
[3] Халиль Эдхем, Kayseriye şehri, p. 82, not.
[4] Языджи-оглу Али, III, 247. — Наибами у Языджи-оглу Али (III, 68) называются и византийские военачальники.
[5] Ибн-Биби, IV, 251.
[6] J. Deny. Sommaire des archives turques du Caire. Le Caire 1930, pp. 41—42.
[7] Ибн-Биби, IV, 183.
[8] Языджи-оглу Али, III, 215.
[9] См. соображения Ф. Кёпрюлю (Bizans müesseselerinin tesiri, pp. 206—207). Мне тоже кажется, что „реис-уль-бахр" („начальник моря") находился на Черном море;

Воспитатель царевича, будущего султана, названный отец, „атабек“ (آتابك), у Сельджукидов пользовался большим влиянием — это тоже был почетный титул.[1]

Вообще титулы, заимствованные у иранцев и арабов, в Малой Азии щедро раздавались Сельджукидами, например, титулы „шах“, „падишах“ (имя эмира меджлиса Бехрамшах).

Настоятель ордена мевлеви после Султан-Веледа часто носит иностранный титул (сирийский или курдский) „челеби“ (челеби Амир Ариф). А когда в XIV в. по Малой Азии путешествовал Ибн-Баттута, челеби — уже и титул светского государя и в Гёльхисаре, около Эйирдира, и в Синопе.[2] Но титул „челеби“ прилагается и к ахи (Изз-эд-дин ахи-челеби), и к духовным феодалам.[3]

Тогда же (в XIV в.) появляется еще заимствованное у греков слово „эфенди“, но пока как высший почетный титул — так именуется в Кастамону брат султана.[4] Это значение сохранилось и у османцев: наследник престола по преимуществу титуловался „эфенди“.

Число эмиров было велико. Начальники племен, „беи“, как ставленники султана, носили титул „эмир“: эмир Каратай, эмир Юташ, эмир Джеляль Хорасани и т. д. Были также эмиры, занимавшие специальные должности, например, „эмир-ахор“ (امير آخور), у османцев — „мирахор“ или „имрахор“, шталмейстер султана.[5]

В городе был градоначальник — начальник полиции (شحنه). Во время Саманидов у него был диван стражи. Это тоже был крупный сановник, наживавший богатства. В Сивасе уцелели развалины здания, где похоронен какой-то Хусейн-ибн-Джафар (ум. в 629 г. х. = 1231 г. н. э.), здание это известно под именем „Купола шихнэ“ (شحنه كنبدى).[6]

Ночью, как это видно из современного конийского провинциализма „пасбан“ (پاسبان), представляющего заимствование из персидского языка, город обходила стража.[7] Но это был общегородской институт; „пасбаны“ долго были и потом в Европейской Турции, из них происходил и Пасван-оглу, поднявший в начале XIX в. восстание, о котором помнит еще народная песня.

Высшие сановники составляли при султане „совет“ — „меджлис“ (مجلس). Это был совещательный орган, собиравшийся для обсуждения важных государственных и фамильных вопросов, как то: о войне, о браке султана и т. д. Формально как будто был там и председатель (в хронике упоминается „эмир меджлиса“ Мубариз-эд-дин Бехрамшах), человек очень богатый и влиятельный; однако голос султана брал верх. Иногда султан наперекор совету принимал решение, какое ему заблагорассудится, и в случае неудачи сановники подчеркивали ошибку, его уклонение от советов старших. Отсюда ясно, что меджлис сохранял отзвуки старого племенного совета-курултая.

ср. между прочим, в „Слове Лазаря Трапезунтского“ (Ю. Кулаковский, цит. соч., стр. 96): „Наместник Иконийского султана Рейс Етума захватил в Синопе корабль“.

[1] В Бухаре „аталык“ (очевидно, соответствующий „атабеку“) — 15-й, самый высший, чин служилой иерархии, см.: А. Семенов, цит. соч., стр. 14, прим. 2. В этом термине „атабек“ (или на Кавказе „аталык“) заключается, как показал М. О. Косвен (Советская этнография, 1935, № 2), осколок порядков и отношений на переходе от матриархата к патриархату.

[2] Иби-Баттута, II, 270, 350.

[3] Ибн-Баттута, II, 349.

[4] Иби-Баттута, II, 345.

[5] Явыджи-оглу Али, III, 163.

[6] Исмаил Хакки. Sivas şehri, p. 108. — В Болу есть место „Шахнелер“, очевидно, здесь была земля „шахнэ“.

[7] В Стамбуле слово это неизвестно; функции сторожей выполняют там „бекчи“.

В государстве Сельджукидов была, очевидно, иерархическая лестница для должностей; вообще звание бейлербея было выше эмира меджлиса, но однажды султан поставил эмира меджлиса над бейлербеем, над беями правого и левого крыла.[1]

Формально, конечно, должности не были наследственны, хотя часто высшие сановники старались власть передать детям, родственникам или близким им людям. И эта профессиональная или кастовая замкнутость[2] могла быть сохранена там, где от человека требовались специальные знания, т. е. здесь происходило то же, что и у ремесленников, — происходил отбор.

Сын человека, занимавшего в государственном аппарате высокую должность, или сын человека состоятельного получал или мог получить хорошее образование, и перед ним открывались широкие перспективы. Вот как раз на авторах хроник Сельджукидов и видно значение государственных служащих: Ибн-Биби происходил из семьи, близкой ко двору, у отца его было прозвище „Терджуман", т. е. „драгоман", и отец Языджи-оглу Али, обработавшего хронику по-турецки, тоже был человек грамотный („языджи" — يازيجى значит „писец", „секретарь").

В канцеляриях употреблялся почерк „сиякат" („без точек"), долго державшийся потом и в Турции. Поскольку письмо, составление документов, да еще на иностранном языке, было делом сложным, султаны (например султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I) сохраняли должность за сыном, если он был достоин того; так повышалось и качество, искусство работы, увеличивалось и вознаграждение.[3]

Распоряжения султана были письменные. Так, указ на владение землей подтверждался грамотой; когда собиралось войско для похода, султан рассылал беям письма (مكتوب بيتى).[4] Но часто, находясь в столице, отдавал султан и устные приказы и тогда для верности, если это было контрраспоряжение, упразднявшее силу первого приказа, — вручал именной перстень.[5] Тот, у кого находился перстень, действовал именем султана. Перстень сообщал его словам непреложную силу, силу султанского повеления: это был своего рода талисман, и, отдавая перстень, султан как бы утрачивал власть.

Значение перстня прекрасно схвачено и народным фольклором: в сказке „Мудрая жена" (сборник Афанасьева) король-отец „для большего уверения" пересылает сыну перстень.

Очевидно, это был именной перстень, на котором вырезался титул, избранный султаном, его „тугра" (طغرا), его „тевки" (توقيع).[6] Так, чтобы успокоить царевича Ала-эд-дина, заточенного в крепости, эмир Сейф-эддин везет ему перстень брата, и Ала-эд-дин, сперва боязливо смотревший на эмира, верит, что брат его действительно умер.[7]

Если в столице творились безобразия, если здесь между феодалами была склока, борьба за власть, борьба за должности (потому что власть несла богатства), — положение провинции было еще тяжелее: она была отдана на съедение феодалам. Они широко понимали право на землю и изнуряли население. Низам-уль-мульк настаивает на заботах о благо-

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 197—198.

[2] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 224, not. 1; p. 263, not. 1.

[3] Языджи-оглу Али, III, 210—211: قنقى كه خط و بلاغتده و انشا و سياقتده ماهر اولسه تربيت و شفقت ايدوب مرسوم و مواجبن زياده ايدردى.

[4] Ф. Кёпрюлю, основываясь на документах времени султана Мехмеда II, думает, что „бнта" (синоним „ништан") — документ на „вакуф" (Bizans müesseselerinin tesiri, p. 200).

[5] Языджи-оглу Али, III, 279.

[6] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 199, not. 2, 3.

[7] Языджи-оглу Али, III, 188.

состоянии населения, но, очевидно, это было только доброе пожелание, далекое от осуществления.

Историк Великих Сельджукидов, Равенди, посвятивший свой труд Сельджукиду Рума, султану Гияс-эд-дину Кей-Хюсреву I, говорит, что, так как государь и все войско в отношении „«амляков» и жалованных земель следовали велениям божественного закона..., то города стали цветущими, а области — населенными".[1]

Но невольно возникает подозрение, не хвалебный ли это панегирик султану, у которого находили „ученые — убежище, а селяне — покой".[2] Во всяком случае, обычно так не было.

Внутренний распорядок бейликов, на которые делилось государство, был все-таки различен и зависел от того, как и при каких условиях, бейлик вошел в состав государства: был ли это полунезависимый удел, отданный Сельджукидами старому сподвижнику (как, например, это был Салтук в Эрзуруме, Маигуджак — в Гюмюшанэ или Данишменд — в Сивасе), или бейлик сохранен был за прежним властителем (как было, например, в Амиде-Диярбекире), нередко и христианином, вероятно продолжавшим управлять областью так, как и раньше, до появления в Малой Азии Сельджукидов.

Во главе области или округа находился „сюбаши" (سو باشی), собственно, начальник племени, потом начальник войска; он был и „хаким" (حاكم), т. е. управлял, опираясь на военную силу. Это был военный губернатор, царек, объединявший функции административные и судебные. Как начальник племени, сюбаши у огузов исполнял функции хана.[3]

Термин „сюбаши" показывает, что султан первоначально направлял племя (огузское) для занятия какого-нибудь района, во главе же племени у огузов находился сюбаши. Ему подчинены были и окрестные христиане — туземное население; потом он получил и полную власть над областью, а еще позже должность сюбаши мог, очевидно, занимать и не глава племени.

Насколько сюбаши был могуществен, видно из того, что сюбаши Кайсери во время „троевластия" сумел провозгласить султана Рукн-эд-дина Кылыч-Арслана IV единодержавным государем.

Вообще у управителя областью были большие полномочия. Так, эмир меджлиса Мубариз-эд-дин Бехрамшах, находясь в Сивасе, распоряжался как султан: ему подвластны были беи и князьки,[4] т. е., вероятно, какие-нибудь армянские владетельные князья, уцелевшие еще от византийской эпохи. Долго оставаясь на местах, эмиры представляли грозную силу, и султаны их побаивались (например эмира Эртокуша, который 20 лет просидел в Анталье: это был, очевидно, старый вождь какого-нибудь огузского племени).

Должностное лицо, находившееся во главе области, носило часто два титула: турецкий — „сюбаши" (سو باشی) или арабский — „эмир" (امیر). Первый термин, более старый, принесен из Средней Азии; впоследствии он был вытеснен и заменен титулом „эмир", хотя в течение некоторого времени оба они еще сосуществовали, отражая эволюцию управления.

В провинции были также и отделения центральных управлений — диванов. Во всяком случае, после похода наезжали из столицы секретари для описи имущества и переписи населения, — здесь, очевидно, преследовались фискальные цели.

---

[1] Привожу цитату в переводе А. А. Семенова (цит. соч., стр. 27; ссылка на Равенди неверна: не 40-я стр., а 30-я).

[2] Ravendi, ed. Iqbal, p. 248.

[3] W. Barthold. 12 Vorlesungen, p. 101.

[4] Языджи-оглу Али, III, 257.

Мелкие феодалы, ремесленники, крестьяне — все были угнетены. Хуже всего приходилось, конечно, крестьянам.

Когда в Ахлат после войны понаехали из столицы сановники, прежде всего они сместили начальников крепостей (كتوال قلعه), и тогда крестьяне вернулись на землю. Очевидно, начальники „крепостей" защищали интересы феодалов и притесняли кого могли, а больше всего — крестьян.

В лучших условиях находилось население христианских областей, князья которых признали суверенитет Сельджукидов; оно знало только „харадж", население было „подхараджное" (خراج گذار), а внутри у себя князьки сохранили свободу — система, унаследованная от Сельджукидов османцами, применявшими ее к немусульманским общинам.

Взяточничество, поборы господствовали всюду сверху до низу: от султана до мелкого феодала. Историк Аксараи прямо обвиняет даже султана Ала-эд-дина Кей-Кубада II в лихоимстве и произволе.[1]

В воспоминаниях турецкого депутата Азиза Самиха „Что я видел на турецко-иранской границе в 1913—1914 гг.?"[2] дана великолепная иллюстрация к методам „управления", господствовавшим в приграничной полосе, заселенной кочевниками. Назначенный правительством Ирана в Резаие (Урмию), губернатор добирался к месту службы из Тебриза три месяца. Дорогой шел сплошной грабеж населения; губернатор посылал начальникам племен наряды на лошадей, мулов, провиант, угрожая ослушнику за неисполнение смертью. В эпоху Сельджукидов „власть на местах" также была своевольна и беззастенчива.

О поборах знали, конечно, в столице. Султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, поборник справедливости, самолично разбирал ежедневно тяжбы („диванские", т. е. по гражданскому управлению), подведомственные диванам. И вообще дела решались без задержек[3] на основе „тюрэ" — обычного права огузов (наследники, например, быстро вводились во владение). Уезжая на зиму к Средиземному морю, султан творил там суд над обидчиками, „обиженные" (مظلوم) обращались к нему, и следовала расправа. Разбирал султан тяжбы и в Конье.

А раз в год, соблюдая старый сасанидский обычай, воспринятый Низам-уль-мульком (публичное покаяние царя в день „ноуруза" — нового года),[4] султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I являлся в суд, и тогда всякий мог предъявить к нему иск или подать жалобу.

У Сельджукидов был и духовный — шариатский суд. Кадии (и муфтии) разбирали дела, затрагивавшие сферу религии. Кадий у Сельджукидов был высшим духовным представителем, это был шейх-уль-ислам османской эпохи.

Практиковалась еще посылка из центра инспекционных комиссий[5] или вызов беев-начальников с мест для дачи отчета об управлении. Афляки рассказывает, что одного приграничного бея (Мехмеда, изобретателя белых колпаков) вытребовал везир Муин-эд-дии Первянэ в Кайсери (где находился двор султана Рукн-эд-дина Кылыч-Арслана IV). По дороге бей заехал в Конью, ища заступничества у Джеляль-эд-дина Руми:[5] или он чувствовал за собой грешки, или везир Муин-эд-дин, терроризовавший население после смерти Каратая, хотел сорвать с него взятку.

---

[1] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0136—0137.
[2] Напечатано в газете „Vakit", 1934, № 5929.
[3] Языджи-оглу Али, III, 215.
[4] К. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 98, прим. 2.
[5] Афляки, I, 10.

Наказания были быстрые и решительные. Обычное (легкое) наказание — это палочные удары (چوکان), и они перепадали и эмирам. Так, эмир пердедаров получил 50 палок за то, что пропустил во дворец вооруженную стражу сановников.[1] Если кто был заподозрен в измене — сначала конфисковалось его имущество, движимое и недвижимое, а затем следовала казнь (سیاست — физическая смерть через удушение, повешение или отсечение головы).[2] Иногда с преступника государственного — с бунтовщика, как это было с Лже-Сиявушем (мнимым сыном султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса II), живьем сдирали кожу и, набив соломой, возили по городам на показ[3] — на страх врагам.

Судебное постановление приводил в исполнение „начальник правосудия" (میرداد).[4] Между прочим эту должность занимал одно время в 648 (1250) г. Сахиб-ата[5] — впоследствии везир.

Распространено было и более жестокое, очевидно, и более старое наказание: преступника запирали в дом, а дом поджигали. Так поступил султан Изз-эд-дин Кей-Кавус I после неудачного похода на Алеппо (в 1218 г.): несмотря на мольбы, мнимые виновники, полководцы, со связанными руками и ногами были заперты (в рабаде Тартуше) в доме; дом был обложен дровами и подожжен, а когда кто пытался выскочить, того палками вталкивали обратно.[6]

Это наказание было обычно. Так расправился в XIV в. и тверской князь, когда поджег дом, где находился татарский посол Чолхан. Поэт XVI в. Ламии рассказывает в сборнике „Анекдотов", как один ученый, прикинувшись юродивым, пригласил к себе сюбаши, мухтесиба и кадия, — словом, почтенную компанию, и обложил дом дровами. У османцев это наказание удержалось, по крайней мере до XVII в., „сжигание огнем" (احراق بالنار) применялось обычно к преступникам, особенно к еретикам: сжигание трупа — тягчайшее в исламе наказание.[7] Вот почему сторонники Кара-Языджи, поднявшего большое восстание в Малой Азии в конце XVI в., опасаясь надругания над телом умершего вождя, разрезали его на мелкие части и похоронили в разных местах. А раз, мстя вельможе (Захир-эд-дину), когда-то изменившему ему, султан приказал раскопать его могилу и, сжегши кости, развеял прах по ветру.[8]

Надругание над мертвецом хорошо было знакомо в Малой Азии: когда караманский бей занял Брусу, он выкопал труп султана Баязида I Молниеносного и сжег останки, — как рассказывает византийский историк Дука.

Иногда сановники отрешались от должности и ссылались. Так, вельможа Беха-эд-дин Кутлуджа нагишом был отправлен на муле из Кайсери в Токат в ссылку.[9] Точно так же и опасных соперников-царевичей — братьев, племянников — султан ссылал куда-нибудь подальше, и там, в крепости, жили они в вечном страхе.

Иногда после конфискации, может быть, временно султан ограничивался арестом, и преступнику назначался рацион: половина „мена", т. е. „батмана", мяса, два или три „мена"[10] хлеба — как видно, сановник голодным все-таки не оставался.

---

[1] Ибн-Биби, IV, 113.
[2] Языджи-оглу Али, III, 277, 393.
[3] Ибн-Биби, IV, 333.
[4] Языджи-оглу Али, III, 199.
[5] Халиль Эдхем, op. cit., 105.
[6] Языджи-оглу Али, III, 181—182; Ибн-Биби, IV, 8'.
[7] A. Mez, op. cit., 350—351.
[8] Языджи-оглу Али, III, 62—63, 106, 176, 182.
[9] Ибн-Биби, IV, 115.
[10] Ибн-Биби, IV, 217. — Вес „мена" колеблется от 640 „мискалей" (= 2.97 килограмма) до 1000 „мискалей" (= 4.6 килограмма) — в Тебризе.

Были и тюрьмы. По случаю победы или вступления на престол нового султана заключенные выпускались на свободу; это была амнистия, мера преследовала политические цели.

Между центром (столицей) и периферией (провинцией) проложены были дороги; по всей стране протянулась сеть „почтовых станций" — „ям" (يام), и гонцы (اولاق، چپر، قاصد)[1] на ямских лошадях (يام آتلری)[2] развозили распоряжения султана и доносили султану обо всем. Институт гонцов, „ям", сложился окончательно уже в монгольскую эпоху, за это говорит монгольский термин „ям".[3]

У себя во дворце султан был настороже; ему чудилось, что он окружен врагами, заговорщиками. Так развилось наушничество, подсиживание; открывался широкий простор для всех, кто желал выслужиться. На кухне были специальные служащие-чиновники (مطبخکی مشرفلری), которые наблюдали за пищей, за ее изготовлением (может быть, отчасти контролируя и расходы);[4] это были блюстители здоровья султана.

Еще бóльшие основания были у Сельджукидов подозревать тех, кто находился вдали от них; для надзора учрежден был институт доносчиков (مشرف), во главе которых находился крупный сановник, титуловавшийся „наблюдателем государства" (مشرف ممالك). Они сообщали султану обо всем, что происходило на местах. Очевидно — хотя Низам-уль-мульк и предлагал еще Великим Сельджукидам уничтожить институт доносчиков, — система шпионажа, заимствованиая от халифов, продолжала действовать и в Малой Азии.

---

[1] اولاق — (почтовая) лошадь, но этим словом могут обозначаться также мул и верблюд, см.: А. Якубовский. Восстание Тараби, стр. 115, прим. 1. — В современном персидском языке слово употребляется „для приличия" в смысле „осел", см.: Н. Белгородский. Современная персидская лексика. М.—Л., 1936, стр. 35. — В Бухаре под этим словом понималась подводно-перевозочная повинность, см.: А. Семенов, цит. соч., стр. 6, прим. 10.

[2] Языджи-оглу Али, III, 232.

[3] Б. Владимирцов. Заметки к древнетурецким и старомонгольским текстам. ДАН-В, 1929, стр. 290.

[4] Языджи-оглу Али, III, 188. — А. Крымский, цит. соч., стр. 133 (толкование взято, очевидно, у Бейхаки).

Глава XIV

Войско, его состав. — Племенные отряды. — Отряды феодалов. — Характер войны. — Военные отряды внутри страны. — Наемные отряды.

Организация войска у Сельджукидов воспроизводит указания Низам-уль-мулька, отражающие старое монгольское заимствование. От племени огузского — всего их было двадцать четыре, — на войну шел „тюмен" — какая-то определенная единица.

Плохо комплектованная, эта людская масса из огузов пригодна была, собственно, только для партизанских набегов; опустошить и разорнть край (поля, сады, виноградники) — вот был метод войны, быстро побуждавший неприятеля к миру. Когда же война затягивалась, это надоедало воинам; они уставали, и, начиная войну весною или летом, на зиму султан должен был распускать войско; зимою оно предпочитало отдыхать, а там через год приходилось опять собнрать воинов.

Это походило на регулярное передвижение кочевников, да войско и состояло-то из кочевых элементов.

Так, уже в османскую эпоху осада Изника (Никеи) — города, который когда-то завоеван был первым Сельджукидом Рума, длилась 32 года. Город был окружен стенами, на которых было 300 башен. Султан „Османджук" (Осман), пишет Ибн-Баттута, осаждал город около 20 лет и умер. Сын его, Ихтияр-эд-дин Орхан, продолжал осаду еще 12 лет и тогда только овладел городом.[1]

Турки были хорошие воины, как заметил уже в IX в. Джахыз, они высоко ценили стрельбу из лука и верховую езду.

Огузские племена отличались воинственностью; находясь на границах государства, они всегда были наготове, они несли сторожевую службу или производили налеты на соседей-христиан.

Во главе войска находилось 24 хана, мелика или эмира, т. е. военные отряды, собранные от 24 огузских племен, представляли самостоятельные воинские единицы. Разнообразие терминов для иачальников племен, для приграничных беев вскрывает эволюцию, происшедшую у кочевников в Малой Азии; начальник племени, хан, сюбаши, постепенно превращается в феодала (мелик — князек, царек) или военного начальника (эмира), т. е. во главе отряда от огузов могло быть лицо, по происхождению уже не связанное с этим племенем.

Конечно, воинов поставляли не только туркменскне племена. Когда в Малой Азии вспыхнуло восстание, руководимое Баба́-Исхаком, султан вытребовал из Малатьи „турок и гермиян" — значит, хроника ясно различает их. Вероятно, это было курдское племя, впоследствии продвинувшееся на запад и образовавшее сильное княжество.

Однако для завоеваний, которые предприняли уже Великие Сельджукиды, племенная конница была недостаточна, и они заимствовали

[1] Ибн-Баттута, II, 322.

войсковую организацию у Саманидов (ср., например, термин „сипехсалар"). У них были уже и отряды для охраны („джандары").

Так было и в Малой Азии. Огузские отряды составляли ядро войска; но скоро войско пополнилось отрядами от феодалов, ведших хозяйство, осевших на земле малоазиатских туземцев (частью сменивших христианство на мусульманство).

Феодал, получая от султана землю, обязан был помогать ему людьми, воинами, т. е. феодал являлся на службу, так сказать, „конен и оружен"; военно-ленная система и заключалась в том, что избавляла государство от заботы о содержании войска.

Упоминание в хронике отряда из города Нигде[1] подтверждает естественное предположение, что феодалам покрупнее жаловались города, а они от себя уже раздавали земли, расположенные вокруг этого города. Сидевшие на земле мелкие собственники подчинялись феодалам, а во время войны объединялись под командой феодала, обладателя города. Каждый город (крупный) с прилежащими деревнями поставлял отряд. Отряды были по величине различны, но они были самостоятельны, и это, конечно, затрудняло маневрирование и руководство операциями во время войны. У отрядов феодалов были и знамена. Было бы интересно знать (хотя, быть может, это и невозможно), не было ли на этих знаменах каких-нибудь знаков, родовых или феодальных.

Были знамена и государственные: черное знамя, напоминавшее о сюзерене; красовался на знамени орел, залетевший к Сельджукидам из Византии, как предполагает румынский историк Братиану,[2] но, может быть, это геральдическое изображение совпало с тотемическими пережитками Сельджукидов. На каком-то знамени Сельджукидов изображался в XIII в., судя по „Сельджукидской элегии" (Selçuk mersiyesi) Садр-ад-дина Коневи, и дракон; это уже говорит о монгольском влиянии — о признании Сельджукидами суверенитета монголов.

На войну отряды являлись со своими начальниками и знаменами. Как видно из указа от 1178 г. х. (вторая половина XVIII в.), отряд в 2 тысячи пехотинцев, из „потомков завоевателей", должен был „распустить сорок знамен", т. е. каждые 50 человек составляли единицу. Поскольку и в эпоху Сельджукидов были „пятидесятники", ясно, что в XVIII в. еще сохранялась у потомков огузов старая организация. „И шли они из Салоник в Грузию вооруженные, с шестимесячным продовольствием от казны, с палатками,[3] и т. д."

Войско Рума, Армении и Диярбекира, т. е. феодальные отряды, поставлялись от областей греческих, армянских и курдских. Цифра вассальных отрядов Сельджукидов (500 тысяч) маловероятна: выходит, будто количество христианского населения в Малой Азии только в два раза превосходило численность тех турецких племен, которые завоевали Малую Азию (от огузских племен шло 270 тысяч человек), это заключение, конечно, обманчиво: для огузов война являлась спортом, и от них, разумеется, шел на войну более высокий процент — все здоровое население.

Еще Низам-уль-мульк, политический руководитель Сельджукидов, советовал брать солдат и от христиан. Соответственно, владетельные христианские царьки поставляли Сельджукидам ежегодно отряды солдат

---

[1] Языджи-оглу Алн, III, 195.

[2] Историю орла на Востоке хотел распутать уже Рамузио. Бесим Аталай полагает, что орел — турецкий герб, см.: Вл. Гордлевский. Из жизни современной Турции. Восток, кн. 3, стр. 206. См. обзор мнений у Фр. Кюмон (Fr. Cumont. Etudes syriennes. Paris, 1917, pp. 35—118).

[3] Ахмед Рефик, цит. соч., стр. 218—219.

(очевидно, из христиан). Так, армянский царь Левон II (побежденный), чтобы сохранить свои владения, обязался поставлять ежегодно тысячу конников и 500 пушкарей, т. е. квалифицированных воинов.

Фактически христиане (армяне) служили потом отчасти и в османском войске, — так говорит М. Лихутин, проведший два года в Азиатской Турции во время Крымской войны.[1]

Но христиане как воины были, вероятно, элементом ненадежным и охотно уклонялись от военной службы. Они вообще откупались от военной службы и вносили налог — „бедель".

Мелкие землевладельцы — владельцы тимаров, т. е. сипахи, шли на войну самостоятельно. Все-таки число их было сравнительно невелико; время тогда было неспокойное, и для безопасности люди держались за сильных феодалов и становились их клиентами.

Во время войны цехи должны были выставлять людей, обслуживавших воинские части, находившиеся в тылу. Порядок, засвидетельствованный для османской эпохи, конечно, заимствован был у Сельджукидов.

В экстренных случаях — так было, например, однажды во время монголов — султан придавал к войску и дворцовые отряды.[2]

В итоге войско у Сельджукидов было пестро по своему составу, но численность его, показанная Ибн-Биби, преувеличена.[3]

Военная подготовка велась слабо. Для военных упражнений и игр (سکو، قیلیچ، چوماق اویناى) устроены были манежи (تعلیم خانه)[4] — военные школы, как хочет понимать это слово Хюар,[5] где обучались дети сипахи и хассеки, т. е. жившие на государственной (или на удельной) земле. Иногда султан производил проверку военных знаний у феодала, — смотр начальствующего состава; но, конечно, все это было недостаточно: масса ускользала от учебы.

Приказы о сборе войска рассылаются, смотря по тому, куда устремлена экспансия Сельджукидов; поскольку в XIII в. напор идет с востока, часто упоминаются обращения к беям Малатьи, Мараша — к беям племен, стоящих на восточной границе государства, на которые и ложатся тяготы похода.

Перед походом войско собиралось часто в Кайсери,[6] „престольном" городе Сельджукидов, представлявшем географический центр государства. Здесь султан устраивал войску смотр. Парады и игры поднимали всегда воинский дух.[7] Когда большой отряд, высланный султаном Ала-ад-дином Кей-Кубадом I на подмогу халифу, подошел к Багдаду — он демонстрировал военное искусство,[8] возбуждая радостное удивление зрителей быстротой движений, джигитовкой, метанием стрел, копий и т. д.

Соблюдая традицию, султан задавал „шилян", и пока у султана была сила, пока военные затеи кончались победами, все шло благополучно.

Развернув знамена, двигалось войско под музыку на неприятеля. Вид орд, их дикие выкрики, „которые могли бы оглушить мертвеца", производили на византийцев потрясающее действие.

Странная музыка, вакхическая, еще со времен султана Санджара (XII в.) играла в день пять раз мотив „санджари" (نوبت سنجرى); на му-

---

[1] М. Лихутин, цит. соч., стр. 44.
[2] Ибн-Биби, IV, 182.
[3] Ф. Кёпрюлю. Selçukiler zamanında Anadoluda türk medeniyeti, p. 215.
[4] Языджи-оглу Али, III, 211—212.
[5] Cl. Huart. Epigraphie arabe, p. 45.
[6] Ибн-Биби, IV, 199.
[7] Языджи-оглу Али, III, 315.
[8] Языджи-оглу Али, III, 217.

зыку, на ее воодушевляющую войска силу, Сельджукиды смотрели как на своего рода молитву и, очевидно, вводя музыку в походный марш, хотели прежний набег кочевников поднять на высоту религиозного подвига.

На перегонах еще Низам-уль-мульк (гл. XXII) советовал заготовлять для войска припасы, чтобы не беспокоить крестьян и не раздражать их поборами, и в этом сказалась большая государственная мудрость везира Великих Сельджукидов, заветам которого должны были следовать и Сельджукиды Рума.

А впереди войска шли разведчики-лазутчики (جاسوس), доносившие командованию о состоянии страны и о неприятельских силах.

У полукочевого народа конница составляла основной род войска. Это была гроза соседей, и гордо повторял турок всегда пословицу: „Где ступит конь турок, там уже не растет трава". Одерживая победу, войско взимало с населения специальный сбор на подковку лошадей.

Не так значительна была пехота.[1] У османцев пехота создана по инициативе везира Ала-эд-дина, старшего брата Орхана (первая половина XIV в.). Были и специальные части, которые действовали во время осады крепостей и городов; пушкарей поставляли иноземные феодалы, у которых техническое оборудование — оснащение — стояло выше.

Вооружены были воины-лучники стрелами (اوق), дротнками (по-персидски — زوبين), копьями (по-персидски — نيزه); мечами (قلج), были, кажется, отряды копейщиков (نيزه‌دار). В мирное время это же оружие употреблялось и для охоты на зверей и на птиц.

Стрелы часто были отравленные, с зазубринами; вонзаясь в тело, они причиняли большую боль при извлечении; и после введения огнестрельного оружия, они еще долго сохранялись у османцев. Насколько они были эффективны во время боя — неизвестно. Ф. Бернье пишет, что „в десять раз больше их теряется в воздухе или ломается о землю, чем попадает в цель".

Для защиты от вражеских ударов воины надевали латы — были „броненосные" воины (по-персидски — زره‌پوش), были, конечно, и щиты (قلقان). Оружие военное хранилось в складах-арсеналах (زرد خانه).[2]

Пускались в ход и камни, „живой огонь", „греческий огонь", стрелы, или снаряд черха[3] (по-персидски — تير چرخ), откуда в „Слове о полку Игореве" — „шерешир".[4]

Вообще оружие было местного изготовления; но кто был побогаче или служил в придворной гвардии, у того оружие было привозное; луки и стрелы были дамасские и „ташские" (т. е. из Ташкента), мечи — „из Йемена и Индии".[5]

Как могло быть вооружено феодальное войско, — это видно из описания Б. де-ля Брокьера первой половины XV в.: из 120 тысяч воинов султана Мурада II половина — конница — была вооружена, пехота же была плохо экипирована, у большинства были одни только палки. Часть войска, отряды феодалов побогаче, конечно, технически были оснащены лучше.

При несовершенстве военного снаряжения столкновения между сторонами происходили на небольшом расстоянии — был обычен, стало

[1] Ибн-Биби, IV, 183. — Ср. соображения Ф. Кёпрюлю (Bizans müesseselerinin tesiri, p. 244, not. 1), основанные на указаниях Низам-уль-мулька (гл. XIX).

[2] Ибн-Биби, IV, 223.

[3] Снаряд состоял из железной трубки, наполненной порохом.

[4] Толкование, предложенное П. М. Мелиоранским (см.: ЗВО, т. XIV, стр. XXIII; Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. VII, стр. 299—301); эта этимология была принята и Ф. Е. Коршем.

[5] Ибн-Биби, IV, 383.

быть, рукопашный бой и даже единоборство. Так, сложился у турок, у огузских племен, тип алпа и бехадура — богатырей, личная доблесть которых решала бой.

И даже султаны, забывая высокий сан, охотно вступали в единоборство. Находясь в эмиграции в Византии, султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I вызвал на поединок дерзкого франка, оскорбившего императора; он, может быть, и погиб потом на войне в единоборстве с франком. Охотно выходили на единоборство и люди (вельможи), между которыми раньше были личные столкновения или вражда,[1] — здесь действовал, может быть, закон кровной мести.

Алпы и бехадуры были как у правого крыла, так и у левого крыла, т. е. они представляли как бы специальные отряды, кидавшиеся в бой в решительный момент. Хроника отметила подвиг одного конийского сипахи, салора Йолук Арслана, в мусульманстве Хусам-эд-дина, первым взобравшегося на стены Антальи.

Уклоняясь от сражения в открытом поле, неприятель охотно укрывался за стенами города или крепости. Окруженная стенами, твердыня легко выдерживала осаду неприятеля. Перед стенами выкапывали рвы. Эвлия-челеби, описывая теккэ Сары-Салтука в Румелии (XVII в.), говорит: „поскольку крепость расположена на крутых скалах, — рва нет".

Для осады крепости еще Сасанидами выработаны были правила и советы, нашедшие отражение в „Айин-намэ"[2] и использованные, вероятно, Низам уль-мульком.

Подойдя к крепости, войско обрывало связь между жителями и внешним миром и старалось открыть брешь, чтобы ворваться внутрь. Для этого употреблялись различные осадные орудия: катапульты (منجنيق) и осадные машины (عرادات).[3] Во время осады Антальи перед городом было установлено 100 катапульт, разбивавших стены камнями. Характерно, что даже доставку сложных сооружений султан перелагал на феодалов: в письмах, рассылаемых перед войной беям и бейлербеям, он напоминал им и о катапультах.

Население предвидело осаду, в городе уже заранее собирались большие запасы провианта — зернового хлеба сорок „домов", т. е. амбаров, девять „амбаров" меда, масла, миндаля и соли, склады дров; в цистернах, наполненных водой, волны ходили, как в море,[4] — так, например, приготовилась к осаде крепость „Кугуния" (около Антальи).

Но военным действиям султан предпочитал другие средства. Он старался воздействовать на психологию населения. Так, например, перед крепостью выставлялись на страх врагам головы пленных. Зная от лазутчиков, как трудно овладеть Синопом, он заковал Кир-Алексиса; палачи подвели его к стенам города и, поставив вниз головой, начали мучить. Жители были подавлены зрелищем и согласились на сдачу.[5] Здесь затронуто было верноподданническое чувство.

Султан также наносил материальный ущерб горожанам (феодалам), у которых было пригородное хозяйство, и сжигал поля, сады, виноградники. Как видно, это был обычный прием во время войны. Пригородными садами население очень дорожило. Когда Амид в 637 (1239) г. сдался Сельджукидам, султан даровал милость населению города: сады были освобождены от уплаты казенных повинностей.[6]

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 116.
[2] К. Иностранцев, цит. соч., стр. 49.
[3] Языджи-оглу Али, III, 234.
[4] Языджи-оглу Али, III, 393.
[5] Языджи-оглу Али, III, 134.
[6] Али Эмири. Osmanlı vilâyati şarkiyesi. Istanbul, 1918, p. 56.

Или, наконец, султан подкупом склонял крепость к сдаче, и это было нетрудно: хотя в крепости был комендант, начальник гарнизона, однако отдельные участки крепости — командование башнями, бойницами и т. д. — поручалось особому лицу, и здесь открывался широкий простор для измены.

Так, почему-то недовольный, обойденный или обозленный, соблазненный золотом, курд Ибн-Динара во время осады Амида послал к султану людей и, выговорив условия, поднял к себе в башню воинов, которые изнутри открыли крепостные ворота.[1]

Часто случалось и так, что, приходя в отчаяние, не получая помощи от союзников или соседей, крепость отправляла к султану парламентеров для переговоров о сдаче. Все равно гибель была неизбежна, и разорению страны жители предпочитали добровольное подчинение; добровольная сдача, согласно шариату, избавляла от насилий и грабежа.

Условия сдачи были различны: иногда разрешался вывод женщин и детей, или население все, целиком, уходило из крепости. Может быть, это было иноверное, немусульманское, население, опасавшееся эксцессов со стороны воинов, а вероятнее, здесь действовало „международное" право, соблюдавшееся и христианами, и мусульманами.

Из мести начальнику крепости султан запретил однажды продавать ему верховых лошадей, и до границ он был отнесен воинами на щитах.[2]

Теперь над крепостью развевалось уже знамя Сельджукидов; назначался комендант, и начиналась реставрация крепости — ремонт стен, разрушенных во время боев.

Войско, отягченное добычей, возвращалось домой. Султан распускал его до нового похода.

А воины на радостях жертвовали от себя часть добычи Аллаху. Так, в Конье в 607 (1210) г. выстроена была мечеть „Акынджи"; может быть, ее выстроил какой-нибудь приграничный бей, нажившийся во время „налетов".

Бехадуры и алпы, проявившие на войне подвиги или уничтожившие неприятельский отряд, награждались султаном; к шее лошади подвязывали „кутас" — хвост яка, вделанный в золотые украшения, — так „алпы" выделялись среди рядовых воинов.[3]

Всюду рассылались „реляции о победах" (فتح نامه) — прием, усвоенный сразу же османским султаном Орханом.[4] Это была своего рода политическая пропаганда: предупреждая распространение ложных или нежелательных слухов, султан наводил страх на врагов, думавших о восстании, и радовал друзей, колеблющихся или слабых.[5]

Народная песня красочно изображает всегда впечатление, производимое несчастьем, когда „друг заплакал, а враг мой стал смеяться".[6]

Для охраны порядка внутри государства нужна была тоже постоянная военная сила (состоявшая на жалованье). По всей стране расквартированы были войска, подчиненные „начальникам войска" (سرلشكر، سوباشى).[7] Войска оберегали округу и от вторжения непрнятеля; в городах и крепостях они несли полицейскую, караульную службу, занимали посты по дорогам — в караван-сараях, ущельях и т. д.

---

[1] Ибн-Биби, IV, 224.
[2] Яныджи-оглу Али, III, 198.
[3] Яныджи-оглу Али, III, 211.
[4] J. Hammer, G. O. R., I, 148—149, 586—587.
[5] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 273.
[6] Fr. Giese. Erzählungen und Lieder, pp. 59, 62, 72.
[7] Под „сюбаши" подразумевался, вероятно, начальник войскового отряда из племени (а может быть, и непосредственный начальник племен), под „серлешкером" — начальник феодального войска.

После нашествия монголов (а вероятно, еще и во время Сельджукидов) военные отряды расквартированы были и на рудниках: по крайней мере, Шереф-эд-дин Хатыр-оглу (соперник, устраненный Муин-эд-дином Первана) был захвачен „кутвалом" Булгар-мадена (где и в начале XX в. происходило кустарное добывание руды).

Для населения это было тяжелое бремя: действуя заодно с феодалами, воинские части выколачивали налоги и повинности, обирали ремесленников и крестьян и т. д.

Начальникам крепостей, комендантам (دیزدار), вверялись также и государственные преступники: они отвечали за них, и в случае бегства или исчезновения наказание, предназначенное заключенному, падало на коменданта.

За время смут значение крепостных гарнизонов возросло; они понимали, как много зависит от них, и бесчинствовали. После падения Сельджукидов, когда в Конье хозяйничал Караман-оглу, во главе крепости стоял „вор кривой" по имени Кылыч-Бехадур, командовавший отрядом в сто человек из „бесстыжих" турок.[1]

Для сопровождения посольства, которое направлялось в столицу к султану, для защиты посольства от посягательства или насилий на пути, почетный конвой отбирался из войск, стоявших на границе: это входило в круг обязанностей приграничных беев.

Словом, войско у Сельджукидов было ненадежно; система изжила себя. По мере того как обстановка в Малой Азии усложнялась, старый воинский порядок, принесенный огузами из Средней Азии, падал. Это была уже не регулярная армия, а скорее сброд, подталкиваемый вперед одной мыслью о грабеже. Разложение охватило и отряды феодалов; большая спайка наблюдалась все-таки еще у приграничных беев, куда феодальный строй проникал медленнее; как последнее средство во время крестьянских волнений, султан вызвал войска с границы государства, из Эрзурума, и только тогда одолел Баба-Исхака.

К концу XII и к началу XIII в., когда на побережье Средиземного моря появились западноевропейские бароны (засевшие в замках), султаи завел у себя наемные (اجرخور، اجری‌خوار)[2] отряды из франков; эти отряды встречаются всюду (в Арране служили грузины и франки); вообще наемные отряды появились раньше там, где, как, например, в Эдессе господствовали франки-крестоносцы.[3]

Впрочем, франкских воинов Сельджукиды могли узнать и раньше. Франкские отряды находились давно на службе византийских императоров, они давно напрашивались и к Сельджукидам. Так было, например, в конце XI в. (в 1072 г.), когда предводитель норманнской дружины (Урсель) перешел на сторону Тутука. Султан познал их преимущества, когда видел у себя отряды, выставленные вассалами-христианами.

Наемные солдаты были, впрочем, не только из иноземцев, но и из турок. Крупные феодалы, заботясь о личной безопасности, также содержали наемные отряды, на которые только они и могли полагаться: как только Сахиб Шемс-эд-дин отослал на границу свой отряд для усмирения волнений, противники воспользовались удобным случаем и убили его.

Желая показать халифу, молившему о помощи, силу, — султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I снарядил отряд в 5 тысяч человек, вооруженных кинжалами (خنجر کذار). Алпов и бехадуров, набранных в „румских стра-

[1] Афляки, II, 374. — В тексте игра слов: دیزدار (начальник крепости) и دزدار (вор, достойный виселицы).

[2] Ибн-Биби, IV, 301. — См. также: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 247.

[3] Языджи-оглу Али, III, 199.

нах", а также из турок, превратившихся в Малой Азии у Сельджукидов в богатых феодалов, сопровождали слуги (по пять человек). Отряду, находившемуся на жалованье, даны были еще „прогонные" (يول نفقه‌سی) — 10 тысяч акча, годичные запасы; отобраны надежные и храбрые начальники.[1] Как это далеко от прежних отрядов из огузов!

На выдержку и стойкость наемных отрядов из франков султан надеялся больше, чем на феодальное войско. Содержание их обходилось дорого, но зато было спокойно.

Это хорошо понял султан. Хроника говорит, что в сражениях доморощенные недисциплинированные войска несли большие потери; так, однажды со стороны султана был убит всего один франк, тогда как у противника погибло множество воинов и еще пленено было 700 человек.[2] Франки в бою занимали первые ряды; так удерживали они феодальные войска от бегства перед неприятелем.

Первое известие о франках у Сельджукидов Рума появляется во время крестьянского восстания, оформленного Баба-Исхаком. И, может быть, потому-то и двинул султан франков на мятежников; он боялся, что ленное войско, набранное частью из обездоленных крестьян, могло поддаться на пропаганду и примкнуть к бунтовщикам.

Впрочем, надежда султана на франков скоро разбилась: у султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II был (в 1243 г.) наемный отряд в 2 тысячи человек, во главе которого находились христиане — киприот и генуэзец.[3] В битве у Кёсэ-дага, как говорят европейские источники, франкские солдаты бежали первыми.[4]

В послемонгольский период организация войска получила окончательное завершение — учреждается и должность „войскового судьи" (قاضی لشكر).[5]

Таким образом войско, его смешанная феодально-племенная организация говорит о длинном пути, проделанном Сельджукидами в Малой Азии.

Завоевание Малой Азии совершила огузская конница. Огузские племена, охранявшие границы государства, поставляли конницу; конница пополнялась впоследствии отрядами от феодалов и ленников, получавших от султана земельные участки — тимары и зеаметы.

Наряду с „переделом земли" в Малой Азии сохранилось и туземное свободное крестьянство; оно испокон веков продолжало жить на дедовских клочках земли, и во время войны и походов из него создавалась пехота.

Но экономическая сила феодала увеличивала его политическое значение; децентрализаторские наклонности феодалов, их естественные стремления к самостоятельности и независимости снижали надежность феодального войска.

И султаны, давно уже подражая Сасанидам, окружали себя охраной из горных воинственных племен.

К огузам-туркменам у Сельджукидов было какое-то двойственное чувство. Они помнили слова Низам-уль-мулька о ненадежности туркменского элемента. Однако мудрый везир понимал, что было бы тоже опасно игнорировать туркмен, и в главе XXVI „Жизнеописаний царей" рекомендует отбирать из них, из сподвижников и старых боевых товарищей Сельджу-

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 265—266.
[2] Ибн-Биби, IV, 195.
[3] C. D'Ohsson, op. cit., III, 80—81.
[4] Le Beau. Histoire du Bas Empire. Nouvelle édition, t. XVII, Paris, 1834, p. 357, not. 1. См. также: C. D'Ohsson, op. cit., III, 81.
[5] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 198, not. 1.

кидов тысячу детей, которые, будучи воспитаны, как гулямы, представляют надежную опору султана.

Однако в противовес огузской знати Сельджукиды набирали наемные отряды из франков. Эти отряды зависели от султана; от него шло им жалованье, и только ему они и повиновались, равнодушно взирая на внутренние споры и раздоры феодалов; на франков султаны могли опереться уверенно, не опасаясь измены.

Возможность выплаты жалованья, т. е. наличие в государственной казне денежных средств, указывает уже на падение натурального хозяйства.

Глава XV

Двор Сельджукидов. — Византия. — Иранское влияние на придворный церемониал и придворные чины. — Отзвуки огузских обычаев. — Гарем.

Сын вольных степей, султан и в Малой Азии хотел поддерживать старые огузские обычаи: на шиляне, в диване, на охоте — везде соблюдал он тюрэ — обычное право огузов. А вечером, отдыхая после дел или военных игр, он уединялся у себя во дворце — в „халвете" и, собрав близких людей, бражничал. Но это было только на первых порах.

Уже в Средней Азии Великие Сельджукиды приобщились в XI в. к иранской культуре. Получая инвеституру от багдадских халифов, они воспринимали представление о государе, как о существе надземном.

У арабов, наступавших на Византию, давно Малая Азия превратилась в Рум („Рим" — Восточная Римская империя). И Рум получал двойное значение; с одной стороны, это — области, уже занятые Сельджукидами, а с другой — малоазиатские владения Византии:[1] султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I совершает поход на области Рума никейского императора Ласкариса — в Алашехир[2] (Филадельфия). И долго потом наследница Сельджукидов Турция сохраняла в Средней Азии имя „Рум".

Рум Сельджукидов наследовал и формы Восточной Римской империи. На придворном быте, на складе придворной жизни Сельджукидов Рума отразились также блеск и пышность византийского двора,[3] и это преобразование совершалось тем легче, что часто султаны проводили годы изгнания или скитаний у византийских императоров или видели у себя в Конье византийских вельмож, беглецов или гостей.

Так, охвачены Сельджукиды Рума культурой — с востока (принесенной ими из Средней Азии) и с запада (воспринятой в Малой Азии от Византии).

От сородичей-огузов султан отдалился; родственные, племенные связи рвутся. Наносная культура, заимствованная у иранцев, возвысила султана над тюрком, и не только султан, все общество, светское и духовное, все феодалы в Малой Азии презирали тюрка. Слово „тюрк" у Афляки вызывало мысль о наивном, низшем существе.

У Сельджукидов было пристрастие к древнеиранским именам, напоминавшим о „Шах-намэ". Для подданных султан незрим; между ним и подданными — спускается во дворце „занавес" (по-персидски پرده), а когда султан идет, над ним, как над древнеиранским царем, несут „зонт" (چتر),[4] и, завидя уже издали „зонт" султана, почтительно сходят с коней вельможи и князья — вассалы.

---

[1] Рум сопоставляется или противопоставляется Сирии (روم و شام بکاری), см.: Явыджи-оглу Али, III, 311.

[2] Явыджи-оглу Али, III, 87, 88.

[3] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 269.

[4] Зонт входил уже в XI в. в придворный египетский церемониал, см.: Насири-Хусрау. Книга путешествия, стр. 117. — Восточный церемониал — торжественное

Султан недоверчив и подозрителен, ему страшно во дворце, и, подражая халифу, узнику престола, он завел у себя иноземную стражу. Он читал об этих телохранителях у Низам-уль-мулька, он видел потом эту стражу и у византийского императора в Константинополе.

Набранные в прикаспийских областях пленники, купленные рабы — все эти „гулямы", „огланы", „муфреды" и т. д. издавна представляли у турок отборное войско; хорошо вооруженные, они, собственно, оберегали особу султана (خاصه عسكرى), их численность была от четырех до пяти тысяч. Было еще две сотни гвардии — рослых, красивых молодцов: сотня — из Хорасана и сотня — из Дейлема, составленные по совету Низам-уль-мулька (гл. XIX), который регламентировал и ношение ими оружия.[1] Нехотя должен был султан держать около себя и тысячу огузов-гулямов.

Когда султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, встреченный вельможами в Обруке,[2] ехал на верблюде в престольный город, по бокам шли 500 „серхенгов" (начальников) и „бёлюкбаши" (начальников рот) из „русских" (вероятно, это были варяги или кипчаки), грузин, курдов, дейлемцев,[3] джурджанцев, казвинцев, румцев (малоазиатских христиан-греков), гурийцев (афганское племя) и т. д. От них пряталась смерть; ангелы, вопрошающие человека после смерти, как образно говорит Ибн-Биби, бежали от этих молодцов-иноземцев: они „наводили ужас своим видом на Мункара, а действиями — на Некира". Сто двадцать человек вооруженных (جاندار) шли с правой и с левой стороны, за поясом у них свешивались золотые сабли. Выкрикивая „сторонись"! (صاولك), они разгоняли перед султаном народ.

А когда султан в „благословенный час" вступил в город, беи и вельможи сошли с коней; „шенкмейстер" (شراب سالار) подоткнул полы за пояс, надел на голову шапку „кейкубади" (попросту, вероятно, шапку иранского образца) и повел под уздцы коня султана-„миродержца" — повторилась сцена интронизации халифа Великим Сельджукидом Тогрулбеком.

Пышный церемониал встречи занесли Сельджукиды в Малую Азию из Средней Азии; в Иране он сохранялся веками. М. Лихутин описал в середине XIX в. торжественную встречу, устроенную начальнику отряда в Макинском ханстве. Между прочим, перед почетными гостями шли в деревне Базырган 70 слуг Алихана, несших длинные трости; это были, очевидно, „чубдары" (چوبدار) или „дурбаши" (دوربأش).[4]

У трона во дворце стояли „чауши" и „дурбаши",[5] с дротиками, дубинками и „чоуганами". А сзади на „счастливом престоле", на „месте почтенных прародителей" (جاى آباى كرام),[6] в „шапке иранских царей" —

шествие под зонтом проникло из Византии в русские былины; когда Дюкова мать идет из церкви, девушки несут над ней огромный подсолнечник „сорока сажен". — О церемониальном „зонте" на Востоке библиография собрана у К. А. Иностранцева (Торжественный выезд Фатымидских халифов. ЗВО, т. XVII, стр. 68—71).

[1] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 242—245. Для дворцовой охраны существовали различные термины (выражавшие, вероятно, и различные функции), так Ибн-Биби (IV, 182) говорит о مفارده حلقهٔ خاص و غلامان دركاه و ملازمان يتاق, см.: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 243; يتاق اوطاق — палатка султанская, там же, p. 244, not. 3.

[2] Fr. Sarre. Reise in Kleinasien. Berlin, 1896, pp. 74, 75.

[3] Дейлемцы выдвинулись уже давно; так, когда Насирн Хусрау (в XI в.) был в Басре, там эмиром был дейлемит, одновременно управлявший и Фарсом.

[4] М. Лихутин, цит. соч., стр. 248.

[5] Cl. Huart (Афляки, II, 230) почему-то слову دوربأش придает значение не лица, не полицейского, а „палки, которой отгоняют толпу". — „Дурбаши" находились в распоряжении придворного палача, см.: В. Бартольд. Туркестан, ч. II, стр. 237. — О „дурбашах", см. еще: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 213.

[6] Ибн-Биби, IV, 251.

Ахемеидов (تاج كيانى), — как было потом и у Каджаров, — сидел, отделенный от подданных занавесью, султан. Это было божество, спустившееся к людям на землю, и лицезреть его — высокая честь для подданных; он взирает на них, как на „рабов" (قول), и так величают себя даже высшие сановники.[1]

Дворцовая охрана — оруженосцы и рынды (جانبدارلر سلاحدارلر), телохранители султана, вооруженные дамасскими и ташскими луками и щитами с золотым кружком, молотами, всегда готовые, „пролить кровь государевых изменников".

И двор — дворцовое ведомство — устроено у Сельджукидов на иранский манер. Формально оно выделено из общего аппарата, и уже одно это говорит о высоком все-таки развитии правовых норм. Понятия „диван" (ديوان) и „дворец" (دولتخانه بارگاه) строго различаются, равно как и „секретари дивана" (ديوان منشيلرى) — секретари гражданского управления и „секретари дворцовые" (بارگاه منشيلرى) — дворцовая канцелярия.

Сюда входили: кухня (مطبخ) — за ней наблюдали „мюшрифы" (مشرف); арсенал (جبه خانه); гардеробная (جامدارخانه جامه‌خانه) — там лежали ткани, халаты и т. д., раздававшиеся султаном при назначениях на должность; „умывальня" (طشت خانه);[2] манеж (ركيب‌خانه); конюшня (اصطبل) — „франкский" термин („истабл" — étable) указывает как будто на иностранную организацию конюшенного управления; охота дворцовая (شكارخانه); кладовая (انبار) — все это подсобные разделы дворцового хозяйства, управляющиеся высокими должностными лицами. Так, например, еще в конце XIII в., как известно из Афляки, под началом Туманбая (отвозившего монгольскому хану белого кречета) находились сокольничьи.[3] Был еще „отдел питьевой" (شرابخانه) — здесь сосредоточены были не только напитки горячительные (вина),[4] но и прохладительные, даже простая питьевая вода. Так, когда султан Изз-эд-дин Кей-Кавус I заболел в Вираншехире, ему из Евфрата доставлялась вода.[5]

Было еще „удельное ведомство" — управление, ведавшее доходами с личных имений султана (خزانه خاص).[6]

Всем интересовался султан, сам следил он за работой каждого; все, очевидно, были на жалованье, и тем секретарям или счетчикам („бухгалтерам"), кто проявлял искусство, султан увеличивал жалованье.[7]

Велик и разнообразен был штат придворных чинов; быть может, он изменялся временами: должности упразднялись или переименовывались. Иногда трудно определить функции вельможи — они как-то смешиваются и расплываются.

Во главе дворца находился „эмир дворца" (اميربار), он рассаживал на пиру гостей. „Отведыватель пищи" (چاشنيكير), прислуживавший во время „шиляна", стольники (خوان‌سالار), виночерпии (شراب سالار) — все это были доверенные лица султана, часто греки; они слышали (и подслушивали) интимные разговоры на пиру и потом выдавали и продавали хозяев тому, кто им за это платил. Были еще шталмейстер (ميرآخور),

[1] Языджи-оглу Али, III, 308.

[2] Но и здесь хранился гардероб; так понимал слово طشت‌خانه уже Маркизи, см.: Cl. Huart. Les saints des derviches tourneurs, t. I, p. 22, note 1.

[3] Афляки, II, 310.

[4] Теперь شراب и значит „вино".

[5] Языджи-оглу Али, III, 183.

[6] В. Смирнов, цит. соч., стр. 84.

[7] Языджи-оглу Али, III, 210—211; был и „секретарь удельного ведомства" — удельных земель (منشى خاص), см.: Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 201, not. 3.

„спальники" — хаджибы (حاجب),[1] наконец, звездочеты (منجم), которые составляли гороскопы; предсказывали и указывали султану „благословенный час" для исполнения задуманного дела.[2]

И хотя хадис предупреждал, что „астрологи налгали, клянусь господином Каабы", роль придворных звездочетов была всегда и всюду велика; они предсказывали наступление политических смут и могли, таким образом, оказывать давление на государя, находившегося в постоянном страхе.[3] Еще в XX в. придворный астролог в Иране пытался подсказать Мохаммед-Алишаху благоприятный час для вступления на престол.

Необходимым придатком придворного штата на Востоке был врач, может быть, еще и поэт или шут. Султана нужно было потешить и развлечь, вести литературную беседу, когда он хотел изобразить из себя мецената; а когда он хворал, во-время пустить кровь или дать медикаменты.

Во время болезни у постели султана собирается консилиум из „знаменитейших докторов Запада и Востока"[4] — врачи, установившие „медицинский канон"; могущественные феодалы исполняют обязанности слуг — так, эмир Каратай держит над султаном во время операции таз.[5] Часто врачи эти были из греков или евреев; искусством заслужили они большую славу. В XIV в. в Бирги был врач-еврей, перед которым почтительно вставали „кадий и факих" (ученый богослов) и который садился на эстраде напротив султана. Когда увидал это Ибн-Баттута, он был поражен и открыто выразил возмущение.[6]

Организация двора, как указывает и обилие персидских терминов („чашнигир", „салар" — начальник и др.), сохранила иранские элементы, но ряд чинов был взят Сельджукидами и у византийцев. Когда в Константинополе гостили турки, византийские императоры охотно жаловали им высокие титулы. Так, в хронике — уже в монгольскую эпоху — встречается Фахр-эд-дин Севастос.[7] Конечно, это мог быть и грек-ренегат, сохранивший прежний титул *σεβαστός* — augustus. И, может быть, слыша часто в Византии слово „кайсер", Сельджукиды у себя раздавали феодалам этот титул,[8] превратившийся как будто не то в имя, не то в прозвище. Одного из сыновей султана Кылыч-Арслана I звали Муизз-эд-дин Кайсаршах, и здесь как будто встречается раннее указание на двойное влияние — византийское (заимствование титула „цезарь") в иранское (титул „шах"). Среди придворных, часто занимавших высокие посты, были иранцы, это видно уже и из фамильных прозвищ: Тебризи, Исфагани, Хорасани, Симнани, Термези, Туси, и т. д.; как противоположение „турку", для иранца употребляется термин „таджик".[9]

Еще многочисленнее были низшие дворцовые служители: дежурные (دوبتی); слуги при занавеси (پرده دار) — „пердедары", — они, должно быть,

---

[1] Ср., впрочем, Мюкримин Халиль (op. cit., p. 78): „хаджиб" — начальник над специальными воинами, именовавшимися مملوك „мамлюк", т. е. набиравшимися из рабов гулямов.

[2] Языджи-оглу Али, III, 136.

[3] Ф. Бернье, цит. соч., стр. 154—156 (интересные наблюдения над астрологами Великих Моголов).

[4] Языджи-оглу Али, III, 310.

[5] Языджи-оглу Али, III, 311.

[6] Ибн-Баттута, II, 305.

[7] Ибн-Бибн, IV, 264.

[8] См. по указателям к Ибн-Биби, Языджи-оглу Али и Афляки.

[9] Языджи-оглу Али, III, 120. — Армянами прежде термин этот применялся вообще к кочевым народам. Матфей Эдесский так называет мусульман (и персов, и туркмен), а турки впоследствии под таджиками разумели оседлые поселения мусульман, безразлично, будь то арабы, персы или турки, см.: E. Dulaurier. Récit..., p. 78.

занимали внутренние покои султана и были подчинены особому эмиру (امیرپرده‌داران),[1] „дворцовому коменданту"; „хассеки" (خاصه‌کی); „ферраши" (فراش); может быть, и „огланы" (اوغلان) — в хронике Ибн-Бибн употребляется термин „гулямы" — исполнявшие поручения султана; „луноликие" невольники-юноши, красавцы, обносившие гостей за пиром водами и винами; привратники (قپوجی) и др.; но у них были и начальники, например, начальник дворцовых привратников (قپوچی‌باشی خاص).

Для всей этой дворцовой стражи (и челяди) был термин „хаваши" (خواشی).[2]

Действовала дворцовая стража по особому распорядку — „по закону султанской палатки" (بر قانون اوتاق).

По примеру султана и у феодалов была стража — вооруженная охрана, следовавшая по пятам за своим господином, даже во дворец султана; все они или только часть носили сафьяновые сапоги (سرموزه دار).[3]

Полный сбор был во время пира, на котором соблюдалось строго местничество; беи огузских племен садились в порядке, предписанном тюрэ; вероятно, регламент был и для остальных гостей.

Накрывалось два стола по бокам, а посредине было возвышение (صدر) — эстрада, на которой сидел султан и, может быть, избранные гости.[4] Так сидели на пиру и монголы, например, хан Хубилай;[5] так вообще сидели, должно быть, на пиру хозяева, во всяком случае, мевлеви, задававшие в Конье тон: Султан-Велед, позвавший к себе на ужин сына, поднялся на эстраду и наблюдал.[6]

Зал был залит огнями; горели серебряные подсвечники; и если потом, в XIV в., великолепие удельных князьков или ахи поражало Ибн-Баттуту, то, конечно, обстановка дворца Сельджукидов была еще более пышной. На столах была богатая сервировка — фарфор, золото и серебро.

Разнообразны и изысканны были кушанья, подававшиеся на пиру: баранина, куры, дичь, голуби, куропатки; запивали вином, шербетом; но были и национальные огузские блюда и напитки.[7] Одежда (ساق) слуг-виночерпиев, красотой превосходивших красавиц Кандагара и Хеллуха, сияла золотом и серебром; на головах у них были златотканые „скуфьи" (اسکوف) или белые или красные шапочки (توك),[8] словом, Сельджукиды переняли и от Византии блеск двора.

Играла музыка — оркестр: литавры (نقاره کوس), трубы (نفیر بوغو), зурна (صورنا), арфа (چنگ), лютня (رباب), барабан (طبل) и т. д.;[9] здесь, несомненно, влияние иранской культуры.

Певцы в богатых одеждах — „озаны" (اوزان)[10] и „кобзари" (قپوز چی) — играя на „тамбуре" (домре) и „кобузе", слагали застольные песни о завоевании городов, о подвигах бехадуров,[11] вспоминали о старых огузских героях, — это был обычный репертуар, сохраненный и казахскими бахши, воспевавшими бои, восстания и т. д.

Были также рассказчики — очевидно, это „меддахи", распевавшие религиозные песни-поэмы; „каввалы" и т. д.

---

1 Ибн-Биби, IV, 113.

2 Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 246, not. 2.

3 Ибн-Биби, IV, 113.

4 Ибн-Баттута (II, 268) отмечает, очевидно, как исключение, что султан Эйридира сидел на ковре, разостланном на земле, на полу, а не на эстраде.

5 D'Ohsson, op. cit., I, 638.

6 Афляки, II, 398.

7 Языджи-оглу Али, III, 204.

8 Языджи-оглу Али, III, 206.

9 Перечисление музыкальных инструментов дано у Ибн-Биби (III, 217).

10 Языджи-оглу Али, III, 206.

11 Языджи-оглу Али, III, 359, 366.

Верхушке общества понятно и близко было народное творчество, умевшее откликаться на злобы дня.

Турецкие поэтические традиции, потомками забытые, во время Сельджукидов, этих поклонников иранской культуры, были все-таки крепче, чем у османских султанов; об этих традициях хорошо еще помнит „Книга Коркуд-дедэ", передающая старые богатырские нравы.[1] Б. де-ля-Брокьер, примкнувший в Эдирнэ к миланскому посольству, также наблюдал певцов-музыкантов, воспевавших военные подвиги турецких героев.[2]

Картину дворцового пира Языджи-оглу Али перенес ретроспективно, очевидно, со двора султана Мурада II. И, может быть, „головной убор" — скуфья придворных пажей попала в хронику тоже из турецкой эпохи: ее ввел в моду, „изобрел" султан Мурад II.[3]

Поскольку героические сказания, вошедшие в „Книгу Коркуд-дедэ", снова записаны, частью, от армянина в Бейшехри,[4] — это тоже как будто довод, позволяющий предполагать большое значение певцов-армян в эпоху Сельджукидов.

Как наблюдал в XIX в. М. Лихутин в Баязиде, репертуар певцов был обширен; они распевали в кофейнях о подвигах Рустема, героя „Шахнамэ", но, легко вдохновляясь моментом, воспевали также подвиги русского оружия или постыдное бегство турок.[5] И эта „готовность служить и льстить всем властям, какие пошлет им Аллах", укрепляет предположение об иноземном происхождении певцов. Я продолжаю все-таки думать, что институт озанов заимствован Сельджукидами от армян.[6]

Пение, рассказы сопровождались разными играми. Так и в Византии славились фокусники Сельджукидов — любимое развлечение султанов, часто приближавших к себе искусников. Во время пребывания султана Кылыч-Арслана II у императора Мануила перед зрителями летали фокусники — очевидно, они выделывали сложные акробатические иомера.[7]

Восторженно внимая восхвалению героев-победителей, двор охотно смотрел, как представляли незадачливых противников. Анна Комнин рассказывает в „Записках" („Алексиаде"), как разыгрывались в Конье, в столице султана Кылыч-Арслана II, шутки, высмеивавшие перед „варварами" ее отца — подагрика, императора Алексея. Греческий исследователь Скарлатос хотел видеть здесь раннее (от середины XII в.) указание на теневой театр у Сельджукидов Рума. Но, как заметил уже профессор Г. Якоб,[8] из слов Анны Комнин трудно вывести это предположение. Во всяком случае — это зародыш народного политического фарса, который возникает по свежим следам события.

На пирах часто раздавалась и иноземная речь — к персидскому языку прибегали как будто и тогда, когда нужно было скрыть что-нибудь от посторонних.[9]

---

[1] Общая характеристика памятника, см.: В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ. Язык и литература, т. V, 1930, стр. 1—18.

[2] Б. де-ля-Брокьер, стр. 584.

[3] А. Расим. Osmanlı tarihi. Istanbul. 1328—1330, II, 308.

[4] Варианты печатались в журнале „Ülkü" (1938, № 1 и сл.).

[5] М. Лихутин, цит. соч., стр. 126—127.

[6] Вл. Гордлевский. Происхождение османского слова „уэан". Ученые записки Института народов Востока, М., 1930, стр. 229—231. — См. также: В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 9, прим.; H. Zübeyir I. Rifat. Anadilden derlemeler. Ankara, 1932, p. 297 (современное значение слова ozan).

[7] N. Jorga. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I. Gotha, 1909, p. 103.

[8] G. Jacob. Die türkische Volkslitteratur. Berlin, 1901, p. 37.

[9] Ch. Schefer. Quelques chapitres de l'abrégé du Seljouk-nameh. Recueil de textes et traductions publiés par les professeurs de l'Ecole des langues orientales vivantes, t. I, Paris, 1889, p. 8.

Литературным языком был, конечно, язык персидский, и все написанные на этом языке сочинения предназначались для верхушки общества; но то немногое, что сохранило время, представляет большое историческое значение: хроника Ибн-Биби, Аксараи, мемуары Афляки; и даже сановники, переметнувшиеся к Сельджукидам от Византии, писали по-персидски; так, Хасс Огуз, родом грек, нарочито желавший подчеркнуть близость к туркменам, составил трактат „Munazarai çenguşarap" („Спор между лютней и вином").

Вообще элементы мусульманской культуры, шедшей из Ирана, резко проступали у Сельджукидов. В Малую Азию устремились из Ирана поэты, ученые. Султан, царевичи, феодальная верхушка хорошо знали персидский язык, сочиняли стихи по-персидски; поэты и ученые Ирана слагали в их честь касиды, посвящали им сочинения[1] и т. д.; в конце XII в. поэты писали по-персидски панегирики сыновьям султана Кылыч-Арслана II, — очевидно, царевичи были грамотны и ценили персидскую литературу.

В Малой Азии хорошо была знакома и поэзия Низами, уроженца Ганджи (в Азербайджане). Поэму „Махзан-уль-эсрар" — первую часть „Пятерицы" — Низами посвятил владетельному князю Эрзинджана Фахр-эд-дину Бехрамшаху, свойственнику Сельджукидов. Польщенный увековечением имени, Мангуджакид щедро одарил поэта. Но и двор Сельджукидов тоже, очевидно, ценил поэму, по крайней мере, Ибн-Биби подробно говорит обо всей этой истории.[2]

Даже султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, поклонник тюрэ, сочинял персидские стихи („рубаи"). А когда он реставрировал (в 1222 г.) стены вокруг Коньи, он приказал высечь на камнях стихи из „Шах-намэ": воинская доблесть Сельджукидов черпала силу из описания подвигов иранских героев.

„Шах-намэ" пользовалось, очевидно, при дворе Сельджукидов большой популярностью.

Один из последних Сельджукидов, Ала-эд-дин Кей-Кубад III, желая поддержать „сельджукский патриотизм", как говорит М. Фуад Кёпрюлю,[3] заказал написать в стихах, в подражание „Шах-намэ", царственную книгу Сельджукидов. Составление этой поэмы возложено было на поэта Ходжу Деххани.

По происхождению туркмен (просившийся потом к себе на родину, в Хорасан), Ходжа Деххани сочинял и „газели" на турецком языке, долго пользовавшиеся популярностью.[4]

В XIII в. в Малой Азии усилилось турецкое культурное влияние, шедшее из Средней Азии. Спасаясь от монголов, устремились сюда ученые, которые несли круг чтения, построенного на среднеазиатской литературе.

Среднеазиатская литература тогда уже формирует язык и тематику малоазиатской литературы. Местные поэты поневоле откликались на это „тюркское" течение мысли, таившее в себе зародыши национального расцвета.

Воспитанники иранской культуры, Джеляль-эд-дин Руми и сын его Султан-Велед, тоже писали стихи по-турецки. „Сельджукские" стихи эти

---

[1] Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyati tarihi. Istanbul, 1928, p. 247.

[2] Ибн-Биби, IV, 22; Языджи-оглу Али, III, 57. — См. также сборник „Хакани—Низами—Руставели", I, М. — Л., 1935, стр. 39. — У Е. Э. Бертельса (Encyclopédie de l'Islam, III, 1002) почему-то фигурирует Ильдегиз, атабек Азербайджана.

[3] Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyati tarihi, p. 288.

[4] О нем см. статью Ф. Кёпрюлю в анкарском журнале „Hayat" (1926, № 1, стр. 4—5). — См. также: Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyati tarihi, p. 318.

изучались востоковедами со времени Хаммера на протяжении ста лет;[1] сравнительно исчерпывающую выборку турецких стихов Султан-Веледа произвел в 1925 г. Велед-Челеби.

Так, несмотря на ласки двора, требовавшего утонченных иранских образцов, представители духовенства в Малой Азии — ходжи (Ходжа Деххани, Ахмед Факих, или Ходжа Факих), дервиши (Шейяд Хамза) — насаждали также турецкую поэзию, проникнутую, правда, суфийским налетом, но это естественно было для эпохи монгольского нашествия, когда жил основатель ордена мевлеви, поэт Джеляль-эд-дин Руми. Национальному течению поддались даже Джеляль-эд-дин Руми и сын его Султан-Велед — дервиши-мевлеви, на идеях которых воспитаны были и турецкие поэты в XIV в. И турецкая мистическая поэзия могла находить доступ во дворец, особенно во время пиров.

Но на пирах не только тешились и развлекались, здесь обсуждались и политические дела; здесь заключались и договоры.[2]

Два раза в неделю происходили игры — метанье стрел, игра в мяч (چوگان), поло (طوپ)[3] — игры, к туркам занесенные от Сасанидов, у которых все это было регламентировано.[4]

На радостях султан дарил красивых невольников (и невольниц), жаловал на золотых блюдах халаты и т. д. Халаты подносились разные, разного достоинства и цвета.

А когда ко двору являлся вассальный князь, Сельджукиды любили блеснуть щедростью. В Кайсери к султану на поклон приехал князек Эрзинджана, Даудшах. Ему для жилья приготовили палатку из атласа и шелка. Потом из дворцовой кухни принесли кушанья, и так продолжалось три дня — срок обязательного для мусульманина гостеприимства. На четвертый день по случаю благополучного приезда султан пожаловал ему 10 тысяч „червонцев", шапку и пояс, осыпанные драгоценными камнями, латы, лошадь и т. д., т. е. все, что полагалось давать вассалу, а на содержание князька выдана была грамота („лист") на 2 тысячи баранов, 2 тысячи вьюков пшеницы, 500 вьюков ячменя, 200 бурдюков вина и 20 тысяч акча.

Дворец султана в Кайсери был окружен садом.[5] Но так было, конечно, и в Конье, как видно из „Жизнеописаний" Афляки; только во время монголов сад был запущен и постепенно превратился в кладбище.

Иногда султан отправлялся за город, на Конийскую равнину; там где-то было небольшое озеро, было прохладно, и султан отдыхал в „кёшке" „Филобад".[6]

Женщины жили отдельно; на пирах они отсутствовали. У султана-мусульманина был гарем, и доступ посторонним мужчинам туда был воспрещен.

Однако это сложилось постепенно; а во время султана Кылыч-

---

[1] Ф. Кёпрюлю. Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar. Istanbul, 1934, pp. 162—173.

[2] Языджи-оглу Али, III, 381.

[3] Сводка сведений об этой игре дана у Оппенгейма (Max von Oppenheim. Der Djerid und das Djerid-Spiel. Islamica, vol. II). — Игра прочно сохранилась в турецкой провинции, и не только среди городского населения, но и в деревнях, см.: Вл. Гордлевский. Османская свадьба. Этнографическое обозрение, 1914, № 3—4, стр. 51—53. Ею увлечены и ребятишки: капитан команды из Байбурта, Басри, приехавший в Стамбул на состязания, организованные „Обществом коневодства", заявил, что он играет уже с двенадцати лет.

[4] К. Иностранцев. Сасанидские этюды, стр. 72.

[5] Ибн-Биби, IV, 113.

[6] Афляки, I, 30; II, 196. — Хюар производит название от *Φιλοπεδίον* (равнина друзей), но, может быть, здесь во второй части скрывается слово „абад" (آباد); во всяком случае, название места говорит о грекофильских тенденциях двора.

Арслана II господствовала еще старина, старые обычаи: так, дочь его Исмет-эд-дин Геухер-хатун получила от отца в надел Кайсери; по смерти Кылыч-Арслана в Мелитене (Малатье) управительницей города оставалась (1124 г.) вдова его, — кажется, это была Изабелла.[1]

Выбирая жену, султан не останавливается перед расходами, так, раз он заплатил за невесту „из пречистого рода" Кылыч-Арслана калым в 100 тысяч флоринов.[2] Вассалы и христиане гордились, когда Сельджукид брал их дочерей в гарем: вступая в свойство с султаном, они укрепляли положение. Так, Кир-Фарид из политических соображений отдает султану дочь,[3] грузинская царица посылает в Конью дочь и т. д. Упоминается еще Кумач-хатун, происходившая из Токата, т. е., повидимому, турчанка. Это, очевидно, не столько имя, сколько титул второй (младшей) жены султана.[4]

У султанских жен был свой двор — свой штат невольниц и рабынь (христианок); у султанши была и собственная казна, которой заведывала казначейша — еще в османскую эпоху „хазнедар-уста" (заведывающая хозяйством) пользовалась во дворце большим влиянием.

Когда однажды мевлеви выдавали замуж бедную девушку, они послали во дворец к Гюрджи-хатун уста-хатун, и та во дворце среди жен эмиров собрала богатое приданое: ткани, покрывала, серьги, кольца, браслеты и полную обстановку для дома (подсвечники, блюда и т. д.).

Здесь в гареме воспитывались дочери султана. К ним приставлена была уста-хатун, „женщина святая и образованная", — как пишет Афляки, — рекомендованная, очевидно, мевлеви.

Вообще мевлеви в монгольскую эпоху сумели искусно проникнуть во дворец и подчинить через женщин своему влиянию весь двор султана. Так, жена султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса II Гюрджи-хатун (грузинка) поддалась обаянию Джеляль-эд-дина Руми; она получила от него таинственные цветы, растущие (как определил потом купец из Индии, хорошо знавший мировой рынок) где-то в Серендибе, т. е. на Цейлоне, и, прикасаясь лепестками этих цветов к глазам, исцеляла болящих.[5]

Старые огузские обычаи мирно уживались с иранскими заимствованиями уже в Средней Азии. В Малой Азии в гаремы Сельджукидов вступали невольницы, наложницы и жены из местных христианок, потомки турецких племен, давно осевших в Малой Азии, уроженки Кавказа и т. д., — и это сказалось на облике анатолийского турка.

---

[1] E. Dulaurier. Récit... pp. 70, 106; впрочем, E. J. Chabot, издатель Михаила Сирийца (III, 200, прим. 2), отвергает это предположение.

[2] Языджи-оглу Али, III, 157.

[3] Языджи-оглу Али, III, 243—244.

[4] В этом смысле употребляют теперь слово „kuma"; о Кумач-хатун, см.: Афляки, указатель sub voce. — У караимов слово „kuma", под влиянием библейских воззрений, получило значение „наложница".

[5] Афляки, II, 75. — Это о ней и о ее расслабленном сыне говорит В. де Рубрук (Путешествие в восточные страны, стр. 177).

Глава XVI

Религиозные верования в эпоху Сельджукидов. — Домусульманские и христианские отзвуки. — Ислам как официальная религия. — Дервишизм в Малой Азии. — Мевлеви и греческое окружение Джеляль-эд-дина Руми.

Сельджукиды приняли ислам давно, еще в Мавераннахре (Трансоксании), но за внешней оболочкой долго сохранялись в Малой Азии старые, домусульманские навыки.

Давно, уже во время владычества царей Ирана над Малой Азией, проникла в Малую Азию иранская культура — иранские религиозные представления; они оставили здесь следы, может быть, еще полностью не учтенные. В Малой Азии Сельджукиды испытали иноверческое воздействие, шедшее как изнутри, так и извне. И было бы неправильно смотреть на Сельджукидов как на оплот ислама, как на воинствующих борцов за веру, задерживавших натиск крестоносцев. В Малой Азии, действительно, Сельджукиды вели борьбу с христианами; они на надписях титуловали себя гордо истребителями неверных; их величали „султанами ислама", но религиозный фанатизм был им чужд, мотивы борьбы у них были искусственно связаны с исламом.[1] Не интересы религии, а интересы политические и экономические защищали Сельджукиды. Для подданных Сельджукиды были или казались истинными мусульманами, но в интимном кругу раскрывалось подлинное их лицо, и слухи об этом проникали за границу. Когда, например, Нур-эд-дин Зенги из Алеппо отправлял к султану Кылыч-Арслану II посла, он потребовал, чтобы султан возобновил исповедание веры.[2] Так во второй половине XII в. на стороне подозревали, что Сельджукиды — плохие мусульмане.

Впрочем, обвинения бросались часто узкими формалистами, которым непонятна и чужда была религиозная толерантность, одинаково расценивавшая четыре правоверных школы. И „низы" населения, свободные, конечно, от лицемерия правящей верхушки, далеки были от ислама.

Еще в XIV в., т. е. после Сельджукидов, как видно из описания Ибн-Баттуты, женщины ходили в Алаие с открытыми лицами.[3] Это, может быть, были не только христианки, но и туркменки, полукочевницы, для которых в условиях городской жизни, среди иностранцев — иностранных купцов, посещавших город, — неприемлемы были требования мусульманской религии. Все-таки араб (Ибн-Баттута), представитель народа, в среде которого зародился ислам, был для них желанным гостем; но, с другой стороны, в Алаие население познало уже прелести гашиша.

На севере, у Черного моря, не только население, но и кадий, официальный представитель ислама, нарушали сунну. Смущенно рассказывает Ибн-Баттута о странностях на похоронах матери эмира Ибрагима: за гро-

[1] W. Barthold. 12 Vorlesungen, p. 109.
[2] Cl. Huart. Konia, la ville des derviches tourneurs. Paris, 1897, p. 215.
[3] Ибн-Баттута, II, 256.

бом ее сын шел с непокрытой головой; у эмиров и рабов одежда была надета наизнанку,[1] а у кадия, хатыба, факихов головы вместо чалмы были обмотаны черными платками.[2] Черный цвет в Синопе обозначал, очевидно, траур, и здесь сказалось соседство христиан.

Северное побережье было уже заражено еретическими учениями: здесь нашли приют и чепни[3] — огузское племя — после подавления восстания Баба-Исхака.

Вообще похороны (здесь-то часто и сказываются обычаи народа) часто уклонялись от мусульманской обрядности: у мевлеви, например, процессия сопровождалась игрой на музыкальных инструментах;[4] в Манисе сын султана Сарухана, как говорит Ибн-Баттута, был набальзамирован и в течение нескольких месяцев сохранялся в склепе, и родные, отец и мать, приходили смотреть на него накануне праздника жертв,[5] и „траур у них соблюдается сорок дней", — уже спокойно прибавляет Ибн-Баттута.[6]

Среди высших кругов общества Малой Азии еще в XIV в. удерживались старые религиозные верования, противоречившие исламу.

В центре государства огузы-мусульмане также попадали в круговорот христианских идей:[7] население больших городов, занятых Сельджукидами, чтобы спасти жизнь и сохранить социальное положение, перешло в ислам, но новообращенные бессознательно удержали старые верования, часто еретические с точки зрения византийского православия, и эти антимусульманские представления передавались огузам.

На Верхнем Евфрате окрепли павликиане, учение которых охотно воспринято было армянами; отвращение к иконам сближало их, с одной стороны, с арабами-мусульманами, а с другой — здесь опять открывалась благоприятная обстановка для вербовки прозелитов среди огузов.

На Сельджукидах сказалось сильное влияние армян:[8] армяне, изнывавшие от религиозного гнета Византии, радостно приветствовали появление в Малой Азии огузов; естественно, что и огузы тянулись к ним. Тогда-то, может быть, перешло от армян и слово „хач" (խաչ)[9] — крест. И тяготение армян к огузам, очевидно, так сильно бросалось в глаза, что христианские историки обвиняли армян в измене христианству.

Так, враги Византии находили доступ к огузам, и происходила диффузия — в Малой Азии росло и крепло на почве старых культур мусульманско-христианское двоеверие.

Подводя итоги, напомню, что уже на XI международном конгрессе орненталистов В. Д. Смирнов, в докладе,[10] правда, разбросанном, высказал мысль об исконном двоеверии христианского населения Малой Азии.

---

[1] Ср. перевернутую кровать у древних евреев, как символ горести.

[2] Ибн-Баттута, II, 353—354.

[3] К. Гуман (Об этнологии Малой Азии. Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. VI, стр. 57), повторяя, вероятно, о тахтаджи то, что он слышал от греков, пишет: турки называли их бранной кличкой „чашни", это — коренное население страны — христиане, из страха наружно принявшие ислам.

[4] Афляки, II, 217, 347 (похороны Паша-хатун в Эрзуруме происходят на седьмой день); 257 (во время похорон Кира-хатун все, кроме Султан-Веледа, обнажили головы); 410 (на похоронах Амира Арифа большая часть жителей Коньи шла, обнажив головы); 284 (от горести все в мечети обнажили головы).

[5] Ибн-Баттута, II, 313. — Ср., впрочем, захоронение в старой Бухаре. Там в невысоких кирпичных склепах оставлялось отверстие для того, чтобы „дух" покойника мог выйти наружу; вот почему в Бухаре стоял специфический трупный запах.

[6] Ибн-Баттута, II, 354.

[7] Ф. Кёпрюлю. Bizans müesseselerinin tesiri, p. 296, not. 1.

[8] Ibid., p. 227, not. 4.

[9] Языджи-оглу Али, III, 68 (рядом, впрочем, стоит и арабское слово صليب).

[10] Les vers dits „Seldjouk" et le christianisme turc. Actes du onzième Congrès international des orientalistes à. Paris, 1897. Troisième section. Paris, 1899, pp. 142—157). — Впрочем, В. Д. Смирнов потом переменил взгляд (Мнимый турецкий султан, стр. 53).

В Малой Азии давно распространились религиозные учения, подрывавшие христианство (гностицизм, манихейство). Грани между исламом и христианством стирались, у официальных исповедников ислама спокойно уживались и представления от еретического христианства, заимствованные от туземного населения. Так объясняет В. Д. Смирнов тяготение Данишмендов к византийской культуре (двуязычные, арабско-греческие, легенды на монетах) или частые, в исторнческих хроннках или в легендарных рассказах-эпопеях, переодевания мусульман в платье христианского священнпка — очевидный отзвук реальной близости, отсутствие какого бы то ни было отчуждення или изуверства.

А из-за Мавераннахра шли постоянно все новые и новые толпы дервишей, баба́, и все они разлагали и изменяли в Малой Азии простые нравы огузов. Увлекаясь тайнами алхимин, дервиши морочили людей и отбивали их от веры.[1]

Но официально Сельджукиды были сунниты и соблюдали предписания веры. Так, султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, охранитель старых обычаев, как ревностный мусульманин следовал толку Абу-Ханифы: он пять раз в день совершал обрядовую молитву, и только первую молитву на заре совершал по толку Шафии.

Суннитское учение ислама — обряды и экзегез, мелочно размеренные, рационалистически построенные, соответствовали все-таки солдатской натуре турка.

Кадий, исполнявший у Сельджукидов обязанности шейх-уль-ислама, олицетворял божественный закон на земле, но он мог занимать не только духовные должностн, но и светские. „Кадий над кадиями“ (قاضى القضات) султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса II иосил титул „атабека“, он был везнром; мужественно оберегая государя, он пал в битве с монголами (в 654=1256 г.);[2] в XIV в. в Сивасе правнл кадий и поэт Бурхан-эд-дин Сивасский. Перед кадием феодалы присягали султану. Кадий был третейским судьей между Сельджукидами; он улаживал ссоры и споры между царевичами, у него искали советов и высшие сановники государства.

Духовенство прекрасно учитывало умонастроенность султана. Однажды после казни кадия Термезн, осуждавшего вольнодумство султана Гиясэд-дина Кей-Хюсрева I (рожденного от христианки), который увлекся византийскими обычаями, — в стране наступила засуха; султану легко была внушена мысль, что это — наказанне за содеянный нм грех, и он раскаялся.[3] Очевидно, после этого случая влияние духовенства усилилось.

„Исконное слово“ (كلام قديم) — Коран, для султана — святыня, и он требовал, чтобы сановник (феодал) клялся над Кораном.

Языджи-оглу Али превозносит благочестие султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I.[4] Он почитал письмо, и грамота — указ, исходивший из дивава, был для него священен, ибо вводная часть заключала в себе славословие Аллаха; и как малоазиатский турок еще в XX в. поднимал и прятал газетный листок или обрывок исписанной бумаги, потому что там могло быть начертано священное слово,[5] — так и султан, прикасаясь к грамоте, испытывал благоговейный трепет. Он подписывал указ, совершив предварительно омовенне; он хотел перед подписанием быть чистым, как перед молитвой.

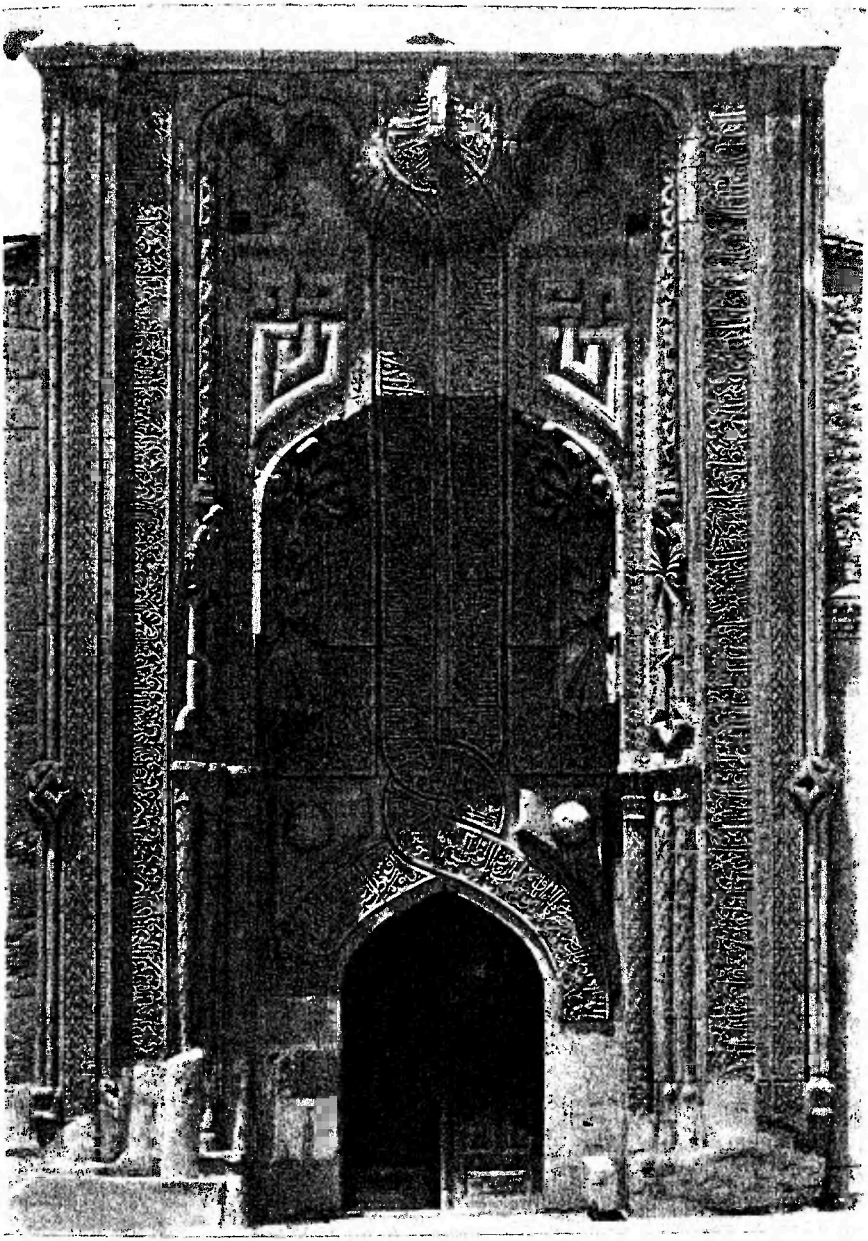
[1] Афляки, II, 349.

[2] Абдюль-Кадир Хамди-задэ (теперь Эрдоган), в конийской газете „Türk sözü“, 1917, № 36.

[3] Языджи-оглу Али, III, 80.

[4] Языджи-оглу Али, III, 217.

[5] Вл. Гордлевский. Быт османцев в суевериях, приметах и обрядах. Этнографическое обозрение, 1915, № 3—4, стр. 9.

Портал Индже-минарели 1251 г. Конья.
Архитектор Калус сын Абдаллаха

Но, должно быть, в государстве Сельджукидов распространен был не только суннитский толк Абу-Ханифы. Бедр-эд-дин, построивший(в 1242 г.) в Конье медресэ Сырчалы, предназначил его для „факихов и на нужды последователей Абу-Ханифы“ (على الفقها و المتفقه من اصحاب ابى حنيفه).[1] Нужно было это отметить, так как были, очевидно, последователи и других толков.

В Ираке шла старая распря между толками Абу-Ханифы и Шафни, и историк Равенди, обращаясь к султану Гияс-эд-дину Кей-Хюсреву I, просит о прекращении этой розни.[2] Отголоски распри слышатся, очевидно, и в Малой Азии; вот потому-то султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, ханифит, пытаясь сгладить эту рознь, совершал утреннюю молитву именно по толку Шафин.

Быть может, были и маликиты. Среди иностранцев, стремившихся в Малую Азию, были и мусульмане из далекого Марокко. Между государством Сельджукидов и Марокко была какая-то тесная связь.

Во время скитаний султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева I судно его неожиданно было занесено из Черного моря в Марокко.[3] В Конье была „Мечеть марокканцев“, реставрированная (в 1275 г.) султаном Гияс-эд-дином Кей-Хюсревом III.[4]

И, наконец, „величайший шейх“ Мухи-эд-дин Ибн-ал-Араби, родом из Испании, долго жил в Конье, подготовив там себе ученика и наследника, Садр-эд-дина Коневи.[5]

Фигура Ибн-ал-Араби бросает слабый свет и на внутреннюю политику Сельджукидов начала XIII в. Наслышавшись о великом мистике-суфии, султан Изз-эд-дин Кей-Кавус I вызвал его в Конью ко двору. Ибн-ал-Араби странствовал по Малой Азии, он был в Сивасе, Малатье и т. д., исполняя, быть может, какие-то поручения султана. Но и вдали от султана Ибн-ал-Араби думал о нем, поддерживая у него надежду на военные успехи.

Окруженный крестоносцами, султан смотрел на него, как на духовного отца, и искал у него ответа на мучившие его вопросы. Султан советовался с ним о политике, какую он должен вести по отношению к христианам, жившим в государстве. В письме к султану (включенном в „Футухат“) Ибн-ал-Араби проповедует нетерпимость — это, очевидно, месть, навеянная зрелищем хозяйничанья крестоносцев в Сирии.

Неизвестно, имело ли послание практические последствия. Однако в титулатуре Сельджукида Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II („истребителя многобожников“) раскрывается все-таки нерасположение к христианам, очевидно, к западным крестоносцам.[6]

Треволнения, нарушившие в Средней Азии мирное течение жизни, погнали и ученых ко двору Сельджукидов Рума; они шли сюда охотно, так как в Малой Азии сияли светочи богословия, с одной стороны, и мистики, с другой. В Малой Азии процветала общемусульманская наука (на арабском языке) и поэзия (на персидском языке). Конья потянула к себе из Хорезма и Неджм-эд-дина Кубра, и Неджм-эд-дина Рази.

---

[1] Cl. Huart. Epigraphie arabe, p. 79.

[2] Ravendi, ed. Iqbal, p. 64.

[3] Языджи-оглу Али, III, 37. — Хюар (op. cit., p. 57) справедливо считает всю „одиссею“ султана легендарной.

[4] Cl. Huart, op. cit., p. 65.

[5] Вл. Гордлевский. Житие Садр-эд-дина Коневи. Известия Академии Наук. Отделение гуманитарных наук, 1929, стр. 538 и сл.

[6] О пребывании Ибн-ал-Араби в Малой Азии, см.: Miguel Asin Palacios, El islam cristianizado. Estudio del „Sufismo“ a través de las obras de Abenarabi de Murcia. Madrid, 1931, pp. 89—97.

Благодаря Джеляль-эд-дину Руми (ум. в 1273 г.) и Садр-эд-дину Коневи (ум. в 1274/75 г.) столица Сельджукидов в середине XIII в. превратилась в центр духовного просвещения. Как видно из Афляки, у Садр-эд-дина Коневи собирались сливки столичного общества: Фахр-эд-дин Ираки, скитавшийся по Востоку в поисках истины (ум. в 1288 г.), Эвхад-эд-дин Кирмани (ум. в 1298 в.); кадий Сирадж-эд-дин, кадий Изз-эд-дин Атабек, променявший перо на меч, и др.

Но, поскольку из Коньи шла мистическая проповедь Джеляль-эд-дина Руми, города Сельджукидов сторонились от нее; благочестие отходило в Кайсери, там ревнители правоверия строили медресэ и поддерживали ортодоксальное суннитское учение. В небольших провинциальных городах, как, например, в Акшехире, тоже были светила: братья Неджм-эд-дин Ахмед (ум. в 1251 г.) и Махмуд Хайрани (ум. в 1268 г.), сыновья Месуда, похороненные в одном тюрбэ, и, может быть, ходжа Наср-эд-дин, народный мудрец-шут.[1]

Тезки-пришельцы — Неджм-эд-дин Кубра и Неджм-эд-дин Рази — затмили Неджм-эд-дина Ахмеда, местного малоазиатского ученого, но еще в XV в. Юнус Эмрэ, вспоминая старые времена, восклицал: „А где факих Ахмед Кутб-эд-дин, Султан сейид Неджм-эд-дин, Мевлана Джеляль-эд-дин? Куда девались те полюсы мира?“ [2]

Всюду шли оживленные богословские прения, это были публичные диспуты, на которых выдвигались руководители и пастыри.

В середине XIII в. религиозный пыл у Сельджукидов охладел, и историк Аксараи, очевидно, ревностный мусульманин, хвалил везира Муин-эд-дина Первэнэ за то, что он возобновил обычай, соблюдавшийся Великими Сельджукидами, и собирал во дворце ученых, которые обсуждали религиозные вопросы, и потом, по степени учености, распределял между ними должности.[3]

Султаны покровительствовали просвещению, они строили медресэ (а им подражали и феодалы); из медресэ выходили люди, классово близкие им, близкое им идеологически духовенство. Медресэ — рассадники богословия, руководимые пришлыми учеными (иранцами), но выпускавшие уже и местных улемов.[4]

По дорогам настроены были для путников завие (странноприимные дома) — это часто феодалы, раскаиваясь в грехах, жертвовали на богоугодные дела доходы. Так поступил, например, эмир Кастамону, Фахр-эд-дин, поручивший сыну надзор за завие. И каждый бедняк, являвшийся из „священных и благородных городов“ (Мекки и Медины) или из Сирии, Египта, Ирака, Хорасана и т. д., получал одежду и 100 диргемов в день прибытия и 300 диргемов в день отъезда.[5]

Во время похорон султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева I устроены были богатые поминки; между хафизами, талебэ и бедняками распределено было 50 тысяч червонцев, и не только в Конье, но и по всем городам и весям.[6]

Завоевывая иноверные города, султаны воздвигали там мечети; как замечает раз Ибн-Биби,[7] иконы и бнла заменялись михрабами и мин-

---

[1] Соображения о времени жизни его см.: Вл. Гордлевский. Анекдоты о ходже Наср-эд-дине. М., 1936, стр. XIII и сл.

[2] Абдюлькадир Эрдоган. Necmüddin Ahmedin sandukasi. Konya, 1936, № 2, p. 108.

[3] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0131.

[4] Афляки, II, 38.

[5] Ибн-Баттута, II, 347—348.

[6] Языджи-оглу Али, III, 114.

[7] Ибн-Биби, IV, 137.

бером; туда посылались ходжи,[1] т. е. духовные учителя. Трудно предполагать, что происходило насильственное обращение христиан в ислам; это не было воинственное выступление ислама, скорее всего султан заботился о религиозном воспитании тех турецких колоний, тех племен огузских, которые, согласно политике Сельджукидов, водворялись на удобных землях, совершая мирную туркизацию Малой Азии. Словом, султаны хотели укрепить среди кочевников ислам. Да им прямо и невыгодно было с экономической точки зрения уменьшать число христиан, плативших „харадж".

Нашествие монголов постепенно отразилось и на просвещении. Расцвет культуры, материальной и духовной, остановился; в 1273 г. умер Джеляль-эд-дин Руми и, как образно говорил Садр-эд-дин Коневи, „рассыпались четки"; „смерть ученого — гибель мира", — повторял он хадис.[2]

Так, внешне поведение султана определялось шариатом, но, собственно, он исполнял то, что подсказывал ему феодал.

Феодалы командовали и над духовенством. Фактически духовенство, копившее землю и недвижимость („вакуфы"), зависело от феодалов. В эпоху монголов, например, в государстве правил везир Муин-эд-дин Первана, он назначал в Конью и кадия.[3]

Совершая грабительские набеги на христианские земли, султан думал, что идет по пути, указанному религией, и, согласно шариату, одну пятую часть военной добычи, „право гази", борцов за веру, отдавал служителям ислама, сейидам, беднякам и „покорным слугам" (غلمان).

Хроника однажды точно указывает размер этой подачки — „цены сострадания сытых": сто коров, тысяча баранов и десять тысяч акча.[4] Стоимость скота во время войны, как известно, была невелика: двести коров (1000 баранов = 100 коровам) могли стоить каких-нибудь 400 акча. Это — пустяки, когда сплошь и рядом феодалам султан жаловал, помимо земельных угодий, сотни тысяч акча. Эта благотворительность — помощь беднякам была ничтожна, это был красивый жест богача-мусульманина, бросавшего крохи со стола, уставленного бесплатными дорогими яствами; этот жест еще раз подчеркивал социальную разницу между феодалом и обывателем-бедняком, работавшим на него.

Благочестие — все это была только показная сторона, обнаруживавшая фальшь и ханжество имущих классов.

Но только двор и феодалы соблюдали веления религии, а там, внизу, масса была аморфна, к исламу равнодушна. И даже руководители племен турецких на окраинах смотрели на религиозные обряды как на что-то постороннее, им чуждое, их нисколько не касающееся. Приветливо, как будто, встретив главу ордена мевлеви, сын Алишира Гермиянского (Якуб?) по обыкновению занялся своими рабами, между тем как дервиши читали нараспев Коран и мистические песни; „это был бесстыжий турок", — прорывается у Афляки.[5]

Город и деревня противостояли друг другу. Городское население исповедывало суннитство, — это были консервативные круги общества из феодалов, купцов и крупных ремесленников; тогда как среди крестьян господствовал шиизм, — вообще шла дервишеская пропаганда.

Подданные султана страдали: бог защищал богатых, и потому охотно шли бедняки за тем, кто отвергал официальную религию, — здесь надеялись они найти избавление от тягот жизни. Так, давно Малая Азия была

[1] Ибн-Биби, IV, 138.
[2] Вл. Гордлевский. Житие Садр-эд-дина Коневи, стр. 545.
[3] Афляки, I, 325.
[4] Языджи-оглу Али, III, 338.
[5] Афляки, II, 389, 390.

очагом ересей. Перейдя от Византии к Сельджукидам, население Малой Азии сохраняло идеологию, оправданную столетиями бесправной жизни; так легко складывалась в Малой Азии обстановка, благоприятная для процветания антисуннитских (и антимусульманских) учений.

И, как завершение всего, на ислам посыпались тяжелые удары сверху: во время краткого царствования хана Баиду (в 1295 г.) „медресэ", как говорит Аксараи, были „стерты" (непереводимая игра арабских слов): в медресэ устроились пьяницы, и, казалось, вот-вот замолкнет голос муэззина, и мечети превратятся в дома идолов (т. е. церкви).[1] Низы еще больше заколебались.

Устои правоверия подрывались еще религиозными течениями, проникавшими в Малую Азию под маркой ислама. Пропаганду дервишеско-шинтствующую (исмаилитскую) могли, пожалуй, направлять и саррафы, сосредоточившие у себя большие богатства.

Образование в Малой Азии большого мусульманского государства, поглотившего богатые христианские земли, влекло в „область джихада" из Хорасана сотни дервишей, склонных к шиизму — „баба́", „батыни",[2] „календеров" и др., — они закопошились там уже при Великом Сельджукиде Меликшахе. После монгольского нашествия наплыв усилился (сюда устремились из Хорезма ученики Неджм-эд-дина Кубра́). И часто это были изуверы, силой распространявшие ислам:[3] они кидались в бой, увлекая за собой жен и детей.

Дервиши разносили по Малой Азии „сокровенный толк" — учение исмаилитов; от них, от этих баба́ или батыни, оно легко воспринято было ахи; потом все это растворилось в бекташи, а теперь под „людьми сокровенными" (ehli batin) разумеются уже просто кызылбаши.

Гази и джигиты (среди них могли быть и ахи) — вся эта масса, наводнявшая Малую Азию под началом „сипехсаларов", „реисов" и т. д., потом, когда прекращалась война, занималась в стране дервишеской пропагандой.

Суфии и сейиды тоже расшатывали устои ислама в Малой Азии. Султаны охотно раскрывали двери дворца перед шейхами-суфиями (مشايخ متصوفه); суфии, сейиды сидели на пиру наряду с улемами, кадием, муфтием и пр.[4] Шейхов Сельджукиды любили; в Амасье еще султан Месуд I построил (в 545=1150 г.) „ханаку".[5]

Сейиды занимали всегда высокое место. Используя происхождение, действительное или мнимое, от Мухаммеда, ловкие сейиды толпами шли в Малую Азию. В Малой Азии создались как бы центры сейидов, например, Сейидабад[6] (совр. Сиди-шехри), хотя возможно, что там устроился всего один сейид, давший пышное наименование месту — земельному участку, принадлежавшему ему.

Сейиды были объединены; в хронике упоминается „мелик-ус-садат" (ملك السادات) — князь сейидов. Во время Ибн-Баттуты в Сивасе был дом, похожий на медресэ, — „дом сейидства" (دار السياده). Там останавливались исключительно потомки Мухаммеда, там жил и их „глава-наместник"

---

[1] В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях, стр. 0135. — То же повторилось и в царствование султана Улужейту в начале XIV в., см.: Афляки, II, 322—323.

[2] См.: Ф. Кёпрюлю. Türk edebiyatında ilk mutasavvflar.

[3] Ср. позднейший рассказ о голом дервише в Ялове (т. е. около Стамбула), который деревянным мечом рассек пополам насмехавшегося над ним христианина, после чего вся округа приняла ислам, см.: Fr. Giese. Die altosmanischen anonymen Chroniken. B. I. Breslau, 1922, II, 11.

[4] Языджи-оглу Али, III, 221.

[5] Ф. Кёпрюлю. Anadoluda islâmiyet, p. 47.

[6] Афляки, II, 61.

(نقيب); и пока они жили там, им предоставляли постель, пищу, свечи и т. д., а когда они уезжали, — снабжали продуктами на дорогу.[1]

И дервишам жилось хорошо. Из Афляки известно, что государство платило дервишам жалованье — ежедневно по полдинара[2] (сумма, конечно, значительная).

Сами сохраняя еще элементы старого, шаманского, мировоззрения, дервиши находили, конечно, сочувственный прием среди туркменского населения, только недавно воспринявшего ислам.

Дервиши, нахлынувшие в Малую Азию, были не только религиозными руководителями, они прививали кочевникам элементы культуры и государственности, они объединяли население, организовали отпор монголам, разрушавшим уклады, которые созданы были Сельджукидами.

Четырьмя путями шли дервиши в Малую Азию: из Хорасана, из Азербайджана (из Ардебиля?), из Сирии и из Ирака (из Эрбиля, Багдада). Здесь, в Малой Азии, вербовали они себе сторонников среди крестьян и ремесленников. Обездоленные люди искали у них успокоения от земных страданий.

Проторенною дорогой тянулись дервиши из Хорасана и в османскую эпоху — это были „святые мужи хорасанские" (Horasan erenleri), — как дервиши и теперь еще называют себя в Дерсиме.

На склад мышления населения Малой Азии среднеазиатские турецкие мистики — ата („отцы") тоже оказали большое влияние, они несли в Малую Азию культ Ахмеда Ясеви и его хикметы. Еще в XVI в. четко сохранялась об этом память: в анекдотах Ламии, например, встречается дервиш-ата. Интересно и название поселка около озера Эйридира („Ата"), хотя возможно, что это — мусульманское собственное имя; но недалеко лежит и Синиркенд („приграничный город"), и редкое в малоазиатской топонимике слово „кенд" (ср. Ханкенди, Моллакенди) говорит о среднеазиатских отголосках.

И, может быть, поскольку святилище бекташийское в Сейидгази[3] (где похоронен Сейид-Баттал) влекло к себе еще в XX в. паломников из Восточного Туркестана, из тех мест, где сохранилась память об Ахмеде Ясеви,[4] — здесь видна старинная живая связь между Малой Азией и Средней Азией. Султаны Сельджукиды питали также расположение к Сейидгази, возникшему на месте византийской святыни. Султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I построил здесь мечеть (в 1207/08 г.), подчеркнув преклонение перед родоначальником гази, проложившим Сельджукидам дорогу в Малую Азию; здесь в старой византийской церкви похоронена жена (?) его, мать султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I, Фатима (и ее рабыня Айни-ана), культ которой распространен по всей Малой Азии.[5]

Могила Сейид-Баттала Гази, как заметил в XV в. так называемый Мюльбахский студент, притягивала к себе поклонников; имя Сейид-Баттала призывали те, кто шел в бой, т. е. те, кто хотел вернуться домой после войны с неверными победоносно, как исполнивший долг гази.

И Азербайджан давно настроен был против суннитства. Население прикаспийских областей ревниво оберегало свободу от завоевателей-мусульман. Здесь давно было брожение среди крестьянских масс; здесь,

---

[1] Ибн-Баттута, II, 289—290.

[2] Афляки, I, 345.

[3] Ср. также описание святилища (на турецком языке) дервиша М. Шюкрю, изданное в Стамбуле в 1918 г.

[4] Th. Menzel. Das Bektaschi-Kloster Sejjid-i Ghâsi. M.S.O.S. Jahrgang XXVIII, 1925, Westasiatische Abteilung, p. 93.

[5] Th. Menzel, op. cit., pp. 94, 102. — Материалы об этом святилище (старейшее упоминание на Западе в XVII в.) подобраны у F. W. Hasluck (op. cit. pp. 704—710).

в Ардебиле, началось в IX в. и восстание Бабека. И потом в Ардебиле постоянно ютились шейхи-шииты. Из Астрабада происходил и Фадлаллах, родоначальник секты хуруфи.

В хронике только раз упоминается Ардебиль. Рассказывая о пребывании в Конье шейха Сухраварди (родом азербайджанца), Языджи-оглу Али говорит, что у народа сильное влечение к шейхам Ардебиля.[1] В XVI в. там родилась династия Сефевидов, провозгласившая в Иране шиизм государственной религией и поведшая борьбу с османскими султанами — рьяными сторонниками сунны. Туда, в Ардебиль — к Каспийскому морю ушла обратно из Малой Азии и часть чепни. Течение это охватило, таким образом, и огузские племена, — у них и раньше было тяготение к шиизму.

Походы Сельджукидов в Сирию открыли, естественно, дорогу религиозно-социальным мыслям из этой исконной страны ересей. Сельджукиды скоро узнали, как глубоко восприняли крестьяне, сидевшие на земле феодалов, проповедь „хариджита" Баба-Исхака.

И, наконец, религиозные идеи, противоречащие суннитству, надвигались из Ирака: из Эрбиля (в древности Арбела) — округи, заселенной курдами (и склонной, очевидно, к шиизму), и из центра халифата — Багдада. Из Ирака зашли дервишеские пляски как в Среднюю Азию,[2] так и в Малую Азию, — вероятно, наследие или пережитки древневосточных религий, господствовавших в Передней Азии.

В Малой Азии пляски распространены были уже в XII в. Здесь сказались, быть может, еще и обычаи местного, греческого населения,[3] перешедшие потом к мевлеви.

Шейх Сухраварди Шихаб-эд-дин „Мактуль" (убит он был в 578 = в 1190 г.), родом азербайджанский турок,[4] пользовавшийся большим расположением султана Кылыч-Арслана II и его детей (Насир-эд-дина Баркиярука и Гияс-эд-дина, которому он посвятил сочинение حكمة الاشراق),[5] любил ритуальные пляски (سماع).[6]

Когда посол халифа Насир-ли-дини-Лляхи, Шихаб-эд-дин Абу-Хафс Омар-ибн-Мухаммед Сухраварди, уже старик (он родился в 1145 г.), и его мюриды, придя в экстаз, начали плясать — гостями, опьяненными вином, это встречено было во дворце султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса I благосклонно; мусульмане-сунниты совершали также общественное плясовое радение. И тут же на месте произошло посвящение султана и беев в братство ахи. Очевидно, шейх Сухраварди, посол халифа Насир-ли-дини-Лляхи, следовал уставу футувва, а судя по тому, что ахи в Малой Азии в XIV в. пели и плясали, — пляска, плясовое радение и раньше составляли в Ираке — в Багдаде — один из элементов футувва.

Правоверность Омара-ибн-Мухаммеда Сухраварди сомнительна. Поскольку он пропагандировал в Малой Азии идеи футувва (терроризируя султана), он был, быть может, и исмаилит. Вероятно, у Дженаби заимствовал Хаммер известие о том, что преемник султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса II, Рукн-эд-дин Кылыч-Арслан IV, был исмаилит.[7] Конечно, это только предположение о связи между ахи и исмаилитами, но, вообще

---

[1] Языджи-оглу Али, III, 225.

[2] В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, стр. 4. — Вл. Гордлевский. Баха-уд-дин Накшбенд Бухарский. Сборник „Сергею Федоровичу Ольденбургу", Л., 1934, стр. 162.

[3] Вл. Гордлевский. Житие Садр-эд-дина Коневи, стр. 540.

[4] См. его биографию у O. Spies'a, op. cit., p. 8.

[5] Языджи-оглу Али, III, 14; ср., впрочем, слова Юсуфа Зии.

[6] Юсуф Зия. Şeyh Şihabettin Maktul Suhraverdi. Mihrab, 1924, № 1. — Юсуф Зия в числе почитателей шейха называет и эмира Кемаль-эд-дина Камьяра.

[7] J. Hammer, G. O. R., I, 22.

ахи должны быть рассматриваемы на фоне „батыни“;[1] это — не правоверные мусульмане: они охотно смотрели на дервишей и примыкали к дервишеским орденам (например Ахи-Юсуф Халвети).[2]

Были, очевидно, в Малой Азии и бекташи — духовные наследники и преемники Ахмеда Ясеви: в Конье, например, был земельный участок Пиреби (имя, упоминаемое в „Виляйет-намэ“ Хаджи Бекташа).[3]

Встречались часто и дервиши „календерийэ“, иначе „абдалы“ (طائفة ابدالان).

„Абдалы“, как известно из истории Ашикпаша-задэ, господствовали тогда в Малой Азии; это была одна из четырех румских группировок (ابدالان روم), направлявших политико-социальную жизнь страны.

Календеров звали еще „ишык“ — термин, распространенный в XVI в. Здесь произошла, быть может, контаминация двух слов: „ишык“ (по-турецки „огонь“) и „ашик“ (по-арабски „сгорающий от любви к божеству“), т. е. слово „ишык“ есть народная этимология суфийского термина.[4] Во время странствий дервиши, быть может, забирались на горы или разводили в горах огонь. На такое толкование наводит полумистическая песня, записанная Ф. Гизе:[5]

Uca dağ başında yanar bir ışık,
Onu bekleyen garip bir aşık...[5]
(На вершине высокой горы горит огонь;
Тот огонь сторожит странник ашик...)

Календеры в Малой Азии исчезли, сохранились близкие к ним руфаи. У Афляки для них встречается термин „джавлаки“ (جولقى, جولاق), от турецкого слова جاولاق (безволосый, голый) — он упоминает, между прочим, шейха Абу-Бекра Джаулаки Никсарского.[6] Поскольку у Ибн-Биби слово „джаваликиян“ (جوالقيان) стоит рядом со словом اسيران (пленные),[7] Халиль Эдхем придает ему значение „бедняк“,[8] отнимая дервишеское содержание.

Возможно, что календеры, абдалы, джавлаки (объединившиеся под термином „ишыки“) впоследствии влились в орден бекташи, а старые группировки были вытеснены. Внешним видом ишыки напоминали джавлаков; так, те и другие выщипывали у себя на лице растительность. В XVI в. термин „ишык“ был широко распространен. Ишыки устраивались в медресэ и в завие как в Румелии, так и в Анатолии; они находились в старых святилищах бекташи — в Сейдигази и в завие Сары-Салтука. Очевидно, они тяготели к шиизму; в день „ашура“ они ходили по улицам с музыкой.[9] Правительство смотрело на них косо, как на смутьянов, вводивших новшества.

Когда Тадж-эд-дин, сын Ахмеда Руфаи, основателя ордена, пришел в Конью, сопровождаемый толпой полупомешанных дервишей, одетых в короткие бархатные куртки, — вельможи города, эмиры, простой народ

---

[1] Ф. Кёпрюлю. Anadoluda islâmiyet, p. 67.

[2] Ibid., p. 89, not. 4.

[3] Вл. Гордлевский. Из истории водопользования в Конье. Записки Института востоковедения, т. II, стр. 188.

[4] Ю. Ценкер (Словарь 1, 54), исходя из этимологии, так объясняет слово اشيق — странствующий дервиш, появляющийся как луч света или искра.

[5] Fr. Giese. Erzählungen und Lieder, № 28, p. 69.

[6] Афляки, II, 110. — Ср. имя арабоязычного писателя из „инородцев“ Ибн-ал-Джавалики (сочинение его издано в 1867 г. Э. Захау).

[7] Ибн-Биби, IV, 242.

[8] Халиль Эдхем. Kayseriye şehri, p. 81, not. 2.

[9] См. Вл. Гордлевский, Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в. Труды Института востоковедения, сборник № 2, М., 1940, стр. 105—108.

и ахи торжественно встретили его и отвели ему медресэ Каратая; „чудеса“ руфаи (они входили в огонь, клали в рот раскаленное железо, пожирали змей и т. д.) производили большое впечатление. Ими увлекалась и Кирахатун, жена настоятеля-мевлеви, Салах-эд-дина Зеркуба. Они бывали и у везиров — у везира Муин-эд-дина Первané (например, современник Джеляль-эд-дина Руми, шейх Абд-ур-Рахман Шейяд).[1]

Потомки (внуки) Тадж-эд-дина заняли скоро старый центр ересей — Сунусу, около Амасьи.[2] Ибн-Баттута видел потом „ахмеди“ — так он называет руфаи — в Смирне, Бергаме и других городах.[3] В Смирне было большое скопище дервишей (100 человек), показывавших „фокусы“.

Но всех их превосходили богатством и влиянием мевлеви — последователи „Мевлана“[4] Джеляль-эд-дина Руми.

Использовав, с одной стороны, местные обычаи, а с другой — поддавшись течению, шедшему из Ирака,[5] Джеляль-эд-дин Руми ввел плясовые радения; они захватили в Конье придворные круги, и мевлеви укрепили, таким образом, могущество. Радения, сопровождавшиеся обильным ужином, часто устраивались в Конье вельможами, собирая большое общество, которое восхищалось искусством Джеляль-эд-дина.[6]

Сельджукиды питали к мевлеви большое расположение. Так, султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, сперва настороженно подозрительный, вскоре преклонился перед отцом Джеляль-эд-дина Руми, Беха-эд-дином Веледом, и оказывал ему царские почести. Султан Рукн-эд-дин Кылыч-Арслан IV (задушеный в Аксарае) величал Джеляль-эд-дина „отцом“.[7] Мать его, грузинка Тамара (жена султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II), чувствовала к Джеляль-эд-дину Руми какое-то благоговение: она велела написать с него портрет и, уезжая куда-нибудь из Коньи, нозила портрет с собой, она платила большие деньги (2 тысячи червонцев), чтобы заполучить одежду (рубашку) его, и т. д.

В городе происходили и женские „зикры“ — радения: у жены Эмин-эд-дина Михаила (имя Михаил говорит как будто о его огузском — туркменском происхождении, но, может быть, это был и новообращенный мусульманин) собирались вечерами женщины. На эти собрания к „шейху женщин“ приходил Джеляль-эд-дин; женщины садились вокруг него, засыпали его розами и брызгали на него розовой водой.[8]

Постепенно ордеи мевлеви укрепился не только в столице, но и в провинции. У детей везира Муин-эд-дина Первané, всегда чутко прислушивавшегося к голосу Джеляль-эд-дина, была фамильная привязанность к мевлеви: так, в Амасье мевлеви-ханэ построено было сыном везира.[9]

У Джеляль-эд-дина были „мюриды“ (ученики-последователи) не только среди мусульман; слушая и наблюдая его, христиане переходили в ислам. Поклонники Джеляль-эд-дина платили тысячи за вещи, принадлежавшие ему,[10] потому что „они обладали чудесной силой и избавляли обладателя от несчастий“.[11]

---

[1] Афляки, I, 113.
[2] Ибн-Баттута, II, 292—293.
[3] Ибн-Баттута, II, 310, 316, 328.
[4] Собственно, „наш господин“ — титул, даваемый почетным представителям духовенства, также официальный титул кадия.
[5] Связь с Ираком (иранским) мевлеви сохранили и потом, см.: Афляки, II, 310 (Челеби Амир Ариф пожелал увидеть великих мистиков Ирака).
[6] Афляки, I, 137—138.
[7] Афляки, I, 113.
[8] Афляки, II, 14.
[9] Тальат Мумтаз Яман. Kastamonu tarihi. Istanbul, 1935, p. 87.
[10] Афляки, II, 71.
[11] Афляки, II, 61 (ахи Чобан, сын ахи Кайсара, уберег во время монгольского нашествия урожай, прикрыв его плащом Джеляль-эд-дина).

Мевлеви пустили глубокие корни в Малой Азии: они часто разъезжали по большим городам[1] и устраивали радения; везде у них были „наместники", ученики, и иногда, как, например, в Токате, это были женщины.[2]

А когда Джеляль-эд-дин умер, вокруг погребальных носилок собрались толпы народа; все — вельможи и простой народ — шли, обнажив головы. Здесь были и христиане, евреи, греки, арабы, турки; они шли, распевая псалмы, читая Пятикнижие и Евангелие, и мусульмане никак не могли оттеснить их. „Смотря на него, мы познали природу Иисуса, Моисея и всех пророков", — говорили поклонники.[3]

Очевидно, иноверное население слышало в ученни Джеляль-эд-дина отзвукн, близкие им. И, наоборот, среди строгих законников у мевлеви были враги, например, кадий Сирадж-эд-дин,[4] сейиды (в Нигде)[5] и др.; им была ненавистна музыка, ненавистны были радения мевлеви.

А Султан-Велед, сын Джеляль-эд-дина Руми, писал стихи (арабскими буквами) и на греческом языке — вначит, кто-то их читал, значит, среди греков, может быть, и не только в семье, настроенной грекофильски, были поклонникн, почитатели этой малоазиатской суфийской поэзии. Султан-Велед мог хорошо зиать греческий язык, и ему и ие нужно было обращаться к помощи друзей, — как полагает Мордтманн, — чтобы написать греческие стихи.

Тяготение Джеляль-эд-дина Руми к грекам, т. е. к христианству, конечво, говорит о старых следах хрнстианства, отложившихся на дервишизме, а в частности на дервишах-мевлевн. Столица Сельджукидов, Конья, была центром мистнческого пантеизма, впоследствии у князей Карамана вызвавшего взрыв симпатий к христианству.[6]

В стране идет война, часто под лозунгом веры: султаи Рукн-эд-дин требует от Тамары, чтобы на его глазах тот, кто хочет сохранить жизнь, растоптал крест, символ христианства, а хрнстиане клянутся, что из храмов Ани будут изгонять мусульман, ио все это — затверженные слова, подсказанные духовенством, а жизнь сглаживает рознь, люди тянутся друг к другу, их сближает любовь, побеждает красота, побеждают общие интересы: царевич Салтукид отрекается от веры, очарованный красотой грузинки; грузинка, невеста Сельджукида, о вере которой заботятся родные, — попав в Конью, переходит в ислам. А нпзы населения, конечио, легко и быстро отбрасывают религиозные сомнения.

Постепенно греческие епнскопии в Малой Азии хиреют, исчезают.[7]

Греческое население в Малой Азин, брошенное Константинополем, потеряло голову: оно часто находилось между двух огней; когда его теснили туркмены, оно думало о Сельджукидах, а потом, опять разочарованное, втихомолку, забившись в пещеры Каппадокии, или в горах у Черного моря, мечтало о прежней власти. Так образовалнсь в Малой Азии тайные христиане — христиане, только внешне принявшие облик мусульман, так как, перейдя в ислам, они непроизвольно сохраияли элементы хрнстианства, может быть, не столько идейные, сколько бытовые.

Христиан и мусульман сближали, конечио, часто заключавшиеся браки между ними. Религиозная противоположность, ослабленная внизу,

---

[1] Афляки, II, 326.
[2] Афляки, II, 375.
[3] Афляки, II, 96—97.
[4] Афляки, II, 244, 245. — Вл. Гордлевский. Житие Садр-эд-дина Коневи, стр. 541.
[5] Афляки, II, 365.
[6] В. Смирнов, op. cit., pp. 151—152.
[7] A. Wächter. Der Verfall des Griechenthums in Kleinasien im XIV Jahrhundert. Leipzig, 1903.

сглаживалась; на окраинах Византийской империи ортодоксальвое христианство (православие) подтачивалось, в Грузии, например, распространялись, с одной стороны, манихейство, а, с другой — суфийские учения.

Сановники тоже, из корыстолюбивых ли побуждений или из сочувствия свойственникам (а браки между христианами и мусульманами были часты), отрываясь от родины, уходили к Сельджукидам.

Так, Мануил Маврозом, обладатель замка в Византии, выдал дочь за Кей-Хюсрева I, когда он жил изгнанником в Константинополе, и потом поддержал султана, за что и был щедро одарен. П. Вниттек строит остроумную гипотезу, что он принял ислам, а три сына его — детн ренегата „Абдуллы" — заняли у Сельджукидов высокие посты: везир Каратай (медресэ его имени украшает Конью), эмир Кара-Сонкор, возводивший постройки (1250 г.) в Деннзли; Кемаль-эд-дин Караташ.[1] Эпитет „Кара" у всех трех братьев представляет перевод греческого слова μαῦρος (черный), составляющего часть их прежней фамилии.

Но иногда греки, переходившие на службу к Сельджукидам, сохраняли и национальность, и религию; так, над одним из потомков Комнинов и Маврозомов, над „амир-оглу" — воздвигнут был в Конье саркофаг, на котором мусульманин неискусно вырезал греческую надпись.[2]

Принимая ислам, старый хозяин сохранял землю; официально мусульманин, он все-таки продолжал покровительствовать населению, жившему на его земле. Так, в старом уделе Маврозома — Абдуллы, в Деннзли и в XIV в., когда путешествовал по Малой Азии Ибн-Баттута, жили христиане, занимавшиеся, как видно уже из одного презрительного названия „Донузлу", разведением свиней.

Влияние туземных христиан (греков) давно просачивалось изнутри: в домах феодалов была христианская прислуга — невольники, наложницы, пажи и т. д. В Малой Азни всюду были христиане, сохранившие старую веру и омусульманенные, „православные" или „еретики". Постоянно от гнета Византии сюда бежали христиане.

В XIII в. подданные Сельджукидов, мусульмане и христиане, мирно сожительствовали,[3] заимствуя друг у друга верования. Пантеистические воззрения мевлеви, усиленные благодаря личным отношенням и влечению Джеляль-эд-дина к грекам, также сглажнвали рознь, сближали между собой христиан и мусульман.[4] В Конье, как сообщает географ Якут, мусульмане чтили могилу „божественного" Платона, но это была христианская святыня, — „перелицованная" мусульманами могнла епископа Иконийского Амфилохия (IV в.).[5]

Мусульманская культура наслоялась в Малой Азии на эллинистические основы; в Малой Азии был перекннут мост от ислама к христианству.

Современное турецко-мусульмавское население Малой Азнн смутно хранит еще воспоминания о былой вере, о христианстве. Как я часто слышал во время разъездов по Конийскому вилайету, женщины в деревнях

[1] В вакфие Каратая („Konya", 1936, № 2, p. 123) младший брат называется Кемаль-эд-дин Румташ, тоже построивший медресэ; см. выше стр. 125.

[2] P. Wittek. L'épitaphe d'un Comnène à Konia. Byzantion, X, 505—515.

[3] См. примеры взаимодействия у Ф. Кёпрюлю (Les origines de l'Empire Ottoman, pp. 70, 95, 97).

[4] F. W. Hasluck. Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929, pp. 370—378; о взаимоотношениях (легендарно-агиографических) между христианами и мевлеви, см. стр. 56, 85—87, 290. - В. Д. Смирнов (Les vers dits „seldjouks" et le christianisme turc. Actes du onzième Congrès international des orientalistes. Troisième section, I, Paris, 1899, pp. 143—157) полагает, что на турецких стихах „Ребаб-намэ" Султан-Веледа отразились гностические учения первых веков нашей эры — манихейство, распространеиное и в Малой Азии.

[5] F. W. Hasluck, op. cit., pp. 17, 363—364, 373.

(элемент наиболее консервативный), приготовляя хлеб, совершали над ним движения, воспроизводящие крестное знамение.[1]

Разительный пример представляет семья Джеляль-эд-дина. Жены, няни — все это были гречанки: Кира-хатун (жена Джеляль-эд-дина), Кирага-хатун (жена Султан-Веледа) и т. д. Поддаваясь домашнему окружению, мевлевн и детям, — конечно, дочерям давали греческие прозвища: Эфендипуло[2] — дочь Джеляль-эд-дина; у внука Джеляль-эд-дина, Челеби Амира Арифа — дочь Деспина,[3] имя, встречающееся потом и в османскую эпоху.

Под Коньей, в Силлэ, был греческий монастырь во имя Платона Мудрого,[4] и Джеляль-эд-дин Руми питал большое расположение к настоятелю монастыря, человеку престарелому и почтенному.[5] Однажды, как рассказывает Афляки, Джеляль-эд-дин Руми провел у него сорок дней; и преемники Джеляль-эд-дина — сын Султан-Велед и Амир Ариф — охотно посещали монастырь и общались с христианскими монахами.

И неудивительно, что туда проникли и греческие суеверия. Так, жена Джеляль-эд-дина охотно верила в водяных. Известно, говорит Афляки, что у Илгына водится в реке водяной („господин воды"). Турки утверждают, что ежегодно он уносит одно животное или человека, и, задушив, выкидывает потом на поверхность воды. Зная об этом, Кира-хатун советовала Джеляль-эд-дину быть во время купанья (а он часто ездил на воды лечиться) осторожнее. Но Джеляль-эд-дин, подсменваясь над россказнями бабьими, одетый в „фераджэ", с чалмой на голове, кинулся в речку и исчез. Через секунду Кира-хатун увидела у палатки страшилище, обросшее волосами с головы до ног; лицо у него было, как у человека, а ноги походили на медвежьи лапы. Это был водяной дух, молвивший о прощении за содеянные преступления.[6]

Турки-шаманы издавна населяли воду *дýхами*; *дýхи* „йерсуб" („земля-вода"), упоминаемые уже в орхонских надписях VII—VIII вв., жили на горах и у источников. Но это были существа женского пола; еще чагатайский поэт XV в. Атаи упоминает о „водяных девах" (سوقیزی).[7]

Бывший в Турции в XV в. Жедойн записал в мемуарах о „старухе", которая 12 августа ежегодно выходит из озера Карагёз (на острове Хиосе) и уносит юношу.[8] И теперь ходят в Малой Азии (в Шебин-Карахисаре) рассказы о русалках (su kızları), наполовину девах, наполовину рыбах.[9] В собраниях пословиц Ахмеда Вефика-паши встречается выражение: „как морская царица" (deniz malikesi gibi).[10]

Однако женщины-гречанки сумели занести к туркам в гаремы и туземные представления о водяных *дýхах* мужского пола.[11]

---

1 Материал о двоеверии турецкого малоазиатского населения подобран у меня в специальной неопубликованной статье.

2 Т. е. греческое слово „эфенди" (господин) — обращение домашних и, в первую голову, жены к Джеляль-эд-дину, к туркам проникло, по крайней мере, уже в XIII в.

3 *Δέσποινα* значит „госпожа".

4 Афляки, II, 67—68.

5 J. H. Mordtmann. Um das Mausoleum des Molla Hunkiar in Konia. Jahrbuch der Asiatischen Kunst, Bd. II, pp. 197.

6 Афляки, II, 110.

7 Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. Записки коллегии востоковедов, т. II, стр. 265.

8 A. Boppe. Journal et correspondance de Gédoyn Le Turc (1623—1625), Paris, 1909, pp. 149—150.

9 Вл. Гордлевский. Из османской демонологии, М., 1914, стр. 38 (Отдельный оттиск из „Этнографического обозрения", кн. CI—CII).

10 A. Вефик-паша. Atalar sözü. Istanbul, s. a., p. 132.

11 У казанских татар, впрочем, также есть и „су бабасы" и „су ийэси" (см.: К. Насыров. Поверья и приметы казанских татар. Записки Русского географического общества, т. VI, 1880, стр. 244), но эти поверья занесены, вероятно, русскими.

Среди мевлеви, презиравших тюрка, кичившихся перед тюрками близостью к Джеляль-эд-дину, великому мистику, браки на христианках (гречанках) были в Малой Азии обычны, но они были часты и среди высшего общества, поскольку феодалы покидали старые формы быта и хотели жить так, как жили в Византии.

Естественно, что Сельджукиды, до вступления на престол часто находившие убежище или гостившие в Византии, возвращались в Конью, пропитанные греко-христианской культурой. Там из политических соображений, чтобы привязать к себе „варвара", византийские императоры выдавали за них дочерей, сестер. С другой стороны, увлекаясь тем, что они видели около себя во время похода на христианские земли, Сельджукиды женились на христианках, привлекали к себе греков, это иногда были их интимные друзья.

Уже во время крестовых походов увидели дворцы Сельджукидов христианок из Европы. Так, султан Кылыч-Арслан I (начало XII в.) женат был на Изабелле, сестре рыцаря Раймонда.[1] У султана Гияс-эддина Кей-Хюсрева II одна жена была Тамара, „Гюрджи-хатун", дочь грузинской царицы Русудан, от которой он имел сына — будущего султана Ала-эд-дина Кей-Кубада II, еще женат он был на дочери священника; в жены попала и армянка, дочь Кир-Варта, и т. д.

А позже, оторванные от родной почвы, Сельджукиды, случалось, меняли и веру. В Македонии в середине XV в. жила христианская семья, выводившая себя из рода Сельджукидов: это были потомки султана Иззэд-дина Кей-Кавуса II, нашедшего временно (в 1259 г.) убежище у византийского императора Михаила VIII.[2]

Отстроив (в 1221 г.) вокруг Коньи стены, султан Ала-эд-дин Кей-Кубад I, правоверный мусульманин, поставил над стенами беломраморные статуи,[3] очевидно, сохранившиеся в городе, — античная культура была ему как будто понятна; у статуй не отбивались еще лица, как это происходило потом.

Так меняется облик Сельджукидов. И когда христианские („гяурские") склонности Сельджукидов резко прорывались наружу, духовенство ополчалось на них и громило вероотступников.[4]

Рожденные от христианок или женатые на христианках, Сельджукиды наружно исповедывали ислам, но втайне это были христиане, захваченные Западом, Византией, или — другая крайность — исмаилиты, поддавшиеся восточному влиянию свойственника — халифа Насир-ли-дини-Лляхи.

Патриарх Арсений, дружественно расположенный к Сельджукидам, утверждал, что султан Изз-эд-дин Кей-Кавус II — тайный христианин. И когда против патриарха раздавались голоса врагов, это „обращение неверного", как говорит Никифор Григора, „могло бы служить для него крепким оружием, потому, что султан Азатин, сын христианских родителей, был омыт святым крещением. Сделавшись султаном и вождем турок, он соблюдал обряды благочестия втайне и явно исполнял все обычаи христиан, а в Константинополе почитал святые иконы".[5]

Сельджукидов тянет и в Сейидгази, к местам, где антимусульманские культы, византийско-христианские или ясевийско-бекташийские.

---

[1] Verslagen en Mededeelingen d. K. Akademie von Wetenschappen (Amsterdam), 1893, p. 133 (ссылка взята у Fr. Sarre).

[2] См.: Echos d'Orient, 1934 (заметка P. Wittek'a).

[3] Языджи-оглу Али, III, 268.

[4] Но, конечно, происходило и обратное действие; как видно из документов 1437 г., греческое духовенство „во многих пунктах Турции носило одежду неверных (т. е. мусульман-турок) и говорило на их языке", см.: R. M. Dawkins. Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916, p. 1, not. 1.

[5] Никифор Григора, стр. 90.

Естественно, что Сельджукидов отличала религиозная терпимость; во всяком случае, они далеки были от изуверства. Когда султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев II женился на грузинской принцессе (Тамаре), в Конью приехали христианские священники. Правда, потом, когда грузинка приняла ислам, свита ее была посажена в тюрьму. Мусульманам, видимо, это „окружение" было неприятно. Ибн-Биби о браке молчит; известия об этом находятся у христианских историков (Бар-Гебрэя).[1] Впрочем, султан Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев II (сын султана Ала-эд-дина Кей-Кубада I) скорее был нерелигиозен: он спьяна подписывал грамоты и указы. И Ибн-Биби, превознося его отца за богобоязненность, очевидно, вспоминает его сына, атеиста, нарушающего веления ислама.

На склоне, Сельджукиды тяготели к шиизму, однако хитросплетения об алидском происхождении Сельджукидов, конечно, вздорны.[2]

И — логически-законная ирония судьбы — внучатный племянник предпоследнего Сельджукида, Ала-эд-дина Кей Кубада III, Бедр-эд-дин, сын кадия Симава,[3] склонный к дервишизму, может быть, к шиизму, через столетие поднял восстание против Мехмеда I, прокатившееся по Азиатской и Европейской Турции.

И не только султаны, но и высшие чины государства — эмиры расположены были, как пишет доминиканский монах Винцентий из Бовэ (умер в середине XIII в.), к христианам; среди эмиров, очевидно, были и ренегаты (туземные христиане и др.), сохранявшие еще тяготение к прежней религии; про одного эмира этот монах рассказывает, что он говорил по-французски и по-немецки.

В статье „Конья в период упадка Сельджукидов[4]" Хильми Зия Ульген (теперь профессор философии Стамбульского университета) анализирует духовные устремления города. Ему кажется, что огузские обычаи уже исчезли, уступив место иранским влияниям; но у него большие преувеличения, когда речь идет о верхушке, и недооценка, когда речь идет о низах народных.

Рассматривая население с точки зрение идеологии, он устанавливает три течения.

Иранское течение господствовало во дворце среди феодалов, зачарованных давно уже везиром Великих Сельджукидов, Низам-уль-мульком. Поклонник иранской культуры, выходец из Средней Азии, Джеляль-эддин, распространяя радения, занес во дворец и иранскую музыку. В монгольскую эпоху выразителем иранской идеологии был везир Муин-эд-дин Первана, мечтавший о возрождении Ирана и потому охотно принявший сначала власть монголов.

В медресэ были представители арабского, правоверного течения; они косились на суфизм, находивший приют во дворце. Так давно утвердилась рознь между суфиями и ходжами.[5]

Мысль же народа питалась из теккэ — простецких теккэ (Абдул-Кадира Гиляни, Ахмеда Руфаи), т. е. от дервишей; у них находил народ ответ на запросы. Теккэ настроены были враждебно ко дворцу (к иранцам-суфиям) и, отчасти, к медресэ, где засели ученые ходжи, говорившие непонятным языком.

Интересное (поскольку Хильми Зия говорит об исламе — о религиозных течениях, боровшихся внутри ислама) построение его слабо, потому что он замалчивает сложный комплекс религиозных верований малоазият-

---

[1] Халиль Эдхем. Kayseriye şehri, pp. 75—76, not. 3.
[2] Fr. Babinger, op. cit., pp. 73—74.
[3] Fr. Babinger, op. cit., p. 21.
[4] Журн. „Mihrab", 1924, № 17—18.
[5] Вл. Гордлевский. Житие Садр-эд-дина Коневи, стр. 540.

ского населения. И ясно, что не Конья, столица Сельджукидов, была оплотом правоверия; главные медресэ сосредоточены были в Кайсери.

Но наблюдательный глаз путешественника-араба сразу примечал в Малой Азии уклонения от ислама; знали об этом и соседи-мусульмане. И это говорит о том, насколько велико было в Малой Азии воздействие местной, христианской среды на завоевателей-турок.

Словом, мусульманские устои в Малой Азии были слабы, антисуннитская пропаганда, подернутая легким мусульманским налетом, всегда находила живой отклик у населения, у турок-огузов, среди которых давно шныряли баба́, и у туземцев, мусульман или христиан. Уже в эпоху Сельджукидов в Малой Азии свободно бродили все эти дервиши, батыни, исподволь взрывавшие суннитство, а после падения Сельджукидов шииты, за спиной которых скрывались всегда антимусульманские движения, загнанные исламом вглубь, подняли в Малой Азии голову. Монгольское нашествие открыло им дорогу в Малую Азию, и поклонники пророка и „праведных халифов", т. е. сунниты, были этим смущены.[1]

Несмотря на отрывочность, беглый очерк религиозной жизни общества эпохи Сельджукидов показывает, насколько преувеличены суждения о религиозном фанатизме Сельджукидов.

Эти суждения исходят из европейских источников, враждебно настроенных к туркам-мусульманам, занявшим в XV в. Константинополь. Западноевропейские историки крестоносцев хотели оправдать экономическую устремленность Западной Европы в Переднюю Азию.

Сельджукиды, строившие государство в Малой Азии, конечно, подозрительно смотрели на пришельцев из Европы, отнимавших или занимавших земли, на которые притязали они. Шел спор из-за владений Византии между латинянами и Сельджукидами. Но здесь столкнулись не религиозные противоречия, а просто два хищника-претендента, думавшие об экспансии; и пока была война, обе стороны действовали à la guerre comme à la guerre. Те, кому это было выгодно, разжигали воинственный пыл напоминанием о религиозных расхождениях. Но, как только устанавливался мир, рушились и противоположения между христианством и исламом. Христиане-крестьяне толпами убегали к Сельджукидам; им, христианам, очевидно, жилось лучше „под игом" мусульман. Но и мусульмане-крестьяне, как заметил в Сирии испанский путешественник, предпочитали жизнь у христианских князей. Власть мусульманская (в Малой Азии) и христианская (в Сирии) была озабочена благоденствием земель, находившихся у них. Ей важно было, чтобы земля возделывалась и чтобы исправно поступали налоги, а какими способами они взимались, — это было им безразлично.

И решительно должен быть отвергнут взгляд на государство Сельджукидов Малой Азии, как на форпост воинствующего ислама.

---

[1] Афляки, II, 322—323.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЭТАПЫ ПУТИ, ПРОЙДЕННОГО ОГУЗАМИ

На истории Сельджукидов Рума, на их государственном управлении, на быте, на общественной и частной жизни отразились этапы пути, пройденные огузами.

Первый, ранний след на Сельджукидах остался от монголов, когда турки и монголы жили вместе где-то в Монголии. Военная организация огузских племен, вытекающие отсюда предпосылки о каких-то земельных привилегиях, о кочевом феодализме говорят о заимствованиях монгольских. Когда в XIII в. монголы победоносно прошли через Среднюю Азию, добравшись и до Малой Азии, государство Сельджукидов испытало на себе вторично влияние монголов, влияние завоевателей (организация управления; наместничество, обеспечивающее правильное поступление доходов).

Дорогой в Малую Азию огузы подверглись в Хорасане сильному культурному иранскому воздействию. Государство Великих Сельджукидов созидалось под руководством иранцев: везир Великих Сельджукидов прививал степнякам навыки городской жизни. Взяв за образец „Книгу управления" Низам-уль-мулька, Сельджукиды Рума зазели у себя в Малой Азии сасанидские порядки. Их поразило и пленило в Хорасане представление о божественном происхождении власти. Блеск и пышность двора, придворный церемониал, управление, диваны, суд, публичное покаяние султана и т. д. — все охотно было воспринято Сельджукидами у Сасанидов.

Иранской культурой захвачена была не только верхушка феодалов, крестьянство также испытало на себе ее влияние: потоки дервишей, настроенных антисуннитски, склонных к шиизму, приносившему в Малую Азию различные религиозные учения, воздействовали на крестьянские массы, и пропаганда шла тем успешнее, что и туземное население, отуреченное и омусульманенное, всегда протестовало против социально-религиозного гнета, шедшего из Византии.

Однако огузы и в Малой Азии сохранили старые обычаи. Под чарами тюрэ находились и султаны, соблюдавшие дедовские традиции („шёлен", большая охота и т. д.).

В Малой Азии Сельджукиды нашли прочно сложившиеся социальные и политические порядки. Захватив у Византии земли, Сельджукиды взяли у них и государственное устройство, и при изучении внутренней жизни Сельджукидов обнаруживаются следы Византии.

На место угасающей Византии шли из Европы латиняне. Но эта борьба между Сельджукидами и крестоносцами носила не столько религиозный характер, сколько экономический. Обе стороны оспаривали друг у друга византийское земельное наследство.

Но и у противников Сельджукиды переняли элементы быта и институтов. Сельджукиды давно уже научились смотреть на людей без пред-

убеждения, без религиозной предвзятости; может быть, непосредственно, а вероятнее, через вассалов — царей Малой Армении — поддались они западноевропейскому влиянию: малоазиатский феодализм Сельджукидов, по крайней мере, внешняя сторона феодализма (титулатура) отразила это соседство.

Религиозные верования эпохи Сельджукидов говорят о пестрой смеси времен и народов. Старый шаманизм, донесенный до XX в. дервишами (орденом руфаи и др.), низовое повсеместное шиитство, иранские и христианские отголоски и т. д. — все это удерживалось на фоне официальной религии — на фоне суннитского ислама.

Однако социальная база государства была непрочна. Государство думало только о себе, оно заинтересовано было только в том, чтобы феодалы вносили подати и налоги и поставляли воинов; и крестьянство, предоставленное произволу феодалов, разорялось; царили гнет и бесправие. Классовая борьба между крестьянами и феодалами обострялась; крестьянство восставало против феодалов. Авторитет власти падал; расшатался государственный аппарат, и сильный внешний толчок (монгольское нашествие XIII в.) ускорил назревавшее падение Сельджукидов.

Выросшая за XIII век новая социальная сила — религиозно-рыцарское братство ахи — пыталась произвести социальную перестройку. Под руководством ахи ремесленные организации поднялись против феодалов. После монгольского нашествия феодалы высвободились из-под опеки центральной власти и из-под обязательств перед султаном; но, поскольку крестьянство от них отвернулось и поскольку сельское хозяйство было подорвано, под феодалами заколебалась почва, и их место легко заняли покровители ремесленников — ахи.

Но преемники Сельджукидов Рума, наследники их земель и культуры, османские султаны, оправившись от ударов, восстановили в Малой Азии феодальную систему; ахи были разбиты, и старый порядок удержался в Турции до XX в.

Поскольку османцы заимствовали методы и приемы правления эпохи Сельджукидов, ясно, что изучение Сельджукидов Рума представляет большое значение для понимания современной истории Малой Азии,[1] не только основных линий политико-экономического строя феодальной эпохи Османского государства, но и мелочей — деталей придворного быта, управленческого склада и т. д.

---

[1] Конечно, как это и показывают труды Ф. Кёпрюлю (ср. например, его слова в „Bizans müesseselerinin tesiri", p. 181), исследование должно пойти в глубь веков и охватить доисламскую историю турецких народов, историю монголов Малой Азии и т. д.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СЕЛЬДЖУКИДОВ РУМА[1]

470—707 гг. хиджры = 1077—1307 гг. н. э.

Год х.	Год н. э.	
470	1077	Сулейман, сын Кутылмыша[2]
479—485	1086—1092	Междуцарствие
485	1092	Дауд Кылыч-Арслан I, сын Сулеймана[3]
500 (?)	1107 (?)	Меликшах I, сын Кылыч-Арслана I
510	1116	Рукн-эд-дин[4] Месуд I, сын Кылыч-Арслана I
551	1156	Изз-эд-дин Кылыч-Арслан II, сын Месуда[5]
584	1188	Разделение государства на уделы: 1. Рукн-эд-дин Сулейманшах (в Токате). 2. Насир-эд-дин Баркиярукшах (в Никсаре) 3. Мугис-эд-дин Тогрулшах (в Эльбистане, Эрзуруме и Байбурте). 4. Нур-эд-дин Султаншах (в Кайсери) 5. Кутб-эд-дин Меликшах II (в Сивасе и Аксарае) 6. Муизз-эд-дин Кайсаршах (в Малатье) 7. Санджаршах (в Эрегли) 8. Арсланшах (в Нигде) 9. Низам-эд-дин Аргуншах (в Амасье) 10. Мухи-эд-дин Аргуншах[6] (в Анкаре) 11. Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев (в Конье и Бургулу[7]) 12. Исмет-эд-дин Геухер-хатун[8] (в Кайсери)
588	1192	Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I, сын Кылыч-Арслана II
592[9]	1196	Рукн-эд-дин Сулейманшах II, сын Кылыч-Арслана II[10]

[1] В основу положена таблица E. Zambaur (Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'islam. Hanovre, 1927); в круглые скобки заключены даты, взятые из турецкого перевода С. Лэн-Пуля (Halil Etem. Düveli islâmiye. İstanbul, 1927).

[2] Кончил самоубийством после поражения, понесенного от Тутуша, основателя династии сирийских Сельджукидов; по другой версии, убит в бою.

[3] Утонул в реке Хабуре в битве за Мосул.

[4] Или: Изз-эд-дин.

[5] Разделив государство между детьми, он скитался последние годы жизни; наконец, устроился у младшего сына в Конье и умер в 588 г. х.

[6] Еще в 1201—1202 гг. от его имени чеканились монеты, см.: P. Wittek. Zur Geschichte Angoras im Mittelalter, p. 341.

[7] Вероятно, Улубурлу (к северу от Исбарты). — К. Хюар (Epigraphie arabe, p. 55, not. 1) помещал этот пункт между Гередэ и Кастамону.

[8] Имя этой сельджукидской принцессы встречается в надписи.

[9] На монете, чеканенной в Конье.

[10] Умер через пять дней после того как, захватив Анкару, убил брата — Месуда.

Год х.	Год н. э.	
600	1204	Изз-эд-дин Кылыч-Арслан III, сын Сулейман-шаха[1]
601	1205	Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев I (вторично)[2]
607	1210	Изз-эд-дин Кей-Кавус I, сын Кей-Хюсрева I[3]
616	1219	Ала-эд-дин Кей-Кубад I, сын Кей-Хюсрева I[4]
634	1236	Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев II, сын Кей-Кубада I[5]
644—646	1245—1248	Царствование трех братьев, сыновей Кей-Хюсрева II
(647)	(1249)	Изз-эд-дин Кей-Кавус II (единолично)
646—647	1248—1249	Кей-Кавус II с братом Рукн-эд-дином Кылыч-Арсланом IV
647—655	1249—1257	Кей-Кавус II[6] с братьями: Рукн-эд-дином Кылыч-Арсланом IV и Ала-эд-дином Кей-Кубадом II[7]
655—663	1257—1265 (1264)	Рукн-эд-дин Кылыч Арслан IV[8]
663	1264/65	Гияс-эд-дин Кей-Хюсрев III[9]
681 (682)	1282 (1283)	Гияс-эд-дин Месуд II, сын Кей-Кавуса II[10]
683 (?)	1284	Ала-эд-дин Кей-Кубад III, сын Ферамерза
683	1284	Гияс-эд-дин Месуд II (вторично)
692	1293	Ала-эд-дин Кей-Кубад III (вторично)
693	1294	Гияс-эд-дин Месуд II (в третий раз)
700	1300	Ала-эд-дин Кей-Кубад III (в третий раз)[11]
702	1302	Гияс-эд-дин Месуд II (в четвертый раз)[12]
704[13]	1304	Ала-эд-дин Кей-Кубад III (в четвертый раз)
707	1307	Гияс-эд-дин Месуд III (?), сын Кей-Кубада III[14]

В XV в. в Македонии жили потомки султана Изз-эд-дина Кей-Кавуса II.[8]

Как я узнал из диссертации А. С. Тверитиновой, историк Селяники сообщает, что в конце XVI в. (в 1596 г.) среди племени „дауди", жившего в Карамане, объявился человек, который, претендуя на происхождение от султана Ала-эд-дина (Кей-Кубада III?), поднял восстание против Османской династии.

---

[1] Как предполагает П. Виттек, умер, может быть, и не доехав даже до Токата, назначенного ему в „удел": пожалование Токатом — эвфемистическое обозначение для ссылки в Токат, где и позже, в османскую эпоху, была тюрьма для государственных преступников.

[2] Убит в сражении при Хонасе с никейским императором Федором Ласкарисом.

[3] Умер от чахотки в Вираншехире (в вилайете Болу?).

[4] Отравлен сыном.

[5] Скончался скоропостижно (убит вельможами?).

[6] После скитаний умер в Крыму.

[7] Убит на пути к Мункэ.

[8] Когда яд не подействовал, был удушен в Аксарае тетивой стрелы.

[9] Возведенный на престол в возрасте двух с половиной лет везиром Муин-эд-дином Первané, убит в Эрзинджане по приказанию ильхана Ахмета.

[10] В промежутках Конья была в 675 (1277) г. занята египетскими войсками; в 676 (1278) г. объявился Лже-Сиявуш (сын Кей-Кавуса II).

[11] Убит по приказанию хана Газана.

[12] Отравился вследствие чрезмерных требований кредиторов.

[13] Анонимный автор (Т. Хаутсма?) статьи о Кей-Кубаде III (Encyclopédie de l'Islam, II, 686) отрицает выкладки Феридун-бея и Мюнеджжим-баши.

[14] Удушен моголами.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН ИСТОРИЧЕСКИХ[1]

Абака (ильхан) 39, 40
Аббасиды 28, 122, 144
Абдул-Кадир Гиляни 181
Абдул-Касим Ив-оглу Хайдар (архивариус) 15
Абдулла (ренегат) 178
Абдул-Хамид II 15
Абдур-Рахман Шейяд (шейх) 176
Абу-Бекр Джзулаки (шейх) 175
Абу-Ханифа (имам) 168, 169
Абу-Хатим (переписчик) 121
Авшар (сын Огуза) 53
Айба Сейф-эд-дин (эмир) 80, 87, 88, 128
Айн-уд-доулэ (художник) 132
Айни-ана (рабыня султана) 173
„Азатин" (султан) 180
Азиза (правительница Алеппо) 58
Аксараи (хронист) 9, 10
Ала-эд-дин (брат султана Орхана) 151
Алам-эд-дин Кайсар (правитель Аксарая) 58
Алаюндлу (сын Огуза) 53
Алексей I Комнин 23, 24, 27
Алексей I Комнин (в Трапезуите), см. Кир-Алексис
Алексей II Комнин 162
Алексей III Ангел 27
Али Мысри (шейх) 107
Али Эмирн (библиограф) 7
Алихан (в Маку) 158
Алишир (эмир Гермияна) 171
Алишир (эмир) 99
Алкаэвли (сын Огуза) 53
Алп-Арслан 13, 15, 24, 32, 60, 69, 79, 93
Алтунпа Шемс-эд-дин Алычак (атабек) 55, 76, 104
Амир Ариф (челеби) 10, 49, 108, 110, 120, 142, 167, 179
Аморийская (династия) 48
Амфилохий (епископ) 178
Ангелы 30
Андрей Боголюбский 31
Андроник I Гид 31
Андроник I Комнин 30
Армаганшах, Хаджи (атабек) 99
Арсений (патриарх) 180
Арслан, см. Алп-Арслан
Арсланшах (сын Кылыч-Арслана II) 185
Артукиды 26, 32, 82
Астрабади, А. (историк) 11
Атаи (поэт) 179
Ататюрк Камал 95
Афлякн Шемс-эд-дин Ахмед (мемуарист) 10, 11, 179
Ахемениды 159
Ахи Эвран 110, 112
Ахмед, ахи (эмир) 108, 109
Ахмед (ильхан) 186
Ахмед „Ануд" (ахи) 109
Ахмед Биджан, Языджи-оглу (суфий) 9
Ахмед „Мустафа" (ахи) 109
Ахмед Факих Кутб-эд-дин 164, 170
Ахмед Феридун (археограф) 9, 186
Ахмед-шах (глава ахи в Конье) 109
Ахмед Ясеви 173, 175
Ахмеди (поэт) 93

Баба-Ильяс 97, 98
Баба-Исхак 8, 36, 96, 97, 98, 99, 148, 154, 155, 167
Баба-Салтук 33
Баба-Тугран 139, 140
Бабек 174
Баиду (ильхан) 172
Байиндыр (сын Огуза) 50, 53
Байчжу 37, 39
Балдуин (князь Эдессы) 25
Бар-Гебрей 13
Бармекиды 78
Басри 164
Баязид I 146
Баязид Бистами 16
Баят (сын Огуза) 53
Бедр-эд-дин (благотворитель) 169
Бедр-эд-дин (мевлеви) 104
Бедр-эд-дин Симав-оглу 95, 181
Бедр-эд-дин Яваш (шейх-художник) 132
Бейбарс (султан) 38, 39, 40, 128
Бекдели (сын Огуза) 53
Бекташ, Хаджи 93, 175
Беха-эд-дин Кутлуджа (вельможа) 146
Бехрамшах (князь Эрзинджана) 32, 76, 80, 163
Бехрамшах Мубариз-эд-дин (эмир меджлиса) 86, 128, 142, 144
Бешара (ахи) 109
„Беялуи", см. Нилюфер
Биби-Мюнеджжимэ (мать Ибн-Биби) 8
Бидженег (сын Огуза) 53
Бозбек (вождь юрюков) 66
Боэмунд (князь Тарента), 12, 28
Бунсуз (бей уджа) 38
Бурхан-эд-дин Ахмед („кадий" Сивасский) 108, 169
Бюкдюр (сын Огуза) 53

Ван (армянский царевич) 36
Василий, см. Фасиль
Василь (барон) 71
Владимир Мономах 54, 115

Газан (ильхан) 39, 95, 115
Газие-хатун (дочь князя Халаба) 33
Георгий (сын Андрея Боголюбского) 31
Готфрид Бульонский 25
Григорий (патриарх) 12
Гюрджи-хатун (жена Кей-Хюсрева II) 32, 59, 129, 132, 165, 176, 180, 181

Давид Комнин 30
Давид Сасунский 48

[1] При составлении указателя мне оказали помощь аспиранты К. М. Любимов и Х. К. Кямилев.

Давид Сослани (царь Грузии) 55
Дайфа (правительница Халаба?) 58
Данишменды 12, 27—29, 34, 46, 47, 55, 56, 78, 90, 133, 144, 146, 168
Дардан Шарвашидзе (военачальник) 36
Даудшах (князь Эрзинджана) 80, 82, 164
Даудшах Ала-эд-дин (князек) 74
Деспина (дочь Амира Арифа) 179
Деххани, Ходжа (поэт) 163, 164
Джами 107
Джандар-оглуллары 78
Джарук (ахи) 106
Джахыз 148
Джевад (сын Сюлейман-падшаха) 40
Джеляль-эд-дин Мухаммед (хорезмшах) 8, 31, 32, 35, 94, 98
Джеляль Хорасани (эмир) 142
Джеляль-эд-дин „Кассаб" (резник) 101
Джеляль-эд-дин Руми 10, 11, 16, 40, 58, 60, 74—77, 97, 103—105, 109, 115, 126—128, 132, 145, 163—165, 170, 176, 177, 179, 180, 181
Джемаль-эд-дин (купец) 115, „Джимри" 37, 139
Джунейд 16
Дигенис Акрита 48, 49
Доган-паша (брат Инанджбея) 56
Дюкер (сын Огуза) 53

Закария (эмиссар-полиглот) 71, 85
Захир-эд-дин (Данишменд) 29, 146
Зейнал, Хаджи (бей уджа) 38
Зенгани ахи 106
Зенджани, см. Фаррух
Зия-эд-дин Исфагани (везир) 109, 119
Зия-эд-дин Кара-Арслан (военачальник) 55
Зун-Нун (Данишменд) 28, 84

Ибн-Ала (панегирист Данишмендов) 12, 29
Ибн-ал Араби, Мухи-эд-дин 169
Ибн-ал-Асир 12, 13
Ибн-ал-Джаваликн 175
Ибн-Баттута 11
Ибн-Бибн 7, 8
Ибн-Динара (военачальник-курд) 153
Ибн-Калемшах (кадий, ахи) 109
Ибрагим (сын Сюлейман-падшаха) 40, 166
Игдыр (сын Огуза) 53
Изабелла (сестра рыцаря Раймонда) 180
Изз-эд дин (ахи) 142
Изз-эд-дин Атабек (кадий) 170
Ильдегиз 163
Инанджбей 11, 56
Иоанн II Комнин 27
Исаак II Ангел 29
Исмаил Сефевид 46
Исмет-эд-дин Геухер-хатун (дочь Кылыч-Арслана II) 60, 165, 185
Йивак (сын Огуза) 53
Йолук Арслан (сипахи-салор) 56, 152

Каджары 54, 159
Кайи (сын Огуза) 53
Камер-эд-дин, Лала Хоккабаз-оглу (феодал) 46, 78, 88
Камненус (эмир) 88
Караджа-Джандар (феодал) 78, 89
Караман 38
Караман-оглу 46, 98, 154
Кара-Сонкор (эмир) 178
Каратай, Джеляль-эд-дин (эмир) 17, 34, 77, 119, 126, 142, 145, 160, 176, 178
Караэвли (сын Огуза) 53
Каргын (сын Огуза) 53
Кей-Кавус I, Изз-эд-дин 12, 29, 30, 32, 33, 57, 58, 74—76, 80, 82, 84, 86, 94, 95, 107, 118, 139, 146, 159, 169, 174, 186
Кей-Кавус II, Изз-эд-дин 12, 32, 38, 39, 47, 85, 87, 89, 119, 140, 141, 146, 165, 168, 174, 180, 186
Кей-Кубад I, Ала-эд-дин 8, 26, 29—34, 36, 37, 52, 57, 59, 69, 73—75, 77—80, 82—90, 101, 104, 106, 107, 111, 117, 119, 122, 125, 130—132, 136, 143, 144, 150, 154, 158, 163, 168, 169, 173, 176, 180, 181, 186
Кей-Кубад II, Ала-эд-дин 145, 180, 186
Кей-Кубад III, Ала-эд-дин 9, 39, 163, 181, 186
Кей-Кубад IV, Ала-эд-дин 15, 186
Кей-Феридун 84, 88
Кей-Хюсрев I, Гияс-эд-дин 27, 29, 30, 33, 46, 54, 57, 71, 80, 82, 85, 87, 115, 140, 141, 152, 157, 169, 170, 173, 174, 178, 185, 186
Кей-Хюсрев II, Гияс-эд-дин 8, 32—34, 36, 37, 39, 77, 85, 87, 89, 96, 98, 99, 129, 155, 168, 169, 176, 180, 181, 186
Кей-Хюсрев III, Гияс-эд-дин 32, 38, 169, 186
Кемаль, Намык 66
Кемаль-эд-дин Камьяр (эмир) 76, 174
Кемаль-эд-дин Румташ (феодал) 126, 178
Кир-Алексис 30, 31, 79, 80, 82, 96, 152
Кир-Варт (князь армянский) 73, 74, 80, 165, 180
Кир-Фарид, см. Кир-Варт
Кира-хатун (жена Джеляль-эд-дина Руми) 115, 167, 176, 179
Кирага-хатун (жена Султан-Веледа) 179
Кичи-хатун (Гюрджи-хатун?) 132
Кобяк, Са'д-эд-дин (везир) 54, 55, 74, 76, 78, 87—89, 97, 119, 138
Комнины 97, 178
Константин (брат Хетума I) 37
Константин IX Мономах 23
„Котерии" (самозванец) 37
Кубилай 76
Кумач-хатун (жена султана) 165
Кызык (сын Огуза) 53
Кызыл-Ходжа огланлары (туркмены) 98
Кылыч-Арслан I, Дауд 12, 160, 180, 185
Кылыч-Арслан II, Изз-эд-дин 7, 13, 27—30, 32, 57 60, 82, 84, 85, 87, 122, 162, 164—166, 174, 185
Кылыч-Арслан III, Изз-эддин 29, 82, 87, 186
Кылыч-Арслан IV, Рукн-эддин 8, 12, 32, 38—40, 87, 89, 144, 145, 174, 176, 186
Кылыч-Бехадур (военачальник) 154
Кынык (сын Огуза) 53

Ласкарисы 17
Левон II, 8, 32, 75, 79, 80, 81, 93, 150
Лже-Сиявуш 146, 186
Локман-хан 52
Лукнан 97
Людовик IX 39

Маврозом, Мануил 27, 178
Маврозомы 178
Маздак 98
Макарий (патриарх) 130
Мамлюки 38, 92
Мангуджак 32, 144, 163
Мангуджакиды 165
Мануил I Комнин 26, 27, 29, 30, 162, 181
Маргарита (невольница) 92
Марко Кралевич 48

Маслама (полководец) 48
Матфей Эдесский 12
Махмуд II 17
Махмуд Тараби 100
Махмуд Хайрани 170
Махмуд-паша 102
Меджд-эд-дин (зять Перванэ) 87
Меджд-эд-дин Мехмед Терджуман (отец Ибн-Биби) 8
Мелек-хатун (именитая гражданка?) 126
Мелик-Адиль (Эюбид) 30, 31
Мелик-Ашраф (Эюбид) 31, 33
Мелик-Гази Ахмед (Данишменд) 28, 125
Мелик-Гази Мухаммед (Данишменд) 28
Мелик-Камиль (Эюбид) 32, 33
Меликшах (Великий Сельджукид) 23, 58, 69, 124, 172
Меликшах I 54, 124, 137, 185
Меликшах II Кутб-эд-дин 29, 30, 87, 185
Мерваниды 32
Месихи (поэт) 61
Месуд (отец ученых детей) 170
Месуд I Рукн-эд-дин 23, 85, 122, 172, 185
Месуд II Гияс-эд-дин 7, 140, 186
Месуд III Гияс-эд-дин 186
Мехмед I 9, 181
Мехмед II 17, 28, 62, 63, 66, 95, 102, 128, 138, 143
Мехмед IV 12
Мехмед (изобретатель белых колпаков) 108, 145
Мехмед Биджаи Языджиоглу (поэт) 9
Мехмед Сонкорджи (эмир) 56
Михаил (невольник) 92
Михаил Сириец 12, 13, 19
Михаил VIII Палеолог 39, 180
Мохаммед Алишах 160
Мугис эд-дин Тогрулшах (сын Кылыч-Арслана II) 32, 185
Музаффер-эд-дин (ахи) 108
Музаффер-эд-дин Махмуд (Данишменд) 29
Мунзз-эд-дин Кайсаршах (сын Кылыч-Арслана II) 30, 160, 185
Мунгсуз (бей уджа) 38
Мурад I 72
Мурад II 9, 52, 72, 93, 151, 162
Мустансир (халиф) 122
Мустафа III 110
Мухаммед Ал-Уджи (вождь туркменов) 38
Мухаммед-ибн-Караман 38
Мухи-ад-дин Месудшах (сын Кылыч-Арслана II) 185
Мюнеджжим-баши Ахмед-дедэ 12
Мюхеззиб-эд-дин (сахиб) 141

Навуходоносор 55
Насири Хусрау 105, 107, 123
Насир-лидини-Ллахи 107, 113, 174, 180
Насир-эд-дин Баркиярукшах (сын Кылыч-Арслана II) 174, 185
Насир-эд-дин Яхья, см. Ибн-Биби
Наср-эд-дин, Ходжа 93, 170
Неджм-эд-дин („сын Туси") 108
Неджм-эд-дин, Ахмед (ученый) 170
Неджм эд-дин Бехрамшах 126
Неджм-эд-дин Кубра 169, 170
Неджм-эд-дин Рази 169, 170, 172
Низам-уль-мульк 23, 69, 70, 96, 137, 139, 143, 152, 155, 158, 181, 183
Низам-эд-дин Аргуншах (сын Кылыч-Арслана II) 185
Низами 107, 163
Николай (невольник) 92
Нилюфер (жена султана Орхана) 58
Нур Суфи (ренегат) 98
Нур-эд-дин Зенги 28, 29, 166
Нур-эд-дин Султаншах (сын Кылыч-Арслана II) 185
Нур-эд-дин Туграк (наместник Амасьи) 55
Нусрет-эд-дин (бей Мараша) 59

Огуз-хан 9, 52, 53, 56
Огуз, Хасс (ренегат) 163
Огул-бей (эмирахор) 56
Оркоди (эмир) 75
Ортокиды, см. Артукиды
Орхан, Гази Ихтияр-эд-дин 41, 58, 93, 148, 151, 153
Осман Гази 9, 40, 52, 148
Осман Увейс (шейх-ювелир) 104

Павел Самосатский 97
Пасван-оглу 142
Перванэ Сюлейман Муин-эд-дин (везир) 8, 38, 40, 58, 59, 78, 87, 89, 119, 140, 141, 145, 154, 170, 171, 176, 181, 186
Перианэ-заделер 40
Паша-хатун 167
Пиреби 175
Платон 178, 179
Пулад (ахи) 109

Раймонд (рыцарь) 180
Ридван 28
Ричард Львиное сердце 33
Роберт Фландрский 24
Роман IV Диоген 13, 15, 23, 25, 60, 79, 93
Рупен 81
Рупениды 32, 81
Русудан (царица-грузинка) 180

Руфаи Ахмед 98, 175, 181
Садр-эд-дин Коневи 149, 169, 170, 171
Саладин (Салах-эд-дин) 29, 30, 103
Салах-эд-дин Зеркуб (мевлеви-ювелир) 103, 104
Салиха-хатун (именитая гражданка) 126
Салор (сын Огуза) 53
Салтук (князь Эрзурума) 28, 144
Салтукиды 177
Саманиды 140, 142, 149
Санджэр (Великий Сельджукид) 15, 33, 45, 49, 54, 151
Санджаршах (сын Кылыч-Арслана II) 185
Сары-Салтук 152, 175
Сасаниды 134, 135, 137, 141, 152, 155
Сахиб-ата Али-ибн-Хусейн, Фахр-эд-дин 17, 40, 76, 77, 87, 89, 91, 139, 141, 145
Сахиб-ата огуллары 40, 91
Святослав (князь) 83
Сейид-Батта 27, 48, 49, 173,
Сейф-эд-дин, см. Алтунпа
Сейф-эд-дин (эмир) 80, 82, 84, 85, 86, 89, 93, 143
Сейф-эд-дин Абу-Бекр (сюбаши) 89
Сейф-эд-дин Кара-Соикор 55
Сейф-эд-дин Салор 55
Сейф-эд-дин Туруитай (эмир) 77
Селим I 32, 60
Сельджук 63
Сельджук-хатун (дочь султана Мехмеда I) 9
Сефевиды 174
Симон (домииканец) 19
Сирадж-эд-дин (кадий) 170, 177
Сиявуш, см. Лже-Сиявуш
Соломон (библейский царь) 40
Сулейман (сын Кутылмыша) 13, 23, 28, 93, 185
Сулейманшах II Рукн-эд-дин 15, 26, 30, 31, 120, 177, 185
Сулейман Великолепный 72
Сулеймаи-падшах 40
Султан Ахмед (дядя Бабура) 61
Султан-Велед Беха-эд-дин 41, 56, 60, 109, 111, 127, 142, 161, 163, 164, 167, 176—179
Сухраварди Шихаб-эд-дин Абу-Хафс Омар-иби-Мухаммед Абу-Абдулла 174

Сухраварди Шихаб-эд-дин „Мактуль" 174
Тадж-эд-дин (сын Ахмеда Руфаи) 175, 176
Тадж-эд-дин (сын кадия Шерефа) 76
Тадж-эд-дин-Калемшах (кадий-ахи) 109
Тамара (царица Грузии) 13, 15, 30, 31, 55, 177
Тамара, см. Гюрджи-хатун
Тимурленг 43, 51, 93, 122
Тогрул-бек (Великий Сельджукид) 23, 81, 141, 158
Торос (основатель Малой Армении) 71
Тудырга (сын Огуза) 53
Туман-бек (сокольничий) 76, 159
Тутук 154
Тутун (брат Меликшаха) 58, 185
Тутуш, см. Тутун
Тюрк, ахи 109

Улчжейту 172
Уракир (сын Огуза) 53
Урбан II 24
Урсель (предводитель Нормаиской дружины) 154

Фарадж (ахи) 107
Фарраджь Шекик 106
Фаррух Зенджани (ахи) 107
Фасиль (врач) 72
Фатима (мать султана Кей-Кубада I) 173
Фатимиды 26
Фахр-эд-дии, см. Сахиб-ата
Фахр-эд-дин 127
Фахр-эд-дин Арслан Догмуш 55
Фахр-эд-дин Ираки 170
Фахр-эд-дин Севастос 160
Феодор, см. Торос
Феодор I Ласкарь 27, 30, 86, 157, 186
Ферамерз 39, 186
Фридрих I Барбаросса 29, 87, 125

Хаджи (мастер) 131
Хамза, Шейяд (дервиш) 164
Харун-ар-Рашид 22, 78
Хасан (везир) 30
Хасан Джелал (князь Хачеиский) 36
Хасан Хусам-эд-дии (ахи?) 109
Хатыр-оглу Шереф-эд-дин 88, 154
Хетум (реис) 31
Хетум I 8, 36—38, 81
Ходжа Ахмед, см. Ахмед Факих
Хубилай 161
Хулагу 32, 38, 39, 42
Хусам-эд-дин Тимур 555
Хусам-эд-дин (челеби) 109
Хусейн-ибн-Джафар 142

Чаундур (сын Огуза) 53
Чаха (пират) 24
Чепни (сын Огуза) 53
Чингис-хан 54, 69, 94, 115
Чобан (ахи) 176
Чобан-бей Хусам-эд-дин 31, 46, 78, 87, 91
Чобаны 78
Чолхан (татарский посол) 146

Шафии (имам) 168
Шемс-эд-дин Мухаммед Исфагани (сахиб) 87, 141, 154
Шемс-эд-дин Огуз 55
Шемс-эд-дин Тебризский 128
Шереф-эд-дин (кадий) 76, 81
Шихаб-эд-дин Тогрул (атабек) 58

Эвхад-эд-дин Кирмани 170
Эймюр (сын Огуза) 53
Эмин-эд-дин Михаил 176
Эретна 48
Эртогрул (бей кайи) 50
Эртокуш Мубариз-эд-дин (эмир) 33, 55, 88
Эфендипуло (дочь Джеляль-эд-дина Руми) 179
Эфтим (поп) 77
Эюбиды 26, 29, 31, 32, 98, 133

Юнус Эмрэ 108, 170
Юсуф Коневи (улем) 104
Юсуф Халвети (ахи) 175
Юташ (эмир) 142

Ягы-басан, Данишмеид 29, 46, 55, 56
Языджи-оглу Али (хронист) 8, 9
Языр (сын Огуза) 53
Якуб (сын Алипира Гермиянского) 41, 171
Якуб Хасаи, Данишмеид 28
Якут (географ) 48, 78
Япурлу (сын Огуза) 53

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ[1]

абдалы 175
авариз 66
ага 59, 65
аймак 55, 63
акриты 22, 26, 48
аксакал 63
акча 122, 128
акын 47, 74
акынджи 23, 26, 27, 48, 153
алаи 122
алкаэвли 45
алпы 47, 51, 78, 108, 153, 154
амал 73
амляк 144
арвахи-пир 102
арслан 56
аспр, см. акча
ата 57, 173
атабек 57, 58, 142, 168
аталык 142
афшар 45
ахи 53, 100, 105, 106—113, 172, 174, 176, 184
ахи-баба 112
ахмеди 176
ашар 95
ашики 53, 175
аширет 62
ашура 175

баба 46, 47, 97, 98, 168, 172, 182.
бадж 23, 41, 118
байиндыр 45, 50
баргях 159
барон 71, 154
батыни 172, 175, 180
башага 112
башбуг 63
баят 44, 45, 50, 62
бегдили 45, 62
бедель 150
бей 26, 49, 54, 63, 70; ашага ~ 88; орта ~ 88, 89; улу ~ или кадим ~ 87
бейлербей 53, 87, 141, 143, 152
бейлик 73, 144
бек 28
бекташ 175, 180
бекчи 142
бёлюк 50, 63
бёлюкбаши 63, 158
берат 64
бехадыр 51, 59, 78, 79, 152—154
биби 7
бити(к) 55, 143
бозок 45
бой 63, 64
бурунгар(?) 50
бюгдюз 45
бюрк 161

вакфие 15, 16, 17, 31, 126
вакуфы 75, 171
вали 65, 112
везир 39, 40
воевода 64

газават 47
гази 27, 28, 29, 37, 47, 48, 74, 171, 172, 173
гермиян 118, 148
гулям 51, 77, 86, 88 92, 156, 158, 161
гюндюшлю 65

данишменд 27
дар-уль-харб 78, 114
дауди 186
деният маликеси 179
деребей 78
дефтерь 16, 138
дехкан 94
джабуга 59
джавлак 175
джамедар-ханэ 159
джаме-ханэ 159
джандар 78, 149, 158
джанибдар 159
джебе-ханэ 151, 159
джемаат 62
джигит 78, 105, 108, 172
джизья 140
джихад 46, 172
диван 10, 16, 40, 137, 144, 159
диздар 154
динар 96, 122
диргем 122, 128
дудурга 45
думдар 50
дурбаш 158
дюстур 107
дяхбаши 51

зябит 65
завие 124, 132, 170
зеамет 66, 72, 73, 140, 155
зикр 176

игдирь 45
иймир 45
икта 64, 69, 71, 73, 74, 76
илот 64
иль 46, 78
ильхан 39, 83
ини 59
инша 15
истабл 159
ихтияр 63
иш эрлери 63
ишхан ишханат 141
ишык 175
йигитбаши 63

каввал 161
кадий 75, 86, 109 145, 146, 160, 168, 172; ~-илешкер 155
кайи 44, 45, 50, 52
каймакам 68
каймарлы 55
кайсер 160
календер 172, 175
канлы 128
кануни-отаг 161
канун-намэ 62
капу 137
капуджи 161; ~ и касс 161
каравул 50
караман 37
караэвли 45
каргын 45
кейкубади 158
кёмек 66

[1] Из практических соображений все термины даны в русской транскрипции, хотя бы в тексте начертание их было латинским или арабским шрифтом.

кетхуда 63, 64
кир 41
кишлак 65
кол, саг ~ сол, ~ 50, 54, 79, 152
конак 118
коннетабл 71
коньяр 33
кошун 70
кудумие 90
кума 165
кумыс 53
куи 58
купчур 41, 95
курултай 59, 69, 85, 87, 142
кутас 54, 153
кутвал 145
кызык 45
кызылбаш 99, 172
кылан 41
кымран 53
кынык 45, 50—52, 56, 60
кюлах 56

мал 74
маликяны 169
мамлюк 160
мангыр 122
махаллэ 62
мевлеви 10, 11, 16, 76, 105, 109, 111, 164, 176, 177, 178, 180
меддахи 124, 161
меджлис 59, 72, 79, 142
мелик 57, 148
мелик-уль-куттаб 138
мелик-уль-умера 141
мелик-ус-савахиль 141
меншур 15, 16, 73, 75, 86, 139
мир (эмир) 63
мирахор 159
мирдад 146
муджавир 78
музари 94
мукаррер-намэ 139
мукатаа 41, 66, 118, 123
мунши 138; ~ и хасс 159
муставфи 138
муфред 106, 158
мухасиб 138
мухассыс 65
мухтесиб 126, 146
муче 53
мушриф 138, 147, 159
мюлук 71
мюлуки-савахиль 71
мюльк 72, 73
мюриды 40, 56, 90, 91, 97—99, 101, 112, 176
мюселлимы 63
мютевелли 15

наиб 75, 89, 94, 126, 141
накиб 51, 173
невбети 160
невбетчи 106
нойои 41, 83
ноуруз 66, 145
ноурузи 82
нукер 95

оба 63
оглаиы 78, 158, 161
оджак 51, 62, 66
озан 53, 60, 161
орегиль 45
ортакчи 65
отаг 158, 161

павликиане 97, 167
падшах 142
пасбан 142
паша 41
первапэ 29, 138, 140
пердедар 160
пердэ 82, 86, 157
печенег 45
пул 128
пянджабаши 51

райя 90, 94
ракиб-ханэ 159
реис 63, 172
реис-уль-бахр 141
реис-ус-савахиль
руга 125
руфаи 176, 184

садр 161
сак 161
саларлык 95
салгыт 95
салор 45, 52,
салтык 95
санджари 150
сарраф 122, 123
сартабан 120
сахиб 108, 137, 139, 140, 141
себастос 160
сёз сахиблери 63
сейид 75, 78, 99, 107, 172, 177
сельчук 22
сервер 51
серлешкер 153
сехренг 158
силяхдар 159
сипахи 54, 74, 79, 150, 152
сипехсалар 81, 149, 172,
сиякат 143
сиясет 146
скуфья 161, 162
сой 53
сонкор 56
соургенд-намэ 16, 139
сохбет 112
союргал 42, 69, 70
су бабасы 179
су нйэси 179
су пашчысы 74
султан 55
султани 122
суфий 181
сыгыр 154
сюбаши 63, 69, 81, 83, 89 144, 146, 148, 153

тава 45
таифэ 62
такрир-намэ 139
талая 50
тамга 41
тахтаджи 45, 167
ташт-ханэ 159
тебшрие 90
тевки 143
текэ 46
темлик 73
терджуман 8, 138, 143
тимар 65, 66, 72—75, 79, 87, 140, 155
тиул 69
токуз-огуз 43
туг 112
тугра 139, 143
туграи 138
тудун 59
тюмен 50, 148
тюрбэ 109
тюрэ 52, 53, 57, 60, 109 145, 156, 157

удж 22, 26, 34, 37, 38 46, 118
улак 147
улус 42, 60
уруг 53, 69
уругдар 50
уста-хатун 165
учок 45
ушак 77

фераджэ 110, 179
ферраш 161
фетх-намэ 153
фитьяны 106, 112
фукара 94, 99, 170, 171, 175
футувва 47, 107, 108, 112, 113, 174

хавасс, см. хасс
хаваши 161
хаджиб 81, 160
хазнедар 165
хаким 144
халадж 43
халат 64, 68, 82, 83, 86, 159, 164
халиф 28, 82, 83
хан 39, 83, 148
ханака 172
хансалар 159
хараж 73, 93, 122, 128, 138, 145, 171
хариджит 97, 174
хасс 66, 73
хасса 158
хассеки 150, 161
хеджуб, см. хаджиб
хизанеи-хасс 159
ходжа 171, 181
хонд 58
хорезмшах 8
хуруфи 174
хутба 82
хырка 108
хюнерменд 102

чавундур 45
чагдаул 50
чакыр 56
чапар 147
чатыр 80, 157, 158
чаудор 50
чауш 158
чашнигир 45, 141, 159
челеби 142
чепни 99, 167, 174
чери 57
черибаши 63
чоуган 164, 165
чубдар 158
чувангар(?) 50

шад 59
шарабсалар 158, 159
шараб-ханэ 159
шах 142, 160
шах Армена 31
шейх 40, 68, 75, 90, 91, 104, 107, 108, 112, 172, 176
шёлен 52, 58, 74, 79, 88, 159, 183
шиит 97, 174, 175, 181, 182
шикяр-ханэ 159
шилян, см. шёлен.
шихнэ 39, 142

эврезы, см. авариз
эллибаши 51
эмир 7, 28, 39, 54, 81, 105, 108, 109, 138, 142—144, 148, 159, 161
эмирахор (мирахор) 56, 142
эмир-уль-умера 141
эмир-ус-савахиль 141
эрбаб 102
эфенди 142, 179
эшкинджи 66
эялет 72

юсуфи 122

ябгу 59
язык 45
яйлак 65
ям 147
яран 112
ярлык 116
яса 57
ясеви 180
ятак 158

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

абрикосы (их вывоз) 121
акробаты 88, 162
алмазы 120
алоэ 114
амбар 159
амбра 114
арфа 161
арфистки 119
астролог 8, 58, 160
атлас 114

барабан 28, 52, 161
бедняки 94, 95, 170, 171, 175
„бич божий" (эпитет турок) 60, 61
„буртасская" (шуба) 115

вассалы 39, 82
вода 94, 95
водяной (дух) 179
вотчина 75
врач 160
вывернутая (одежда, шапка) 86, 167

гарем 164, 165
горностай 115

деньги 41, 82, 96, 120, 122, 128, 129
дервиш 172, 173
доля (мяса) 53
дракон (изображение) 135, 149
дротик 151, 158
дубинка 158
„дух" (умершего) 167
дэв (дух) 40

единоборство 152

жемчуг 117

заяц (воздержание от его мяса) 99
звездочет, см. астролог
земля 55, 94, 95, 96
зериовой хлеб 117
знамя 52, 99, 112, 149, 153, 155; красное ~ 36, черное ~ 28, 36, 82, 149
золото 117
зурна 161

имя (двойное) 55
инвеституpa 39
инструменты (музыкальные) 119, 161
исмаилиты 113, 172, 174, 180
испитие из чаши 113

казна 138
казначей 138
казнь 146
каллиграф 103
камни (драгоценные) 90, 104, 114, 117, 120, 164
камха 72, 114
караван-сарай 116, 118, 119, 130
катапульта 152
кашмирские (шали) 120
квасцы 118
кинжал 154
клады 120
клиент 91
клинок 115
клятва 85, 86
кобзарь 161
кобуз 161
коврик (армянский) 121
ковры 114; ~ аксарайские, ~ туркменские 121
колпак; ~ белый 108, 145; ~ красный ~ 108
конфискация 75
копья 151
купец 115, 116, 117
куропатка (в народной поэзии) 54, 93
кухня 159

латы 151
лев (эмблема) 56, 119, 133
лен 115, ~ русский 117
лес (строевой) 121
лисица (степная) 115
литавры 161
лошадь 57, 81, 82, 110, 114, 164
лук 159
лютня 161

манеж 150
манихейство 178
менялы 122, 123
местничество 52
меч 56, 80, 82, 151
мечеть 124
меха 115, 117
молот 159
молочные (продукты) 96
монеты, см. деньги
морская (царица) 179
мускус 114
мясо (жертвенное) 52

наказание 146
налог 41, 95
начальник войска 138; ~ каравана 118
невольник 92, 93, 117, 164
нож 109

огонь (живой) 151
одежда 114; ~ белая 86
опоясание мечом 76, 112
орел (изображение) 133, 149
оружие 114
осадные (машины) 152
осыпание (деньгами) 129
отряды дворцовые 150
охота 54, 183

палач 158
парча 104
переписчик 121
перстень 143
писец 104, 138
платок (черный) 82, 167
плащ (доблести) 107
пляска (ритуальная) 174, 176, 177
подарки 89, 96
подмастерье 104
поклоны 79, 110
поло 164
попона 16, 41, 80, 81, 92, 104, 116
пострижение 108, 113
похороны 167
пояс 82, 164
преклонение (колен) 79, 110
прикосновение (лицом к ноге) 80

прикрепление к земле 95
прогонные 155

раб 79, 91, 171
разведчик 151
ренегат 178, 181
ров 152
рубины 120, 129
рудники 92
рукописи 120, 121
русалки (поверия о них) 179
ряды (цехов) 104

саван 80
секретарь 137, 143, 159
серебро 117
сеятель 94
сжиганье 146
скипетр 28
сложение (рук) 79, 82,
соболь 115
сокол 45, 54, 66
сокольничий 76
сокровищница 15, 16
солнце 56
сон (вещий) 84, 111
старшина (купцов) 118
стрелы 51
суд 145
счетчики 138

тавро 44
тамбур 161
текке 68, 76, 152
ткани 114, 120
торговец (материями) 126
тотемы 54
траур 86
трубы 161
тюрбан 114
тюрк 10, 61, 157
тюрьма 85, 147
тяжба 145

удары; ~ по спине 107, 112; ~ палочные 113, 145
уйгуры 120
улица (ведущая к морю) 125

факих 160
феллахи 65
флорины 122
франки 155, 156

целование; ~ земли 60, 80; ~ копыта мула 83, 107, ср. 110; ~ руки 79, 80; ~ стремени 81
цехи 101—105, 111, 126, 150

чалма 81, 83, 167
чаша (символ) 59, 107, 113
чеканка (монет) 82
челобитье 79
чернильница (эмблема) 140

шали 115, 120
шаманство 98, 184
шапка 56, 82, 101, 158, 164
шаровары 107, 108, 113
шелк 114
шелковые материи 109
шерсть 114

щит 151, 159

ювелиры 126
юрюки („старые") 62

СПИСОК ТАБЛИЦ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ[1]

Табл. I. Резная дверь из Коньи XIII в. Музей в Берлине.
Табл. II. Крылатый гений. Рельеф из камня с башни городской стены Коньи. XIII в. Музей Коньи.
Табл. III. Портал мечети Индже-минарели 1251 г. Конья. Архитектор Калус, сын Абдаллаха.
Табл. IV. Дворцовая башня („кёшк") султана Ала-эд-дина Кей Кубада I (1219—1236 г.). Конья.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ В. А. КРАЧКОВСКОЙ
по мотивам памятников Малой Азии XIII в.

1. Мечеть султана Ала-эд-дина Кей Кубада I. 1220 г. Конья. Архитектор Мухаммед, сын Хаулана из Дамаска: заставки стр. 22, 137; концовка стр. 136.
2. Ковер мечети Ала-эд-дина Кей Кубада I. XIII в. Конья: заставка и концовка стр. 68 и 83.
3. Северный портал мечети Дивриги 1229 г.: заставка и концовка стр. 42—43.
4. Султанхан около Коньи 1229 г.: обрамление титульного листа, заставки стр. 114 и 185.
5. Мечеть Хаким бея. Конья, 1-я пол. XIII в.: концовки стр. 21 и 90.
6. Сырчалы-медресэ 1242 г. Конья. Архитектор Мухаммед, сын Мухаммада сына Османа из Туса: заставки стр. 7, 183; концовки стр. 147, 156, 182, 196.
7. Каратай-медресэ 1251 г. Конья: сплетенные буквы лам-алиф на титульном листе; заставки стр. 5, 35, 62, 148, 166; концовки стр. 34, 129, 165.
8. Мечеть Индже-минарели 1251 г. Конья: рамка страницы посвящения, концовка стр. 6.
9. Тюрбэ Сахиб-ата Фахр-эд-дина Али 1269/70 г.: рисунки на переплете, заставки стр. 84, 91, 124, 157; концовки стр. 61, 67, 123, 184.
10. Сельджукидский ковер из Коньи XIII в. Музей Эвкаф в Стамбуле: заставки стр. 101, 106, 130; концовки стр. 100, 105, 113.
11. Резная дверь из Ангоры XIII в. Чинли Киоск в Стамбуле: заставка стр. 197.
12. Дворцовая башня („кёшк") султана Ала-эд-дина Кей Кубада I (1219—1236 г.). Коньи: шмуц-титул.

---

[1] Источником таблиц и рисунков послужили фотографии из собрания В. А. Гордлевского и репродукции памятников в книгах: F. Sarre. Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1910; E. Kühnel. Die islamische Kunst. Sonderdruck aus Anton Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, Band VI, Leipzig, 1929; H. Glück und E. Diez. Die Kunst des Islam (Propyläen — Kunstgeschichte, 5). Berlin, 1925.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Введение. Источники и пособия по истории Сельджукидов Малой Азии 7

Ибн-Биби и Языджи-оглу Али. — Аксарай. — Афляки. — Ибн-Баштута. — Христианские историки. — Эпиграфика. — Археологический материал. — Материальная культура. — Топонимика. — Труды М. Фуада Кёпрюлю. — Мюкримин Халиль. — Изучение Сельджукидов в СССР

Глава I 22

Турки в Малой Азии. — Экспансия Сельджукидов. — Византия. — Крестоносцы. — Данишменды. — Грузия. — Движение к морю. — Апогей могущества

Глава II 35

Монголы. — Битва у Кёсэ-дага. — Распад государства после нашествия монголов. — Волнения среди туркмен. — Караман. — Поход Бейбарса. — Падение власти султана. — Возвышение везира. — Образование самостоятельных княжеств. — Монгольское влияние. — Система иалогов

Глава III 43

Огузы. — Пережитки родового строя в Малой Азии. — Значение топонимики для истории расселения огузов в Малой Азии. — Приграничные беи, „гази" и „алпы". — Военная организация огузских племен. — Шёлен и местничество на пиру. — Охота. — Ислам у огузов. — Родовые имена и прозвища. — Обычаи огузов: свадьба, суд, кровная месть. — Положение женщины. — Курултай и выборы султана

Глава IV 62

Организация кочевых племен Малой Азии в XVI—XVIII вв. как иллюстрация к положению огузов в эпоху Сельджукидов

Глава V 68

Феодализм в Малой Азии. — Современная картина феодальных пережитков в восточных вилайетах как материал для понимания эпохи Сельджукидов. — Разложение родового строя у Сельджукидов. — Система военных ленов. — Ее моигольские корни. — Земельные порядки в Малой Азии до Сельджукидов. — Лены, их виды. — Богатства феодалов. — „Гулямы". — Зарождение типа „деребея". — Военные обязательства феодалов. — „Си-

Стр.

паши". — Вассал и сюзерен. — Выражение покорности. — Восточные и западные элементы вассальства. — Султан и халиф

Глава VI 84
Власть султана. — Султан — приказчик феодалов. — Расслоение между феодалами. — Новые люди („средние бен") как опора султана. — Тенденция султана к абсолютизму. — Поборы султана. — Эксплоататорская система хозяйства

Глава VII 91
„Клиенты" феодалов. — Рабы, их роль в быту. — Крестьяне-собственники („дехкане") и батраки („сеятели"). — Баба́-Исхак. — Крестьянское восстание, возглавленное Баба́-Исхаком

Глава VIII 101
Ремесленники, их состав и объединения. — Экономическое и юридическое положение ремесленников. — Ремесленники в поисках защитников

Глава IX 106
Появление ахи в Малой Азии. — Обряд посвящения в братство ахи. — Возвышение ахи. — Разрыв между мевлеви и ахи. — Сближение между ремесленниками и ахи. — Борьба между феодалами и ахи. — Отзвуки ахи в османскую эпоху

Глава X 114
Торговля. — Исторический тип купца. — Итальянские купцы. — Пути торговли. — Караван-сараи. — Предметы торговли; ввоз и вывоз. — Монета

Глава XI 124
Город. — Его устройство. — Население. — Столица Сельджукидов. — Жизнь в Конье

Глава XII 130
Памятники искусства эпохи Сельджукидов. — Происхождение сельджукского искусства. — Иностранные мастера. — Самобытные черты сельджукского искусства. — Туземное воздействие

Глава XIII 137
Управление. — Центральные органы (диваны). — Провинция. — Местная власть. — Суд и контроль. — Изменения, происшедшие в монгольскую эпоху

Глава XIV 148
Войско, его состав. — Племенные отряды. — Отряды феодалов. — Характер войны. — Военные отряды внутри страны. — Наемные отряды

Глава XV 157
Двор Сельджукидов. — Византия. — Иранское влияние на придворный церемониал и придворные чины. — Отзвуки огузских обычаев. — Гарем

Глава XVI 166
Религиозные верования в эпоху Сельджукидов. — Домусульманские и христианские отзвуки. — Ислам как официальная религия. — Дервишизм в Малой Азии. — Мевлеви и греческое окружение Джеляль-эд-дина Руми.

Заключение

Этапы пути, пройденного огузами 183

198

Стр.

Приложения

Хронологическая таблица Сельджукидов Рума 185
Указатель личных имен исторических 187
Указатель терминов 191
Предметный указатель 194
Список таблиц на отдельных листах и перечень рисунков В. А. Крачковской по мотивам памятников Малой Азии XIII века 196

Редактор издательства А. М. Барабанов. Подписано к печати 14 мая 1941 г. РИСО № 1237 — 162. М 54259.
Объем 12½ печ. л. + 4 вклейки, 16,41 уч.-авт. л. 59 136 зн. в 1 печ. л. Тираж 3000 экз. Цена книги 8 руб. 20 коп.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ 1144.